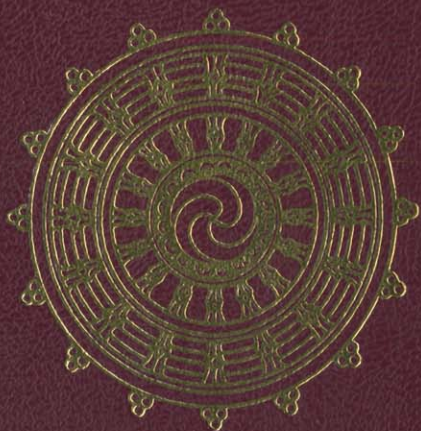

КЛАССИКА БУДДИЗМА

ДЖАТАКИ

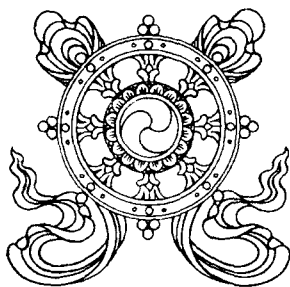

Избранные рассказы
о прошлых жизнях Будды

ДЖАТАКИ

*избранные рассказы
о прошлых жизнях Будды*

Санкт-Петербург
«Возрождение» — «Уддияна»
2003

ББК 86.35

Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды. — СПб.: МЭОО "Возрождение" — "Культурный центр «Уддияна»", 2003. — 416 с. ISBN 5-94121-014-X

Джатаки — ярчайшее произведение древнеиндийской литературы, дошедшее до наших времен в составе палийского буддийского канона "Типитака". Джатаки включают в себя многообразные сюжеты сказочного, нравственно-поучительного и духовного характера, объединяемые воедино как общей линией авторского повествования, так и личностью рассказчика, в роли которого выступает сам основатель буддизма — Будда Шакьямуни. Уникальный памятник древнеиндийской культуры, книга представляет интерес для широкого круга читателей.

Перевод с пали: А. Парибок, В. Эрман

ISBN 5-94121-014-X © А. Парибок, В. Эрман, перевод, предисловие, 2002
© Культурный центр «Уддияна», оформление, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Литературные богатства Индии долгое время оставались почти неизвестными западному миру и открылись ему относительно недавно. Только около двух веков назад, начиная с эпохи романтизма, — тогда же, когда гений Гёте породил идею всемирной литературы, — в Европе пробуждается живой интерес к художественному слову стран Востока; появляются первые переводы текстов, предпринимаются попытки систематического их изучения. Впрочем, нельзя сказать, что прежде индийская литература была совершенно чужда европейской культуре. Первоначальное знакомство с нею относится ко временам куда более ранним. И первыми литературными памятниками, пришедшими из Индии и обогатившими духовную жизнь народов Средиземноморья, а позднее и Северной Европы, были произведения санскритской повествовательной литературы — получившие широкую известность сборники сказок, притч и басен.

Они пришли на Запад через посредство арабских версий, оказав благотворное воздействие и на литературы Ближнего Востока; влияние индийской повествовательной литературы, достигшей высокого совершенства художественной формы в эпоху расцвета классической индийской культуры в середине первого тысячелетия нашей эры, вскоре распространилось и на другие страны Азии. Из всех произведений индийской классики наиболее широкую популярность за пределами страны получила знаменитая «Панчатантра», на протяжении нескольких веков переложенная на десятки языков Востока и Запада. Помимо заимствования сюжетов, влияние индийской словесности сказалось в заимствовании выработанной в ней рамочной композиции многими литературами средневековья и нового времени — от арабской книги сказок «Тысячи и одной ночи» до европейских «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера и «Декамерона» Дж. Боккаччо.

В свое время, когда историко-литературные исследования впервые выявили исключительную роль древнеиндийской повествовательной традиции в развитии мирового литературного процесса, в европейской

науке сложилось представление об Индии как о «родине сказок». Углубляясь в историю самой индийской литературы, филологи обнаружили источники многих популярных сюжетов «Панчатантры» и других санскритских сказочных сборников в текстах, восходящих к более ранней эпохе. И самым содержательным среди них оказался крупнейший памятник повествовательной литературы на языке пали — *Джатаки*, книга, включенная в состав буддийского канона *Типитака* в той его версии, которая принадлежит тхераваде, одной из буддийских традиций, распространенной в настоящее время в странах Индокитая и на Шри Ланке. Выявление ранних версий сюжетов «Панчатантры» в буддийской литературе дало основание известному немецкому ученому Т. Бенфею, одному из основоположников сравнительной фольклористики, выдвинуть в середине девятнадцатого века несколько поспешный тезис о буддийском происхождении и самой «Панчатантры», и сказочной литературы Индии.

Преувеличенность этой точки зрения обнаружилась давно; как показали дальнейшие исследования, общности некоторых сюжетов буддийской повествовательной литературы и «Панчатантры» явно недостаточно, чтобы обосновывать именно буддийское их происхождение. Да и то обстоятельство, что книга *Джатак* сложилась как часть тхеравадинского канонического свода, никак само по себе не свидетельствует, что становление сказочно-повествовательных жанров было обусловлено содержанием буддийского учения; большинство сюжетов этого памятника, как и в случае *Панчатантры*, порождено не оформленной в какую-либо систему стихией народного творчества. Но связь палийской книги *Джатаки* с ранним буддизмом все же нельзя считать совершенно случайной.

Буддийская традиция зародилась в Индии около 5 в. до н. э. и уже спустя два-три столетия оказала огромное влияние на духовную и социальную жизнь индийской цивилизации как мировоззрение новой эпохи, вовремя пришедшее на смену ветхому, исчерпавшему себя брахманизму, цеплявшемуся за архаику давно минувшей стадии исторического развития. Для Южной Азии буддизм сыграл роль, сопоставимую с ролью христианства в Средиземноморье, — именно в нем была осознана и во всеуслышание провозглашена идея духовного равенства людей, не зависящего от сословных, имущественных и прочих различий; в нем идея личной ответственности за все свершаемые человеком поступки стала оптимистическим ориентиром и начальным руководством для культивирования в себе высших добродетелей. В центре интереса буддийской традиции всегда находилось психическое развитие индивидуума, что было парадоксально выражено уже в первой лекции-проповеди его основателя. Так называемую (и, надо сказать, называемую весьма огрублённо) «первую благородную истину о страдании» следует на деле толко-

вать вовсе не как унылую мысль, что всё де или почти всё в мире на самом деле плохо (пусть и понимали так Будду в Европе весьма многие, начиная с Шопенгауэра), но как призыв никогда не останавливаться на достигнутом и стремиться к беспредельному и невообразимому. В Европе с нею перекликаются слова гётевского Фауста: «Когда воскликну я: / Мгновенье, прекрасно ты, продлись, постой, / — тогда готовь мне цепь плененья, / Земля, разверзись подо мной». Социальность как таковая и вообще внешний мир занимали буддистов несравненно меньше внутреннего мира человека и никогда не становились предметом самостоятельного интереса, однако убежденность ранней буддийской традиции в духовном равенстве людей, принадлежащих к любым сословиям, в какой-то мере совпала с чаяниями средних, отчасти даже низших слоев общества, не удовлетворенных идеологическим засильем брахманства. Правда, ведущая роль в этом обновлении социума принадлежала второму сословию — воинской аристократии (кшатриям); буддийские духовные ценности и картина мира оказались созвучны мирским требованиям эпохи создания сильного централизованного государства, которое впервые объединило Индию в 4–3 вв. до н. э.

Влияние менталитета средних сословий, составивших опору буддийского движения, способствовало развитию демократических тенденций в литературе и прежде всего — в ее повествовательных жанрах, связанных с фольклором.

К этому времени параллельно с литературой на иератическом санскрите, языке субстанциально-безличной брахманистской религии, начинают развиваться литературы на среднеиндийских языках — пракритах, идейно связанные с обновленческими духовными движениями, апеллировавшими к отдельной личности, а потому охотно прибегавшими к формам живой народной речи. Самая значительная из пракритских литератур — литература на языке пали, основные памятники которой входят в состав буддийского Канона тхеравадинов; согласно их традиции, текст канона воспроизводит подлинное слово Будды; в действительности же он окончательно оформился значительно позднее времени жизни Основателя традиции, да и пали, как нормированный литературный язык, вобравший в себя черты нескольких ранних пракритов, уже успел заметнотдалиться от текучего языка первичной буддийской проповеди.

Но версия Канона на языке пали если и не самая древняя, то единственная, сохранившаяся полностью (версии на других языках дошли только в фрагментах или китайских переводах). Письменно она была зафиксирована впервые в первом веке до н.э. за пределами Индии, на Шри Ланке, принесенная туда буддийскими миссионерами. В палийский Канон *Типитака* (букв. «Три корзины») входят три грандиозных

свода произведений разнообразнейшего характера. Созданы они в разное время и, хотя лейтмотивом их бесспорно является личная духовная практика (буддийская йога), содержание *Типитаки* никак не сводимо к центральной теме и по многообразию явно превосходит даже *Библию*. Из этих трех сводов (в каждом из которых — свои подразделы) в историко-литературном отношении наиболее интересен второй — *Сутта-питака* («Корзина поучений»), а из составляющих его крупных разделов — пятый, заключительный, *Кхуддака-никая* («Собрание всякого помалу»). Именно в этот раздел входят многие выдающиеся художественные тексты на языке пали, такие как популярнейшая в буддийских странах *Дхаммапада*, другие известные книги духовной лирики (*Сутта-нипата*, *Тхеригатха*, *Тхерагатха*) — и книга *Джатак*.

Джатаки, что в литературоведении переводится как «Повести о прошлых рождениях», — название не только десятого раздела в *Кхуддака-никае*, но также и особого рода повествовательной литературы в буддийской традиции. *Джатаки* встречаются и в других частях *Типитаки*, и за пределами палийской литературы. Но десятая книга *Кхуддака-никаи* — самое объемистое из собраний *Джатак* и по-видимому, самое раннее по происхождению из дошедших до нас.

Как известно, буддийская традиция принимает идею перерождений — это общая черта индийских духовных учений. В буддийской трактовке этого факта индивидуальное сознание, представляющее собою непрерывно и закономерно изменчивый процесс (а не субстанциальную сущность, как в позднем брахманизме и индуизме), продолжает существовать после смерти тела, творя себе иной облик, тело и обретая новый жизненный мир — быть может, на более высокой или низкой ступени социальной лестницы, а то и за пределами мира людей — зверем, адским мучеником или небожителем — в зависимости от итога своих добрых и дурных поступков. Последнее именуется кармой. Естественно, что и Основатель буддийской традиции Будда Шакьямуни, рожденный под именем Сиддхартха Гаутама царевичем в племени шакьев и ставший Пробужденным — Буддой, тоже прошел через бесчисленные рождения, прежде чем родился в последний раз царевичем, достиг духовного Пробуждения и избавился от власти закона кармы. До момента пробуждения, и в этой жизни, и во всех предшествующих рождениях, к пробуждению еще не приведших, в образе человека, животного, или небожителя, будущий Будда был *бодхисаттвой* (на пали звучит *бодхисатта*) — так именуется в буддизме индивидуум, искренне устремленный к пробуждению (*бодхи*). *Джатаки* и представляют собой истории из жизни бодхисаттв. Этот своеобразный род буддийской литературы при отсутствии жанрового единства определяется соотношением героя или какого-

либо персонажа повествования с бодхисаттвой в одном из прошлых рождений.

Палийская книга *Джатак* и является обширным сводом таких повествований. Основная часть составляющих его сюжетов создана во всяком случае не позже 3–2 вв. до н. э. (свидетельства тому — относящиеся к этой эпохе памятники изобразительного искусства, барельефы буддийских культовых сооружений — своеобразные иллюстрации к палийским *джатакам*). Но текст *джатак* этого собрания не сохранился в своем первоначальном виде.

Характерной чертой ведущих жанров древнеиндийской повествовательной литературы классического периода является чередование прозы и стихов. Так же построена и палийская книга *джатак*. В дошедшей до наших дней редакции в своей оригинальной форме сохранились только стихи (*гатха*); в согласии с этим, буддийская традиция включает в собственн канон только стихотворный текст *джатак*. Прозаическая часть, как считается, была зафиксирована на Шри Ланке лишь в 5 в. н. э. и представляет собой обратный перевод на пали сингальского перевода с оригинала, к тому времени утраченного. Отсюда естественно предположить наличие поздних наслоений, но они, по-видимому, не настолько значительны, чтобы скрыть от нас оригинальное содержание памятника, да и вряд ли могли его ухудшить. Эта прозаическая часть текста буддийской экзегетикой рассматривается формально как комментарий и в канон не включается (некоторые исследователи сомневаются, что ее оригинальная версия вообще существовала в фиксированной форме).

Текст каждой *джатаки* в этом собрании буддийские филологи делили на пять структурных блоков: «нынешний сюжет» (вводная история, из которой читатель узнаёт, при каких обстоятельствах и по какому поводу поведал Будда своим ученикам нижеследующий рассказ об одной из своих прошлых жизней); «прошлый сюжет» (основная часть *джатаки*, рассказ,лагаемый в уста самому Будде); «гатха» (стихотворная часть *джатаки*, выделяемая как самостоятельная, хотя она обычно перемежается с прозой); грамматический комментарий к *гатхам*, выходящий за пределы художественного текста; заключительная «связывающая» часть (в ней рассказчик Будда отождествляет себя, а также каких-либо своих современников с персонажами «прошлого сюжета»).

Каждая *джатака* начинается с предвосхищающей цитаты первого из стихов, произнесенных Буддой-рассказчиком в «сюжете о прошлом». В этом композиция палийских *джатак* (если счесть, что она действительно восходит ко времени создания оригинальной версии книги) предвосхищает отчасти форму знаменитых санскритских сказочных сборников, упоминавшихся выше, того жанра, получившего развитие в эпоху расцвета

классической культуры, который в современном литературоведении определяется термином «обрамленная повесть».

В создании палийского сборника джатак отразилось стремление раннего буддизма использовать для пропаганды своего учения неисчерпаемые богатства индийского народного творчества. В каноне мы находим свидетельства неодобрительного отношения буддийского монашества к художественному творчеству — запреты монахам рассказывать байки «о царях, разбойниках, мужчинах и женщинах, советниках, войнах, битвах, богах, духах, морских приключениях» и т. п.; и некоторые не слишком проницательные буддисты понимали такое осуждение вполне буквально. Но сами эти запреты говорят о популярности такой устной повествовательной литературы даже в монашеской среде; и в том же Каноне, и в других буддийских сочинениях встречаются упоминания о том, что сам Будда использовал в своих проповедях притчи, поучительные рассказы и т. п. Книгу *джатак* традиция рассматривает как такого рода проповедь. Следует признать, однако, что в этом уместно усмотреть проблему: ведь *содержание* «сюжетов о прошлом» с литературоведческой точки зрения не слишком соответствует этому традиционному взгляду.

* * *

Во вступлении к каждой джатаке Будда обращается к монахам по поводу того или иного случая, происшедшего на их глазах в жизни общины или ставшего в ней известным, и приступает к подходящему к этому случаю рассказу, который начинается большей частью стереотипно: «Некогда в Варанаси правил царь Брахмадатта. Бодхисаттва тогда родился...» и далее, в зависимости от содержания джатаки, сообщается, в каком роду или у какой матери появился на свет герой рассказа — в образе человека или животного. Отождествление с бодхисаттвой повторяется по завершении сюжета о прошлом в заключительной части джатаки. Но *обрамленная* этой традиционной композицией повесть по своему содержанию вполне могла бы быть совершенно самостоятельным произведением и не иметь ничего общего с буддийским учением. Нередко таким путем превращается в джатаку народная сказка или популярная легенда, кроме упомянутого отождествления никак с буддизмом не связанная.

В палийской книге образ Будды-рассказчика объединяет более пяти-сот джатак, повествований самых различных жанров и содержания, расположенных по чисто формальному признаку — числу стихотворных строф в каждом произведении. В первых частях вследствие этого содержатся главным образом прозаические джатаки меньшего объема, включающие одну, две и немногим более строф; здесь мы находим в основном короткие притчи, басни и сказки. Эти жанры вообще наиболее характер-

ны для джатак. Именно в первые книги собрания входят большинство особенно интересных в историко-литературном отношении произведений, сюжеты которых неоднократно всплывают впоследствии в индийской литературе, и здесь же обнаруживаются многие так называемые «бродячие сюжеты» мировой литературы, встречающиеся в различные эпохи далеко за пределами Индии.

В первых книгах «Джатак» преобладают басни и сказки о животных, те жанры, которые особенно богато представлены и в санскритских «обрамленных повестях» последующей эпохи. Рассказ о дружбе льва и быка и о хитром шакале, их поссорившем (джатака 349), — самая ранняя, по-видимому, версия сюжета обрамляющей повести первой книги «Панчатантры», с которой он впоследствии распространился по свету; он же лежит в основе не менее знаменитой арабской книги «Калила и Димна» (второй шакал появляется в санскритской версии, и в ней оба шакала, как и другие животные, получают имена). Сюжет рассказа об обезьяне, перехитрившей крокодила, дважды представленный в *Джатаках* (57, 208), используется в обрамляющей повести четвертой книги «Панчатантры»; известен он и за пределами Индии, в японском фольклоре. В «Панчатантру» переходит из «Джатак» и лицемерный кот, прикидывающийся благочестивым отшельником, чтобы пожирать доверчивых мышей; еще более близкая палийской версия обнаруживается в «Махабхарате». Тема обманутого доверия повторяется в рассказе о коварном ибисе, пожирающем рыб, которых он взялся переносить из одного пруда в другой; и этот сюжет мы встречаем потом в «Панчатантре», а много веков спустя — уже в европейской литературе, у Лафонтена; известен он также в цыганском фольклоре.

У Лафонтена мы находим и сюжет джатаки 294, в которой шакал хвалит ворону за прекрасный голос, чтобы заполучить лакомый кусок из ее клюва; европейский автор заменяет только шакала на лису, и в таком виде сюжет переходит в русскую литературу — мы узнаем его в известной с детства басне Крылова. Другую басню Крылова напомним «Джатака о леопарде» (426), пожравшем козу, тщетно пытавшуюся умилистить его своим смирением. Вопрос о путях заимствования, впрочем, решается не всегда просто, и в свое время среди исследователей возникла оживленная дискуссия относительно происхождения знаменитой эзоповской притчи об осле в львиной шкуре, версию которой встречаем в *Джатаках*, а также в «Панчатантре» (где шкура меняется на тигровую); родиной сюжета одни считали Грецию, другие — Индию.

Во всяком случае, в упомянутых *джатаках* нет ничего буддийского, помимо традиционного обрамления, и отождествление, например, находчивой обезьяны с Буддой в одном из его прошлых рождений, а глупого

крокодила — с Девадаттой, раскольником и личным врагом Будды, в заключении к известной джатаке явно искусственно. В основе такого сюжета лежит восходящий, несомненно, к фольклору мотив победы слабого над сильным, бедняка над властью имущим, одержанной благодаря уму и находчивости, — этот мотив весьма распространен в «Джатаках».

Проповедь самоотверженности — признанной буддизмом добродетели — можно усмотреть в джатаке о вожаке обезьяньего стада, спасшем своих соплеменников ценою собственной жизни; но, хотя герой и выступает здесь как бодхисаттва, подвиг его, несомненно, достоин возвеличения и помимо особой связи с буддийской этикой, которая в этом отношении не предложила бы ничего выходящего за рамки общечеловеческих ценностей. Встречаются, однако, и притчи специфически буддийского содержания — например «Джатака о зайце» (316), где та же тема беззаветного самоотречения выражена в крайней форме: заяц-бодхисаттва бросается в огонь, чтобы накормить собою голодного путника (версия этой притчи содержится в санскритском сборнике 4 в. — «Гирлянде джатак» Арья-шурь). Ассоциируется с монашеским образом жизни джатака о петухе и кошке (383), предостерегающая от соблазна; иллюстрацию к ней находим на барельефе буддийской «ступы» в Бхархуте. Впрочем, мотив обличения женской порочности, вообще характерный для восточных литератур, тоже не принадлежит исключительно буддизму.

В *Джатаках* этот мотив широко представлен, на нем строится, в частности, сюжет джатаки 198 — о попугае, которого хозяин оставил дома в свое отсутствие стеречь целомудрие супруги-хозяйки. Позднее он лег в основу известного санскритского сказочного сборника «Семьдесят рассказов попугая», в средние века перешедшего в персидскую литературу под названием «Тути-намэ» и завоевавшего там необычайную популярность, как завоевал он ее и в версиях на новоиндийских языках в самой Индии. Тот же мотив представлен во многих *джатаках*, уже выходящих за пределы сказочно-басенного жанра; собрание таких рассказов представляет собой большая «Повесть о Кунале» (536) в последней книге.

Тема, извечно присущая народному творчеству вне связи с буддизмом или какой-либо иной религиозной системой, лежит в основе аллегорической притчи о споре Правды с Кривдой, которая помещена в начале нашего сборника. Эта же тема — уже не в столь отвлеченном воплощении — присутствует во многих повестях различных жанров, входящих в *джатаки*.

В баснях и сказках о животных, а также в сказках, где наряду с животными действуют люди, заключено определенное социальное содержание, для них характерны элементы сатиры, обличения царящих в обществе пороков и несправедливости, обличения, не всегда неразрывно свя-

занного с духовным воспитанием. С сатирическим началом связан, в частности, в *джатаках* известный фольклорный мотив о благодарных животных и неблагодарном человеке, варьирующийся неоднократно; сопоставление людей с животными в сказках палийской книги говорит обычно не в пользу людей.

Богатый культурно-исторический материал мы находим в повестях этой книги, где животные персонажи отсутствуют и где жизнь древнеиндийского общества изображается без иносказаний. Представители самых различных социальных слоев и профессий фигурируют или упоминаются в *джатаках*, близких по жанру новелле; в рассказах о разбойниках (они составляют один из циклов в книге, причем дважды в роли разбойника выступает сам бодхисаттва!), бродягах, игроках, гетерах проступают живые черты эпохи — более явственно, чем в ранних памятниках санскритской литературы. Сюжет *джатаки* 48 — о разбойниках, убивающих друг друга ради овладения сокровищем, — получает распространение в мировой литературе (мы находим его уже у Чосера, в рассказе торговца индульгенциями).

В обличении социальных пороков *Джатаки* нередко обращают оружие сатиры против представителей высших сословий, царей и брахманов. Уже в сказках о животных жестокость и коварство царей и их приближенных, лицемерие и корыстолюбие святош изображаются достаточно живо и остро и за животными масками легко угадываются реальные социальные типы. Без масок они выступают в упомянутых *джатаках-новеллах*. Сатирическое начало проявляется и в коротких притчах-рассказах о дураках, представляющих жанр, распространенный в фольклоре многих народов (ср. греческие рассказы об абдеритах, немецкие шванки).

Рассказам о дураках противостоят повести и притчи о мудрости и ловкости, о мудрых ответах, остроумном разрешении сложных житейских задач, о мудрых и проницательных судьях, искусных мастерах. Такова *джатака* 257 — о мудром царевиче Адасамукхе, разрешающем трудные судебные дела; один из включенных сюда сюжетов повторяется потом в мировой литературе (наиболее известен он по «Венецианскому купцу» Шекспира). Подобные же сюжеты включены в основу больших повестей в последних частях собрания; в предлагаемом издании читатель найдет историю царя Куши (531), в которой получает развитие тема преданной любви и высоких достоинств, скрывающихся за невзрачной внешностью; близкий этому сюжет находят в средневековой тибетской литературе. Цикл рассказов указанного жанра входит и в заключающую наше собрание «Повесть о большом подземном ходе» (546), о которой потом будет сказано подробнее; один из них повторяет сюжет известной притчи о соломоновом суде, определившем истинную мать ребенка

в тяжбе двух женщин; он известен впоследствии в китайской пьесе о меловом круге, использованной уже в XX в. Б. Брехтом.

Не вызывает сомнения фольклорное происхождение этих рассказов. Это же относится к большим *джатакам* сказочного содержания, помещенным в последних частях книги (сказочный элемент, впрочем, пронизывает все ее части, вторгаясь нередко и в упомянутые повести новеллистического типа, рисующие социальную жизнь эпохи). Тема женского коварства развивается также в сказках, в которых действуют яккхини — фантастические обитательницы безлюдных морских побережий, в облике прекрасных женщин заманивающие к себе потерпевших кораблекрушение, яркая индийская параллель греческим сиренам. К этим сказкам примыкает цикл повестей о морских приключениях (тема, совершенно чуждая ранней санскритской литературе, почему некоторые исследователи даже предположили здесь заимствование сюжетов извне), обычно они содержат фантастические описания неведомых земель и океанов. Отдельный цикл в книге составляют джатаки о людоедах; популярен сюжет помещенной в нашем собрании «Джатаки о царе-людоеде» (537), в которой людоед отпускает свою жертву, взяв обещание вернуться, и праведник (верный слову бодхисаттва) возвращается; версии этого сюжета обнаруживаются в санскритской литературе и за пределами Индии — в литературах тибетской и китайской. В «Джатаке о брахмане-следопыте и царе-дураке» (432) сам бодхисаттва выступает как сын людоедки-яккхини, но сюжет принадлежит скорее жанру рассказов о мудрецах и умельцах, упомянутому выше.

В больших джатаках последних книг часто действуют всякого рода сверхъестественные существа: наги и супарны — сказочные змеи и птицы-оборотни, яккхи и киннары, подобные гномам и эльфам европейского фольклора, и т. п. Ряд *джатак* посвящен извечной борьбе змиев-нагов и супарнов, солнечных птиц, — те и другие, обладая даром оборотничества, выступают также в человеческом облике.

Джатаки отражают раннюю буддийскую традицию, в них нет еще признаков махаянской трактовки Будды и понимания земного его облика как «тварного тела» (*нирманакая*). Заметную роль в некоторых рассказах играет древнее божество Шакра (на пали: Сакка), в индуистской литературе более известное под именем Индра (не в стиле буддизма, в отличие от христианства, было отрицать существование богов индуистского пантеона, — они просто оказываются не всемогущими, да и мало интересуются жизнью людей). Индра (Сакка) в буддийской литературе фигурирует как почтительный почитатель и слушатель наставлений Будды; в сюжетах *джатак* он обычно играет благодетельную роль, но иной раз выступает в облике «искусителя», испытывающего добродетель смертных.

В относительно немногих *джатаках* дидактический элемент определенно преобладает над повествовательным. Собранием поучительных изречений, пословиц, афоризмов является джатака 512, включающая также краткие иллюстративные рассказы. Но и в этой дидактике даже там, где она имеет явно религиозную направленность, очень мало специфически буддийского. В некоторых обширных джатаках-легендах повествование разворачивается вокруг таких изречений или поучительных диалогов. Такова «Джатака о лжеучении и бодхисаттве Нараде» (544).

Наибольшей популярностью пользовался сюжет легенды о Вессантаре, которая составляет содержание джатаки 547, представляющей собой своего рода буддийский дидактический эпос. Здесь мотив испытания героя (напоминающего христианскую легенду об Иове) служит проповеди самоотречения (не ограниченного своею личностью, ибо благочестивый герой жертвует и самим собою, и всем, что ему дорого, в том числе близкими людьми) и добровольного непротivления злу при физической возможности ему воспротивиться. В этой джатаке немирские буддийские ценности действительно доминируют, причем дух ее уже близок махаяне, развившейся позднее, что позволяет предположить относительно позднее происхождение самого текста. Легенда о Вессантаре (Вишвантаре) повторяется в санскритской буддийской литературе в «Гирлянде джатак» Арья-шурь, она известна также в буддийских традициях Бирмы и Тибета, где созданы были ее драматические версии; представления их дожили до нового времени в этих странах.

Но и тема испытания и самопожертвования не принадлежит исключительно буддизму. Сходен с упомянутой *джатакой* сюжет легенды о праведном царе Шиби, пожертвовавшем ближнему своей плотью (мы упоминали о воплощении той же темы в притче о зайце); существует индуистская версия сказания о царе Шиби, или Ушинаре, трижды варьированная в «Махабхарате», и трудно сказать с уверенностью, является ли изначальной именно буддийская легенда.

Дидактическое содержание, по существу, специфически не связано с буддийским учением и в большой стихотворной «Повести о Видуре», героем которой является один из центральных персонажей «Махабхараты», родич и мудрый советник царя куру. С эпосом перекликаются также две версии известного мифа о Ришьяшринге (523 и 526), первая из которых приводится в нашем собрании; миф этот излагается в «Махабхарате» и «Рамаяне», причем, по мнению исследователей, *джатаки* отражают более раннюю форму сюжета сравнительно с эпическими текстами. В палийской книге содержится также одна из самых ранних версий сказания о Раме, лежащего в основе второго великого эпоса древней Индии, — «Джатака о Дашаратхе» (461), текст которой интересен для

изучения происхождения сюжета «Рамаяны». В некоторых джатаках слышны отголоски ранних легенд о Кришне, впоследствии составивших популярнейший эпический цикл в санскритской пуранической литературе.

Итак, литературоведческий анализ джатак убеждает нас, что сюжетная связь повествования с буддийской традицией вовсе не обязательна, представлена лишь в меньшинстве текстов, а нередко и попросту невозможна: что духовного можно усмотреть в «Джатаке о разбойнике и гетере» (419), где рассказано, как гетера перехитрила замыслившего убить ее бандита и сама первой прикончила его? Или в упоминавшейся «Джатаке о леопарде и козе»? А раз это верно, то как осмыслить существование джатак в буддийской традиции — как неизбежную (неважно, приветствуемую или осуждаемую) уступку человеческому, слишком человеческому? Или, в духе французов 18 века, как хитроумие монашества, любыми способами добивающегося популярности и контроля над паствой? Ответ на этот вопрос станет ясен, если сравнить набор сюжетов палийских джатак с позднейшими авторскими сборниками этого же рода, например, с «Гирляндами джатак» Арья-шурь (имеется русский перевод), Харибхатты и др. В таких авторских обработках все сюжеты неизменно оказываются буддийскими и иллюстрируют различные добродетели, которые развивает в себе бодхисаттва, как то щедрость, нравственность, терпение и др. Однако в этих махаянских сборниках отсутствует палийская пятичленная структура: нет ни «нынешнего сюжета», ни отождествления большинства персонажей истории с современниками Будды, не указываются и обстоятельства, при которых Будда рассказал данную джатаку. Иначе говоря, авторские тексты самодостаточны; воспевая буддийские добродетели в художественно совершенной форме, они приобщают читателя к ценностям традиции через само содержание рассказа. Но всякий рассказ имеет не только с о д е р ж а н и е, хотя именно оно привлекает в первую очередь литературоведа. Рассказ также и в о з д е й с т в у е т на душевное состояние человека, причем эта связь весьма прихотлива и неоднозначна. В определенных обстоятельствах и пошлый анекдот может принести облегчение даже тонкой душе. По-видимому, специфика палийской канонической джатаки (разумеется, с учетом прозаического комментария) как явления буддийской традиции в том и заключается, чтобы, свободно пользуясь любым содержанием, от возвышеннейших историй о духовных героев и вплоть едва ли не до уголовного, воздействовать на слушателя в желательном для буддийского учения, даже йоги, направлении, а именно у равновесить его психическое состояние, снять напряжение страстей, успокоить, ободрить и вразумить. Ср. в нашем сборнике джатаки «О супружеской любви» (504) или «О чрезмерном горе» (449). Соотнесение прошлого и нынешнего сюже-

тов очевидно преследует именно эту цель. В типичных обстоятельствах, когда рассказывается джатака, один из слушателей находится в душевом кризисе: скажем, монах затосковал по своей прежней жене в мирской жизни, или мирянин лишился сына и безутешен, или подвижник пал духом от безрезультатности своих стараний. Его, во-первых, отвлекают от погруженности в тягостные переживания, во-вторых, наглядно показывают, что его случай далеко не уникален, чем в огромной степени облегчают его состояние, и, наконец, дают понять, в полном согласии с духом буддизма, что как то давным-давно прошло, так и это тоже пройдет. А конкретные приемы воздействия годятся любые. Можно сказать так: что же ты теперь сник, ведь раньше ты был молодец! А можно иначе: не диво, что ты по жене тоскуешь, — даже с великими духом людьми приключалась несчастная любовь. Или еще так: ну стоит ли горевать о твоей маленькой беде — еще и не такие невзгоды терпели иные люди...

Итак, палийские джатаки следует рассматривать не менее чем с двух позиций. Они представляют собою как литературное явление, так и памятник древнебуддийской психотерапии. Если исследование их с первой из названных точек зрения уже принесло богатые плоды, то не меньшего можно ждать и от психологического их рассмотрения. Напрашивается сопоставление их с рассказами и байками гениального психотерапевта Милтона Эриксона, приемами других мастеров этого искусства.

* * *

Завершающая предлагаемое собрание избранных джатак «Повесть о большом подземном ходе» является, по существу, первым в мировом литературе романом, объединяющим различные сюжеты в эпизодах, связанным образом героя а также сложным и разветвленным основным действием; это произведение включает большое число персонажей и чередует бытовые и сказочные истории с эпическим повествованием, отмеченным занимательностью интриги. К романной форме приближает эту джатаку и значительная роль драматического элемента, развитие действия в диалогах персонажей. Содержание этого самого значительного, да и самого пространного, из составляющих книгу джатак произведений — в некоторых основных чертах оно характерно для книги в целом — нелишне будет рассмотреть несколько подробней.

Героем повести выступает мудрый Махосадха, сын купеческого старейшины (естественно, что он отождествляется с Бодхисаттвой). Представители купеческого и ремесленных цехов нередко появляются на страницах *джатак*, играя активную роль в повествовании; в этом черта эпохи, когда это «третье сословие» действительно начинает играть все большую роль в социальной жизни государства и выходит на историческую

арену, оспаривая исключительность кастовых привилегий жречества и аристократии. В этом и характерная черта литературы буддийской традиции, поскольку в буддизме находили опору новые общественные силы в борьбе с отжившим брахманистским вероучением, освящавшим эту исключительность.

И в «Повести о большом подземном ходе» скромное происхождение героя — не случайная черта. На всем протяжении повествования он противопоставляется брахманам и другим высокородным персонам, являя свое превосходство над ними. С детских лет он отличается необыкновенными способностями; первые разделы повести представляют собой краткие рассказы в жанре, характерном для *джатак*, — об искусном разрешении всякого рода трудных и запутанных вопросов и тяжб; сюда входит сюжет притчи о соломоновом суде, как уже было отмечено, и ряд других инкорпорированных сюжетов, в большинстве — явно фольклорного происхождения. Весть о юном мудреце доходит до царя, и героя приближают ко двору. Дальнейшее развитие действия определяется соперничеством «сына простолюдина», как его презрительно именуют придворные, со старыми царскими советниками-брахманами, причем герой неизменно выходит победителем из всех испытаний, посрамляя своим умом и изобретательностью соперников, между тем как снedaемые завистью брахманы, возглавляемые коварным и беспринципным царедворцем Сенакой, безуспешно пытаются погубить его, прибегая к самым подлым уловкам. В отличие от них Махосадха печется более всего о справедливости и благе государства. В своей деятельности он опирается на покровительство царя Ведехи, который, однако, не всегда оказывается для него надежной опорой. Образ этого царя типичен для *джатак* и нарисован с замечательной художественной достоверностью. Недалекий и безвольный, избалованный властью, подозрительный и взбалмошный, он выглядит совершенным ничтожеством в сравнении с сыном простолюдина; без него он со всеми своими министрами слаб и беспомощен. Махосадха выручает его во всех невзгодах и фактически управляет государством. (Заметим, что характер царя повторяется в основных чертах в *джатаке* иного жанра — ее мы упоминали выше — под животной маской льва, он же переходит потом в обрамляющую повесть «Панчатантры» под именем Пингалаки.)

Другой тип монарха представляет собой образ претендующего на мировое господство могущественного завоевателя Брахмадатты Чулани, индийского Пикрохоля, — совет Кеватты в палийской повести действительно напоминает известную сцену в созданном много веков спустя в иной культуре романе Рабле. И этот образ, как и образ советника Кеватты, отмечен авторской иронией, явно сказывающейся в грубоватом юмо-

ре сценки с попугаем, подслушивающим тайные замыслы будущих завоевателей. Преградой честолюбивым планам Брахмадатты опять-таки становится мудрость простолюдина Махосадхи.

В борьбе с царем Брахмадаттой и брахманом Кеваттой, жестокими и коварными противниками, Махосадха одерживает не одну победу, несмотря на явное неравенство сил. Борьба длится упорно и непримиримо до окончательного поражения царя панчалов. В описании осады Митхилы и дальнейшей войны с Брахмадаттой, как и в повести в целом, реальное перемежается фантастическим, но очевидно, что в какой-то мере здесь запечатлелась и действительная практика внешней и внутренней политики древнеиндийских государств с характерной для них развитой системой секретных служб и шпионажа, теоретическую разработку которой мы находим в известной «Артхашастре» и других санскритских трактатах, посвященных политической науке (ср. также художественное отражение этой практики в классической драме «Перстень Ракшасы» Вишакхадатты, русский перевод которой читатель найдет в книге «Классическая драма древней Индии», изданной в 1984 г.).

Но не только в суде и на войне, в искусстве разведки и дипломатии проявляется необыкновенная мудрость Махосадхи. «Повесть о большом подземном ходе» воспевает созидательную деятельность человека, ее герой — великий строитель. Воздвижение прекрасного дворца создает ему славу, которая приводит его ко двору царя. Он укрепляет Митхилу, строит новый город на берегу Ганги; к этому побуждают его военные цели, но знаменательно, что главными помощниками его в борьбе с могущественным врагом становятся умелые мастера, плотники, строители, сопровождающие его в походе. Здесь напрашивается любопытная параллель с другой большой джатакой, помещенной в нашем сборнике, — «Джатакой о влюбленном царе», упоминавшейся выше. Там царственный герой в скромном обличье тщетно прибегает к своему мастерству в различных ремеслах, чтобы завоевать расположение кичливой возлюбленной; царевна признает его достоинства только после военной победы. Победу же Махосадхе над царем панчалов дает сооружение великолепного подземного чертога, которое и венчает деяния героя и дает название повести. В гиперболическом описании «большого подземного хода» звучит восхищение творческим гением человека-созидателя, чудесами, творимыми умелыми руками; здесь в древнем тексте запечатлена мечта о будущих технических свершениях и изобретениях человеческого ума.

Выше мы упоминали о входящем в книгу джатак цикле рассказов на популярный в восточных литературах и особенно характерный для буддийской традиции мотив изобличения женской порочности и женского коварства. В самой «Повести о большом подземном ходе» в начальной

части эту тему представляет вставная история Голакалы, а в завершающей части основного повествования против героя плетет интригу царица Нанда со своими придворными дамами. Но в то же время самыми верными и надежными друзьями Махосадхи оказываются мудрые и благородные женщины, изображаемые в повести чрезвычайно привлекательно: царица Митхилы, явно превосходящая умом своего супруга, — она благодарна герою, спасшему ее жизнь и честь; Амарадэви, жена героя, не уступающая ему в мудрости и изобретательности; в последней части повести — мудрая отшельница Бхери (сцена ее немой «беседы» с Махосадхой напоминает эпизод из того же знаменитого романа Рабле — диспут Панурга и ученого англичанина, — правда, в джатаке в этом описании отсутствует сатирическое начало). В этом признании внутренних достоинств женщины и права ее на уважение — тоже черта нового мировоззрения общества, постепенно освобождающегося от предрассудков порабощающей женщину морали патриархата.

«Повесть о большом подземном ходе» выделяется, как мы отмечали, во всей книге джатак значительностью своего художественного и культурно-исторического содержания. Параллели ее сюжетам находят в персидской литературе, в повестях о Хийкаре, в арабских сказках «Тысячи и одной ночи». По-видимому, она пользовалась особенной популярностью, и с достаточным основанием известный австрийский индолог и литературовед М. Винтерниц (1863–1937) называет ее «народной книгой».

В целом джатаки палийской книги написаны безыскусной прозой, стиль которой отмечен простотой и выразительностью, и стихами, большей частью довольно незамысловатыми, а нередко даже тяжеловесными; выше мы упоминали о различном происхождении стихов и прозы в дошедшем тексте памятника, не всегда между собой гармонирующих. Особенно в первых частях книги стихи назидательного содержания обычно суховаты и художественно непритязательны. В последних частях, в произведениях больших жанров, язык художественного описания несколько усложняется, обогащается арсенал выразительных средств. Более яркие и метрически разработаны стихи в больших джатаках-поэмах; знатоки отмечают родство некоторых описаний в «Повести о Весантаре» с поэтическим стилем «Рамаяны».

* * *

Уже более ста лет тому назад *Джатаки* привлекли к себе внимание западных исследователей как один из ранних памятников повествовательной литературы, занимающий заметное место в истории мировой культуры. Особое внимание уделялось вопросу о происхождении «бродячих сюжетов», встречающихся в «Джатаках», проблеме приоритета

греческих или индийских версий сюжетов, общих для басен Эзопа и палийского памятника, и т. п. Сходство сюжетов, однако, не всегда объясняется заимствованием, и странствование их — процесс сложный, требующий тщательного изучения. В *Джатаках*, помимо «бродячих сюжетов», представляет интерес выявление некоторых сюжетных архетипов, последующее воплощение которых в мировой литературе с заимствованием явно не связано. Так, помещенная в нашем сборнике «Джатака о странствии по адам» (541) превосхищает сюжет Дантовой «Божественной комедии», рассказ о Тикхинамантине в конце «Повести о большом подземном ходе» воспроизводит экспозицию сюжета о Гамлете. Сюжеты *Джатак* пока не изучены в полной мере, и обстоятельное литературоведческое исследование этого памятника еще впереди.

Уже в 1929 г. виднейший российский востоковед и культуролог С. Ф. Ольденбург обратил внимание на исключительную ценность содержащихся в тексте *Джатак* исторических данных; с того времени материал палийского памятника все более широко используется в работах по истории древней Индии. Из *Джатак*, как мы указывали, можно почерпнуть много сведений о социальной жизни тогдашней Индии. Так, мы узнаём о разложении древней системы варн; высокое происхождение уже не обеспечивает безбедное существование для представителей двух высших варн — брахманов (жречества) и кшатриев (воинской аристократии), из *джатаки* 495 читатель узнает о брахманах лекарях, слугах, возницах, ремесленниках, охотниках и т. д., в *джатаке* 531 кшатрий (правда, это влюбленный царь) занимается ремеслом горшечника, садовника, повара. С другой стороны, эти тексты свидетельствуют о возвышении роли третьего сословия, о чем мы уже говорили. Мы узнаём из *Джатак* многое о материальной культуре эпохи, о ремеслах, о градостроительстве, о развитии торговли и торговых путях, о различных формах земельной собственности, об общинной собственности на землю и жизни деревенской общины, о формах наемного и рабского труда, о положении рабов и т. д. Но и в области исторического содержания данные «Джатак» еще не исчерпаны исследователями.

На русский язык впервые отдельные *джатаки* из палийского канона были переведены в 70-х гг. позапрошлого века создателем отечественной индологической школы И. П. Минаевым (1840–1890), одним из тех первых исследователей языка и литературы пали, которые положили начало систематическому их изучению. В 1895 г. С. Ф. Ольденбург опубликовал рецензию на предпринятый тогда первый полный перевод *Джатак* на английский язык. После этого палийские *джатаки* долгое время не привлекали внимания российского востоковедения. Только в 1964 г. в сборнике «Повести, сказки, притчи древней Индии» были

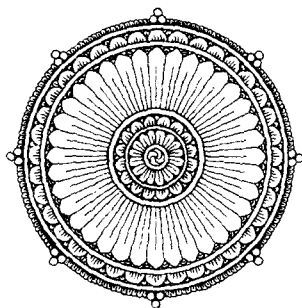
в переводе В. В. Вертоградовой опубликованы переводы на русский язык двадцати повестей из первых трех книг «Джатак». Принадлежащие тому же автору переводы еще десяти джатак помещены были в книге «Поэзия и проза древнего Востока», вышедшей в 1973 г. в составе «Библиотеки всемирной литературы». В 1979 г. Б. А. Захарьин опубликовал сборник «Джатаки», включающий переводы избранных текстов из первой книги палийского собрания. Наконец, в 1989 году были изданы «Повести о мудрости истинной и мнимой», куда вошли переводы более 50 джатак, выполненные Б. А. Захарьиным, А. В. Парибком и В. Г. Эрманом.

Настоящее издание воспроизводит, местами с небольшой правкой, тексты, вошедшие в последнюю из названных книг. В него не включены переводы Б. А. Захарьина, отличающиеся как жанром (исключительно рассказы о животных и бытовые новеллы), так и авторской манерой. Произведения в сборнике расположены в основном согласно их порядку в палийском своде *Джатак*, за исключением вынесенной в начало «Джатаки о споре Правды с Кривдой». Она служит своего рода эпиграфом ко всей книге. У «Джатаки о нерадивом царе» (520) опущено весьма краткое обрамление. Названия джатак во всех случаях не подлинные, но предложены переводчиками. Мы решились на эту вольность, идя навстречу привычкам русского читателя. Палийские же названия всегда формальны и с литературной точки зрения случайны; чаще всего они даются по имени главного человеческого персонажа, либо по названию вида существ, одним из которых был бодхисаттва в данной джатаке. Так, мы встречаем названия «Куша-джатака» (в данной книге — «Джатака о влюбленном царе»), «Ними-джатака» («Джатака о странствии по адам»), «Джатака о куропатке» и т. д. В сущности, это даже не названия текстов, а простое указание на то, *кем* (это выражено первым компонентом заглавия, например царем по имени Куша) *родился* (поскольку по исходному значению слово *джатака* переводится «связанное с рождением») бодхисаттва в одной из прошлых жизней. Стало быть, как произведения словесности палийские джатаки были безымянны.

Стихотворный текст, функционально не обусловленный художественной структурой повествования, местами переведен ритмической прозой. Все переводы выполнены по остающемуся каноническому изданию В. Фаусбёля, опубликованному в Лондоне в 1877–1897 гг. По этому же изданию указаны и порядковые номера джатак, именно ими обычно пользуются при ссылках на джатаки в литературоведческих и буддологических трудах.

В. Эрман, А. Парибок

ДЖАТАКИ

ДЖАТАКА О СПОРЕ ПРАВДЫ С КРИВДОЙ (457)

«Заслуги и почёт лишь я дарую...» — это Учитель произнес в роще Джеты по поводу Девадатты, когда тот провалился сквозь землю. Однажды в зале для слушания дхармы¹ монахи завели такой разговор: «Девадатта встал Татхэгате поперек дороги, почтенные, потому он и провалился сквозь землю». Учитель пришел и спросил: «О чем вы сейчас беседуете, монахи?» Монахи объяснили. «Это теперь, о монахи, он замахнулся на колесо моей победоносной проповеди и потому провалился сквозь землю, в прошлом же он замахнулся на колесо в колеснице Правды — и тоже провалился сквозь землю, тотчас оказался в страшном аду Нэзыби», — произнес Учитель и рассказал о былом.

«Давным-давно в Варанаси правил царь Брахмадатта. Бодхисаттва был тогда богом в пределах мира желаний; звали его Правда. И Девадатта тогда был таким же богом, только звали его Кривда. Когда наступало полнолуние, Правда в ослепительном драгоценном уборе всходил в окружении множества небесных дев на свою божественную колесницу и по вечерам, когда люди после ужина сидели на скамейках перед домами и болтали о том и о сем, он останавливал свою колесницу в воздухе над деревнями, городами, столицами и убеждал народ исполнять десять благих заповедей: «Никого не убивайте, не крадите, не прелюбодействуйте, не лгите, не клеветайте, не будьте грубы, не пустословьте; воздерживайтесь от зависти, от недоброжелательства, от вредных взглядов. Заботьтесь об отце с матерью; следуйте правде в делах своих, в речах и в помыслах. Этим вы заслужите посмертную жизнь на небесах, испытаете там великое блаженство». С такими увещаниями Правда объезжал на

¹ Обязательный в буддийских монастырях зал для совместного чтения сутр и обсуждения их содержания.

своей колеснице слева направо всю Джамбудвипу. А Кривда точно так же объезжал Джамбудвипу справа налево, ему навстречу, и подстрекал народ преступать все благие заповеди: «Убивайте, крадите, прелюбодействуйте...» И вот однажды колесницы их встретились и стали в пространстве одна против другой. Свиты смешались; начались расспросы: «Вы кто?» — «А вы сами кто?» Скоро выяснилось, что одни служат Правде, а другие Кривде. Приближённые обоих богов расступились и выстроились по сторонам дороги. Тогда Правда окликнул Кривду: «Эй, любезный! Я — Правда, а ты — Кривда. Дорога эта по праву предназначена мне. Посторонись со своей колесницей и дай мне проехать.

Заслуги и почет лишь я дарую,
Средь шраманов и брахманов я славен,
У небожителей и у людей в чести.
Мне этот путь принадлежит по праву.
Я — Правда. Кривда, уступай дорогу!»

Кривда:

«Меня не сбросишь с колесницы Кривды,
Я полон мощи, неподвластен страху.
Зачем я стану уступать дорогу?
Я сроду не сворачивал с нее!»

Правда:

«Существовала изначально Правда,
А Кривда появилась в мире позже.
Я старше, лучше и пребуду вечно.
Пусть младший старшему уступит путь!»

Кривда:

«Ни убеждением, ни же мольбою
Меня посторониться не заставишь.
Наш спор пусть разрешит единоборство.
Кто победит — того и будет путь!»

Правда:

«Я пребываю во всех странах света,
Я несравнен, безмерно славен, мощен,
Я обладатель всех достоинств мира:
Нет, Кривда, не надейся на победу!»

Кривда:

«Железом золото легко куется,
А золотом нельзя ковать железо.
И если Кривда одолеет Правду,
Над золотом железо верх возьмет».

Правда:

«Коль ты и вправду мощен в битве, Кривда,
Ни старших, ни наставников не чтишь,
Я поневоле уступлю дорогу,
И грубые слова твои стерплю».

И в тот самый миг, когда Бодхисаттва промолвил эти слова, Кривда, не в силах устоять на колеснице, низвергся вниз головой на землю. Земля же под ним расступилась, он провалился сквозь нее и оказался в самом нижнем аду — Незыби.

Едва услышав эти речи, Кривда
Вниз головой низвергся с колесницы:
«Я биться с ним хотел, я жажду битвы!»
Но был он без сражения повержен.
Так Правда силой своего терпенья
Над грубой силой одержал победу,
На землю с поднебесья сбросил Кривду,
А сам, радатель истины отважный,
Вновь радостно взошел на колесницу
И в поднебесии свой путь продолжил.
В чьем доме нет родителям почета,
Кто шраманов и брахманов не чтит,
Тот после смерти и распада тела
Вниз головой низвергнется, как Кривда,
И очутится тотчас в преисподней.
А у кого родители в почете,
Благих наставников кто почитает —
Тот после смерти и распада тела
Взойдет на колесницу, словно Правда,
И возродится тотчас в горнем мире».

Закончив это наставление в дхарме, Учитель повторил: «Как видите, монахи, не только теперь, но и прежде Девадатта стал мне поперек дороги и провалился сквозь землю». И он отождествил перерождения: «Кривдой тогда был Девадатта, его свитой — монахи, ушедшие с Девадаттой. Я же был тогда Правдой, а свитой его были мои ученики».

ДЖАТАКА О БОДХИСАТТВЕ-ВЕЛИКОМУЧЕНИКЕ ² (313)

«Великий духом...» — это произнес Учитель, пребывая в роше Дже-ты, по поводу одного гневливого монаха. Учитель упрекнул его: «Как же это ты, находясь в монашестве под началом безгневного пробуждённого, даешь волю гневу? Ведь в древности бывало, что мудрый человек не гневался, даже когда на его тело обрушивались тысячи ударов, даже когда ему рубили напроочь ноги и руки, нос и уши». И он рассказал о былом.

«Некогда в Варáнаси правил царь царства Каши по имени Калáбу. Бодхисаттва родился тогда в брахманской семье, где богатств было на восемьдесят миллионов. Нарекли его молодым брахманом Кúндакой. Когда он подрос, он изучил в Такшашиле все искусства и стал кормильцем семьи. Но вот родители его скончались. Он посмотрел на кучу денег и подумал: «Родичи мои нажили все это богатство, а теперь вот ушли и с собою забрать его не смогли. Я же хочу забрать свое богатство с собою». И он раздарил все свое состояние, с разбором давая каждому то, чего тот был достоин, ушел в Гималаи и стал отшельником. Там он долго прожил, питаясь дикими плодами леса, а затем за солью и за уксусом спустился в населённые места и добрался до Варанаси. Переночевал он в царском парке, а на следующий день, выйдя в город за подаванием, подошел к воротам дома военачальника. Военачальнику он сразу приглянулся, тот пригласил его к себе, накормил едой со своего стола и взял с него обещание на время поселиться в царском парке. И вот однажды царь Калабу, напившись браги, явился в окружении танцовщиц и пышной свиты в парк. Он приказал устроить себе ложе на праздничной каменной скамье и прилег, положив голову на колени любимой наложницы. Искусные танцовщицы, музыкантши и певицы пустились в песни,

² Терпение в буддизме — одна из важнейших запредельных добродетелей, *парамит*, упражнение в которых необходимо будущему Будде.

пляски и игры — будто великолепный двор самого Шакры, царя богов, сошел в парк к царю. А на царя напала дремота. Музыкантши побросали свои вины и другие инструменты: «Тот, кого мы собрались услаждать своим искусством, все равно спит. Зачем же нам зря петь и плясать?» Они разбрелись по всему парку и принялись с увлечением разглядывать цветы, плоды, молодые побеги и развлекались, как умели. А Бодхисаттва, подобный могучему ярому слону, в тот час сидел там в парке близ живой беседки из цветущих кустов и радостно занимался духовными упражнениями. Бродя по саду, женщины заметили его: «Сюда, подружки! Здесь под деревом подвижник! Посидим около него, пока царь не проснулся, — что-нибудь занятное услышим». Они сбежались, почтительно приветствовали Бодхисаттву и сели вокруг него: «Сделай милость, поведай нам что-нибудь доступное для нас». Тот стал рассказывать о дхарме. Тем временем наложница шевельнула коленом, и царь проснулся. Смотрит — никого вокруг. «Где они, негодницы?» — «Ушли к какому-то подвижнику, государь. Вокруг него и сидят». Царь рассвирепел и бросился туда с мечом: «Сейчас я этому святоше покажу!» Женщины увидели, что царь бежит к ним в ярости, и те из них, к кому царь благоволил, пошли ему навстречу, успокоили его и отобрали меч. Царь подошел к Бодхисаттве и спросил: «Ты чему учишь, шраман?» — «Терпению, государь». — «Терпению? Это как?» — «Это значит — не гневаться на тех, кто оскорбит тебя, унизит или ударит». — «Ладно, сейчас увидим, какое у тебя терпение». И царь послал за палачом. Тот, как положено, явился с топором, с колючей плетью, в оранжевых одеждах и в гирлянде из красных цветов³. Он поклонился царю и спросил: «Что повелишь?» — «Видишь вора, паршивого подвижника? Возьмешь его, разложишь на земле и высыплешь ему со всех сторон — и спереди, и сзади, и с боков, — две тысячи плетей». Палач повиновался. У Бодхисаттвы кожа лопнула и разошлась, обнажились мышцы, брызнула кровь. «Чему же учишь ты, монах?» — переспросил царь. «Терпению, государь. Ты напрасно думаешь, что терпение у меня под кожей. Нет у меня терпения под кожей. Терпение у меня внутри, поглубже, в сердце, — тебе его не видно, государь». — «Что дальше делать?» — спросил палач. «Отруби этому косматому святоше обе кисти». Тот взял топор, положил руки Бодхисаттвы на колоду и обрубил их. «А теперь и ступни». Тот обрубил и ноги. Струи крови потекли с обрубков рук и ног, как красный лак из продырявленных сосудов. «Ну, чему учишь?» — опять спросил царь. «Терпению, государь.

³ Гирлянда из красных цветов символически связана с казнью и является атрибутом и палача, и смертника.

Ты напрасно полагаешь, что терпенье у меня было в ладонях или стопах. Нет его там. Терпенье у меня внутри, глубоко». — «Режь ему нос и уши!» Палач отсек уши и нос. Уже все тело плавало в крови. «Так чему ты учишь?» — спросил царь. «Терпению, государь. Напрасно ты решил, будто терпенье у меня в носу или в ушах. Терпенье мое в глубине сердца». — «Ну и сиди себе, святоша, на своем терпении!» Царь наступил на грудь Бодхисаттве, пнул его ногой и пошел из парка. Когда царь удалился, военачальник обтер кровь с тела Бодхисаттвы, перевязал ему ноги, руки, уши и нос, бережно усадил его, поклонился и сел рядом. «Почтенный, если тебя одолевает гнев, пусть он обратится на царя, который перед тобою виновен, но не на других! — взмолился он.

Великий духом, я молю:

Пусть тот, кто ноги, руки, нос

И уши отрубить велел,

От гнева твоего дрожит,

Ты только царство не губи!»

Бодхисаттва же произнес в ответ:

«Тот царь, что ноги, руки, нос

И уши мне отсечь велел,

Пусть будет счастлив в жизни сей!

Подобным мне несвойствен гнев».

Когда царь, выходя из парка, скрылся с глаз Бодхисаттвы⁴, земная твердь, простершаяся на двести сорок тысяч йоджан в ширину, разверзлась, словно лопнула натянутая ткань. Из Незыби взметнулось пламя и огромным красным одеялом окутало царя. И прямо у парковых ворот он провалился сквозь землю и очутился в великом аду Незыби. Бодхисаттва же скончался в тот самый день. Царские слуги и горожане пришли с душистыми мазями, курениями и венками совершить последний обряд над его телом. Некоторые говорят, что Бодхисаттва будто бы вернулся в Гималаи, но то неправда. Кратко говоря:

В далеком прошлом жил монах,

Терпенье проповедовал.

Правителем Варанаси

Он был замучен и погиб,

Не изменив терпению.

Но злодеянье лютое

⁴ Только всепрощающая доброта Бодхисаттвы и удерживала царя-злодея от гибели. Скрывшись с глаз подвижника, царь потерял и эту последнюю опору на земле и провалился в ад.

Ужасный породило плод:
Царь Каши провалился в ад
И по заслугам получил».

Рассказав эту историю, Учитель объяснил затем арийские положения и так связал перерождения: «Тогда Калабу, царем Каши, был Девадатта, военачальником — Шарипутра, а подвижником, учившим терпению, — я сам». Услышав объяснение, гневливый монах обрел плод безвозвратности, многие же обрели плоды прорезавшегося слуха.

ДЖАТАКА О СОТВОРЕНИИ ЛЖИ⁵ (422)

«Как ты с дхармой поступаешь...» — это произнес Учитель, пребывая в роше Джеты, когда Девадатта провалился сквозь землю. В тот самый день в зале для слушания дхармы зашел об этом разговор: «Почтенные! Девадатта солгал и, провалившись сквозь землю, очутился в страшном аду Незыби». Учитель пришел и спросил: «О чем это вы беседуете, монахи?» Те ответили. «Не только теперь, о монахи, но и в прошлом он провалился сквозь землю», — и Учитель рассказал о былом.

«Некогда, в первой эре от начала мира, жил царь по имени Махасаммата, что значит «вельми чтимый», и срок жизни у него был безмерный. Сына его звали Роджа, у Роджи сын был Варароджа — Лучший Роджа, у того сын — Кальяна, Благой; у Кальяны — Варакальяна, Лучший-из-Благих; у Варакальяны — Упосатха, Пост; у Упосатхи — Мандхатар; у Мандхатара — Варамандхатар, Лучший Мандхатар; у того сына звали Чара — Долг. А у Чары сын был Упачара — Младший Долг. Но звали его еще и Апачара — Отпавший-от-долга. Правил он в царстве Чайтья — Храмовом, во граде Свástивати — Благословенном, и было у него четыре необыкновенных, чудесных свойства: он умел парить в воздухе над землею, день и ночь стерегли его со всех четырех сторон небожители с мечами в руках, кожа его благоухала сандалом, а уста — расцветшим лотосом. Придворного жреца его звали брахман Кáпила. А младший брат

⁵ Джатака о сотворении лжи (422) интересна магическим пониманием слова, то есть сохранившимся в ней воспоминанием о столь глубокой древности, когда магическая функция слов была одной из важнейших. Царь полагает, что произнесение слова — это некоторое действие, преобразующее действительность, не являющуюся словами. Но поскольку магическое сознание уже распадается, то вместо превращения старшего брата в младшего выходит ложь, и поскольку это первая ложь со времен возникновения света — то и создание понятия лжи.

Капила по имени Коракаламба учился в юности у того же учителя, что и царь, и был с ним накоротке. Царь ему еще в молодости пообещал: «Когда взойду на престол, возведу тебя в сан придворного жреца». Но вот он стал царем, а брахмана Капила, бывшего придворным жрецом еще у его отца, сместить никак не решался. Капила бывал у царя на приемах, и тот старался выказывать к нему уважение, но относилось-то оно к сану, а не к человеку. Почувствовав это, брахман решил: «Лучше, когда у власти в государстве стоят люди одного поколения. А я, пожалуй, распрошаюсь с царской службой и уйду в отшельники». И он попросил у царя отставки: «Государь, я уже немолод, у меня и сын дома подрос. Пусть он станет твоим жрецом, я же хочу уйти в отшельники». Царь отпустил его и сделал жрецом его сына. А Капила стал по древнему обычаю отшельником и поселился в царском парке. Еду ему носили из дома сына. Со временем он обрел навык в созерцании, а жил по-прежнему в парке. Коракаламба же был зол на брата за то, что тот обошел его и не сделал своим преемником. Сидел он как-то раз с царем и болтал о том о сем. Царь и говорит: «Ну что, Коракаламба, так ты и не стал моим придворным жрецом!» — «Да, государь, не удалось. Ведь сан жреца — в роду у моего старшего брата». — «Разве твой брат не ушел в отшельники?» — «Так-то оно так, но ведь сан свой он передал не мне, а сыну». — «А все же не сделать ли жрецом тебя?» — «Напрасная затея, государь. Брату сан достался по наследству, его нам не обойти». — «Что с того? Возьму и сделаю тебя старшим братом, а его младшим». — «Но как, государь?» — «Сотворю заведомую ложь!» — «Разве ты не знаешь, государь, что брат мой — ведун и он умеет творить чудеса. Он опутает тебя небылицами; и увидишь ты, что четыре твоих стража-небожителя при тебе не удержится, и благоухание твоей кожи и уст твоих обратится в зловоние, и он спустит тебя из воздушного пространства на землю. Он даже так устроит, что и земля тебя держать перестанет. Не сумеешь ты настоять на своем». — «Напрасно тебе это кажется. Я на своем настаю». — «Когда же ты это сделаешь, сударь?» — «Через неделю». Об их разговоре стало известно всему городу: «Говорят, что царь собрался сотворить заведомую ложь. Младшего из двух братьев он превратит в старшего и по старшинству возведет его в сан придворного жреца. Любо знать, что же это за штука — заведомая ложь? Какова она из себя — синяя, или желтая, или другого какого цвета?» Народ терялся в догадках. Ведь тогда на земле царила правда, о лжи никто и слыхом не слыхивал. Дошли эти слухи до молодого жреца, и он пошел за советом к отцу: «Батюшка, говорят, что наш царь собирается сотворить заведомую ложь. Тебя он превратит в младшего брата, а наследный наш сан придворных жрецов отдаст дяде». — «Что ж, сынок, пусть себе устраивает царь свою заведомую ложь, наследного сана ему

у нас все равно не отнять. А что, и срок уж назначен?» — «Якобы через неделю». — «Вот тогда ты меня и зови». Через неделю на царском подворье собралась толпа, для нее рядами расставили скамьи, и все ждали: «Вот сейчас нам заведомую ложь и покажут!» Молодой жрец дал знать отцу. Царь в праздничном своем наряде, драгоценном уборе вышел из дворца и при всем честном народе воспарил средь двора над землею. А старый жрец-отшельник тоже туда прилетел, расстелил в воздухе шкуру, скрестив ноги, уселся на нее напротив царя и спросил: «Верно ли я слышал, государь, что ты собрался сотворить заведомую ложь, младшего брата хочешь превратить в старшего и отдать ему наш наследный сан придворных жрецов?» — «Да, учитель, так я и сделаю». — «Государь, заведомая ложь — тяжкий грех, — стал увещевать его подвижник. — Она сводит на нет достоинство человека и сулит тягостные существования в будущем. Если царь произносит заведомую ложь, он посягает на дхарму, а такое безнаказанным не может остаться.

Как ты с дхармой поступаешь,

Так с тобой самим и выйдет.

Кто на дхарму покусился —

Самого себя погубит;

Если ж ты ее не тронешь —

И она тебя не тронет.

Государь, если ты сотворишь заведомую ложь, ты лишишься четырех своих чудесных свойств.

Если царь неправду скажет,

Сделается он зловонным,

Божествам противен станет,

С неба сверзится на землю».

Царь струхнул и посмотрел на Коракаламбу. «Смелее стой на своем, государь. Всё это — лишь наваждения, я предупреждал тебя», — ободрил его тот. И вот царь, не вняв предостережению Капилы, самоуверенно возгласил: «Ты, почтенный, — младший из братьев, а старший — Коракаламба». Едва он произнес эту ложь, как четверо небожителей с отвращением побросали мечи к его ногам и исчезли, воскликнув: «Не станем мы охранять такого лжеца!» Из рта у царя запахло тухлыми яйцами, а от тела его завоняло, как из разрытого отхожего места. Он не смог парить в воздухе и опустился на землю. Так все четыре чудесных свойства покинули его. «Не пугайся, государь! — сказал ему жрец-подвижник. — Если ты сейчас скажешь правду, я сделаю так, что к тебе всё вернется.

Если правду ты промолвишь,

Будешь вновь царем, как прежде.

Если будешь лгать упорно,
То взлететь уже не сможешь.

Видишь, государь, стоило тебе один раз солгать, и тебя покинули твои чудесные свойства. Подумай как следует, пока дело еще поправи-мо!» — «Знаю, знаю, вы меня надуть хотите!» — продолжал упорство-вать во лжи царь и ушел по щиколотки в землю. «Ты как следует поду-май, государь! — сказал снова брахман.

Если кто-то знает правду,
Но заведомо обманет —
Царство засухой погубит
Иль внезапным наводнением.

Ты видишь, государь, к чему ведет ложь: вот уже ты по щиколотки провалился в землю. Подумай же как следует, государь!

Если правду ты промолвишь,
Станешь вновь царем, как прежде.
Если будешь лгать упорно,
Погрузишься глубже в землю».

«Ты, почтенный, — младший брат, а Коракаламба — старший», — в третий раз солгал царь и тут же ушел в землю по колени. «Подумай еще раз, государь, — воскликнул брахман.

Если кто-то знает правду,
Но заведомо обманет —
Тот язык свой потеряет,
Будет с жалом жить змеинным.
Если правду ты промолвишь,
Станешь вновь царем, как прежде.
Если будешь лгать упорно,
Погрузишься глубже в землю.

Дело все еще поправимо, государь!» Но царь упрямо повторил: «Ты, почтенный, — младший брат, а Коракаламба — старший» — и от четвер-той этой лжи ушел в землю по зад. «Примечай же, государь! — обратил-ся к нему брахман.

Если знает кто-то правду,
Но заведомо обманет,
Тот язык свой потеряет,
Онемее, словно рыба.
Если правду ты промолвишь,
Станешь вновь царем, как прежде.
Если будешь лгать упорно,
Погрузишься глубже в землю».

«Ты, почтенный, — младший брат, а Коракаламба — старший», — в

пятый раз солгал царь и ушел в землю по пуп. «Подумай же еще раз, государь, — сказал брахман.

Если кто-то знает правду,
Но заведомо обманет,
У того не будет сына,
Дочери одни родятся.
Если правду ты промолвишь,
Станешь вновь царем, как прежде.
Если будешь лгать упорно,
Погрузишься еще глубже».

Царь упрямо в шестой раз повторил все ту же ложь и ушел в землю по грудь. «Образумься, государь! — воззвал к нему брахман.

Если кто-то знает правду,
Но заведомо обманет —
У того хоть были дети,
Он их в доме не увидит.
Если правду ты промолвишь,
Станешь вновь царем, как прежде.
Если будешь лгать упорно,
Погрузишься еще глубже».

Но привязанность к дурному другу сделала царя глухим к добрым советам, и в седьмой раз он произнес все ту же ложь. Тут земля вдруг раскололась, из ада Незыби взметнулось пламя и царя слизнуло.

Царь летал по поднебесью,
Но провидцем был он проклят
И сквозь землю провалился,
Был конец его плачевен.
Умный человек осудит
Своеволие и упрямство.
Говори всегда беззлобно
И не поступайся правдой.

Весь народ замер в страхе: «Царь Чайтхи оскорбил провидца, он заведомо солгал и провалился прямо в Незыбь!» Пришли пятеро царевичей и спросили брахмана: «Что нам теперь делать? Помоги». — «Отец ваш, дети мои, погубил дхарму. Он заведомо солгал, оскорбил провидца и попал за это в Незыбь. Ведь когда кто-то покушается на дхарму, он готовит тем себе погибель. Вам здесь жить теперь нельзя. Ты, старший, выходи из города через восточные ворота и ступай прямо, не сворачивая, покуда не встретится тебе драгоценный белый слон с приметамии счастливой породы. Это тебе будет знак основать в том месте город. Назовешь ты его Хастипура — Слоновая Крепость. Ты, второй сын, выходи из города че-

рез южные ворота и ступай прямо, не сворачивая, покуда не встретится тебе белый-белый драгоценный жеребец. Это тебе будет знак основать город. Назовешь его ты Ашвапура — Крепость Коня. Ты, третий сын, выходи из города через западные ворота и ступай все прямо, не сворачивая, покуда не увидишь льва гривастого. Это тебе будет знак основать там город. Назовешь его ты Симхапура — Крепость Льва. Ты ж, четвертый сын, выходи из города через северные ворота и ступай прямо, не сворачивая, покуда не увидишь сработанное из драгоценных камней колесо. Это тебе будет знак основать город. Назовешь ты его Уттарпанчала — Город Северных Панчалов. И тебе, о младший сын, тоже негоже оставаться здесь. Ты воздвигни здесь большую ступу, а потом уходи прочь. Иди всё на северо-запад, покуда не увидишь две горы. Они будут колотиться одна о другую и рокотать при этом: «дар-дара, дар-дара». Это тебе будет знак основать там город. Назовешь ты его крепостью Дардара».⁶ И все пятеро царевичей разошлись в разные стороны, каждый встретил свое знамение, заложили они там города и зажили в них».

Закончив это наставление, Учитель повторил: «Как видите, монахи, Девадатта не только теперь, но и прежде солгал и провалился сквозь землю». И он отождествил перерождения: «Царем царства Чайтьи был тогда Девадатта, а брахманом Капилой — я сам».

⁶ Здесь описан процесс распада так называемой, мандалы — символической целостности, толкуемой и как макро-, и как микрокосмическая. Основа мандалы представляет собою крест, вписанный в круг. Звери, располагающиеся в точках пересечения перекладин креста с кругом, тоже, несомненно, имеют символическое толкование, но оно неочевидно. Пятый член — город *Дардара* — выпадает из схемы и своей ориентацией, и тем, что город в этом случае основывается по чисто природной, а не символической примете. Вероятно, что первые четыре города означают целостность народа иидоариев, а пятый член введен ради родственной им группы племен дардов, обитателей Гиндукуша.

ДЖАТАКА О ПЛОТНИКАХ-МОРЕХОДАХ (466)

«На Джамбудвипе сеют, жнут...» — произнес Учитель в роще Джеты по поводу Девадатты, ибо тот некогда соблазнил уйти с собою от Учителя пятьсот семей, но кончил тем, что провалился в ад и их с собой увлек.

Когда главные ученики⁷ Пробуждённого пришли к Девадатте и ночью увели от него почти всех бывших с ним монахов, Девадатта не смог сдержатъ горя. Он тяжело занедужил, стал кашлять кровью и вспомнил наконец о достоинствах Пробуждённого: «Вот уже восемь месяцев я злоумышляю против Татхагаты, а между тем у самого Учителя нет ни малейшей враждебности ко мне. Да и ни один из восьмидесяти великих тхер⁸ не держит против меня зла. Лишь я сам повинен в том, что остался теперь один и все от меня отвернулись — и Учитель, и великие тхеры, и Рахула, сын Учителя, и княжеские роды шакьев. Пойду к Учителю вымаливать себе прощение!» Подозвав тех, кто еще оставался при нем, Девадатта велел уложить себя на носилки и нести в Шравасты. Люди шли всю ночь, и к утру оказались уже в окрестностях города. В тот час Ананда обратился к Учителю: «Почтенный! Похоже на то, что Девадатта направляется к тебе просить прощения!» — «Нет, Ананда. Больше Девадатте свидеться со мной не дано». Когда Девадатту уже внесли в город, Ананда опять известил о том Учителя, но Блаженный ответил так же. И наконец носилки с Девадаттой поднесли к пруду, что был неподалеку от ворот в рощу Джеты. В тот самый миг плоды злодейств его созрели и

⁷ Ими символизируется необходимое для успеха единство — содружество — метода и мудрости, ибо Маудгальяна — лучший йог (мастер метода), а Шарипутра — лучший философ.

⁸ Имеются в виду виднейшие прижизненные ученики и сподвижники Будды Шакьямуни, поименно известные. Многие из них остались в предании индивидуализированными — известны не только главные события их биографий, но и особенности личности, их любимые упражнения, место и роль их в раннебуддийской общине.

проявились сполна. По всему телу Девадатты разлилось жжение, захотелось ему умыться и напиться, и он попросил поставить носилки и сходить за водой. Но напиться ему уже не пришлось: едва носилки коснулись земли, как земная твердь дала трещину, из Незыби взметнулось пламя и поглотило его. «Вот он, плод моих злодеяний!» — понял Девадатта и успел лишь воскликнуть:

«К тому, кто выше ариев, кто бог для небожителей,
Кто укрощает гордецов, кто все увидит и поймет,
Исполнен добродетели, — к нему, Всепробуждённому,
я прибегаю с верою!»

Так он восславил Пробуждённого и вновь признал себя его учеником, но все же провалился в ад.

За Девадаттой в свое время пошли пятьсот семей мирских последователей Учения. Все они, взявши его сторону, тоже бранили и чернили при своей жизни Татхагату, а потому после смерти тоже угодили в ад. Об этом-то и зашел однажды разговор в зале для слушания дхармы: «Почтенные! Поистине, Девадатта — злодей! Был он алчен, жаждал почета и подношений, а потому беспричинно озлобился на Истинновсепробужденного и не подумал о грядущих бедах. Вот и попал он в ад, да еще увлек туда же за собою пятьсот семей». Учитель пришел и спросил: «О чем это вы сейчас беседуете, монахи?» Те объяснили. «Не только теперь, о монахи, Девадатта был охоч до почета и подношений и пренебрег опасностью, — заметил Учитель. — Уже и в прошлом он однажды пренебрег грозившей ему опасностью, ибо жаден был до удовольствий. Потому-то он и погиб сам и погубил тех, кто пошел за ним». И Учитель рассказал о былом.

«Давным-давно в Варанаси правил царь Брахмадатта. Неподалеку от города была тогда большая деревня. Жили в ней одни плотники, тысяча семей круглым счетом. Понабрали эти плотники у людей задатков в счет будущей работы: «Вам мы кровать сделаем, вам — стол, вам — дом срубим», — а выполнить в срок ничего не сумели. Народ осерчал; плотников стали хватать на улицах и требовать вернуть деньги, и до того их доняли, что тем и жить сделалось невмоготу. Тут-то плотники и решили: «Давайте сбежим отсюда на чужбину, авось как-нибудь проживем». Нарубили они строевого лесу, построили большой корабль и спустили его на реку в гавьюту или в двух от деревни, а затем глухой ночью погрузились на него вместе с семьями и пустились в плавание. Долго ли, коротко ли, приплыли они по Ганге к океану и, странствуя по воле ветра, оказались в один прекрасный день перед каким-то островком посреди моря. На островке том росли рис-самосейка, сахарный тростник, гвоздичные деревья, хлебные деревья, кокосовые пальмы и еще множество всяких плодовых кустов и деревьев.

А жил там в одиночестве некий человек, спасшийся после кораблекрушения. Он готовил себе рисовую кашу, запивал ее соком сахарного тростника, отъелся и горя не знал. Ходил он голый и весь зарос волосами.

Плотники же, завидя остров, решили: «А вдруг остров стерегут яккхи? Как бы нам на нем не пропасть! Для начала непременно его обследуем». И вот семеро силачей-храбрецов, вооруженные до зубов, сошли на берег, чтобы обследовать островок. Островитянин в тот час напился после завтрака соку сахарного тростника, улегся в красивом месте в тени деревьев на серебристо-белом песке и затянул песню:

«На Джамбудвипе сеют, жнут, живут плодом трудов своих,

А мне живется хоть куда — и не работаю, и сыт!»

Люди, что исследовали островок, услышали его голос: «Не человек ли то поет? Пойдем-ка, посмотрим». Они отыскиали его, увидели и испугались: «Не иначе, это яккха!» Тут же все семеро прицелились в него из луков. «Пощадите меня! Я человек, а не яккха!» — стал молить в страхе островитянин. «Да разве люди ходят нагишом, как ты?» Но тот не оставлял своих молений и сумел как-то их успокоить. Подойдя поближе, плотники приветливо разговорились с ним. «Как же ты сюда попал?» — спросили они. Человек тот все им по правде рассказал и добавил: «Ну и повезло же вам, что вы здесь оказались! Ведь лучшее этого острова в целом свете не сыщешь. Трудиться здесь нет никакой нужды. И рис, и сахарный тростник, и все прочее растет тут само собою, еды и питья полным-полно. Живите здесь без горя и забот». — «Неужто на этом острове человеку ничто не грозит?» — «Да почти ничего. Одно только надо крепко запомнить: остров этот стерегут духи. Нечистоты тут оставлять после себя нельзя, не то духи на вас прогневаются. Если вам надо будет сходиться по нужде — выройте ямку, а потом присыпьте сверху песком. Вот и все местные правила. Больше здесь бояться нечего».

Плотники поселились на острове. Делились же они на две артели по пятьсот человек в каждой. Обе артели возглавлялись старшинами. Один старшина был глуп и жаден до еды, а другой благоразумен и в еде умерен. Прошло время, плотники прижились, растолстели от праздности и подумали: «Делать нам нечего. Наготовим-ка мы себе вина из сока сахарного тростника и устроим пирушку». Так они и поступили. А напившись, развеселились, распелись, расплясались и изгадили и испоганили весь остров, ибо ходили по нужде куда попало, а присыпать сверху песком забыли. Увидели это духи и возмутились: «Как они посмели испакостить места наших игр!» Посоветовавшись, они решили: «Надо омыть наш островок океанскими водами. Вот только луна теперь на ущербе, да мы пока и не все в сборе. Лучше подождать до следующего полнолуния. Когда наступит день упосáтхи и взойдет полная луна, мы обрушим на остров океанские волны и всех этих грязнуль утопим». Назначили духи день и разошлись.

А был среди них некий добродетельный дух. «Не могу я допустить, чтобы на моих глазах гибли люди!» — пожалел он плотников. Однажды вечером, когда те поужинали и сидели перед домами за приятной беседой, сей дух принял зримый облик. Блестая своим драгоценным убором, он воспарил к северу от острова над океанскими водами, озарил весь остров своим сиянием и промолвил: «Внемлите мне, плотники! Духи на вас прогневались. Остаться здесь вам больше нельзя, ибо через полмесяца они обрушат на вас океанские волны и всех потопят.

Через пятнадцать дней настанет полнолуние,

Поднимется из моря огромная волна

И захлестнет весь остров, водой его накроет.

Спасайте свои жизни, не оставайтесь здесь!»

Добрый дух исчез, а некий злой и коварный его собрат замыслил недоброе: «Если все плотники послушаются его, они до срока сбегут. Отговору-ка я их покидать остров — пусть они погибнут!» И вот он воссиял к югу от острова, озарил своим блеском всю деревню плотников и спросил: «Не приходил ли к вам прежде меня некий дух?» — «Да, приходил». — «О чем он вам толковал?» Плотники пересказали слова доброго духа. «Не слушайте вы его. Он просто невзлюбил вас и желает вам досаждать, прогнать отсюда; живите здесь, как жили.

Не может быть волна такой высокой,

Чтоб затопить холмистый этот остров.

Немало видел я благих знамений.

Не бойтесь, не печальтесь, все спокойно!

Плодами этот остров изобилен,

Себе вы лучше места не найдете.

Поверьте, вам ничто не угрожает.

Живите и детей своих растите».

Так этот дух постарался рассеять их тревогу и исчез. А глупый старшина плотников, не желавший внять предостережению доброго духа, созвал свою артель и обратился к ней: «Послушайте меня, почтенные! Прав, по-моему, тот дух, что явился с южной стороны и сулил нам безопасность. А тот, что приходил с севера, и сам, видно, не знает, что опасно, а что — безопасно. Нам нечего бояться, не о чем тревожиться. Будем же веселиться!» Послушали его пятьсот плотников — любителей поестъ — и согласились с ним.

Благоразумный же старшина решил иначе и обратился к своим с такими словами: «Мы выслушали обоих духов. Один из них предрекает нам опасность, другой утверждает, что угрозы никакой нет. Послушайте теперь еще и меня, а то как бы нам всем в скором времени не пропасть! Давайте соберемся и общими силами построим корабль —

срубим крепкий остов, оснастим его. Если правду нам сказал тот дух, что явился с юга, а северный дух ошибался, мы не станем понапрасну покидать этот остров, но корабль нам все равно не помешает. Зато если правду сказал нам северный дух, а южный ошибся, мы все взойдем на корабль и уплывем отсюда в безопасное место. Не так уж легко разобратся, где здесь правда, а где ложь, но следует быть готовым ко всяким поворотам судьбы. Только так можно спастись от гибели. Одним словом, послушаемся пока обоих духов и на всякий случай построим корабль». — «Тебе, как я вижу, и в чашке воды крокодилы мерещатся! — возразил глупый старшина. — Все ты видишь, даже то, чего нет! По мне, первый дух был зол на нас и старался нас запугать, а второй успокаивал, ибо был к нам благосклонен. Никакой нужды бежать с этого благословенного острова у нас нет. Если тебе так уж хочется ехать — сруби себе корабль и плыви со своими куда хочешь. А нам и без корабля неплохо».

И вот плотники из артели благоразумного старшины срубили себе корабль, оснастили его и все на него погрузились. Настала ночь полнолуния. Взошла луна, и в тот же час из океана поднялась волна и прокатилась по острову. Вода дошла людям до колен. Рассудительный старшина смекнул, что остров вот-вот будет затоплен, и велел отчаливать. А все пятьсот плотников из артели глупого старшины сидели и пустословили: «Вода омыла остров и ушла, этим дело и кончится». Но следом за нею пришли другие волны: высотой по пояс, потом в человеческий рост, высотой в пальму и наконец высотой в семь пальм — и они смыли с острова все.

Так благоразумный плотник спасся со своими людьми, ибо знал, как следует поступить, и чревоугодие не ослепило его. Глупый же старшина погиб со всею своей артелью в пятьсот человек, ибо жаден был до еды и пренебрег предостережением. А посему опасность нужно предотвращать заранее, ведь тому, кто вовремя к ней подготовился, она не страшна».

Закончив это наставление в дхарме, Учитель повторил: «Как видите, монахи, Девадатта и в прошлом, а не только теперь, легкомысленно предавался удовольствиям⁹, не думал о грозившей ему опасности и потому погиб и погубил всех, кто был с ним». И он отождествил перерождения: «Глупым старшиной был тогда Девадатта; духом, что пришел с южной стороны, — Кокалика; духом, пришедшим с севера, — Шарипутра, я же был тогда рассудительным старшиной».

⁹ Составители традиционного комментария явно дали промашку: как современник Будды, Девадатта вовсе не предавался удовольствиям, но пал жертвой собственных гордыни и властолюбия.

ДЖАТАКА О ДОБРОНРАВИИ (330)

«Добронравье — благо миру» — это произнес Учитель в роше Джеты по поводу некоего брахмана, что решил испытать, за добронравие ли его ценят. Жил он при дворе царя Кошальского, был мирским приверженцем Учителя, неукоснительно соблюдал пять обетов и к тому же отлично знал три веды. Царь весьма уважал его за добронравное поведение. А брахману как-то раз пришло на ум: «Почему это царь так отличает меня среди всех прочих брахманов? Откуда в нем такое почтение ко мне? Оттого ли это, что я брахман, происхожу из известного северного рода ¹⁰, отлично знаю свое дело, богат, — или же он уважает меня за мой безупречный нрав? Надо бы это узнать». Возвращаясь однажды с царского приема к себе домой, он без спросу взял со столика менялы одну каршáпану. Меняла из почтения к брахману не посмел и голос подать. Назавтра брахман взял две монеты. Меняла и это стерпел. Тогда на третий день брахман загреб монет полную пригоршню. «Ты это что ж третий день кряду грабишь казну!» — возопил меняла и трижды прокричал: «Я поймал расхитителя царской казны!» Сбежались слуги, прикрикнули: «Долго же ты носил личину добродетели!» — дали ему две-три затрешины, скрутили руки и притащили к царю. «Как же ты, брахман, решился на такое безнравственное дело!» — расстроился царь и приказал: «Ступай-те, накажите его по закону». — «Я не вор, государь», — возразил брахман. «Чего же ради ты тогда таскал деньги со стола у моего менялы?» — «Государь, ты всегда меня уважал, и мне захотелось проверить за что: за мое ли хорошее брахманское происхождение, за ученость и прочие достоинства, или же за мой безупречный нрав. А теперь мне уже не в чем и сомневаться: ты меня уважаешь за нрав и ни за что иное — иначе ты не приказал бы сегодня меня наказать. Так что теперь я уверен, что самое

¹⁰ Брахманы родом с севера, из области, прилегавшей к реке Сарасвати, пользовались наибольшим уважением.

высокое, самое ценное в мире — чистота доброго нрава. А рассуждая дальше, если я буду, как мирянин, жить в своем доме и потакать своим страстям, то не всегда смогу блюсти свой добрый нрав. Поэтому я намерен сегодня же пойти в рощу Джеты и принять постриг у Пробуждённого. Дай мне на это свое согласие». Царь дозволил. Брахман, не заходя домой, направился в рощу Джеты. По пути к нему подходили его родственники, близкие, друзья и пытались отговорить, но он остался непоколебим. Явившись к Учителю, брахман сказал, что хочет принять у него постриг. Принял он от Учителя и постриг, а со временем и посвящение, в монашестве же даром времени терять не стал и обрел святость через духовное прозрение¹¹. С тем он и пришел к Учителю и объявил: «Почтенный, я достиг совершенства в монашестве». О том, что он достиг конечной монашеской цели, стало известно многим подвижникам, и вот как-то раз в зале для слушания дхармы завязался разговор о его достоинствах: «Знаете, почтенные, этого брахмана? Раньше он служил при дворе царя Кошальского, а потом удостоверился, что главное в жизни — это безупречный нрав, ушел от царя и стал святым». Учитель пришел и спросил: «О чем это вы беседуете, монахи?» Те рассказали. «Не один этот брахман, о монахи, выяснив, что нравственность — главное, принял монашество и помог тем себе, — заметил Учитель. — Такое и прежде случалось с умными людьми», — и он рассказал о былом.

«Некогда в Варанаси правил царь Брахмадатта. Бодхисаттва был в ту пору его придворным жрецом. Был он от природы щедр, склонен к нравственному поведению и неукоснительно соблюдал пять обетов. Царь очень его отличал. Одним словом, все было так же, как и теперь. И вот Бодхисаттву, когда он третий раз взял денег со столика у менялы, скрутили и потащили к царю. А по дороге ему встретились заклинатели змей. Они заставляли змею танцевать, а для того теребили ей хвост и шею и дергали за голову. «Не надо так делать, любезные, — сказал им Бодхисаттва. — Змея ведь может и укусить, а укус ее смертелен!» — «Нет, брахман, — отвечали заклинатели. — Змея у нас добронравная, она хорошо себя ведет, тебе не в пример! А вот ты попался на злонравии, на преступлении, то-то тебя и тащат к царю как грабителя казны». «Вот так так! — подумал брахман. — Даже кобру и ту, если она никому не вредит, никого не кусает, — считают добронравной. Сколь же высоко должно цениться добронравие в людях! Очевидно, именно добронра-

¹¹ Имеется в виду один из способов достижения святости, при котором не происходит раскрытия каких-либо паранормальных йоговских способностей.

вие — главное в этом мире, и нет ничего его выше». Тут его привели к царю. «Что случилось, любезные?» — спросил царь. «Государь, это вор. Его изобличили в хищении твоей казны». — «Покарайте его по закону». — «Нет, государь, я не вор», — возразил брахман. «А почему тогда деньги брал?» Бодхисаттва все ему объяснил и подытожил: «Я вздумал проверить, что же главное, что высшее в этом мире, и удостоверился, что это — добронравие. Но и то не так важно. Оказалось, что даже змея ядовитая, когда не вредит никому и никого не кусает, считается добронравной:

Добронравье — благо миру,

Выше блага нет на свете.

Глянь: и кобра добронравна,

Коль кусаться перестала!

Вот и поэтому выходит тоже, что добронравие превыше всего».

Тут Бодхисаттва отпросился у царя со службы и решил немедленно стать подвижником. Идя мимо бойни, он заметил, что какой-то ястреб взмыл в воздух с куском мяса в клюве. Тотчас налетели на него со всех сторон хищные птицы и давай клевать его и когтить. Ястреб не выдержал и выпустил мясо, а другой подхватил кусок на лету, но удержать не смог — на него надели остальные. Так и пошло: то один ухватит мясо, то другой; и тут же на удачника кидаются все разом, а стоит ему выпустить кусок, его оставляют в покое. Видя это, Бодхисаттва подумал: «Право, улады наши в этом мире подобны куску мяса! Пока ты держишься за них, тебе плохо, а стоит лишь отбросить — найдешь покой.

Едва ухватит коршун мясо,

Как остальные налетают

И заклевать его готовы.

А только выпустит поживу —

Его в покое оставляют».

Пошел он дальше и заночевал уже за городом, в каком-то деревенском доме. Была в том доме рабыня Пингала, и как раз той ночью у нее было назначено свидание с мужчиной. Вечером она омыла ноги господам, а когда те улеглись спать, села на пороге дожидаться милого. Просидела она так впустую всю вечернюю стражу, потом и полуночную — все ждала, что он вот-вот придет, — и лишь к рассвету поняла, что ждать уж нечего, и, потеряв надежду, легла и уснула. Видя это, Бодхисаттва подумал: «Покуда у нее была еще надежда, что милый на свидание придет, она сидела и ждала. А теперь поняла, что ждать нечего, отчаялась и спит себе спокойно. Выходит так, что пока есть надежда утолить желание, человек страдает, а как надежда его оставит, так он и обретет покой и счастье.

Спит счастливо, потеряв надежду!
Счастье не в надежде — в исполнении.
Потеряла Пингала надежду,
Потому и спит теперь спокойно».

На следующий день ушел он из деревни, углубился в лес и увидел подвижника в глубоком созерцанье. «Ни на этом свете, ни на том нет счастья выше, чем то, что обретаешь в созерцании, — подумал Бодхисаттва. —

И в этом мире, и в посмертном
Всего превыше созерцанье.
Ведь созерцатель безмятежный
Зла никому не причиняет».

Там, в лесах, он и остался; сделался по древнему обычаю подвижником, научился созерцанию, обрел сверхобычные способности и после смерти сопричислился к обитателям миров Брахмы».

Закончив это поучение, Учитель связал перерождения: «Придворным жрецом был тогда я сам».

ДЖАТАКА О ЗМЕИНОМ УКУСЕ (354)

«Как змея сменяет кожу...» — это сказал Учитель, пребывая в роще Джеты, по поводу одного домохозяина, у которого умер сын. Учитель пришел к нему домой, а хозяин встретил его, усадил. «Что, милый, горюешь?» — спросил Учитель. «Да, почтенный. С тех пор как сын мой умер, все и горюю». — «Что поделаешь! Что может разрушиться — непременно разрушится, что может погибнуть — непременно погибнет. Не у одного тебя так, да и не только в этой деревне. Ведь во всех безграничных вселенных, во всех трех видах существования ты не найдешь бессмертных. И нет ничего составного, что навечно осталось бы целым. Всем существам суждено умереть, а всему сложному — распаться. Вот и в древности случилось так, что когда у мудрого человека умер сын, он не стал горевать, он помнил: «Погибло то, чему и суждено погибнуть», — сказал Учитель и по просьбе домохозяина поведал о былом.

«Некогда в Варанаси правил царь Брахмадатта. Бодхисаттва тогда родился в брахманской семье в деревне у ворот Варанаси. Был он главой семьи и зарабатывал на жизнь земледелием. И было у него двое детей: сын и дочь. Когда сын его подросток, Бодхисаттва женил его на девушке из подходящей семьи, и всего стало в их доме, вместе с рабыней, шесть человек: сам Бодхисаттва, его жена, сын, дочь, сноха и рабыня. Жили они все в мире и добром согласии. Всем своим домочадцам Бодхисаттва давал такие наставления: «Одаривайте нуждающихся, чем только можете, не преступайте обетов, совершайте обряды упóсатхи. А главное — не забывайте о смерти, хорошенько запомните, что всем вам суждено умереть. Ведь всем нам достоверно известно, что мы умрем, а вот сколько мы проживем — никто не знает. Ничто составленное из частей не вечно и может разрушиться. Поэтому пуще всего берегитесь беспечности!» Остальные внимали его наставлениям и старались не предаваться беспечности и постоянно помнить о смерти.

И вот однажды Бодхисаттва пришел с сыном на поле пахать. Сын сгрел в кучу всякий мусор и поджег его. Невдалеке в муравейнике сидела кобра, и дым начал есть ей глаза. «Это он нарочно подстроил!» — разозлилась она, выползла наружу и укусила его всеми четырьмя ядовитыми клыками. Сын тут же упал и умер. Бодхисаттва заметил, что он упал, остановил быков, подошел, посмотрел. Видит — сын мертв. Тогда он взял тело, перенес его под дерево и одел — но не плакал, не причитал. «Разрушилось то, что должно было разрушиться, — твердо помнил он. — Умер тот, кому и была суждена смерть. Ведь ничто составное не вечно, все должно кончиться смертью». Так он, держась мысли о бренности всего сущего, снова стал за плуг. Мимо поля проходил знакомый. Бодхисаттва окликнул его: «Приятель, ты не домой ли?» — «Домой». — «Тогда будь добр, зайди и к нам и передай моей жене, что сегодня еды на двоих не понадобится, — пусть принесет только на одного, да пусть приходит сама, а не посылает, как обычно, рабыню. А лучше пусть приходят все четверо, пусть наденут чистую одежду и возьмут с собою цветов и благовоний». Тот все в точности передал. «Кто это такое сказал?» — спросила брахманка. «Твой муж, уважаемая». — «Значит, сын мой умер», — догадалась она и даже не содрогнулась: она научилась владеть собой. Оделась она во все чистое, взяла цветы и благовония, велела еду захватить и пошла со всеми на поле. И ни один из них не стал плакать и причитать. Бодхисаттва поел под тем же деревом, где лежал покойник; потом они собрали дров, уложили покойника на погребальный костер, забросали его цветами, умастили благовониями и костер подожгли. Ни у кого и слезинки не показалось: все собою владели, все помнили, что смерть неизбежна. И от пыла их добродетели Шакру стало припекать снизу на его троне. «Кто это хочет лишить меня престола?» — задумался он и скоро понял, что донимающий его жар исходит от пламени их достоинств. Он порадовался за них и решил: «Спустишь-ка я к ним и тем дам им случай поведать во всеуслышанье об их победе над печалью, а потом всю эту семью осыплю дождем драгоценностей». И, тотчас перенесшись туда, он стал подле погребального костра и спросил: «Что вы делаете?» — «Покойника сжигаем, господин». — «Не может быть, чтобы вы сжигали покойника. Оленя, наверно, жарите». — «Вовсе нет, господин. Это и впрямь покойник». — «Так это, стало быть, ваш недруг?» — «Это, господин, мой родной сын, а не недруг», — ответил ему Бодхисаттва. «Видно, сын был нелюбимый?» — «Любимый, и очень». — «Почему же ты не плачешь?» Бодхисаттва объяснил, почему он не плачет:

«Как змея сменяет кожу,
Человек сменяет тело,
Когда жизни срок исполнен,

И уходит без оглядки.
На костре сгорает тело
И не внемлет причитаньям.
Так зачем мне убиваться?
Ведь судьбы не переплачешь».

Выслушав ответ Бодхисаттвы, Шакра обратился к его жене: «А тебе, мать, кем он доводился?» — «Это сын мой родимый, господин. Я носила его десять месяцев¹², грудью выкормила, на ноги поставила, человеком вырастила». — «Отец все же мужчина, потому и не плачет, а как же ты, мать? Ведь у матери сердце податливо, почему ж ты не плачешь?» Она объяснила:

«Он явился к нам без спросу
И ушел, не попрощавшись.
Жизнь приходит и уходит,
Горевать о том не надо.
На костре сгорает тело
И не внемлет причитаньям.
Так зачем я буду плакать?
Ведь судьбы не переплачешь».

Выслушав слова матери, Шакра спросил сестру покойного: «А тебе, милая, кем он доводился?» — «Это мой брат, господин». — «Милая, сестры ведь любят братьев, почему ж ты не плачешь?» Она тоже объяснила:

«Плакать буду — подурнею,
А какая с того польза?
Родичей, друзей и близких
Лучше провожать бесстрастно.
На костре сгорает тело
И не внемлет причитаньям.
Так зачем мне убиваться?
Ведь судьбы не переплачешь».

Выслушав слова сестры, Шакра спросил у его вдовы: «А тебе, милая, кем он доводился?» — «Мужем, господин». — «Когда муж умирает, жена остается одна, беззащитной вдовой. Почему ж ты не плачешь?» Она объяснила:

«Плачет маленький ребенок:
«Месяц с неба мне снимите!»
Кто по мертвым причитает —
Тот не большего добьется.

¹² Здесь, как и во всех подобных случаях, имеются в виду лунные месяцы.

На костре сгорает тело
И не внемлет причитаньям.
Так зачем же убиваться?
Ведь судьбы не переплачешь».

Вслушав ответ вдовы, Шакра спросил у рабыни: «Милая, а тебе кем он доводился?» — «Это мой хозяин, господин». — «Наверное, он тобою помыкал, бил тебя и мучил, потому ты и не плачешь? Верно, думаешь: наконец-то он умер». — «Не говори так, господин. С ним такое вовсе не вяжется. Хозяин мой был человек терпеливый, жалостливый, участливый, относился ко мне, как приемный сын». — «Почему же ты не плачешь?» Та тоже объяснила, почему не плачет:

«Если я горшок разбила —
Черепки не склеишь снова.
Причитания по мертвым
К жизни их вернуть бессильны.
На костре сгорает тело
И не внемлет причитаньям.
Так зачем же убиваться?
Ведь судьбы не переплачешь».

Вслушал Шакра их речи, исполненные дхармы, и благосклонно сказал: «Вы и впрямь отрешились от беспечности и научились помнить о смерти. Я не хочу, чтобы впредь вы зарабатывали себе пропитание своими руками. Я царь богов Шакра. Я наполню отныне ваш дом лучшими сокровищами без счету. А вы приносите дары, блюдите обеты, совершайте обряды упосатхи и не предавайтесь беспечности». Такое дал он им наставление, одарил их несметными богатствами и вернулся на небеса».

Закончив этот рассказ о дхарме, Учитель изъяснил арийские положения, а затем так отождествил перерождения: «Рабыней тогда была Кубджоттара, дочерью — Утпалаварна, сыном — Рахула, матерью — Кшема, а брахманом был я сам». Домохозяин, услышав объяснение, обрел плод прорезавшегося слуха.

ДЖАТАКА О ЖЕНСКОЙ НЕВЕРНОСТИ (374)

«Ты все добро мое забрал» — это сказал Учитель, пребывая в роще Джеты, по поводу одного монаха, которого соблазняла его бывшая мирская жена. «Почтенный, я тоскую по своей бывшей жене», — сказал Учителю этот монах. «Эта женщина, о монах, не только ныне вредит тебе. И в прошлом случилось так, что тебе из-за нее отрубили голову», — сказал Учитель и по просьбе монахов рассказал о былом:

«Некогда в Варанаси правил царь Брахмадатта, Бодхисаттва же тогда был Шакрой. В те времена некий молодой брахман родом из Варанаси изучил в Такшашиле все искусства и в совершенстве освоил стрельбу из лука. За это его стали звать «младший умный лучник». Учитель его, видя, что ученик сравнялся с ним мастерством, выдал за него свою дочь, и тот отправился с нею назад в Варанаси. По пути попали они в одну местность, которую опустошал слон. Лес, где рыскал этот слон, все обходили стороной. Но младший умный лучник, как ни отговаривали его люди, направился с женою прямой дорогой через тот лес. И вот в самой гуще леса выскочил на них слон. Лучник выстрелил ему в висок. Стрела пронзила череп насквозь и вышла с другой стороны, и слон упал тут же мертвым. Так умный лучник избавил эту местность от напасти. Дальше по дороге он подошел к другому лесу; там путников грабили пятьдесят разбойников. И снова, не слушая ничьих уговоров, он пошел напрямик и наткнулся на разбойников. Они только что убили оленя, зажарили его и ели, сидя у обочины. Разбойники увидели, что к ним приближается человек, а рядом — нарядно одетая женщина, и вздумали было взять его в плен. Но их атаман разбирался в людях получше, он всмотрелся в него, понял, что это — человек незаурядный, и не велел никому трогаться с места. Умный лучник подослал к ним жену: «Иди, попроси для нас шампур с мясом». Она подошла и попросила: «Мой хозяин говорит, чтобы вы дали нам один шампур». — «Вот это муж!» — восхитился атаман и велел дать. Но разбойникам показалось, что отдавать чужакам готовую еду —

это уж чересчур, и они дали ей шампур с сырым мясом. А лучник себе цену знал. Он рассердился: «Как они смеют слать мне сырое!» Тут и разбойники повскакали: «Что же, выходит, один он мужчина, а мы все бабы?» Лучник поднял лук и сорока девятью стрелами уложил сорок девять человек, только на атамана стрелы не хватило: ведь в колчане его умещалось ровно пятьдесят стрел, а одну он уже потратил на слона. Он повалил атамана на землю, уселся ему на грудь и велел жене подать меч, чтобы отрубить ему голову. А та уже в атамана успела влюбиться и протянула меч рукоятью к разбойнику, а ножами — к мужу. Атаман ухватился за рукоять, обнажил меч и одним ударом снес лучнику голову. Разделавшись с ним, он пошел прочь оттуда вместе с женщиной и спросил ее, кто она родом. «Я дочь знаменитого учителя из Такшашилы», — ответила она. «А как этому ты досталась?» — «Отец мой был им очень доволен за то, что тот сравнялся с ним в мастерстве, и выдал меня за него. Видишь, как я тебя полюбила — даже супругом законным ради тебя пожертвовала». «Если она так обошлась со своим законным супругом, — подумал атаман, — она и со мной так же разделается, если ей понравится кто-то другой. С такой лучше не связываться». Тут они подошли к речке, широко разлившейся в паводок. «Милая, здесь в реке живет злой крокодил. Что делать будем?» — спросил он. «Возьми, господин, мои наряды и украшения, увяжи их узлом в мое сари и перенеси на тот берег, а потом возвращайся за мной». — «Ладно». Вот перебрался он со всеми ее украшениями на другой берег и пошел, не оглядываясь. Та с испугу запричитала: «Господин, ужели ты меня бросаешь? За что так? Вернись!

Ты все добро мое забрал. Не оставляй меня одну!

Прошу тебя, вернись скорей, перенеси меня к себе».

А разбойник с того берега ответил:

«Ты ведь мужу мигом изменила

Ради постороннего мужчины,

Ты и мне изменишь без раздумий.

Нет уж, лучше я пойду подальше.

Я ухожу далеко-далеко, а ты тут оставайся». И, не обращая больше внимания на ее крики, он убежал со всеми ее драгоценностями. Вот как попала в беду эта глупая женщина — и все из-за неумеренности своих желаний. Осталась она в лесу беззащитная, села тут же под куст элагы и залилась слезами. В тот самый миг Шакра обзирал мир и заметил ее, лишившуюся из-за своих чрезмерных желаний и мужа, и любовника. Видя ее слезы, он решил укорить ее и устыдить. Перенесся он к той самой реке вместе с Матали и Панчашикхой и посвятил их в свой замысел: «Ты, Матали, будешь рыбой; ты, Панчашикха, — птицей. Сам я стану

шакалом и побегу мимо нее с куском мяса в зубах. Когда я буду пробегать рядом с рекой, выпрыгни рыбой из воды и ляг прямо передо мной. Я выпущу мясо из пасти и брошусь на тебя. Ты ж, Панчашикха, тотчас хватай кусок мяса и улетай, а ты, Матали, соскользни обратно в воду». Матали обернулся рыбой, Панчашикха обернулся птицей, а Шакра обернулся шакалом и с куском мяса в зубах побежал мимо женщины. Рыба выпрыгнула из воды и легла прямо перед шакалом, шакал бросил мясо и метнулся к рыбе, рыба подскочила и упала обратно в воду, птица взмыла вверх с куском мяса в клюве, а шакал остался ни с чем и с понурым видом побрел к кусту элагалы. Видя все это, женщина подумала: «Слишком многого он захотел — вот и остался без мяса и без рыбы». Тут она громко и резко расхохоталась. Слыша ее смех, шакал спросил:

«Что ты под кустом расселась и впустую зубы скалишь?

Здесь не пляшут, не поют, барабанов не слышать.

Вспору плакать, не смеяться. Что ж, красавица, хочешь?»

Она ответила:

«Глуп шакал ты, неразумен, безрассуден ты и жаден.

Коль остался без поживы, так сиди теперь понуро».

Шакал на это сказал:

«Видишь ты чужую глупость, а своей не замечаешь:

Коль осталась без мужчины, так сиди теперь понуро».

Она ответила:

«Прав ты, царственный шакал, речи верные ведешь.

Если выйду замуж вновь, буду мужу я верна».

Но царь богов Шакра не поверил этой распутнице и грешнице. Он сказал:

«Глиняный горшок украла — украдешь и золотой.

Коль однажды в грех ты впала, и в другой раз согрешишь».

Так он ее устыдил и заставил раскаяться, а сам вернулся на небеса».

Рассказав эту историю, Учитель объяснил затем арийские положения и так связал перерождения: «Лучником был тогда тоскующий монах, женою его — бывшая мирская жена монаха, а царем богов Шакрой — я сам». Вняв объяснению, тосковавший монах обрел плод прорезавшегося слуха.

ДЖАТАКА О ПОЧТЕНИИ К ШРАМАНАМ (391)

«Благообразный, безобразному...» — это произнес Учитель, пребывая в роше Джеты, о том, как действовать на благо людям. Повод к этому был такой же, как в истории о большом черном псе. На этот раз Татхагата произнес: «Не только теперь, о монахи, но и прежде Татхагата стремился принести людям благо» — и рассказал о былом.

«Некогда в Варанаси правил царь Брахмадатта. Бодхисаттва тогда был Шакрой. В ту пору некий колдун повадился по ночам блудить: ведовским заклинанием он открывал себе за полночь путь на женскую половину дворца варанасийского царя и прелюбодействовал с его главной супругой. Прислужницы о том дознались, да и сама она пришла к царю и повинилась: «Государь, за полночь является ко мне в опочивальню неизвестный мужчина и силою берет меня». — «А ты бы не могла оставить на нем метку, чтобы его нам уличить?» — «Попытаюсь, государь», — и царица велела поставить в опочивальне чашку с киноварью. Ночью, когда колдун, натешившись с нею, собрался уходить, она смочила руку в киновари и отпечатала прямо на его спине всю пятёрню¹³. Рано утром об этом дали знать царю. Царь призвал сыщиков: «Ищите человека с красным отпечатком пятёрни на спине. Увидите — хватайте». А колдун, блудя по ночам, дни проводил у погребальных кострищ: стоял там на одной ноге, как солнцепоклонник. Царевы сыщики угладили его и окружили. «Видать, о моих проделках стало известно», — сообразил колдун, прошептал заклинание и взлетел в воздух. Сыщики воротились к царю ни с чем. «Ну что, разыскали его?» — спросил тот. — «Да, разыскали». — «Кто же он?» — «Подвижник какой-то, государь». Раз колдун ходил днем в подвижничьем рубище, они

¹³ Знак пятёрни, отпечатанный киноварью, считался магическим и должен был помочь изловить колдуна.

его подвижником и сочли. А царь это принял на веру, и гнев его пал на всех подвижников: «Ишь ты, днем святых из себя строят, а по ночам блудить вздумали!» Он велел под бой гонгов объявить повсеместно: «Пусть все подвижники убираются из моего царства. А если кто из них попадется мне на глаза — предам казни!» И вот из Кашийского царства, простершегося на триста йоджан, подвижники побежали в соседние государства и их столицы, и не осталось во всей стране ни единого преданного дхарме шрамана или брахмана, — никого, кто мог бы преподать народу благое наставление. Без наставлений народ огрубел, позабыл о щедрости и о нравственности, и умиравшие стали все попадать в ад и иные дурные места, на небесах же никто после смерти уже и не возрождался. «В чем дело?» — озаботился Шакра, не встречая новых богов, и выяснил причину. Оказалось, это царь Варанаси рассердился на колдуна и понапрасну распространил свой гнев на всех подвижников, изгнал их из своего царства. «Ну что ж, — решил Шакра, — некому, кроме меня, разубедить царя Варанаси. Если я возьму это дело на себя, я облагодетельствую и царя, и всех жителей царства». Он перенесся к подножию горы Нандамулы, где обитала община пробуждённых-для-себя, и воззвал: «Почтенные! Я прошу отправиться со мною одного из вас. Нужно, чтобы он был уже в летах. Я хочу вразумить обитателей царства Каши». Сам старейшина общины согласился помочь ему. Они вместе перенеслись в город Варанаси. Тут Шакра обернулся молодым брахманом необычайной красоты. Вдвоем они трижды прошли по городу из конца в конец. Пробуждённый шел первым, а Шакра — за ним и нес его чашу и покрывало. Остановившись перед дворцом, Шакра воспарил над землею, молитвенно сложил руки над головою и поклонился старцу. Доложили царю: «Государь! Неизвестный юноша-брахман, очень красивый, привёл сюда шрамана, а сам парит в воздухе перед воротами дворца». Царь встал с трона, выглянул в окно и спросил:

«Скажи, пригожий юноша: за что
Невзрачного ты считаешь старца?
Ужели превосходит он тебя?
Как звать тебя и как — его, ответь!»

«Государь, — отвечал Шакра, — шраманы заслуживают столь великого почтения, что я не смею произнести вслух его имя, могу только назваться сам.

О государь! Цари не вправе знать
Ни имени, ни рода пробуждённых.
Свое же имя я назвать могу:
Я Шакра, небожителей владыка».

Тогда царь спросил:

«Коль, видя добронравного монаха,
Почтение искренне ему окажешь,
Что доброго с тобой по смерти будет?
Ответь мне на вопрос, о небожитель!»

Шакра ответил:

«Кто, видя добронравного монаха,
Почтение искренне ему окажет —
Заслужит тот при жизни похвалу,
А после смерти — возродится богом».

Речь Шакры побудила царя переменить свое мнение о подвижниках, и он радостно произнес:

«Сегодня у меня счастливый день,
Я повстречал небесного владыку!
Узрев тебя и шрамана, о Индра,
Я совершу немало добрых дел!»

Шакра одобрил решение:

«Отлично! Почитай же тех, кто мудр,
Кто много думал и немало знает.
Узрев меня и шрамана, о царь,
Ты совершишь немало добрых дел!»

А царь заключил:

«Отныне, безгневен и светел в душе,
Я щедро гостей одарять своих буду,
Гордыню оставляю и стану приветлив.
Я внял твоей речи, о царь-небожитель».

Он вышел из дворца и почтительно склонился перед пробуждённым. А тот воспарил в воздухе, сел, скрестив ноги, и наставил царя: «Государь, не путай колдунов и подвижников! Тебе следует знать, что свет — не без добродетельных шраманов и брахманов. Приноси дары, блюди обеты, следуй обрядам постного дня». Шакра же, сменив личину брахмана на свой истинный божественный облик, дал наказ горожанам: «Отныне вы должны образумиться». Он велел под бой гонгов объявить повсеместно: «Пусть возвращаются в царство шраматы и брахматы, бежавшие на чужбину». С тем они и покинули город. Царь же не отступал от полученного наказа и творил благие дела».

Закончив это наставление, Учитель изъяснил арийские положения, а затем отождествил перерождения: «Пробуждённый тогда же упокоился, царем был Ананда, а Шакрой — я сам».

ДЖАТАКА О РАБЕ-ЦАРЕУБИЙЦЕ (416)

«Еще придет ко мне беда...» — так Учитель, находясь в Бамбуковой роще, сказал по поводу Девадатты, покушавшегося на его жизнь. В то время в зале для слушания дхармы возник такой разговор: «Почтенный, Девадатта всеми силами старается убить Татхагату: он и лучников насылал, и камень со скалы на него сбрасывал, и злого слона Налагири навтравливал — всё он делает, только бы погубить Татхагату». Учитель пришел и спросил: «О чем вы сейчас беседуете, монахи?», Монахи объяснили. «Не только теперь, о монахи, пытается он меня погубить, он и прежде пытался, но даже испугать меня не смог, сам только в беду попал», — произнес Учитель и рассказал о минувшем.

«Некогда в Варанаси правил царь Брахмадатта. Бодхисаттва родился тогда сыном его главной супруги. Возмужав, он изучил в Такшашиле все искусства, а еще узнал он заговор, который давал человеку способность понимать язык всех птиц и зверей. На прощанье прошел он у учителя испытания и возвратился в Варанаси. Царь объявил его своим наследником. Объявить-то объявил, а сам тайно замыслил погубить сына и даже видеть его не желал.

Однажды ночью, когда люди сидели по домам, какая-то шакалиха с двумя шакалятами пробралась в город по сточной канаве. Невдалеке от опочивальни Бодхисаттвы стоял странноприимный дом, и там оставился на ночлег путник. Он снял сандалии и поставил их на землю у себя в ногах, а сам лег на скамейку, но пока еще не заснул. Голодные шакалята заскулили. «Не шумите, детки, — говорит им мать, — здесь в странноприимном доме на скамейке лежит человек. Он снял сандалии и поставил их на землю. Он еще не спит, зато когда заснет, я эти сандалии утащу и вас накормлю». Говорила она на своем языке, но Бодхисаттва благодаря заговору понял ее слова, вышел из опочивальни, открыл окно и окликнул: «Кто тут?» — «Я путешественник, государь». — «Где твои сандалии?» — «На земле, государь». — «Повесь их на гвоздь».

Шакалиха услышала это и обозлилась на Бодхисаттву. На следующий день она опять так же пробралась в город. Той порой какой-то пьяница, томимый жаждой, спустился к пруду, поскользнулся, упал в воду и захлебнулся. На нем было две одежды, и под верхней спрятаны были связка в тысячу монет и перстень с печаткой. Шакалята опять затыкали: «Есть хотим!» — «Не шумите, детки, — сказала мать. — Здесь в пруду утопленник лежит, и надето на нем вот что и вот что. Он упал с самого спуска — мы достанем и съедем». Бодхисаттва услышал это, отворил окно и окликнул: «В странноприимном доме кто-нибудь есть?» Кто-то откликнулся. «Там, в пруду, лежит покойник. Сними с него одежду, заведи себе деньги и перстень с печаткой, а тело закинь подальше в воду». Тот так и сделал. Шакалиха еще сильнее разозлилась: «Вчера ты моим детям не дал сандалии съесть, а сегодня помешал поживиться утопленником! погоди же! На третий день придет соседний царь с войском и обложит город. Отец тебя пошлет воевать, и тебе там отрубят голову. Вот когда я твоей крови напьюсь, отведу душу! Ужо узнаешь, каково со мною враждовать!» Пробрехала она эту угрозу и убежала с детьми. На третий день и впрямь пришел соседний царь и обложил город. Царь велел Бодхисаттве идти с ним воевать. «Государь, у меня дурное предчувствие. Похоже, что моей жизни грозит опасность. Мне боязно». — «Мне нет дела, будешь ты жив или мертв, иди — и довольно». — «Ладно, государь». И Великий вышел с отрядом из города, да только не в те ворота, против которых стоял неприятель, а в другие. А за ним и народ потянулся, и город весь опустел — никого в нем не осталось. Бодхисаттва подыскал удобное место и стал там лагерем. А царь подумал: «Наследник мой убежал, увел с собой войско и горожан, а под стенами неприятель стоит — пропал я теперь!» Решил он, что надо спастись, и ночью, в чужой одежде, он вместе с царицей, придворным жрецом и единственным слугой по имени Парантапа убежал из города в лес. Прослышав о его бегстве, Бодхисаттва вернулся в город, дал сражение неприятелю, обратил его в бегство и начал сам править. А отец его построил на берегу реки шалаш и зажил в нем, питаясь лесными плодами. Сбирать их ходили царь со жрецом, а раб Парантапа оставался в шалаше вместе с царицей. В лесу царица понесла от царя, а проводя дни наедине с Парантапой, она в конце концов и с ним спуталась. Однажды она сказала Парантапе: «Доведись царю прознать о наших делах, и тебе, и мне придет конец. Его надо убить». — «Как же я его убью?» — «Когда царь ходит купаться, ты несешь за ним купальную одежду и меч. Только зазевавшись он во время купанья, руби ему голову, а труп рассеки на куски и зарой». Тот пообещал. А жрец однажды, срывая лесные плоды, забрался на дерево невдалеке от того

самого места, где царь обычно купался. Царь как раз собрался искупаться и пришел на берег. Парантапа же нес за ним меч и купальную одежду. Когда царь, не ожидая ничего худого, стал купаться, Парантапа решил, что время настало, схватил его за горло и вытащил меч. В смертельном страхе тот закричал. Жрец оглянулся на крик и увидел, как совершилось убийство. Он страшно перепугался, выпустил ветку, скатился с дерева и забрался в кусты. Парантапа услышал шорох ветвей и, когда покончил с царем и закопал его тело, он пошел и осмотрел место, рассуждая: «Отсюда мне послышался шорох ветвей. Кто же там был?» Но, никого не найдя, он смыл с себя кровь и ушел. Тогда жрец вылез из своего убежища и догадался, что тело царя разрублено на куски и зарыто в глубокой яме. Боясь за свою жизнь, он прикинулся, будто ослеп, и прибрел к шалашу. «Что с тобой, брахман?» — спросил, завидев его, Парантапа. Тот ответил, словно бы не узнавая: «Государь, я ничего не вижу. Я был в лесу, в змеином месте, рядом с муравейником. Наверно, это змея брызнула мне в глаза своим ядом». «Он не узнал меня по голосу, принимает теперь за царя, — подумал Парантапа. — Надо его успокоить». — «Утешись, брахман, я тебя в беде не оставлю», — ободряюще сказал он и вдосталь накормил его плодами. С тех пор в лес за плодами стал ходить уже Парантапа. А царица родила сына. Сын подрастал; и вот как-то ранним утром, сидя в укромном месте, она тихонько спросила Парантапу: «Никто не видал, как ты убил царя?» — «Видеть-то не видел никто, но я слышал шорох шевелящихся ветвей и не знаю, кто их шевелил — то ли зверь, то ли человек. И если что-то сулит мне опасность, так только этот шорох ветвей», — ответил он и добавил:

«Еще придет ко мне беда,
Еще ко мне вернется страх.
Ведь кто-то веткой покачал,
Кто был то: зверь иль человек?»

Им казалось, что жрец спит, но тот не спал и слышал их разговор. И вот как-то раз Парантапа ушел в лес за плодами, а жрец вспомнил о своей жене-брахманке, загрустил и сказал:

«Где же моя пугливая?
Как я по ней соскучился!
Она живет недалеко,
А я здесь чахну без нее,
Как от лесного шороха
Страдает раб Парантапа».

«О чем ты говоришь, брахман?» — спросила царица. — «Это я так, про себя». Как-то в другой раз он сказал:

«Как я тоскую по жене!
Она в деревне, мне верна,
А я здесь чахну без нее,
Как от лесного шороха
Страдает раб Парантапа».

И еще однажды он сказал:

«Одолевает грусть меня,
Как вспомню черноокую,
Улыбку, милый разговор,
И я здесь чахну без нее,
Как от лесного шороха
Страдает раб Парантапа».

А мальчик все рос и рос, и ему исполнилось уже шестнадцать лет. Однажды брахман взял его с собой поводырем и пошел на берег реки, а там раскрыл глаза и посмотрел на него. «Брахман, разве ты не слепой?» — спросил тот. «Не слепой я, я притворялся, чтобы остаться в живых, — ответил брахман. — А ты знаешь ли, кто твой отец?» — «Да». — «Этот человек не отец тебе. Отцом твоим был царь Варанаси, а это его раб. Он спутался с твоей матерью и на этом вот самом месте зарезал и закопал твоего отца». Брахман вырыл кости и показал юноше. У того в глазах потемнело. «Что же мне теперь делать?» — спросил он. «Сделай с ним то же, что он сделал с твоим отцом на этом месте», — ответил брахман, подробно рассказал юноше об убийстве, а потом дал ему несколько уроков владенья мечом. И вот однажды юноша взял меч и купальную одежду и сказал: «Отец, пойдем купаться». — «Хорошо», — согласился Парантапа и пошел с ним. Когда он вошел в воду, юноша взял в правую руку меч, левой схватил его за волосы и сказал: «Я узнал, что когда-то на этом самом месте ты точно так же схватил за волосы моего отца и безжалостно убил его. Сейчас с тобой будет то же». Тот закричал в смертельном страхе:

«Теперь вернулся этот шум,
Теперь он проявил себя!
Кто ветку здесь пошевелил,
Тот все и рассказал тебе.
А я-то, глупый, все гадал,
Сообразить никак не мог:
Ведь кто-то ветку шевелил,
Кто был то — зверь иль человек?»

Юноша сказал:

«Ты предал моего отца,
Все сбудется, как ты гадал:

“Еще придет ко мне мой страх,
Прикрывшись веткой до поры”».

С этими словами юноша тут же его убил, закопал в землю и забросал яму ветками. Он вымыл меч, умылся сам и пришел к шалашу. Там он сказал жрецу, что убил раба, а на мать посмотрел с презрением, и все трое вернулись в город — оставаться в лесу им было незачем. Бодхисаттва сделал младшего брата своим наследником, а сам приносил дары, свершал благие дела и после смерти попал на небеса.

Рассказав эту историю, Учитель отождествил перерождения: «Царем-отцом был тогда Девадатта, а сыном его — я сам».

ДЖАТАКА О РАЗБОЙНИКЕ И ГЕТЕРЕ (419)

«Ожерелье золотое...» — это Учитель произнес в роще Джеты по поводу приключившегося с одной из рабынь Анатхапіндады. Как-то раз в праздник ей захотелось пойти в парк на гуляние вместе с толпой других рабынь, и она попросила у своей хозяйки, госпожи Пурналакшаны, поносить какое-нибудь украшение. Та дала ей свое драгоценное украшение, стоившее добрых сто тысяч. Девушка надела его и пошла с остальными рабынями на гулянье. А в парке ее приметил некий грабитель; украшение пробудило в нем алчность, и он задумал девушку убить и ограбить. Для начала он заговорил с ней, пошел с нею вместе гулять, угостил мясом, вином, рыбой... Девушке сперва показалось, что он ухаживает за нею, и потому она все это принимала. А вечером, когда вся толпа рабынь вдоволь наигралась и навеселилась в парке и остальные девушки разошлись по домам отдыхать, она вышла к нему на свидание. «Милая, отойдем-ка подальше, — сказал он, — а то здесь место больно открытое». Она и догадалась: «Здесь от людей не укроешься, а он, небось, задумал меня прикончить и забрать украшение. Ладно же, я его проучу!» «Господин! — попросила она грабителя. — Достань мне воды напиться. После вина меня мучит жажда». Она подвела его к колодцу и дала кувшин с веревкой. Грабитель спустил вниз на веревке кувшин и, свесясь в колодец, стал зачерпывать воду, а рабыня — она была девушкой здоровой и сильной — тут же подхватила его под зад и скинула вниз. «Живым ты отсюда не вылезешь, не надейся!» — крикнула она и пристукнула его по голове увесистым кирпичом. Грабитель тут же испустил дух. Девушка же пришла домой, вернула хозяйке ее украшение со словами: «А меня из-за этого украшения сегодня едва не прикончили», — и рассказала все, что с ней приключилось. Госпожа ее все пересказала своему мужу Анатхапіндаде, а тот — Татхагате. «Не только теперь, о домохозяин, — заметил Татхагата, — этой девушке свойственна находчивость в трудный час. Она была присуща ей прежде. И расправилась она с ним не только теперь, но и в прошлой жизни», — и по просьбе Анатхапіндады он рассказал о былом.

«Давным-давно в Варанаси правил царь Брахмадатта. В ту пору первой красавицей в городе была гетера Суласá. В услужении у нее было пятьсот красивых рабынь, и за ночь она брала с посетителя тысячу. И тогда же в городе жил некий разбойник по имени Шатрука¹⁴. Человек он был очень сильный; вламывался по ночам в богатые дома и забирал чего душа пожелает. Наконец горожане собрались и сообща пожаловались царю. Царь призвал к себе начальника городской стражи и повелел: «Расставь по городу караулы! Преступник должен быть пойман и обезглавлен!» И вот разбойника изловили, заломили ему руки за спину и повели, бичуя его на каждом перекрестке, к лобному месту. Весть о поимке разбойника взбудоражила город. Суласа выглянула на шум из окна, увидела, как ведут его по улице, и тут же влюбилась. «Вот это воин, вот это мужчина! — восторгалась она. — Как бы мне избавить его от смерти! Я бы тогда бросила свое грязное ремесло — с ним бы одним и жила». И она придумала, как это сделать, — послала со своей доверенной служанкой тысячу монет начальнику городской стражи и велела на словах передать: «Пойманный разбойник — брат Суласы. У нее нет родных, кроме него. Она шлет тебе эту тысячу монет и просит его отпустить». — «Этого разбойника многие видели, так просто его не отпустишь, — ответил начальник стражи. — Будь у меня ему замена, я бы смог незаметно посадить его в крытую повозку и привести к вам». Посланица все до последнего слова пересказала Суласе. А надобно знать, что тогда в Суласу был безумно влюблен некий купец. Он ходил к ней каждый день и приносил по тысяче монет. Пришел он и в этот день — на заходе солнца он появился перед ее домом с тысячью монет в руках. Суласа приняла от него кошелек, положила себе на колени и разрыдалась. «Что с тобою случилось?» — спросил купец. «Господин, разбойник, которого сегодня схватили, — мой брат, — отвечала она. — Он у меня никогда не бывал, потому что я промышляю позорным ремеслом. Я посылала к начальнику стражи — он согласен за тысячу монет его отпустить. Да только некому отнести ему эту тысячу!» Купчик, слепой от любви, предложил: «Давай, я схожу». — «Тогда отнеси ему ту тысячу, что ты мне принес». Тот пошел с деньгами на дом к начальнику стражи. Начальник запер купца в потайной комнате, а разбойника в закрытой повозке отправил к Суласе. Дальше он решил действовать так: «Этого вора у нас в городе хорошо знают в лицо. Подожду, пока стемнеет и народ разбредется по домам, тогда я купца и казню». Он дождался часа, когда город уснул, отвез купца под надежной охраной на лобное место,

¹⁴ Значашее имя от шатру («враг»).

отрубил ему голову, а тело оставил посаженным на кол. Суласа же радостно и в добром согласии зажила с разбойником. Но вот прошло месяца три, и разбойник призадумался: «Жить такой жизнью долго не будешь, а уходить с пустыми руками мне не годится. Украшений у Суласы в доме наберется на добрых сто тысяч. Надо ее прикончить, а добро все забрать». Как-то раз он ей говорит: «Знаешь, милая, когда меня вели на казнь, я пообещал, если выпутаюсь, принести жертву духу дерева, что растет поблизости на вершине горы. Теперь этот дух мне угрожает. Давай устроим ему жертвоприношение». — «Хорошо, господин, приготовь, что надо, и пошли туда слуг». — «Нет, милая, дело так не пойдет. Надо, чтобы мы оба надели все украшения и пришли на гору с большой свитой». — «Хорошо, так и сделаем». Вот приехали они к подножью горы. «Пожалуй, милая, — говорит разбойник, — дух не захочет принимать жертву, если полезет вверх вся толпа. Оставим прислугу внизу и пойдем дальше вдвоем». — «Хорошо», — Суласа и тут спорить не стала. Она взяла блюдо с жертвой, Шатрука же забрал с собою все оружие, и они поднялись на вершину. Все, что надо для жертвоприношения, они сложили под деревом, нависшим над пропастью глубиной в сто сажень, — и тут разбойник ей объявил: «Я, знаешь ли, милая, сюда пришел совсем не для жертвы. На самом-то деле я надумал забрать твои драгоценности, а тебя убить и сбежать. Так что снимай-ка все украшения и увяжи их в свое сари». — «Господин, чего ради тебе понадобилось меня убивать?» — «Ради денег!» — «Вспомни, господин, сколько я для тебя сделала! Тебя связанного тащили на казнь. А я тебя выручила, отдала большие деньги и выменяла тебя на купца! Я могла бы за каждую ночь получать по тысяче, а ведь я на других мужчин и смотреть перестала. Я твоя благодетельница, не убивай меня! Я тебе дам много денег, работой твоей стану, — так молила его гетера.

Ожерелье золотое, жемчуга и самоцветы —

Все возьми, помилуй только. Я работой твоею буду!»

Но Шатрука и не подумал смягчиться:

«Отдавай-ка украшения, и не надо ныть напрасно.

Отроду не признавал я ограбления без убийства!»

Тут уж Суласе стало ясно, в каком положении она очутилась. «Этот разбойник и впрямь меня не помилует. Остается как-то исхитриться и самой нанести удар первой — сбросить его в эту пропасть», — решила она и сказала:

«С тех пор как знаю я себя,

С тех пор как в разум я вошла,

Я не припомню никого,

Кто был бы мне тебя милей.

Дай мне поцеловать тебя
И обойти с почтением,
Ведь в будущем тебе и мне
Уж никогда не свидеться».

Не догадываясь, что она задумала, Шатрука согласился: «Ладно уж, милая, можешь меня поцеловать». Суласа почтительно обошла вокруг него три раза, поцеловала и говорит: «А теперь, господин, я хочу тебе со всех четырех сторон поклониться». Сначала она подошла спереди и приклонила голову к его ногам, потом поклонилась ему справа и слева, а под конец зашла сзади, будто бы тоже, чтоб поклониться, — и тут изо всех сил толкнула его обеими руками, сбросила под обрыв, и полетел он вниз головой прямо в пропасть глубиною в сто саженей, а там разбился в лепешку.

Видя это, жившее на вершине горы божество произнесло:

«Мужчина не всегда умен,
Иной раз может оплошать.
Бывает, женщина умней
И понимает, что к чему.
Мужчина не всегда умен,
Иной раз может оплошать.
Бывает, женщина умней
И знает, как ей поступать.
Не растерялась Суласа,
Сообразила в трудный час,
И, как охотник на ходу
Стрелою поражает лань,
Она сразила Шатруку.
Кто не умеет распознать
Грозящую ему беду,
Тот тугодум — он пропадет,
Словно грабитель в пропасти.
А кто нежданную беду
В один лишь миг распознает,
Тот над врагом одержит верх,
Как Суласа над Шатрукой».

Расправившись с разбойником, Суласа спустилась вниз и подошла к служанкам. «А господин где?» — спросили они. «Забудьте о нем», — ответила Суласа, села на колесницу и поехала домой».

Закончив это наставление, Учитель связал перерождения: «Оба они — те же, что и теперь, а божеством был я».

ДЖАТАКА О БРАХМАНЕ-СЛЕДОПЫТЕ И ЦАРЕ-ДУРАКЕ (432)

«Уносит Ганга от меня...» — это Учитель произнес в роще Джеты по поводу некоего мальчика. Мальчик был родом из Шравасты и уже семи лет от роду отличился умением читать следы. Отец как-то раз решил его испытать и потихоньку ушел в гости к приятелю. А мальчик, ни у кого ни о чем не спросив, пошел по следам отца и отыскал его. Спустя несколько дней отец спрашивает: «Сынок, как ты меня отыскал, ведь я ушел из дому не сказавшись?» — «А я, батюшка, следопыт; я пришел по твоему следу». Тогда отец надумал проверить его еще раз. Однажды после завтрака вышел он из дому и прошел в ближайший соседский дом, оттуда же через следующий дом вошел в третий; потом вышел оттуда и вернулся к дверям своего дома. Дальше он направился к северным городским воротам, вышел из города и пошел вдоль стен налево, пока не добрался до рощи Джеты. Там он приветствовал Учителя и сел послушать его наставлений. А мальчик тем часом спросил было домашних, где отец, но те и сами не знали, и тогда он пошел по следу: вошел в соседний дом, оттуда — в следующий. Короче говоря, он в точности повторил путь отца, добрался до рощи Джеты, а там поклонился Пробужденному и стал рядом с отцом. «Как ты узнал, что я здесь, сынок?» — спросил его отец. «Я, батюшка, по следам шел». — «О чем это ты, мирянин?» — вмешался Учитель. «Почтенный, сынок у меня — великий следопыт. Я решил проверить его и вон какой окольной дорогой сюда пришел, А он увидел, что меня дома нет, отправился по следу и, как видишь, сыскал-таки меня!» — «В следах на земле разобраться как-никак можно; это, мирянин, не диво. Ведь некогда умные люди распознавали следы даже в воздухе», — промолвил Учитель и по просьбе мирянина рассказал о былом.

«Некогда в Варанаси правил царь Брахмадатта. Его главная супруга изменила ему, а когда царь стал ее допрашивать, она не то что не призна-

лась, а еще и поклялась: «Чтоб мне заплаканной ведьмой¹⁵ родиться, коли я тебе неверна». И вот она умерла и родилась где-то в горах заплаканной ведьмой. Поселилась она в укромной пещере и стала ловить и пожирать людей, пересекавших ее лес с запада на восток или с востока на запад. Ведь до этого она три года выслуживалась перед владыкой ведьм и леших, Вайшраваной, и он в награду отдал ей в полную власть этот лес — на тридцать йоджан в длину и на пять в ширину, со всеми, кто туда попадал, — ешь, кого хочешь. Однажды некий состоятельный брахман, красивый собою, ехал с большой свитой по этому лесу. Ведьма увидела его и с диким хохотом бросилась вперед. Свита разбежалась во все стороны, а ведьма подскочила, взвалила брахмана себе на спину и потащила в свою пещеру.

Но по дороге прикосновение мужского тела пробудило в ней вожделение; она воспылала страстью к нему, раздумала его есть и взяла себе в мужья. С тех пор они зажили в добром согласии. Ведьма ловила людей по-прежнему, но теперь она приносила в пещеру и одежду, и рис, и масло и готовила мужу добротную еду, сама же кормилась человечиною. Чтобы брахман в ее отсутствие не сбежал, она, уходя, заваливала вход в пещеру огромным камнем. Пожили они так, ведьма понесла и через десять месяцев родила сына — Бодхисаттву. С тех пор она стала еще заботливее и пищу добывала уже для них обоих. Когда Бодхисаттва подрос, она стала закрывать его в пещере вместе с отцом. Однажды она ушла, а Бодхисаттва сдвинул камень с места, вышел сам и позвал за собой отца. «Кто камень отодвинул?» — спросила ведьма, вернувшись. «Это я отодвинул, матушка. Невмочь нам все время сидеть в темноте». Мать из любви к сыну смолчала. А Бодхисаттва однажды спросил у отца: «Батюшка, почему лицо у тебя совсем не такое, как у моей матери? В чем тут дело?» — «Мать у тебя, сынок, — ведьма, она ест человечину, а мы с тобой люди». — «Раз так, зачем нам с тобой тут оставаться, давай уйдем гуда, где люди живут!» — «Нет, сынок, если мы убежим, мать нас догонит и убьет». — «Не бойся, батюшка, — успокоил отца Бодхисаттва. — До людского жилья мы доберемся. Об этом я сам позабочусь». На следующий день, когда мать ушла, пустились они с отцом бежать. А ведьма вернулась, увидела, что их нет, и стремглав бросилась в погоню. Догнала она их и спросила: «Что же ты, брахман, бежишь от меня? Неужто чего-то тебе у меня не хватает?» — «Не сердись, милая, это сын твой меня подбил». Узнав, что но затея ее любимого сына, ведьма и корить их не стала, а просто привела обратно домой. Через несколько дней они опять сбежали, но ведьма и на этот раз поймала их. «Наверное, у моей матери власть над лесом где-то

¹⁵ Заплаканная ведьма — один из разрядов ведьм.

кончается, — подумал Бодхисаттва. — Расспрошу-ка я ее, куда простирается ее сила; ведь если мы пересечем эти границы, она нас уже не вернёт. Сел он как-то раз рядом с матерью и говорит; «Матушка! Все, что принадлежит матери, потом наследует сын. Опиши мне, какими землями ты владеешь и где им конец». Мать ему все рассказала, назвала межи и граничные знаки — горы, реки и прочее — и заключила: «Вот, сынок. Все это наше, запомни хорошенько». А Бодхисаттва выждал дня два или три и, когда мать ушла в лес, усадил отца себе на спину и бросился, что было мочи, к ближайшей границе. Тем часом ведьма вернулась и пустилась в погоню, да только когда нагнала их, Бодхисаттва с отцом были уже посередине пограничной реки. Ведьма увидела, что они вышли за пределы ее власти, остановилась на берегу и стала умолять их вернуться: «Вернись, сынок, вороти отца! Чем я провинилась перед вами? Чего вам у меня не хватает? Вернись, господин, муж мой!» Брахман поддался и пошел к берегу. «Одумайся, сынок, воротись!» — молила она теперь сына. «Нет, матушка! Не сможем мы всю жизнь прожить с тобой вместе. Ты же ведьма, а мы люди». — «Значит, сынок, ты не вернешься?» — «Нет, матушка». — «Смотри же, сынок. Жить в мире людей нелегко. Тому, кто никакого ремесла не освоил, в нем не прожить. Послушай меня: я владею тайным знанием, драгоценным, как тот самоцвет, что исполняет желания¹⁶. Знаю я могущественное заклинание, силой которого распознаются следы, даже если их оставили двенадцать лет назад. Прими у меня это знание — это тебе будет верный заработок». Ведьма и вправду так любила сына и так горевала, что решилась отдать ему свое тайное знание. Бодхисаттва, не выходя из воды, поклонился матери, сложил руки пригоршнями, чтобы принять в них ее заклинание, еще раз поклонился и сказал: «Ну, матушка, ступай теперь». — «Сынок, если вы оба не вернетесь, мне жить незачем!» — воскликнула ведьма и ударила себя в грудь. Сердце у нее разорвалось от горя, она упала и умерла. Бодхисаттва увидел, что мать мертва, подошел. Вместе с отцом они сложили погребальный костер, сожгли останки, разбросали головешки от костра, засыпали кости ворохом цветов, оплакали покойницу, как подобает, — и ушли¹⁷.

¹⁶ Имеется в виду огромный драгоценный камень, принадлежащий, по поверьям, мировому монарху.

¹⁷ Первая часть джатаки психологически толкуется как избавление взрослого юноши от магической (интимно-психологической) зависимости от матери. Гибель матери означает гибель ее инфантильного образа в процессе взросления. Она ведьма, ибо ее изначальная власть над сыном непостижима и неосознаваема для него. Толкование это подтверждается незначительностью фигуры отца. Избавление от зависимости ведет к вступлению во взрослую человеческую жизнь с ее трудностями, ответственностью и опасностями.

Добрались они до Варанаси, и Бодхисаттва велел доложить о себе царю: «У ворот стоит молодой брахман-следопыт». Царь велел допустить его к себе. Юноша вошел и поклонился. «Какое ты, любезный, ремесло знаешь?» — спросил царь. «Государь, я сумею отыскать любую пропажу, даже если прошло двенадцать лет: пойду по следам вора и непременно найду похищенное добро». — «Иди ко мне на службу». — «Хорошо, только плати мне в день по тысяче каршапан». — «Я согласен, любезный», — и царь распорядился ежедневно выдавать Бодхисаттве тысячу каршапан. Прошло время, и как-то раз придворный жрец сказал царю: «Государь, мы ведь так и не знаем, на что этот юный брахман способен. Да есть ли у него и вправду умение, которым он хвалится? Давай устроим ему испытание!» — «Давай», — согласился царь. Тут они оба пошли в сокровищницу, что была в дворцовой башне, набрали с ведома сторожей лучших драгоценностей, спустились с башни и трижды обошли весь дворец. После взяли приставную лестницу, перебрались по ней через обводную стену и заглянули в судилище. Посидели там, вышли и пошли дальше по обводной стене. Потом опять приставили лестницу и спустились к дворцовому пруду; обошли его кругом три раза, спустились в воду, спрятали там краденое, а затем вернулись во дворец. На другой день во дворце поднялся переполох: «Из царской сокровищницы унесены драгоценности!» Царь, будто бы в полном неведении, призвал Бодхисаттву и сказал: «Любезный, вчера дерзко ограбили мою сокровищницу. Нужно это расследовать». — «Конечно, государь. Я ведь тебе обещал, что смогу найти похищенное даже спустя двенадцать лет. А вернуть то, что пропало только вчера, для меня сущий пустяк. Я все отыщу, государь, не сомневайся». — «Тогда приступай к делу, любезный». — «Хорошо, государь». Бодхисаттва на царском дворе помянул добрым словом свою мать и прошептал ее заклинание. Тут же, не сходя со двора, он объявил: «Вижу следы двух воров, государь!» И он пошел по следам царя и жреца: заглянул в сокровищницу, вышел оттуда, трижды обошел царский дворец и, идя след в след их путем, добрался до обводной стены. Тут он заявил: «Государь, в этом месте следы на земле обрываются и поднимаются в воздух. Прикажи подать лестницу». По лестнице он перебрался через стену, вошел в судилище и вернулся назад, опять велел подать себе лестницу, спустился к пруду, трижды обошел его кругом и сказал: «Государь, вору побывали в пруду». Войдя в воду, Бодхисаттва отыскал там спрятанные драгоценности с такой легкостью, будто сам их гудя и положил. «Государь, оба вора — люди не простые, это очень важные вору. Отсюда они ушли в твой дворец», — сказал он царю. Народ в восторге захлопал в ладоши и замахал платками. А царю подумалось: «Похоже, что этот юный брахман знает только одно: пойти по следу грабителей

и вернуть похищенное. Самих же воров он отыскать не может». И он сказал Бодхисаттве: «Ну что ж, украденные драгоценности ты нам и вправду вернул. А вот возьмешься ли ты еще и воров нам назвать?» — «А за ворами, государь, далеко ходить не придется». — «Кто же они?» — «Да не все ли равно, государь? Вором ведь может сделаться всякий, кто захочет. Добро свое ты уже получил. Что за дело тебе до воров. Не спрашивай лучше». — «Нет, любезный; я тебе что ни день, плачу тысячу. Отыщи мне воров». — «Да к чему они тебе, государь, раз все добро цело?» — «Это хорошо, но вору мне нужны все равно». — «И все же, государь, я тебе не стану прямо называть вора. Лучше я тебе расскажу одну старинную быль. Если хватит ума, то поймешь, к чему я клоню». И Бодхисаттва рассказал о былом:

«Государь, давным-давно вблизи Варанаси, в деревне, что стояла на берегу Ганги, жил некий плясун и певец по имени Патала. Однажды он с женой сходил в Варанаси, поплясал и попел там за деньги, а когда празднества пришли к концу, он на заработок накопил себе всякой снеди и браги и направился домой. Выйдя на берег Ганга, он увидел, что вода прибывает, сел на берегу подождать, покуда паводок не спадет, и решил тем временем выпить. Напился он пьян и расхрабрился: «Привяжу-ка я свою большую вину себе на шею и переберусь через реку вплавь!» Схватил он жену за руку и полез с нею в воду. А в реке в вину стала набираться вода, и она потянула Паталу на дно. Жена поняла, что муж тонет, отцепилась от него и выбралась на берег. А сам Патала то под воду уйдет, то вынырнет снова, и до того он наглотался воды, что у него и брюхо раздуло. «Сейчас ему будет конец! — подумала жена. — Попрошу-ка его напоследок спеть мне какую-нибудь песню. Запомню ее и буду петь на людях — может, на жизнь заработаю». И она сказала:

«Уносит Ганга от меня

Паталу, песен знатока.

Пока ты жив еще, мой муж,

спой на прощанье песню мне».

На это Патала ответил ей: «Эх, милая, до песен ли мне теперь! Ведь я гибну в святой воде Ганги.

Ею кропят болящего,

ею кропят недужного,

А я сейчас в ней утону —

благое обернулось злым».

Рассказал Бодхисаттва эту быль и говорит царю: «Государь! Как вода священной реки несет людям благо, так и цари. И уж если опасность исходит от них самих, кто в силах ей противостоять? Поразмысли же,

государь. В притче есть скрытый смысл; я рассчитывал, что ты мудр и поймешь его. Вникни сам, государь!» — «Не понятен мне, любезный, твой скрытый смысл. Ты мне лучше воров назови». — «Послушай-ка тогда такое, государь, а там уж решай», — отвечал Бодхисаттва и рассказал еще одну быль:

«Государь! Когда-то здесь же, в слободе при Варанаси, жил гончар. Глину на горшки он копал себе постоянно в одном и том же месте и в конце концов вырыл в земле изрядную пещеру. И вот однажды, когда он опять пришел туда за глиной, хлынул внезапный ливень. Свод, подмытый потоком воды, обрушился ему прямо на голову, и, стеная, придавленный гончар возопил:

«На ней растут растения,
на ней живут животные,
Она же давит на меня —
благое обернулось злым».

Государь, ты видишь: земля, что должна служить людям опорой, придавила гончара. Но ведь и царь, о владыка людей, подобен в этом мире земле, ибо он служит опорой своим подданным. Если же он сам пойдет на воровство, кто сможет противостоять ему? Так как, государь, ты понял, где вор, из моего рассказа со скрытым смыслом?» — «Нет мне, любезный, дела до твоих скрытых смыслов. Мне надобно одно: чтобы ты прямо назвал мне вора!» Однако Бодхисаттва, щадя царя, опять не стал говорить ему в открытую: «Ты, мол, и есть вор», а рассказал вместо этого еще притчу:

«Когда-то, государь, случился у кого-то в нашем городе пожар. Хозяин послал в дом слугу выносить вещи. Войти-то тот вошел, а как пошел назад с добром, дверь заклинило. Глаза слуге начал разъедать дым, а хода наружу найти он никак не мог. Стало его шибко припекать, и он жалостно воззвал:

«На нем обед готовится,
и рядом с ним мы греемся,
А ныне он меня сожжет —
благое обернулось злым».

Государь, ведь тот, кто унес драгоценности из государственной казны, должен был, подобно огню, приносить благо многим людям. Не спрашивай меня об этом воре!» — «Подавай мне сюда вора, любезный!» Но юноша опять ответил притчей:

«Государь, однажды один обжора в нашем городе объелся. Живот ему раздуло от несварения и, страдая от своего обжорства, он сказал:

«Все брахманы и кшатрии
еду вкушают с радостью,

А мне она пошла не впрок —
благое обернулось злым».

Государь! Сокровище похитил тот, кто, подобно пище, должен был служить на пользу многим людям. Зачем спрашивать о воре, если я вернул тебе драгоценности?» — «Коли ты способен, любезный, назови мне вора». Но Бодхисаттва, надеясь вразумить царя, привел еще один пример:

«Государь! Давным-давно на склонах Гималаев росло огромное раскидистое дерево, и жило на нем много сотен птиц. Но вот две его ветви начали тереться одна о другую, разогрелись, задымились и стали сыпать искры. Увидел это вожак птичьей стаи и промолвил:

«Мы жили в ветках дерева,
теперь оно грозит огнем.

Летите, птицы, кто куда, —
благое обернулось злым!»

Государь! Как дерево — прибежище для птиц, так царь — защита людям. Если уж он пойдет на воровство, кто сможет ему противостоять? Ты меня понял, государь?» — «Подавай мне вора, любезный!» Бодхисаттва же в ответ рассказал новую притчу:

«Государь! Однажды у нас в городе одного человека продуло. У него разболелись суставы, и он сказал:

«В последний месяц засухи
мы ветра ждем — он дождь несет.

Меня же он теперь продул —
благое обернулось злым!»

Словом, государь, беда пришла к нему с неожиданной стороны. Понятно, государь?» — «Ты мне вора назови, любезный!» Но Бодхисаттва не терял надежды вразумить царя и рассказал еще историю:

«Государь! Некогда в одной деревне в царстве Каши стоял дом, а позади него, за огородом, текла река, кишевшая голодными крокодилами. В том доме жила семья, и был в ней только один сын. Когда отец скончался, престарелая мать осталась на попечение сына и против его воли привела ему жену. Та поначалу старалась угодить свекрови, но потом, обзаведясь сама детьми, надумала сжить старуху со свету. Стала она наговаривать на свекровь мужу всякую напраслину, чтобы поссорить его с матерью, а под конец сказала: «Мне за твоей матерью ходить невозможно, убей ее!» — «Убийство — дело непростое. Как нам это сделать?» — «Когда она заснет, возьмем ее тихонько вместе с кроватью, отнесем к реке и бросим крокодилам — пусть сожрут». — «А твоя мать где спит?» — «С нею рядом». — «Сходи-ка подвяжи веревку к кровати моей матери, а то как бы нам их в темноте не спутать». Жена сходила в дом, вернулась и говорит: «Все в порядке, привязала». — «Подождем

пока, пусть весь народ уснет», — сказал ей муж и лег, будто соснуть, а после незаметно встал и перевязал веревку к кровати тещи. Потом он разбудил жену; вдвоем они снесли кровать к реке и бросили старуху в воду. Крокодилы ее тут же разорвали и сожрали. Наутро жена увидела, что произошло, и сказала мужу: «Господин, убили-то мы мою мать. Давай теперь твою прикончим». — «Ладно», — сказал тот. «Тогда сделаем вот как: на поле, где сжигают трупы, сложим погребальный костер, а ночью отнесем ее туда да и подпалим — она и сгорит». Когда старуха заснула, они унесли ее на кровати и поставили на костер. Там муж спросил жену: «А где огонь? Ты его взяла?» — «Нет, господин, позабыла». — «Сходи-ка принеси!» — «Нет, одна я не пойду, да и оставаться мне одной здесь тоже страшно. Пойдем вместе». Ушли они оба, а старуха проснулась от ночной прохлады, увидела, что лежит на костре, и догадалась: «Так они же сжечь меня хотят, за огнем пошли! Ну ладно, я им покажу, что рано они меня похоронили!» Нашла она чужое мертвое тело, взвалила его на кровать, прикрыла одеялом, а сама убежала и спряталась в пещере. Сын с женой вернулись и, ничего не заподозрив, сожгли труп. Тем временем в пещеру, где пряталась старуха, явился вор: он хранил там краденое и как раз пришел его забрать. Увидел он старуху и принял ее за ведьму — подумал, что награбленное им добро пришла стеречь нечистая сила. Побежал он за заклинателем. Появился заклинатель; читая заговоры, он полез в пещеру, а старуха и говорит: «Никакая я не ведьма. Иди сюда, мы с тобой это добро поделим пополам». — «А чем ты докажешь, что ты не ведьма?» — «Подойди ко мне, давай лизнем друг другу языки». Заклинатель поверил, высунул язык, а старуха его тут же откусила. «Ведьма, ведьма!» — завопил заклинатель и убежал, отплевываясь кровью. Старуха же наутро оделась в чистое, нацепила всяких украшений из тех, что вор хранил в пещере, и пошла домой. Невестка увидела ее и изумилась: «Матушка, ты где все это раздобыла?» — «Такие украшения, дочка, всем на том свете достаются, кого сжигают на нашем погребальном поле». — «Я тоже таких хочу!» — «Сожгут тебя, так и получишь». У невестки от алчности глаза загорелись; не сказавшись мужу, она тут же попросила себя сжечь. На следующий день муж видит, что жена не появляется, и спрашивает у матери: «Пора бы, матушка, жене моей и вернуться! Что же ее не видать?» — «Ах ты, злодей, ах, дурень! — ответила старуха. — Да разве с того света возвращаются?» И добавила:

«Веселую, нарядную

невестку в дом я привела,

Она ж готовила мне смерть —

благое обернулось злым!»

Государь! Как невестка — опора свекрови, так и царь — опора народа. Что поделать, если опасность исходит от него? Ты понял меня, государь?» — «Не желаю я понимать твои примеры, любезный! Подай мне вора!»

Но Бодхисаттва все пытался уберечь царя от позора и рассказал еще один случай:

«Государь! Когда-то в нашем городе некоему человеку его молитвами дарован был долгожданный сын. Отец очень обрадовался наследнику, воспитал его и женил; а сам с течением времени состарился, одряхлел и работать больше не мог. Тут сын ему и сказал: «Раз ты теперь не работник, ступай вон», — и выгнал отца прочь из дому. И тот, с трудом и в крайней нужде добывая себе пропитание милостыней, однажды пожаловался:

«Как радовался сыну я,
как бережно его растил,
И вот меня он выгнал вон —
благое обернулось злым!»

Государь! Как сын должен защищать и содержать своего старого отца, если только он в состоянии это сделать, так и царь должен защищать свою страну. А теперь опасность пришла как раз от царя — от того, от кого все ждут защиты. Теперь ты понял, государь, кто же вор?» — «Не понимаю я, любезный, твоих намеков и скрытых смыслов. Либо говори прямо, кто вор, либо сам будешь вором».

Видит юноша, что царь упрямится и знать ничего не желает, и спросил в последний раз: «Итак, государь, ты по-настоящему хочешь, чтобы вор был пойман?» — «Да, любезный». — «Что же, мне так прямо его и назвать при всем народе? Вот, мол, кто вор?» — «Именно так, любезный!» «Ну что же, — подумал Бодхисаттва. — Раз царь сам не дает себя защитить, придется вора назвать». И он во всеуслышание объявил:

«Внемлите, горожане, мне,
послушай, деревенский люд!

Река у нас огнем горит,
благое обернулось злым.

Царь и его придворный жрец —
вот похитители казны.

Постойте за самих себя,
коль грабят вас защитники!»

Подданные выслушали эти слова и возмутились: «Царю надлежит всех защищать, а наш владыка свое преступление готов взвалить на невиновного! Сам украл у себя драгоценности, спрятал их в пруду и еще требует, чтобы ему вора назвали! Покончим-ка мы с этим преступным

царем, чтобы ему впредь воровать было неповадно!» Тут же повскакали все с мест, набросились на царя со жрецом и палками забили их до смерти, а на царство помазали Бодхисаттву».

Закончив это наставление в дхарме, Учитель повторил «Неудивительно, о мирянин, что можно прочесть следы на земле, ведь в прошлом умные люди различали следы даже в воздухе», а затем изъяснил арийские положения и отождествил перерождения: «Отцом был тогда Кáшьяпа, а брахманом-следопытом — я сам». Отец и сын, вняв изъяснению, обрели плод прорезавшегося слуха.

ДЖАТАКА О КАШЬЯПЕ МОХНАТОМ (433)

«Индре станешь, царь, подобен...» — это произнес Учитель, пребывая в роше Джеты, по поводу одного затосковавшего монаха. «Правда ли, монах, что ты тоскуешь?» — спросил его Учитель. «Правда», — отвечал тот. «Ничего, монах. Даже достославные люди бывают иной раз ославлены, а страсти пятнают порой даже совершенно чистых людей, так что о тебе и говорить нечего», — произнес Учитель и рассказал о былом.

«Некогда царевич Брахмадатта, сын царя Брахмадатты из Варанаси, и Кашьяпа, сын его придворного жреца, были большими друзьями — они вместе учились у одного учителя всяким искусствам. Потом отец царевича умер, и сын взошел на престол. А Кашьяпа подумал: «Мой друг стал царем, теперь он подарит мне большие богатства. Богатство же мне ни к чему. Я лучше отпущусь у родителей и у царя и уйду в отшельники». Так он и поступил. Ушел он в Гималаи, стал, по древним обычаям провидцев, отшельником, за неделю обрел сверхобычные способности, научился погружаться в любые созерцания и зажил там, питаясь дарами лесными. В подвижничестве его стали звать Кашьяпой Мохнатым. И сделался он суровейшим подвижником, предался умерщвлению чувств. От пыла его подвигов престол Шакры заколебался. Шакра встревожился, узнал причину и подумал: «Этот человек пылом подвижничества и меня, чего доброго, с престола сгонит. Надо мне сговориться с царем Варанаси и заставить Кашьяпу прервать свои подвиги». Во всем своем божественном величии явился он в полночь в опочивальню владыки Варанаси, всю ее озарив сиянием, и, паря над полом рядом с царем, сказал: «Вставай, государь!» Тот проснулся: «Кто ты такой?» — «Я — Шакра». — «Зачем пожаловал?» — «Говори, государь, не раздумывая: хочешь стать царем над всей Джамбудвипой?» — «Как не хотеть!» — «Тогда, — говорит ему Шакра, — приведи сюда Кашьяпу-мохнатого и упроси его, чтобы он, как жрец, от твоего имени совершил кровавую жертву скотом. Тогда ты уподобишься Индре, станешь бессмертным и будешь править всей Джамбудвипой».

Индре станешь, царь, подобен,
Не умрешь, не постареешь,
Если принесешь ты жертву
Вместе с Кашьяпой Мохнатым».

«Спасибо за совет», — сказал царь. «Так не теряй же времени даром», — и Шакра ушел. Наутро царь вызвал к себе советника по имени Сахья и наказал ему: «Ступай, любезный, к моему дорогому другу, к Кашьяпе Мохнатому. И вот что ему от моего имени передай: "Если ты принесешь для царя жертву, он станет владыкой всей Джамбудвипы, а тебе выделит в ее пределах любую страну, какую пожелаешь. Приходи и сверши царское жертвоприношение"». — «Слушаюсь, государь», — отвечал Сахья. Для начала ему надо было узнать, где поселился подвижник. В городе забили в гонги, собрали народ и всех опросили. Нашелся один лесной человек, который знал это — его взяли в проводники. Сахья с большой свитой добрался до отшельника, поклонился ему, сел подле него и изложил поручение царя. «Оставь, Сахья, это не для меня, — сказал ему Кашьяпа. —

Всей земли до окаемки
В океанских вод уборе
Не хочу ценой бесчестья,
Так ты это и запомни.
Не нужна мне честь такая,
Не хочу богатств я, брахман,
Коль цена им — беззаконье,
Что приводит к преисподней.
Я покинул жизнь мирскую
И бездомным стал скитальцем,
Собирая подаянье.
Мне милее жизнь такая,
Чем неправедная прибыль.
Я покинул жизнь мирскую
И бездомным стал скитальцем,
Зла живым не причиняю,
Это лучше всякой власти».

Советник передал его слова царю. «Если он не идет, делать нечего», — подумал царь и промолчал. Но в полночь к нему вновь явился Шакра и, паря над полом, спросил: «Государь, что же ты не призвал к себе Кашьяпу Мохнатого и не совершил жертвоприношения?» — «Я за ним посылал, да он не идет». — «Государь, наряди-ка получше свою дочь, луноликую царевну Чандравати, и пошли ее с Сахьей к нему. Вели сказать: «Если ты принесешь для царя жертву, он выдаст за тебя свою

дочь». Вдруг он при виде ее потеряет голову и придет?» — «Хорошо», — согласился царь и на следующий день опять послал Сахью, на этот раз с дочерью. Тот пришел с нею к подвижнику, приветствовал его, разговаривал. Показал ему царевну, очаровательную, как небесная дева, и стал в ожидании. Отшельник посмотрел на нее, забыв свою отрешенность, и мгновенно в нее так влюбился, что и способность созерцать потерял. Сахья заметил, что подвижник уже пленился ею, и сказал: «Почтенный, царь велел передать, что если ты согласишься принести его жертву, он отдаст ее тебе в жены». Дрожа от страсти, тот переспросил: «Выдаст за меня, говоришь?» — «Да, выдаст, если принесешь жертву». — «Ладно, ради нее совершу я жертвоприношение», — согласился подвижник, поднялся вместе с ними на разукрашенную колесницу и без промедления — даже свою отшельническую копну волос не расчесал — поехал в Варанаси. Царь узнал, что он едет, и велел готовить жертвоприношение, а сам вышел навстречу ему и сказал: «Если ты принесешь мою жертву, я стану царем, равным самому Индре, а тебе, как кончишь жертвоприношение, отдам свою дочь». — «Ладно», — согласился Кашьяпа. На другой день царь вместе с Чандравати отправился к жертвенному помосту. Привели туда на закляние в должном порядке слонов, коней, быков и прочих четвероногих, и Кашьяпа собрался всех их по очереди глушить и убивать, как положено по обряду. Но тут собравшийся народ стал их оплакивать и взывать к нему: «Недостойно это тебя, не подобает это тебе, Кашьяпа Мохнатый! Что ты творишь!

Солнце — сила, месяц — сила,

У подвижников есть сила,

Берега морские — сила,

Женщины — сильнее силы.

Даже Кашьяпа-мохнатый,

Чья суровость всем известна,

Луноликую увидев,

Поддался на уговоры —

Совершает ваджапею».

Тут Кашьяпа, начиная жертвоприношение, схватил драгоценный меч и замахнулся, собираясь рубить шею выездному царскому слону. Слон в смертельном страхе громко затрубил. В ответ на этот трубный звук и другие слоны, кони и быки тоже затрубили, заржали и заревели, а за ними завопил народ. Оглушенный этим общим ревом, Кашьяпа посмотрел на себя, увидел свою копну волос и спутанную бороду, и грудь мохнатую, и все тело в волосах. Тут он опомнился: «Что я делаю? Какой великий грех!» — и в смятении сказал:

«Это страсть всему виною.
Как плоды ее ужасны!
Только б мне нащупать корень —
Я влечение с корнем вырву».

«Не тревожься, друг, — говорит ему царь. — Сегодня же ты получишь царевну Чандравати и царство в придачу, да еще я одарю тебя драгоценностями, только не прерывай жертвоприношения!» — «Не нужна мне, государь, любовная страсть, — ответил Кашьяпа. —

Я проклиная все наслажденья,
Мне всех услад мой подвиг дороже.
Вернусь я в леса, оставлю улады,
Царевна ж и царство твоими пусть будут».

Тут он вернул себе способность к сосредоточению и воспарил над землею, скрестив ноги. Он преподавал царю урок, сказав напоследок: «Не обольщайся ничем!» Жертвенный помост он разнес в щепы, взял с царя обещание пощадить жертвенных животных и, не внимая никаким его просьбам, улетел в Гималаи. Всю дальнейшую жизнь он упражнялся в безмерных добродетелях, ведущих к мирам Брахмы, и после смерти сопричислился к их обитателям».

Рассказав эту историю, Учитель изъяснил арийские положения и так связал перерождения: «Тогда Сахьей, главным советником, был Шарипутра, а Кашьяпой Мохнатым — я сам». Тосковавший монах, вняв разъяснению, стал святым.

ДЖАТАКА О ЖЕНЕ В СУНДУКЕ (436)

«Откуда вы вдвоем идете?» — это Учитель произнес в роще Джеты по поводу некоего затосковавшего монаха. «Правда ли, что ты томишься?» — спросил его Учитель. «Правда, почтенный». — «Напрасно, монах, ты влечешься к женскому полу, — промолвил Учитель. — Ведь женщины — существа неблагодарные и коварные. Когда-то в прошлом некий великан носил свою жену у себя в животе — только б не доставить ей случая изменить ему, — и все напрасно. А ты и подавно не смог бы удержать жену от измены», — и Учитель рассказал о былом.

«Некогда в царстве Варанаси правил царь Брахмадатта. Бодхисаттва в ту пору отбросил мирские улады и стал подвижником в Гималаях. Там он зажил, питаясь плодами лесными, научился созерцанию и обрел сверхзнания. Неподалеку от его шалаша жил великан-людоед. Иной раз он приходил к Великому послушать его речи о дхарме, а в прочее время занимался тем, что подстерегал путников на лесных дорогах, хватал их и пожирал. И вот однажды некая молодая и необыкновенно красивая женщина родом из царства Каши, ездившая повидаться с родителями, возвращалась через лес в отдаленную деревню, к мужу домой. Завидев проезжих, великан выскочил из лесу. Охранники перепугались, побросали оружие и разбежались кто куда. А великан подошел ближе, увидел в повозке красавицу и тут же влюбился в нее. Забрал он ее к себе в пещеру и сделал своей женой. С того самого дня он стал преданно о ней заботиться: приносил масло, рис, рыбу, мясо, собирал для нее в лесу сладкие плоды, дарил нарядные одежды и украшения. И чтобы она не могла ему изменить, он держал ее в сундуке, а сундук тот заглатывал и носил у себя в животе. Как-то раз захотелось ему искупаться. Пришел он на берег озера, отрыгнул сундук и выпустил жену. Она искупалась первой. Когда она после купания натерлась благовониями и принарядилась, великан сказал ей: «Посиди тут пока, подыши свежим воздухом», — и в свой черед спустился к воде. Не ожидая от нее никакого подвоха, он отплыл в сторону. А в тот самый миг

мимо нее, препоясанный мечом, пролетал по небу некий видьядхара, сын бога ветра. Заметив его, женщина поманила его пальцем, и видьядхара мигом спустился к ней. Она велела ему лечь в сундук, а сама в ожидании мужа уселась сверху на крышку. Когда великан показался вдалеке, женщина на глазах у него откинула крышку и залезла в сундук. Видьядхару она прикрыла одеждой, а сама улеглась на него. Подойдя, великан не потрудился заглянуть внутрь сундука: ему ведь и в голову прийти не могло, что там сидит еще кто-то. Он привычно проглотил свой сундук и собрался домой, а по дороге решил навестить подвижника, ибо давно с ним не видался. Едва заметив вдалеке великана, подвижник сразу понял, что в утробе у того сидят двое, а потому и обратился к нему с такими словами:

«Откуда вы втроем идете?

Добро пожаловать, садитесь.

Благополучно ли живете?

Я здесь давно вас поджидаю».

«Я пришел к отшельнику один, без попутчиков, а он обращается ко мне, как к троем. Не пойму, знает ли он что-то мне недоступное или просто повредился в уме и несет околесицу?» — удивился про себя великан. Приблизившись к подвижнику, он почтительно его приветствовал, уселся рядом и спросил:

«Что я к тебе пришел — понятно.

Но где ты спутников увидел?

Что ты имел в виду, сказавши:

“Откуда вы втроем идете?”»

«А ты уверен, любезный, что тебе это надо знать?» — спросил подвижник. «Да, почтенный». — «Ну что же, слушай:

Во-первых — ты. Жена — вторая:

В твоём нутре сундук замечен,

В котором ты жену и носишь —

Но с нею там сын бога Ваю».

«Видьядхары — известные хитрецы, — подумалось великану. — Если у него есть при себе меч, он и живот мне, чего доброго, врежет, когда захочет убежать». Он страшно перепугался и поспешно отрыгнул сундук.

Тут исполин перепугался:

«Он мне живот мечом разрежет!»

И, отрыгнув сундук, увидел

Жену в объятьях сына Ваю.

Только он приоткрыл сундук, видьядхара прошептал заговор и с мечом в руках взмыл в воздух. А великан с облегчением перевел дух и, исполняя признательности к Бодхисаттве, благодарно сказал:

«Благодарю тебя, подвижник.
Ты, право, кстати их заметил!
Увы, какое унижение:
Я стал обманутым супругом
Распутной, ветреной бабёнки!
Ее берег я пуше жизни —
И вот: она мне изменила,
Чтоб тешиться с чужим мужчиной!
Я день и ночь следил за нею,
Как за костром — лесной отшельник.
Она же преступила дхарму,
Погрызла в прелюбодеянье.
Нет на распутницу управы!
«Устерегу жену, — я думал, —
Держа ее в своей утробе».
Да разве от греха удержишь!
И вот она попала дхарму,
Погрызла в прелюбодеянье,
Нет на распутницу управы!
Как ни следи — все бесполезно,
Уверенности быть не может.
Неверность ведь — в природе женщин,
Они в утехах ненасытны.
Мужчина, коль к ним прирастет,
Себе погибель уготовит.
А кто на них махнет рукою —
Живет счастливо и безбедно.
Ты хочешь приобщиться к благу?
Оставь общенье с женским полом!»

Великан пал в ноги Бодхисаттве и благодарно сказал ему: «Ты избавил меня от смерти, почтенный! Ведь я едва не погиб из-за этой распутницы: видьядхара мог бы меня зарезать!» Бодхисаттва преподавал ему дхарму и заключил: «Не делай ей в отместку ничего дурного. Лучше прими пять обетов добронравия». Великан согласился. «Если уж нося тебя в утробе, я не смог предотвратить измены, то и другому это не удастся», — сказал он жене, прогнал ее прочь и ушел обратно в лес.

Закончив это наставление, Учитель изъяснил арийские положения, а затем отождествил перерождения: «Ясновидящим отшельником был тогда я сам». Вняв изъяснению, тосковавший монах обрел плод прорезавшегося слуха.

ДЖАТАКА О НЕБЛАГОДАРНОМ ВОЕНАЧАЛЬНИКЕ (445)

«Что ты думаешь...» — это сказал Учитель, пребывая в Бамбуковой роще, по поводу Девадатты. Однажды монахи стали вразумлять Девадатту: «Почтенный Девадатта! Ты многим обязан Учителю! Ты получил от него постриг, получил посвящение, изучил все «Три корзины» речений Пробуждённого, научился созерцанию. К тому же уважение и почет, тебе оказываемые, — от твоей близости к Десятисильному». Девадатта в ответ на это взял былинку и сказал: «А по-моему, шраман Гóтама ничего мне хорошего не сделал, ни на волос не помог». Об этом и завязался разговор в зале для слушания дхармы. Учитель пришел и спросил: «О чем вы сейчас беседуете, монахи?» Монахи объяснили. «Не только теперь, но и прежде, о монахи, Девадатта был неблагодарен и стал предателем», — произнес Учитель и рассказал о былом:

«Некогда в Раджагрихе правил великий государь царства Магадхи. В ту пору старшина купцов Раджагрихи женил своего сына на дочери старшины сельских купцов. Она оказалась бесплодной, и оттого с течением времени с нею стали все меньше и меньше считаться. Иной раз даже нарочно говорили друг другу, да еще так, чтобы ей было слышно: «Покуда у нашего сына жена бесплодная, наш род продлиться не сможет». Наслушавшись такого, решила она всех обмануть и притвориться беременной. Она поговорила со своей кормилицей — та была с нею заодно, — расспросила ее про поведение беременных и все запомнила. И начала скрывать свои месячные, стала требовать кислого да соленого. К той поре, когда у беременных припухают ноги и руки, она стала натирать себе ладони и ступни, чтобы они вздувались. Что ни день, подвязывала она себе под сари все новые и новые тряпки и тем делала вид, будто живот у нее растет; соски груди подкрашивала черным, а по нужде ходила тайком, чтобы не видел никто, кроме ее кормилицы. Муж поверил, велел ухаживать за ней, как за беременной. Так она и прожила девять месяцев, а потом объявила свекру со свекровью, что рожать

поедет в деревню, к отцу. Посадили ее на телегу, приставили к ней множество слуг, и поехала она из Раджагрихи по дороге к отцовскому дому. А как раз перед ними шел обоз, и ко времени завтрака они доезжали до того самого места, где обоз ночевал накануне. Однажды ночью какая-то бедная женщина из обоза родила под баньяном сына. Наутро, когда обоз отправлялся, пришлось ей призадуматься: «Одна, без обоза, я идти не смогу, а вот сын у меня еще будет», — решила она и оставила новорожденного лежать вместе с последом в крови и слизи прямо под деревом. А мальчика сохранил в живых дух того дерева — ведь не кто-нибудь, а сам Бодхисаттва на этот раз так родился. К завтраку подъехала туда сноха купеческого старшины. Путникам она сказала, что ей надо отойти по нужде, вместе с кормилицей пришла к баньяну и увидела там младенца — мальчика с кожей золотистого цвета. «Матушка, дело-то наше устроилось!» — сказала она кормилице, выбросила из-под сари все свои тряпки, подол испачкала кровью и слизью и объявила, что родилась. Все очень обрадовались, мальчика тут же завернули в пеленки и послали письмо в Раджагриху. «Приезжай назад, — написали ей свекор со свекровью. — Раз ты уже родила, нечего тебе делать в доме отца». Она и повернула обратно. Встретили ее в Раджагрихе и стали думать, какое имя дать новорожденному. Нарекли его Нигродхой — Баньяном — за то, что родился он под этим деревом. А в тот же день и другая сноха купеческого старшины тоже ехала рожать в отцовский дом и по дороге родила сына под веткой дерева. Назвали его Сакхой — Веткой. И еще тогда же жена портного, жившего при старшине, родила сына прямо в мастерской среди всяких обрезков ткани. Этого нарекли Поттикой. Старшина решил их обоих растить вместе с родной, раз уж все трое родились в один день. Выросли они вместе, а когда подросли, вместе пошли в Такшашилу и изучили там всякие искусства. Купеческие сыновья заплатили своему учителю по тысяче, а Поттику Нигродха обучал сам, бесплатно. И вот освоили они искусства, распрощались с учителем и пошли для начала побродить по свету. Долго ли, коротко ли, а добрались они до Варанаси и заночевали около храма. К тому времени истекла как раз неделя со смерти царя Варанаси. Наследников у него не было, и, по обычаю, решили запрячь праздничную колесницу и пустить без кучера, чтобы кони сами пришли к будущему царю. Все горожане об этом знали.

Друзья тем временем лежали под деревом и спали. На рассвете Поттика проснулся, сел у ног Нигродхи и стал поглаживать их. Сидели на том дереве два петуха, и вдруг тот петух, что был повыше, капнул на голову нижнего. «Кто меня обделал?» — спрашивает нижний. «Не сердись, приятель, я не нарочно». — «Я что для тебя, отхожее место? Ты не

знаешь, что я петух не простой?» — «Я же сказал тебе, это вышло нечаянно, — говорит верхний, — а ты все-таки злишься. А чем ты не простой?» — «Тот, кто меня зарежет и съест, получит назавтра тысячу монет. Как мне не гордиться?» — «Подумаешь, нашел чем гордиться! — говорит ему другой. — А вот кто меня зарежет и съест побольше моего мяса, тот назавтра станет царем; кто съест поменьше — военачальником; а кто кости обсосет — казначеем». Слышит это Поттика и думает: «Тысяча монет нам ни к чему, царство лучше». Забрался он тихонько на дерево, схватил верхнего петуха, свернул ему шею и зажарил на углях. Большую долю мяса он отдал Нигродхе, меньшую — Сакхе, сам обсосал кости и, когда все поели, сказал: «Ты, приятель Нигродха, станешь сегодня царем; ты, приятель Сакха, — военачальником, а я стану казначеем». — «Откуда ты это знаешь?» — спрашивают они. Тут он все им рассказал. Поутру они зашли в Варанаси, поели у какого-то брахмана рисовой каши с маслом и сахаром и вышли из города в парк. Нигродха прилег на каменную плиту, а двое других улеглись рядом. Тем часом в городе запрягли праздничную колесницу, положили в нее пять знаменующих царское достоинство вещей и пустили коней брести, куда им вздумается. Кони привезли колесницу ко входу в парк. Там она развернулась и стала, готовая принять седока. «Наверное, в парке находится человек, достойный принять царскую власть», — подумал придворный жрец. Он вошел в парк и увидел там Нигродху. Тогда он приподнял с него покрывало и посмотрел на его ноги. По линиям на ногах он понял, что это тот человек, который способен править не то что царством Варанаси, но и всей Джамбудвипой, и подал знак музыкантам играть. Нигродха проснулся, открыл лицо, посмотрел на народ и отвернулся; потом полежал немножко и сел. Жрец преклонил перед ним колени и произнес: «Государь, мы просим тебя на царство». — «Ладно», — отвечал тот. Тут же его возвели на кучу драгоценностей и помазали на царство. Приняв правление, он первым делом назначил Сакху военачальником и с великой пышностью вступил в город. Поттика пошел за ним следом. С этого дня Великий стал в согласии с дхармой править в Варанаси. Однажды он вспомнил своих родителей и сказал Сакхе: «Приятель, нельзя все же жить без родителей. Поезжай в наш дом с большой свитой и привези их сюда». Сакха отказался: «Нечего мне там делить». Тогда он велел сделать это Поттике. Тот согласился поехать, добрался до дома и предложил родителям Нигродхи: «Сын ваш теперь царем стал, поедemте к нему». Но они отказались: «Дорогой, у нас и своего добра предостаточно, нам ехать не к чему». И родители Сакхи тоже не захотели трогаться с места. Тогда Поттика пошел к своим родителям, но и те отказались: «Мы своим портновским делом себе на жизнь зарабатываем, а большего нам не надобно». Так Поттика ничего

ни от кого из них не добился и поехал обратно в Варанаси. Там он решил зайти сперва к военачальнику, передохнуть в его доме с дороги, а уж потом явиться к Нигродхе. Подъехал он к дому и говорит привратнику: «Ступай, доложи военачальнику, что пришел Поттика, его старый товарищ». Тот доложил. А Сакха давно затаил на Поттику злобу за то, что тот сделал царем не его, а Нигродху. Услышал он это и злобно закричал: «Какой он мне товарищ — полоумное рабье отродье! Гоните его!» Слуги налетели на Поттику, избили его локтями, ногами, коленями, кулаками и вытолкали вшей. «Вот неблагодарный предатель! — подумал Поттика. — Я уступил ему сан военачальника, а он велел меня избить и вышвырнуть вон. Зато Нигродха хороший человек — умный и благодарный. Пойду к нему». Пришел он на царский двор и велел доложить царю: «Пришел твой товарищ Поттика, ждет у ворот». Царь велел его просить во дворец, а увидев его, сам поднялся, вышел навстречу приветствовать его. Затем послал за цирюльником, чтобы Поттику причесали и бороду ему уложили; велел принести нарядные одежды и украшения, накормил его изысканными яствами, а уж потом стал спрашивать, что сказали родители. Поттика ему доложил, что они не придут. А Сакха тем временем тоже явился к царю. «Поттика, чего доброго, наговорит царю на меня, — думал он. — А если я буду рядом, он и рта раскрыть не посмеет». Да только Поттика и при нем не побоялся сказать: «Поверишь ли, я по дороге завернул к Сакхе, хотел отдохнуть у него перед тем, как идти сюда. Так он меня и знать не пожелал, велел слугам меня избить и вытолкать в шею!

Что ты думаешь, Нигродха, о таком поступке Сакхи?

«Я его впервые вижу и не знаю, кто он родом», —

Заявил своим он слугам, и они меня схватили,

Надавали зуботычин да и вытолкали в шею.

Государь! Выходит, Сакха, этот давний твой приятель, —

Неумен, неблагодарен, подло от меня отрекся».

Услышав это, Нигродха сказал:

«Я ничего о том не знал, и мне никто не доложил —

Впервые я узнал сейчас, как Сакха оскорбил тебя,

Богатство и величие ты даровал обоим нам,

И мы обязаны тебе преуспеянием своим.

Я не забуду никогда, как осчастливил ты меня.

Коль семя брошено в огонь, оно сгорит, не прорастет,

Коль негодяю ты помог, услуга даром пропадет.

Но благородный человек за помощь воздаст всегда.

И благодарность за нее, как семя на поле, взойдет».

Пока Нигродха все это говорил, Сакха стоял молча рядом. Тогда царь спросил его: «Сакха, неужели ты не узнаешь его? Это Поттика!» Тот опять промолчал. И царь приказал его казнить:

«Мерзавца и обманщика и козней устроителя

Велю из луков расстрелять, в живых он не останется».

«Зачем этому глупцу погибнуть из-за меня», — подумал Поттика и сказал царю:

«Помилуй Сакху, государь, ведь жизнь приказом не вернешь.

Прости ему его грехи, его я смерти не хочу».

Послушался царь и помиловал Сакху, а сан военачальника хотел передать Поттике, да тот не принял. Тогда он возвел его в сан казначея — поставил над всеми ремесленниками и купцами. Раньше такой должности не было, царь ее заново ввел. А спустя много лет, когда казначей Поттика был уже немолод, имел сыновей и дочерей, он как-то сказал им в назидание:

«Общайтесь только с Нигродхой,

к Сакхе не приближайтесь.

Лучше с Нигродхой быть мёртвым,

чем жизнь сохранить при Сакхе».

Рассказав эту историю, Учитель повторил: «Как видите, монахи, Девадатта и раньше был неблагодарен». И он отождествил перерождения: «Сакхой тогда был Девадатта, Поттикой — Ананда, а Нигродхой — я сам».

ДЖАТАКА О ГРЯДКАХ В ЛЕСУ (446)

«Здесь, батюшка, не место грядкам...» — это Учитель произнес в роше Джеты по поводу одного мирянина, заботившегося о своем отце. Родом он был из бедной семьи. Когда мать его умерла, ему пришлось содержать старика отца. Он вставал рано и, едва умывшись и почистив зубы, шел на поденщину — когда пахать, когда на разную домашнюю работу, — а на свой заработок покупал рис и готовил отцу поесть. И вот однажды отец сказал ему: «Сынок, тебе теперь приходится и домашнее хозяйство вести, и деньги зарабатывать. Что, если я тебя женю? Домашнее хозяйство ляжет тогда на жену». — «Не стоит, батюшка. Появится у нас в доме женщина, так ни тебе, ни мне покою не будет. Лучше без этого обойтись. Я о тебе буду заботиться, пока ты жив, а там уж видно будет». Отец все же женил сына против его воли. Невестка попалась работающая, покладистая; ни свекру, ни мужу не перечила. Муж был рад, что она оказалась послушной и смотрела за стариком, и весь свой заработок приносить стал ей. Она уж сама распоряжалась деньгами и свекру еду готовила. И тут ей пришло на ум: «Чего бы муж ни принес в дом — все отдаю мне. Наверное, отец ему в тягость. Попробую-ка я настроить как-нибудь мужа против свекра и выживу старика из дому». И она принялась за дело: подаст старику то слишком горячей воды, то слишком холодной, кашу то пересолит, а то недосолит, то сварит слишком густую, а то — слишком жидкую... Так она всячески старалась его раздражать, а когда он сердился, то поднимала крик и шла на ссоры: на этого старика, мол, угодить невозможно. Раз наплевала она в разных местах и на-ябедничала мужу: «Ты посмотри, что твой отец делает! А стоит мне ему слово сказать, так он злится. Не могу я с ним жить в одном доме». — «Знаешь, милая, — сказал муж, — ты еще молода, приживешься и в другом месте, а старику идти из дому некуда. Если ты его терпеть не можешь, то сама и уходи». Жена перепугалась и бросилась свекру в ноги: «Простите меня, больше такого не будет». С тех пор все в доме стало по-прежнему. А муж был несколько дней так этими делами удру-

чен, что и к Учителю не приходил послушать проповедь дхармы. Когда же жена его образумилась, он снова пришел. «Почему ты, мирянин, целую неделю не приходил к нам послушать дхарму?» — спросил его Учитель. Тот все ему рассказал. «На этот раз все обошлось, — сказал Учитель. — Ты ей не поддался и не выгнал отца из дому. А вот в прошлом вышло иначе: ты пошел на поводу у жены и повез своего отца на кладбище. Там бы ему и конец пришел. Хорошо, что я рядом оказался. Я ведь тогда был твоим семилетним сыном, заступился за старика и не дал совершиться отцеубийству. Ты внял мне в тот раз и согласился кормить и опекать своего старого отца до самой его кончины, а потому и возродился после на небесах. И знаешь ли, почему ты не послушался теперь своей жены? Это я тебе тогда еще наказал, чтобы ты заботился о своих родителях во всех грядущих жизнях, а не только в той». И по просьбе мирянина Учитель рассказал о былом.

«Давным-давно в Варанаси правил царь Брахмадатта. Тогда в одной семье, что жила в какой-то деревне царства Каши, был один-единственный сын, и звали его Васиштха. Он кормил своих престарелых родителей, а когда мать его умерла, стал один ухаживать за отцом... Короче, все происходило почти так же, как и на этот раз. Разница только вот в чем: жена тогда не просто сказала: «Ты посмотри, что твой отец делает! А стоит мне ему слово сказать, так он злится», — она еще добавила: «Господин, отец у тебя груб, сварлив, только и ищет ссор. Не могу я с ним жить в одном доме. К тому же не сегодня-завтра ему помирать. Он и так уж больной и дряхлый — долго не протянет. Одним словом, вырой ему могилу на кладбище, отруби голову лопатой и закопай». Так она повторяла не раз. Наконец муж сказал: «Милая, убить отца — тяжкое преступление. Как же мне на это пойти?» — «Я могу тебя научить». — «Ну что ж, научи». — «Господин, зайди с утра к отцу, пока он не встал с постели, и скажи громко, так, чтобы всем слышно было: «Батюшка! У вас есть в соседней деревне должник. Мне он без вас долга не отдает, а когда вас не станет, так и вовсе платить откажется. Давайте поедem к нему вместе с утра». Время пусть он сам назначит, а ты поезжай с ним на телеге на кладбище, убей его там и закопай. Потом дело выставишь так, будто на вас напали разбойники, никто тебя и не заподозрит». — «Пожалуй, так можно», — согласился Васиштха и пошел готовить телегу. А у него был сынок — умный мальчик семи лет. Он услышал слова матери и подумал: «У меня мать — злодейка! Она подбивает отца, чтобы он убил дедушку. Только я ему убить дедушку не дам!» И он незаметно лег спать вместе с дедом. Васиштха наутро в назначенный час запряг волов и позвал отца: «Поехали, батюшка, к должнику». А мальчик забрался в

телегу раньше деда, и Васиштха не решился его прогнать. Так и приехали на кладбище втроем. Дед с мальчиком продолжали сидеть в телеге, а Васиштха взял заступ и корзину, в какой землю таскают, выбрал укромное место и стал копать там четырехугольную яму. Тут мальчик слез с телеги, тихонько подошел к отцу и с простодушным видом спросил:

«Здесь, батюшка, не место грядкам,
Ты лес не путай с огородом!
В густом лесу, среди погоста
К чему ты эту яму роешь?»

Отец ответил:

«Наш дедушка совсем стал дряхлым
И хворями вконец измучен.
Такая жизнь ему не в радость, —
Пора бы лечь ему в могилу».

Тогда мальчик про себя сказал:

«Кровавое задумал дело
Отец, ожесточившись сердцем»!

Забрал он у отца лопату и стал рядом копать другую яму. Отец подошел и спросил: «Сынок, а ты зачем яму копаешь?» Сын объяснил:

«Отец, когда ты постареешь,
Я так же поступлю с тобою
И соблюду обычай рода —
Ты у меня в могилу ляжешь».

Отец воскликнул:

«Ты дерзко отвечаешь старшим
И лютой злобой переполнен!
Неужто ты, дитя родное,
Отца подталкиваешь к смерти?»

Разумный мальчик отвечал:

«Нет, батюшка, какая злоба!
Я лишь добра тебе желаю.
Но ты замыслил злодеянье,
И удержать тебя придется.
Кто мать или отца, Васиштха,
Безвинных, кротких, злобно мучит,
Тот после расставанья с телом
В ад попадает непременно.
Но кто отца и мать родную
Поддерживает и лелеет,
Тот после расставанья с телом
В рай попадает непременно».

Услышав эти речи о дхарме из уст своего сына, отец промолвил:

«Видать, сынок, что ты не враг мне,

И только блага мне желаешь.

Я ж чуть не стал отцеубийцей —

Жена к греху меня склонила».

«Батюшка, — сказал ему на это мальчик. — Если стерве потакать, она в грехах удержу знать не будет. Надо мою мать так проучить, чтобы она впредь ни о чем подобном не смела и подумать».

Твоя жена неблагородна,

И хоть она мне мать родная,

Гони ее скорей из дому,

Иначе бед не оберёшься».

Послушался Васиштха своего умного сына, просветлело у него на сердце. «Поехали домой, сынок», — сказал он и вместе с сыном и стариком отцом отправился назад. А паскудница жена сидела дома рада-раदेशенька: «Выгнала я из дому мое злосчастье!» Она обмазала пол свежим коровьим навозом¹⁸, сготовила обед и села дожидаться мужа. И вдруг видит: они приехали все вместе. Разозлилась она и давай бранить мужа: «Ах ты, олух! На что ты наше злосчастье обратно привез!» Васиштха, слова худого не говоря, распряг волов, а потом как прикрикнет: «Что ты, негодная, посмела сказать?» Задал он ей хорошую трёпку и выволок ее за ноги из дому: «Вон отсюда, чтобы и духу твоего здесь не было!» Он принес старику и мальчику воды умыться, умылся сам, и все трое сели обедать. А злодейка жена устроилась жить у соседей. Тут сын и говорит отцу: «Батюшка, моя мать пока еще ничего не поняла. Надо бы ее как следует окоротить. Ты сделай, пожалуйста, вот как. Пусти слух, что есть у тебя в соседней деревне двоюродная сестра и ты хочешь на ней жениться — взять в дом новую хозяйку. Она, мол, и за сыном, и за отцом смотреть станет. Выезжай из дому с цветами и благовониями — вроде бы свататься, а на самом-то деле поезди день по окрестным полям и вернись к вечеру». Отец так и делал, а соседки тут же донесли его жене: «Твой муж уехал в другую деревню за новой женой». — «Пропаду я теперь, — испугалась она. — Мне уж дороги назад не будет». И решила она попросить помощи у сына. Пришла к нему тайком, бросилась в ноги и говорит: «Сынок, кроме тебя, мне надеяться не на кого. Обещаю тебе: я теперь и отца твоего, и твоего деда почитать буду как святыни в храме. Лишь бы ты помог мне вернуться домой». — «Ладно, матушка, постараюсь, раз ты такое пообещала. Смотри только, слово держи», — сказал мальчик, а когда приехал домой отец, он попросил:

¹⁸ Такой способ приборки и поныне в ходу в индийской деревне.

«Твоя жена неблагородна,
Но ведь она мне мать родная.
Она смирилась и покорна.
Пусти ее домой обратно!»

Так мальчику удалось вернуть мать домой. Пришла она, повинилась перед мужем и свекром и с тех самых пор стала кроткой, следовала во всем дхарме и угождала домашним. И оба они — и отец, и мать, — следовали наставлениям мальчика, приносили дары и совершали иные благие дела и после смерти возродились на небесах».

Рассказав эту историю, Учитель изъяснил арийские положения и отождествил перерождения: «Отец, сын и сноха — те же, что и теперь, а умным мальчиком был я сам». Мирянин, вняв изъяснению, обрел плод прорезавшегося слуха.

ДЖАТАКА О ЧРЕЗМЕРНОМ ГОРЕ (449)

«Нарядно одетый, в серьгах блестящих...» — это Учитель произнес в роше Джеты по поводу одного отца семейства из Шравасты, у которого внезапно умер его любимый сын. Этот отец семейства был мирским последователем Пробуждённого. Он был так подавлен скорбью о сыне, что перестал есть, мыться, забросил свои повседневные дела и не появлялся у Пробуждённого, чтобы послушать беседы о дхарме, только то и делал, что жалобно причитал: «Ах, сынок ты мой милый! Что ж ты меня одного оставил, первым из жизни ушел?» Учитель же обзирал на утренней заре своим внутренним оком мир людей и увидел, что этот человек созрел для того, чтобы обрести плод прорезавшегося слуха. На следующий день он вместе с монахами общины собрал в Шравасты подаяние и поел, а затем отослал всех монахов назад и с одним только тхерой Анандой, сопровождавшим его, как обычно, пришел в дом к мирянину. «Пришел Учитель», — передали хозяину. Домочадцы вынесли сиденье, предложили Учителю сесть, а хозяина под руки вывели к нему. Хозяин приветствовал его, сел. «Что, мирянин, о своем единственном сыне горюешь?» — спросил его Учитель мягким, исполненным милосердия голосом. — «Да, почтенный». — «А знаешь ли, мирянин, как бывало в прошлом? Когда-то один умный человек тоже был подавлен горем об умершем сыне — все горевал и горевал; а потом он внял разумным словам, смирился с тем, что умершего не воротишь, — и тут же вся его печаль прошла». И по просьбе мирянина Учитель рассказал о былом.

«Давным-давно в Варанаси правил царь Брахмадатта. В ту пору у одного богатого брахмана внезапно тяжело заболел и умер сын в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет. Родился он после смерти на небесах. Брахман же с самого дня его смерти только и делал, что сидел у погребальных кострищ, рядом с кучей пепла, и причитал. Все свои дела он забросил и целиком отдался горю. А сын его, ставший небожителем, странствовал по поднебесью, заметил на земле отца и решил: «Надо как-то исцелить

его от печали». Когда брахман опять пришел поплакать к погребальным кострищам, сын его принял свой прежний облик и, нарядно одетый, в уборе из драгоценностей, перенесся туда же. Там он схватился руками за голову и громко зарыдал. Брахман оглянулся на голос, увидел юношу, и в нем проснулись отцовские чувства. Он подошел к нему и спросил: «О чем ты, милый юноша, плачешь здесь, среди погребальных кострищ?»

Нарядно одетый, в сергах блестящих,
В венке, умашенный желтым сандалом, —
О чем ты стонешь, ломая руки?
Что мучит тебя средь мертвого пепла?»

Юноша ответил ему:

«Есть у меня золотой, блестящий,
Готовый кузов колесницы —
Колес к нему не подберу я,
И горе вынести не в силах!»

Брахман предложил ему помощь:

«Какую колесницу хочешь?
Из золота иль самоцветов?
Из серебра или из бронзы?
Я дам и кузов, и колеса!»

А юноша ему ответил:

«К золотому кузову подходят
Луна и солнце — два светила.
Вот это были бы колеса!
Я на другие не согласен».

Брахман сказал:

«Недостижимого желая,
Ты, юноша, безумен, право.
Светил ты так и не получишь.
Зато умрешь, пожалуй, скоро».

А юноша тотчас же возразил:

«Они восходят и заходят,
Их свет и путь по небу видны,
А умерших не видно вовсе, —
Так кто ж из нас двоих безумней?»

И брахман признал его правоту:

«Ты правду, юноша, промолвил,
Безумней я из нас обоих —
Как маленький ребенок плачет,
Чтоб ему сняли месяц с неба, —
Так я горюю об умершем».

Слова юноши избавили брахмана от великой печали, и он благодарно сказал:

«Я как на жертвенном костре,
В который подливают масло,
Горел в огне своей печали.
Ты ж излечил меня от горя,
Словно залил костер водою.
Я так скорбел о смерти сына
И был подавлен этой скорбью,
А ты извлек из сердца жало.
Теперь меня не мучит горе,
Я не скорблю и не рыдаю,
Печаль прошла, и я очищен,
Я внял твоей разумной речи».

«Брахман, а ведь я тот, о ком ты горюешь, — сказал ему юноша. — Я родился небожителем. Больше обо мне не печалься. Будь щедр, не нарушай обетов добронравия, блюди обряды упосатхи». И, дав отцу такое наставление, он вернулся на небеса. Брахман же последовал его совету: он приносил дары, совершал иные добрые дела и после смерти тоже родился небожителем».

Закончив эту историю, Учитель изъяснил арийские положения, а затем отождествил перерождения: «Небожителем, преподавшим отцу дхарму, был тогда я сам». Отец семейства, внимая изъяснению, обрел плод прорезавшегося слуха.

ДЖАТАКА О БЛАГОНРАВНОМ ЦАРЕВИЧЕ (462)

«Знал о достоинствах твоих...» — это Учитель в роще Джеты произнес по поводу некоего монаха, ослабившего старания. Монах этот был родом из семьи, жившей в Шравастии. Послушав проповедь Пробуждённого, он принял монашество, прошел начальное обучение у преподавателя с наставником¹⁹, заучил устав поведения и, когда со времени его пострига прошло уже лет пять, подумал: «Пора бы мне взять и спросить у преподавателя и наставника задание для духовной работы²⁰, уйти в леса и упражняться в йоге». Получив согласие преподавателя и наставника, он удалился в малолюдную деревню в царстве Каши. Тамошним крестьянам он понравился, они построили ему шалаши и стали снабжать всем необходимым. В этом шалаше провел он и пору дождей и с превеликим усердием стал упражняться. Но как ни заставлял себя, как ни тщился, как ни напрягался, за все три месяца не промелькнуло у него ни проблеска успеха. Так ничего и не добившись, он подумал: «Учитель делит людей по их понятливости на четыре рода. Должно быть, я отношусь к последнему из них и развиваться не способен. А коли так, в лесу мне нечего делать. Лучше вернуться в рощу Джеты — там я смогу вновь лицезреть величественный облик Татхагаты и внимать его поучениям в дхарме, столь сладостным для слуха». Итак, он ослабил старания и ушел из лесу. В свой срок добрался он и до рощи Джеты. Преподаватель с наставником и знакомые монахи спрашивали его, с чем он вернулся, и он им все по правде рассказал. «Напрасно ты так поступил!» — отчитали те его и повели к Пробуждённому. «Зачем это, монахи, ведете вы ко мне

¹⁹ Преподаватель учил новичка монаха сутрам, то есть теоретическому и йогическому содержанию буддийского учения, а наставник наставлял в основах Устава, то есть правил практического поведения.

²⁰ В буддийской йоге существует детально разработанная классификация духовных упражнений; то или иное упражнение рекомендуется человеку в зависимости от психического типа.

человека против его воли?» — спросил Учитель. «Почтенный, он ослабил старания и зря сюда пришел». — «Правда ли это?» — спросил Учитель у монаха. «Да, почтенный», — отвечал тот. «Напрасно ты, монах, не стал больше стараться. Ведь тому, кто нерадив и лишен рвения, не добиться в нашем учении высшего успеха — святым ему не стать. Такое достижение — удел лишь ревностных подвижников. Да ведь и ты сам прежде был ревностен и внимал благим наставлениям. Вот почему ты в прошлом стал преемником царя Варанаси, хоть и был самым младшим среди ста его сыновей. Ведь ты умел следовать добрым советам мудрецов», — и Учитель рассказал о былом.

«Давным-давно в Варанаси правил царь Брахмадатта. Царевич Сám-вара²¹ был младшим из ста его сыновей. К каждому из своих сыновей царь приставил по советнику и наказал им: «Научите царевичей тому, что им следует знать». У Самвары учителем оказался умный и ученый советник, опекавший юношу по-отечески, да и немудрено: ведь это был сам Бодхисаттва. Каждого царевича, когда кончалось его учение, советник посылал к царю. Показав, на что он способен, царевич получал от отца в управление какую-то область. А царевич Самвара, овладев в совершенстве всеми искусствами, спросил Бодхисаттву: «Батюшка, что посоветуешь ты мне делать, если отец решит послать меня править какой-нибудь областью?» — «Не соглашайся, сынок, если он станет предлагать тебе область. Лучше ответь царю так: "Государь, я самый младший из твоих сыновей. Если и я покину тебя, подножие трона твоего опустеет. Давай я останусь тут, при тебе"». И вот настал день, когда царевич пришел к царю, приветствовал его и стал подле трона. «Ну что, сынок, изучил ты искусства?» — спросил его царь. «Да, государь». — «Выбирай себе область». — «Государь, чтобы не опустело подножие твоего трона, я бы остался здесь, при тебе». Царю эти речи пришлось по сердцу, и он согласился. Так Самвара остался при отце. Как-то раз он опять спросил Бодхисаттву: «Что бы мне теперь сделать, батюшка?» — «Попроси у царя, чтобы он пожаловал тебе старый парк». Царевич так и сделал и, когда стал владеть парком, разослал видным горожанам в дар цветов и плодов. «А дальше что делать?» — спросил он однажды. «Испроси у царя дозволения самому выдавать харчи и жалованье дворцовым слугам». Царевич послушался и после, в раздачах, неизменно был справедлив. Потом он по совету Бодхисаттвы и с соизволения отца принял на себя дворцовые расходы — и на рабов, и на стражу, и на

²¹ Сámвара — значащее имя: "сдержанность, самообуздание".

лошадей — и опять не обделил никого. Посланцам из соседних стран он сам предоставлял ночлег и довольствие, сам стал собирать торговые пошлины, да и другие дела взял на себя. Одним словом, следуя неизменно советам Бодхисаттвы, он расположил к себе всех: и дворню, и городскую стражу, и горожан, и жителей областей царства, и иноземцев, — и, к общей выгоде, стал он им всем приятен и близок.

Пришла пора царю помирать. «Государь, кого же помазать на царство после твоей кончины?» — спросили советники, когда царь лежал уже на смертном одре. «Все мои сыновья — наследники моей власти, любезные. Отдайте ее тому, кто больше других вам по сердцу». Царь скончался. Советники свершили погребальные обряды и на седьмой день сошлись для совета: «Царь завещал нам помазать на царство того, кто больше других нам по сердцу. А нам ближе других царевиц Самвара». Так царевицу Самвару в окружении родичей усадили под белый царский зонт с золотой оторочкой²². Ставши государем, Самвара по-прежнему слушался Бодхисаттвы и правил по дхарме. Остальные же девяносто девять братьев решили: «Отец наш скончался, а верховное правление, по слухам, доверили Самваре. Делать так не положено — он ведь самый младший из нас, а наследником царства должен быть старший». Все они вместе обложили столицу и послали Самваре письмо: «Уступай нам царский зонт, а иначе — война». Молодой царь рассказал все Бодхисаттве и просил у него совета. «Государь, воевать с родными братьями тебе совсем ни к чему. Подели отцовскую казну на сто равных частей и пошли каждому из братьев по доле, а заодно вели передать: «Забирайте свою долю отцовского наследства. А воевать с вами я не намерен». Тот послушался. Тогда самый старший из братьев, царевиц Упосатха, обратился к остальным с такой речью: «Братья! Видно, никто из нас не может тягаться с царем. Он, наш младший брат, даже не принял вызов на противоборство, который мы ему посылали. Он шлет нам отцовскую казну и заявляет, что выступать против нас не собирается. Все равно, царствовать все одновременно и восседать под белым зонтом мы не сможем. Царем из нас может быть только один. Так пусть же он им и останется! Пойдемте помиримся с ним, вручим ему обратно казну и разойдемся по областям, коими правим». Братья попросили, чтобы им отворили ворота, и без всяких враждебных намерений вступили в город. Навстречу братьям царь выслал советников, и те с почетом их встретили. Царевицы спешили и в сопровождении пышной свиты вошли во дворец, приветствовали царя и скромно сели на сиденья пониже трона. А государь Самвара воссел на

²² Зонт — важнейшая регалия.

трон под белым зонтом и был столь величественен и великолепен, что все трепетали под его взором. При взгляде на царственное величие государя царевич Упосатха невольно подумал: «Отец наш, должно быть, предвидел, что наследником его станет Самвара. Потому-то он всем нам и выделил области, а ему — нет». И Упосатха спросил царя:

«Знал о достоинствах твоих
Наш самодержец-государь.
Всех сыновей он отделил,
Тебя ж оставил при себе.
Скажи, отец был жив еще
Иль отошел уже к богам,
Когда сородичи твои
Наследником сочли тебя?
Каков обет твой, Самвара?
Чем братьев превосходишь ты?
Как вышло, что из родичей
С тобой сравниться некому?»

И государь Самвара откровенно рассказал, какие достоинства он в себе видит:

«Я не завидую, царевич,
Провидцам и подвижникам,
Но почитаю их, как должно,
И мудрым в ноги кланяюсь.
Я дхарме предан неизменно,
Почтителен и независлив.
Подвижники и мудрецы,
Одной лишь дхарме верные,
Дают мне наставления.
Я слушаю внимательно
Провидцев и подвижников.
Благой совет учту всегда:
Лишь дхарма ум мой радует.
Ни корнаков ²³, ни стражников,
Ни лучников, ни прочих слуг —
Не обижаю никого,
Деньгами и довольствием
Их одежаю вовремя.
Сановники живут при мне,

²³ Корнак — погонщик слонов.

Искусные советники.
А в городе Варанаси
Питья и снеди вдоволь всем.
Торговля процветает здесь,
Купцов не счесть из разных стран.
Всем им охрану я даю.
Так правлю я, Упосатха!»

Царевич Упосатха отвечал:

«Ты царь по праву, Самвара!
Цари в согласи с правдою!
Умен ты, рассудителен,
Приносишь благо родичам.
Тебе, в кольцо твоих родных,
Сокровищ обладателю,
Враги не страшны никогда,
Как Индре-небожителю
Не страшны рати асуров».

Государь Самвара со всем радушием принял своих братьев. А через месяц-полтора они ему сказали: «Государь, если в наших областях разбойники бунтовать начнут, мы и сами с ними управимся, а ты наслаждайся царством спокойно». И разъехались они по своим областям. Царь же продолжал следовать наставлениям Бодхисаттвы и, когда истек срок его жизни, со-причислился к сонму небожителей».

Закончив это наставление, Учитель повторил: «Что же ты, монах, ослабил теперь старания? Ведь прежде ты внимал благим наставлениям». Затем он изъяснил арийские положения и отождествил перерождения: «Государём Самварой был тогда этот самый монах, царевичем Упосатхой — Шарипутра, прочие братья — это нынешние тхеры, их свита — мои теперешние последователи, а советником был я сам». Монах, внимая проповеди, обрел плод прорезавшегося слуха.

ДЖАТАКА О ЛЮБВИ К РОДИЧАМ (465)

«Одетый в дорогое платье...» — это Учитель произнес в роще Джеты по поводу своих действий на благо соплеменникам. Случилось это так.

В Шравастии, в доме у Анатхапиндады, было что ни день готово угощение для пятисот монахов; столько же готовили и в доме у Вишáкхи, и во дворце царя Кошальского. Монахам на царской кухне готовились превосходные кушанья, но доверенного, близкого человека при дворе у них не было, а потому угощение они брали, но есть уходили либо к Анатхапиндаде, либо к Вишакхе, либо в другие дома, где у них были знакомые. Однажды царь приказал: «Отдайте монахам гостинцы, что принесли мне», — и послал со слугами в трапезную отменное угощение. Те, однако, воротились с вестью: «Государь, в трапезной ни души!» Царь удивился и после завтрака пришел к Учителю с вопросом: «Почтенный, что самое важное в трапезе?» — «Самое важное, государь, — это доверие к тому, в чьем доме ты ее вкушаешь. Ведь если хозяин приятен гостю, тому и рисовый кисель покажется отменно вкусным». — «А у монахов, почтенный, к кому возникает доверие?» — «Либо к своим же родичам, либо к выходцам из клана шакьев». — «Возьму-ка я себе в главные супруги девушку из рода шакьев! — подумал тут царь. — Тогда монахи увидят во мне словно своего родственника и станут мне доверять». Вернувшись во дворец, он послал гонца к шакьям в Капилавасту: «Я стремлюсь с вами породниться. Выберите для меня невесту из ваших девушек».

Шакьи выслушали гонца и собрались на совет: «Власть царя Кошальского распространяется и на наши земли. Не дадим ему невесту — наживем себе заклятого врага. А коли дадим, то поступимся чистотою нашего рода. Как же нам быть?» — «Стоит ли беспокоиться? — сказал им Маханама²⁴. — У меня же есть дочь Васабхакхátтия от рабыни Нагамунды. Ей уже полных шестнадцать лет, ей суждено счастье, а по отцу

²⁴ *Маханама* — один из именитых и влиятельных шакьев.

она — кшатрийского рода. Давайте выдадим ее за царя под видом настоящей кшатрийки!» Шакьи согласились с ним, призвали послов и объявили свое решение: «Мы согласны дать царю невесту. Сегодня же можете ее забирать». Послы усомнились: «Шакьи — известные гордецы, они свой род ставят превыше всего. А вдруг они под видом девушки, равной себе, дадут нам иную, худородную? Пока не увидим, как она ест с ними вместе, не поверим²⁵». И они ответили: «Пусть она на наших глазах поест с вами — тогда мы ее заберем». Шакьи отвели послам покои для ночлега и опять собрались на совет: «Что же нам теперь делать?» — «Не беспокойтесь! — опять сказал Маханама. — Послушайте, что я придумал. Я сяду за стол, а вы принарядите Васабхакхаттию и приведите ее ко мне. Только я возьму в рот первый кусок, пусть кто-нибудь войдет и скажет: «Князь²⁶! Соседний властитель прислал нам письмо. Взгляни-ка и ты, о чем он пишет». Шакьи обещали так и сделать.

И вот Маханама сел есть; девушку тем часом наряжали. «Приведите ко мне мою дочь! — сказал Маханама. — Я хочу поесть с нею вместе». — «Она еще не одета», — отвечали ему. Выждав немного времени, дочь привели к нему. Девушка обрадовалась, что будет есть вместе с отцом, протянула руку к его блюду и взяла оттуда кусок. И Маханама одновременно с нею тоже взял кусок и положил его в рот. Но едва он потянулся за вторым куском, как вошли слуги с вестью: «Князь! Соседний властитель прислал нам послание. Тебе надобно знать, о чем оно». — «Ты ешь пока, дочка», — сказал Маханама. Правая его рука так и осталась лежать на блюде, в левую же он взял письмо и углубился в чтение. Покуда он сидел над письмом и думал, дочь уже успела поесть. А когда она поела, он вымыл руки и прополоскал рот. Не заметив ничего необычного, послы пришли к убеждению, что Васабхакхаттия и в самом деле дочь Маханама, и увезли ее со всеми служанками, что дал ей отец. Вернувшись в Шравасту, послы объявили: «Мы привезли дочь самого высокородного Маханама!» Польщенный царь велел убрать по-праздничному весь город и на гряде драгоценностей помазал Васабхакхаттию в главные супруги. Она стала мила и любезна его сердцу. Прошло немного времени, и она забеременела. Царь приставил к ней нянек и мамок. Через десять месяцев она родила царю светлокожего сына. Надо было давать ему имя, и царь решил посоветоваться с тестем. Он послал в Капилавасту советника с вопросом: «Васабхакхаттия, дочь князя шакьев, родила сына. Каким

²⁵ Сословно-кастовые запреты и предрассудки особенно заметно проявлялись в ограничениях на совместные трапезы.

²⁶ Князь — здесь и ниже в смысле «член правящего клана».

именем его наречь?» Советник же тот был туговат на ухо. Когда он приехал в Капилавасту и передал вопрос царя, Маханама сказал: «Васабхакхаттия и прежде была царю милее прочих его жен, теперь же у нее и подавно не будет соперниц. Она теперь — его любимица». Тугому на ухо советнику вместо «любимица» — вáллабха — послышалось «видúдабха», с чем он и воротился: «Государь! Дед предлагает наречь внука Видудабхой». — «Ну что же, Видудабха — наше старинное родовое имя. Пусть так и будет», — согласился царь.

Воспитывать мальчика стали как наследника престола. Когда ему исполнилось лет семь, мальчик вдруг сообразил: «Всем мальчикам дедушки подарки шлют — игрушечных слонов, лошадок, другие игрушки, а мне никто ничего не присылает». И он спросил мать: «Матушка! Почему другим мальчикам от дедушек приходят подарки, а мне никто ничего не шлет? Ты разве сирота?» — «Сынок, твой дедушка — из княжеского клана шакьев. Просто он живет далеко, потому и не шлет тебе подарков», — сказала мать полуправду.

Прошло время, Видудабхе исполнилось шестнадцать лет, и он попросил: «Матушка! Я хочу познакомиться с дедом и его родней». — «Оставь, сынок, зачем тебе это?» Но сын стоял на своем, и матери пришлось уступить: «Ладно, поезжай». Видудабха отпросился у отца и выехал с большой свитой. А Васабхакхаттия уже заранее послала весть шакьям: «Живу я здесь прекрасно. Смотрите, не вздумайте меня с сыном выдать царю». Узнав, что едет Видудабха, шакьи отослали из столицы в деревни всех мальчиков, которые были младше его годами, чтобы тем не пришлось перед ним кланяться. И вот юноша прибыл в Капилавасту, шакьи приняли его в зале совета и стали представлять родичам: «Вот твой дед по матери; вот твой дядя по матери». Видудабха шел и каждому кланялся. Так он со всеми поздоровался, каждому поклонился — поясница даже заболела, — а потом заметил, что ему-то ни один человек не поклонился, и спросил: «А мне почему никто не кланяется? Где остальные?» — «Все мальчишки и юноши, что младше тебя, в разъезде, дорогой», — сказали шакьи. Приняли его они с большими почестями. Видудабха побыл у них несколько дней и уехал.

После его отъезда некая рабыня пришла мыть разведенным молоком скамью²⁷, на которой он сидел, и сказала вслух: «Вот она, скамья, на которой сидел сын рабыни Васабхакхаттии!» А в тот самый миг в зал вошел воин из свиты Видудабхи: он позабыл свое оружие и вернулся за

²⁷ Такое мытье должно было восстановить нарушенную ритуальную чистоту скамьи.

ним. Слыша такие пренебрежительные слова, он спросил, в чем дело. «Да ведь Маханама прижил Васабхакхаттию с рабыней», — отвечала служанка. Воин нагнал своих и рассказал им о том. «Как же так? — пришла в возбуждение свита. — Выходит, что Васабхакхаттия — дочь рабыни!» Царевич же, услышав о происшедшем, твердо решил: «Вот как, значит? Скамью, на которой я сидел, надо после меня отмывать разведенным молоком? Ну что же, стану царем — глотки всем им перережу, кровью их омою эту скамью!»

Когда Видудабха вернулся в Шравасты, советники донесли все царю. «Ах, шакьи! Дочь рабыни дали мне в жены!» — разгневался царь. Он отнял у Васабхакхаттии с сыном их прежнее содержание и велел выдавать им на жизнь не больше, чем положено рабыне и рабу. Но вот прошло несколько дней, и в царский дворец зашел Учитель. Царь встретил его, поклонился и сказал: «Почтенный! Оказалось, что твои родичи выдали за меня дочь рабыни! Я велел ни ей, ни ее сыну прежнего царского содержания более не давать, приравнивал их к рабам». — «Шакьи, государь, и впрямь поступили дурно, — отвечал Учитель. — Если уж они решили дать тебе невесту, надо было давать девушку, равную им самим по знатности. Но я тебе вот что скажу. Васабхакхаттия помазана была на царство по кшатрийскому обычаю, да и Видудабха родился сыном царя-кшатрия. Происхождение по матери мало что значит. Главное — это каков отцовский род. Ведь некогда древний мудрец на троне даже бедную дровоноску сделал царствующей супругой, сын же ее стал наследником престола и правил обширным городом Варанаси. Его так и звали Каштхавáханой — Дровоносом». И Учитель рассказал царю историю о Дровоносе. Царь внял ему, уверовал, что главное — это отцовский род, и охотно вернул жене и сыну их прежнее положение.

Полководцем у царя был тогда воитель Бáндхула. Жена его Мálлика оказалась бесплодной, и он решил отправить ее обратно в родительский дом, в Кушинáру. Маллике же захотелось повидать на прощание Учителя, и вот она пришла поклониться ему в рошу Джеты. «Куда ты собралась?» — спросил Учитель. «Муж отправляет меня назад к родителям, почтенный». — «С чего же это?» — «Бесплодна я, почтенный. Не могу сына ему родить». — «Ну, тогда ты напрасно уходишь. Возвращайся-ка к мужу». Маллика обрадовалась, поклонилась Учителю и пошла домой. «Ты зачем вернулась?» — спросил муж. «Меня Татхагата отправил назад к тебе». «Должно быть, Учителю виднее», — подумал военачальник и не стал перечить. И впрямь, Маллика скоро забеременела. Появились у нее и причуды. Однажды она сказала: «Господин, меня одолевает странное желание». — «Чего же тебе хочется?» — «Хочу я в городе Вайшáли напиться и омыться в священном пруду, где личчавы свершают помазания

правлящих княжеских родов». — «Ну, поехали», — согласился военачальник. Взял он с собою лук, до того тугой, что пущенная из него стрела пробивала тысячу воинов насквозь, посадил жену на колесницу и поехал из Шравасты в Вайшали. Правил он сам. В ту пору у городских ворот Вайшали жил некий личчхав по имени Махалий. Когда-то он учился вместе с Бандхулой у одного учителя, а теперь ослеп и наставлял личчхавов в дхарме и житейских делах. Услыхал он стук колес по мостовой под воротами и промолвил: «Это гремит колесница отважного Бандхулы. Значит, сегодня над личчхавами нависла опасность».

Пруд был огражден; перед оградой и внутри нее цепями стояли охранники. Поверху же была натянута железная сеть; птица и та бы не пролетела. Но военачальник соскочил с колесницы и бросился на стражников с мечом в руке. Они разбежались. Бандхула прорубил дыру в сети, впустил жену и дал ей напиться и омыться. Потом умылся сам, усадил жену на колесницу и выехал из города в обратный путь. Тем часом сторожа прибежали и доложили о случившемся старейшинам личчхавов. Старейшины взъярились. Пятьсот воинов на пятистах колесницах собрались в погоню за отважным Бандхулой. Донесли об этом Махалию. «Нельзя вам ехать! — возразил Махалий. — Перебьет он всех вас!» — «Оставь, все равно мы поедем!» — «Ну, раз так, то поверните назад, как только гнили, что колеса его колесницы ушли по ступицы в землю. Если тогда не повернете, то поворачивайте назад, как услышите звук, подобный раскату грома. А если и тогда не повернете, то возвращайтесь, как увидите, что в дышлах появились дыры. А не то пропадете, поздно будет!» Личчхавы же, не слушая, уехали.

И вот Маллика оглянулась и говорит: «Господин, за нами гонятся на колесницах!» — «Когда все они выстроятся в одну линию, скажешь мне». Скоро колесницы выстроились одна за другою и издали слились в одну. «Господин, сейчас мне виден только передок головной колесницы», — сказала Маллика. «Подержи-ка вожжи!» Бандхула передал ей вожжи, а сам встал на колеснице в полный рост и поднял лук. Колеса по ступицы ушли в землю. Личчхавы увидели это, но не остановились. Проехав немного вперед, Бандхула натянул и отпустил тетиву, и звон ее подобен был громовому раскату. Личчхавы, однако, и не думали поворачивать назад. Тогда Бандхула, не сходя с колесницы, пустил в них одну-единственную стрелу. Стрела пробила передки всех пятисот колесниц, пронзила пятьсот воинов и упала позади последнего. Личчхавы даже не заметили, что уже пронзены насквозь, и с криками «Эй ты, стой! Эй ты, стой!» продолжали преследование. Бандхула придержал коней и сказал: «Вы же все мертвецы! Я с мертвецами не воюю». — «Не очень-то мы на мертвецов похожи». — «Ну-ка снимите броню с воина на

головной колеснице». Личхавы послушались. Едва с воина сняли броню, он упал и умер на месте. «Все вы таковы! — сказал им Бандхула. — Отправляйтесь-ка по домам, приведите в порядок свои дела, дайте домашним прощальные наказы, а там уж снимайте броню». Так и нашли все эти личхавы свой конец.

Бандхула же привез жену обратно в Шравасты. Со временем она родила ему шестнадцать пар близнецов. Все они стали отважными могучими воинами, в совершенстве освоили все искусства, и у каждого из них была дружина по тысяче человек. Когда они вместе с отцом приходили на прием к царю, их свита одна заполняла весь царский двор.

Однажды царские судьи несправедливо рассудили тяжбу, В это время мимо проходил Бандхула. Проигравшие тяжбу люди увидели его, подняли шум и крик и стали жаловаться на подкупленных судейских. Бандхула тут же направился в суд, выслушал стороны еще раз, решил дело по справедливости и вернул собственнику его добро. Присутствовавшие стали громко благодарить. «Что за шум?» — спросил царь. Узнав о том, что произошло, он похвалил Бандхулу, сместил прежних судейских и доверил Бандхуле решение тяжб. Судейские остались без взяток, а с ними и почти без всего своего дохода и по злобе оговорили Бандхулу перед царем, что тот-де замыслил отнять у него престол. Царь поверил наветам и дал волю гневу. «Прямо в городе убивать его нельзя — люди возропшут», — подумал он и тайком послал наемников на окраину царства — устроить там бунт. Затем он призвал Бандхулу и сказал: «Мне донесли, что в одном из округов начался бунт. Отправляйся вместе с сыновьями на усмирение бунтовщиков». С Бандхулой же он послал могучих опытных воинов и дал им тайный приказ: «Отрубите головы ему и сыновьям и привезите их мне». Итак, Бандхула поехал на усмирение бунта, а нанятые царем смутьяны прослышали об этом и удрали. Приехав, Бандхула восстановил порядок, удовлетворил просьбы местных жителей и направился обратно в столицу, но в окрестностях ее царские воины напали на него и сыновей и всем им поотрубали головы.

В тот самый день к Маллике приглашены были на трапезу пятьсот монахов во главе с Шарипутрой и Маудгальяяной. Уже с утра ей принесли письмо: «Всем твоим сыновьям и мужу отрубили головы». Прочтя это, она никому не сказала ни слова, завязала письмо в край сари и продолжала хлопотать, принимая монахов. Одна из ее служанок несла миску с топленным маслом, оступилась и прямо перед тхерами разбила ее. Тогда Шарипутра, военачальник воинства дхармы, сказал ей в утешение: «Не стоит огорчаться. Таково уж свойство посуды, что она бьется». Маллика же развязала узел, достала письмо и ответила: «Вот письмо, что пришло ко мне утром: мужу моему и всем тридцати двум сыновьям

отрубили головы. — я и то не огорчаюсь. Стану ли я горевать, почтенный, из-за миски с топленным маслом?» Военачальник воинства Дхармы сказал ей подходящие к случаю слова сутры: «Существование в этом мире непостижимо, ненадежно...»²⁸. Преподавал он ей должное наставление и ушел в монастырь. А Маллика послала за всеми своими тридцатью двумя невестками и стала увещевать их: «Мужья ваши ни в чем не провинились, а погибли они из-за своих деяний в прошлых жизнях. Не горюйте по ним, да и против царя не ожесточайтесь». Этот разговор подслушали царские лазутчики; они донесли царю, что полководец с сыновьями убиты были безвинно. Царь ужаснулся и пришел в дом к Маллике каяться перед нею и ее невестками. «Скажи мне, чего ты хочешь!» — попросил он. «Я пока подумаю, государь». Царь удалился, а Маллика справила тризну, омылась и пришла к нему во дворец. «Государь! Ты обещал исполнить мое желание, — сказала она. — Отпусти меня и всех моих невесток обратно в родные края. Больше мне от тебя ничего не надо». Царь дозволил. Маллика отправила всех невесток по домам, а потом и сама уехала к себе на родину, в Кушинуру.

Военачальником царь поставил племянника покойного Бандхулы — долгоязого Караяну, сына его сестры. Тот, однако, никак не мог простить царю убийство своего дяди и все ломал голову, как бы ему за это отомстить. А сам царь, с тех пор как узнал, что Бандхулу он казнил без вины, горько каялся и не находил себе места; даже власть совсем перестала его радовать.

В ту пору Учитель находился близ городка Улумпы в области шахьев. Царь поехал навестить его. Невдалеке от обители он разбил лагерь, а дальше пошел, взяв с собою небольшую свиту. Все пять знаменующих царское достоинство вещей он оставил под охраной Караяны и без спутников вошел в благоуханную келью к Учителю. Когда царь скрылся, Караяна забрал знаки царского достоинства, провозгласил царем Видудабху и увел войско в Шравастии, оставив царю коня и одну служанку. После учтивой беседы с Учителем царь вышел на улицу и обнаружил, что войско ушло. Служанка объяснила ему, в чем дело, и царь решил отправиться за подмогой в Раджагриху, к своему племяннику, царю магадхскому, чтобы с его помощью взять Видудабху в плен. Но до города он добрался уже поздно, в неурочный час, и ворота оказались на запоре. В ту же ночь царь, лежа где-то под навесом, скончался от жары и от усталости. Наутро стража услышала причитания служанки: «Государь, государь! Все покинули владыку Кошалы!» Дали

²⁸ Цитата из «Сутры о занозе».

знать магадхскому царю, и тот торжественно предал останки своего дяди огню.

Взойдя на престол, Видудабха вспомнил о своей ненависти к шакьям. С большим войском он выступил по направлению к Капилавасту и собирался всех их истребить. Учитель в тот час озирает на утренней заре весь мир. Поняв, что над соплеменниками его нависла опасность, Учитель решил спасти их. Утром он прошелся по улицам города и собрал милостыню, днем полежал у себя в благоуханной келье, а под вечер прилетел по воздуху в окрестности Капилавасту и уселся у купы небольших деревьев, в их жидкой тени. Недалеко же от того места, на самой границе наследных владений Видудабхи, стоял большой баньян, и тень под ним была густая. Видудабха продвигался вперед; завидев Учителя, он подошел к нему с поклоном и спросил: «Почему вы, почтенный, в столь жаркий час сидите в жидкой тени этих деревьев? Не лучше ли вам перебраться в густую тень баньяна?» — «Ничего, государь! В родной тени всегда прохладно!» «Наверное, Учитель явился сюда, чтобы защитить своих соплеменников», — подумалось царю, и он повернул с войском назад в Шраваси. Учитель же улетел в рощу Джеты.

И в другой раз разгорелась в царя злоба на шакьев, и опять он выступил с войском — но вновь повернул назад после встречи с Учителем. И в третий раз было точно так же. Но когда царь в четвертый раз собрался в поход, Учитель подумал о былых деяниях шакьев, узрел, что было среди них отравление реки ядом, и понял, что плод этого злодейства неотвратим. И Учитель не стал препятствовать царю в четвертый раз. Видудабха велел перерезать всех шакьев, начиная с грудных младенцев, омыл их кровью скамью и вернулся в столицу.

После того как Учитель в третий раз завернул царя с полпути, он на следующий день прошелся по Шраваси за подаянием и вернулся отдохнуть в свою благоуханную келью. В тот час монахи, собравшиеся из разных мест, сидели в зале для слушания дхармы и вели беседу о достоинствах Пробуждённого: «Почтенные! Явившись перед царем у дороги в Капилавасту, Учитель убедил его повернуть назад и спас своих родичей от смертельной опасности. Вот какое благо содеял он для своих соплеменников!» Учитель пришел и спросил: «О чем это вы сейчас беседуете, монахи?» Монахи сказали. «Не только теперь старается Татхагата принести благо своим соплеменникам, о монахи, — заметил Учитель. — Он и прежде старался ради их блага». И он рассказал о былом.

«Давным-давно в Варанаси правил царь Брахмадатта. Был он праведен и соблюдал все десять обязанностей царя. И вот как-то раз он решил: «Цари на Джамбудвипе живут во дворцах-башнях со многими опорами.

Поэтому башней, у которой много опор, никого не удивишь. Что, если я построю себе башню на одном-единственном столбе? Я ведь тогда превзойду всех царей!» Призвал он к себе плотников и сказал: «Постройте мне красивую дворцовую башню на одном столбе!» — «Слушаемся», — отвечали плотники. В лесу они отыскивали огромные и стройные деревья, вполне пригодные для того, чтобы на любом из них воздвигнуть дворцовую башню, и стали думать: «Деревья-то есть, а вот дорога скверная. Перевезти их не удастся. Надо объяснить это царю». Так они и сделали. Царь попробовал настаивать: «Исхитритесь как-нибудь, свезите сюда такое дерево, не торопясь!» — «Нет, государь, никак невозможно». — «Ну, тогда отыщите подходящее дерево в моем парке». В парке плотники нашли огромное саловое дерево, но оно было священным: его почитали не только горожане и жители ближайших сел, даже от самого царского двора доставались ему подношения. Вернувшись к царю, плотники сказали ему, в чем трудность. Но царь решил: «Дерево растет у меня в парке, это моя собственность. Идите и рубите его». — «Слушаемся», — отвечали плотники. Набрали они с собою цветочных гирлянд и благовоний и отправились в парк. Там они отпечатали на дереве киноварью пятерню, объявляли его кругом веревкой с нанизанными чашелистиками лотоса, воскурили благовония, принесли дереву жертву и возгласили: «Через семь дней мы придем и срубим дерево. Таков приказ царя. Пусть духи, что живут на этом дереве, уходят прочь. На нас вины нет». Услышал эти слова дух дерева и подумал: «Плотники и в самом деле срубят дерево. Значит, жилище мое пропадет, а ведь жизнь моя длится только до тех пор, покуда оно цело. Да и обители многих моих духов-сородичей тоже должны погибнуть: молодые саловые деревья, что растут вокруг меня, непременно сломаются под тяжестью большого срубленного дерева. Не так мне горько, что я сам умру, как страшна гибель, что грозит моей родне! Попытаюсь я спасти ее!» В полуночный час он вошел в царскую опочивальню, всю ее озарив сиянием своего тела и сверканием божественных украшений, и расплакался у изголовья. Царь увидел его, испугался и спросил:

«Одетый в дорогое платье, кто ты, парящий над землею?

О чем ты проливаешь слезы? Какой опасности боишься!»

Дух ответил:

«О царь! Во всех твоих владеньях известен я как Бхаддасала.

Десятки тысяч лет расту я. Меня все люди почитают.

Построили за эти годы домов и укреплений много,

Дворцы и башни возводили, а на меня не покушались.

Так почитали меня прежде. И ты почти меня, властитель!»

«Я не знаю другого такого дерева, что могло бы сравниться с твоей обителью, почтенный дух, — столь оно могуче, неохватно, благородно

и красиво, — сказал царь. — Из этого дерева я велю изготовить столб и построю на нем дворцовую башню. Тебя я тоже приглашаю в ней поселиться, и пусть жизнь твоя будет долгой!» — «Нет, государь! — возразил дух. — Если ты срубишь дерево, придется мне с телом моим расстаться. Об одном прошу тебя: пусть тело мое рубят по частям. Сначала срубите верхушку, потом спилите ствол до половины, а уж потом рубите под корень. Тогда мне не будет больно». — «Странно! — удивился царь. — Если разбойнику отрубают сначала ноги и руки, отсекают нос и уши и только потом его обезглавливают, то это считается мучительной смертью. Почему же не будет больно тебе, когда тело твое станут рубить по частям, и в чем причина этого?» — «Причина тому есть, государь, и она — в моем стремлении к дхарме. Ведь под сенью моего дерева счастливо выросла молодая поросль родичей. Я боюсь сломать их, если де срубят сразу под корень — нельзя же губить вместе собою и других!» — «Поистине, этот дух предан дхарме, — подумалось царю. — Он готов погибнуть сам в муках, лишь бы спасти обиталища своих родичей, и стремится он лишь к чужому благу. Я должен пообещать ему неприкосновенность». И царь сказал:

«Владыка леса, Бхаддасала!

Ты, право, благородно мыслишь,

Заботишься о благе ближних.

Клянусь, что я тебя не трону».

Так царственный дух дерева преподавал царю урок дхармы и удалился. Царь же следовал его наставлениям, приносил дары, свершал иные добрые дела и после смерти обрел горнюю обитель».

Закончив это наставление в дхарме, Учитель повторил: «Как видите, монахи, Татхагата не только теперь, но и прежде стремился принести благо своим соплеменникам». И он отождествил перерождения: «Царем тогда был Ананда, духами молодых деревьев — мои нынешние последователи, сам же я был царственным духом Бхаддасалой».

ДЖАТАКА О НЕНАСЫТНОЙ АЛЧНОСТИ (467)

«Кто стремится к наслаждениям...» — это сказал Учитель, пребывая в роще Джеты, по поводу некоего брахмана. Этот брахман жил в Шравастии и решил расчистить участок в лесу на берегу Ачйравати под пашню. Учитель знал, что он задумал. Идя за подаением в Шравастии, он сошел с дороги и заговорил с брахманом: «Чем занимаешься, брахман?» — «Смотрю, как мне лес под поле вырубают, Готама». — «Хорошо, брахман, так и продолжай», — сказал Учитель и ушел. Так же он поступал и впредь: заходил к брахману, когда свозили с участка поваленный лес, когда пахали, когда на поле пустили воду. Когда подошло время садить рассаду, брахман сам сказал: «Уважаемый Готама, сегодня у меня важный день — рассаду сажаем. Когда соберем урожай, я хочу угостить всю общину, начиная с вас». Учитель промолчал, дав тем понять, что согласен, и ушел. Еще раз он пришел к брахману, когда тот проверял, принялась ли рассада. «Что поделяешься, брахман?» — спросил он. «Смотрю на посадки, Готама». — «Хорошо, брахман», — и Учитель ушел. Наконец брахман подумал: «Шраман Готама уж который раз сюда приходит. Видно, он хочет, чтобы его пригласили на трапезу. Приглашу-ка я его!» И в тот же самый день Учитель зашел к нему домой. Брахман с тех пор стал относиться к нему как к близкому другу. В свое время урожай созрел. «Завтра начнем жатву», — решил брахман и лег спать, но всю ночь напролет в верховьях Ачиравати шел сильный град. С гор скатился паводок, и река дочиста смыла в море весь урожай до последнего колоска. Когда брахман увидел, что случилось с его полем, он не смог совладать с собою и крепко загоревал: схватился за грудь, охая, пришел домой и со стонами повалился на ложе. Учитель видел брахмана утром и знал, что тот горюет. Он решил поддержать его в трудный час. На другой день с утра он после сбора подаения отослал монахов из Шравастии в обитель, а сам взял в провожатые одного из младших монахов и пришел с ним к брахману домой. Тот узнал об их приходе, и ему заметно полегчало: «Должно быть, мой друг пришел поговорить со мною», — подумал он и

предложил гостям сесть. Учитель сел и осведомился: «Что ты так мрачен, брахман? Что у тебя стряслось?» — «Уважаемый Готама, вы же сами видели, как я работал: и как лес валил на берегу Ачиравати, и что потом делал. Я жил мыслью, что угощу всех нас, когда соберу урожай. А теперь весь мой урожай паводком смыло в море, ничего не осталось! Добрых сто телег зерна пошло прахом. Очень мне это горько». — «А как ты думаешь, брахман: если ты погорюешь, пропажа вернется?» — «Да нет, уважаемый Готама». — «Раз так, к чему горевать? Со всеми людьми так бывает: придет пора появиться богатству — оно появляется, придет пора ему пропадать — оно пропадает. Все то, что составлено, не может быть вечным. Не горюй». Так Учитель утешил его, а потом преподавал ему подходящую к случаю «Сутру о желаниях»²⁹. Брахман внял и все понял: он тут же обрел плод прорезавшегося слуха и перестал горевать. Итак, Учитель исцелил его от печали, встал и ушел в обитель. Об этом стало известно по всему городу: «Учитель исцелил от печали такого-то брахмана, вынул занозу горя из его сердца, помог ему обрести плод прорезавшегося слуха». Монахи же завели в зале для слушания дхармы такой разговор: «Почтенные! Наш Учитель, познакомившись с брахманом и став его верным другом, умело преподавал ему дхарму в час тяжелой печали, излечил его от горя и помог обрести плод прорезавшегося слуха». Учитель пришел и спросил: «О чем это вы сейчас беседуете, монахи?» Монахи сказали. «Не только теперь, о монахи, но и прежде исцелил я его от печали», — промолвил Учитель и рассказал о былом.

«Некогда было у Брахмадатты, царя Варанаси, два сына. Старшего он назначил наследником, а младшего поставил военачальником. Потом Брахмадатта скончался, и советники собрались помазать его старшего сына на царство. Тот отказался: «Не хочу царствовать, идите к младшему брату». Как его ни упрашивали, он не соглашался, и царем сделали младшего. Тот стал ему предлагать сан наследника, военачальника. «Не надо мне власти», — отвечал старший брат. «Тогда просто живи в свое удовольствие во дворце». — «Да мне и в городе делать нечего», — сказал старший, ушел из Варанаси в деревню и нанялся в работники к купцу. Со временем купец узнал, что слуга его царского рода, стал обращаться с ним, как то подобает с царевичем, и работать ему не позволял.

Как-то раз в эту деревню приехали от царя землемеры. Купец обратился к царевичу: «Господин! Мы вас кормим, вы у нас живете. Сделайте

²⁹ «Сутра о желаниях» входит в канонический сборник «Суттанипата» («Сборные сутры»); составлена в стихотворной форме.

милость, напишите младшему брату, чтобы нам скостили налог». — «Ладно», — согласился он и написал письмо: «Я живу у такого-то купца. Считай это ему вместо налога, а налог с него сними». Царь не был против. Дальше — больше: жители всей деревни, а после и всей округи стали его просить, чтобы им позволили нести подать прямо ему, а от царского налога избавили. Он просил за них царя, и царь на все соглашался. Налог пошел теперь в его пользу, и так мало-помалу стали расти у него доходы, а с ними росло и уважение — и тут-то проснулась в нем неутолимая жадность. Попросил он у царя всю округу — царь дал; попросил сделать его наследником — царь сделал. А жадность все росла и росла. Ему уже и наследником быть казалось мало, решил он отнять у брата царство. Пришел с жителями своей округи к столице, остановился у стен и написал брату: «Отдавай мне царство, иначе — война». — «Вот глупец! — подумал младший брат. — Сначала сам ни на что не соглашался, ни царем быть не хотел, ни наследником, а теперь на меня войной идет. Если я убью его на войне, меня же потом упрекнут. Не хочу царствовать!» — И он велел передать брату: «Воевать я не буду, забирай царство». Старший сел на царство, а младшего назначил наследником, но царская власть только распалила его жадность. Стало ему мало одного царства, захотелось другого, третьего — жадность его перешла все границы.

В ту пору Шакра, царь богов, обозревал мир. «Кто из людей родителям помогает, кто дары приносит, кто благие дела свершает? — проверял он. — А кто жадности поддался?» И увидел он, что царь весь во власти жадности. «Этому глупцу даже царства Варанаси мало. Я его проучу!» — решил Шакра, принял облик молодого брахмана, предстал у царских врат и велел доложить: «Молодой брахман, у которого есть что сказать царю, стоит у ворот». Царь приказал просить. Брахман вошел, поклонился царю. «С чем пожаловал?» — спросил царь. «Государь, я должен тебе нечто сказать, и лучше бы без свидетелей». И Шакра своей божественной силой устроил так, что все присутствующие удалились. «Государь, я вижу три огромных многолюдных города, полных военной силы. Я сам берусь привести их под твою власть. Не медли, идем скорее». — «Отлично», — согласился алчный царь. Шакра сделал так, что он даже не спросил, ни кто этот гость, ни откуда пришел он, ни что ему нужно. Не добавив более ни слова, Шакра вернулся к себе в обитель Тридцати Трех. Царь собрал советников: «К нам приходил брахман и пообещал мне три города. Призовите его! Бейте тревогу, соберите войска, мы выступим без промедленья!» — «Государь, — спросили советники, — а ты принял этого брахмана радушно? Спросил у него хотя бы, где он живет?» — «Нет, ничего я для него не сделал, и где он живет, тоже не знаю. Ступайте и разыщите его!» Стали искать, но не нашли. «Государь, такого молодого

брахмана, о котором ты говоришь, во всем городе нет», — доложили царю. Царь был весьма раздосадован: «Каких три города из рук упустил! Ну и невезение! Верно, брахман на меня рассердился за то, что я ему не дал награды, ночлега даже не предложил, — вот он и ушел». Эти мысли не покидали его; от безудержной алчности нутро ему зажгло огнем, а от этого жара в животе началось несварение и прохватил его понос: что ни съест, тем и на двор ходит. Лекари не знали, что делать, и царь вконец измучился. Весть о его тяжелом недуге разнеслась по всему городу. Той порой Бодхисаттва изучил в Такшашиле все искусства и вернулся в Варанаси домой к родителям. Узнав, что стряслось с царем, он решил его вылечить. Пришел к царским воротам и попросил доложить: «Пришел молодой брахман, хочет тебя исцелить». — «Меня лучшие врачеватели, на всю страну знаменитые, лечили и вылечить не смогли. Неужто юноша сможет? Заплатите ему и пусть убирается», — сказал царь. Юноша велел передать: «Мне платы за лечение не нужно, я даром лечу. Все, что мне надо, — немного денег на снадобье». Царь уступил и велел допустить его к себе. Юноша приветствовал царя и говорит: «Успокойся, государь, я тебя исцелю. Только ты мне расскажи, отчего расхворался». Царь стал отнекиваться: «На что тебе знать причину? Главное — найти лекарство». — «Государь, когда целитель знает причину недуга; он подберет подходящее средство. А иначе-то как?» — «Ну что ж, дорогой», — и царь рассказал все по порядку, начиная с того, как пришел к нему брахман и пообещал три города. «Вот от этой жадности-то, сынок, я и разболелся. Исцели меня, если сумеешь». — «Скажи, государь, а будут твоими три города, если ты как следует погорюешь?» — «Никак не будут, сынок». — «А коли так, зачем ты горюешь? Ведь когда смерть придет, все равно надо будет расстаться со всем: и с телом, и с имуществом, и со слугами, и со всем достоянием. Да и будь у тебя четыре города, так из четырех блюд зараз есть не будешь, на четырех ложах зараз не уснешь, четыре платья зараз не наденешь. Нет, жадности нельзя поддаваться! Жадность, коль разрастется, не выпустит человека за пределы тягостных существования». И Великий, поучая его, прочел ему восемь строф о дхарме:

«Кто стремится к наслаждениям и успеха достигает,
Радуетя и ликует — «преуспел я в этой жизни».
Кто стремится к наслаждениям и успеха достигает,
Тянется к иным утехам, ненасытно жаждет снова.

Бычок становится быком, и вместе с ним рога растут,
А безрассудный человек растит желания с собой.

Сколько ни дай ты человеку
Земли, коней, быков и слуг —

Ему любого будет мало.
Пойми это и успокойся.

Царь может подчинить себе всю землю,
Но, власть распространив до океана,
Останется и этим недоволен:
Он и заморье подчинить захочет.

Пока ты помнишь об уладах,
Твой ум доволен быть не может.
Так повернись же к ним спиной,
И мудрость даст тебе довольство.
Лишь мудрость насыщает нас
И избавляет от желаний.

Того не обуяет алчность,
Кто мудростью себя насытил.
Стремитесь отсекаль желанья,
Довольствоваться лучше малым.

Сапожник обрезае кожу,
Когда сандалии тачает,
И не жалеет об обрезках.
А человек бездонно мудрый
Не сожалеет об утах.

Чем больше ты улад отринешь,
Тем большего достигнешь счастья.
Коль хочешь полного блаженства,
Оставить надо все улады».

Когда Бодхисаттва читал последнюю строфу, он случайно остановил взгляд на белом царском зонте, и вошел в состояние созерцания «белой полноты»⁵⁰. Царь исцелился; с радостью поднялся он с ложа и стал благодарить юношу: «Столько врачей не могли меня вылечить, а ты, умный юноша, исцелил меня лекарством знания». И он произнес:

«Сказал ты восемь изречений, а стоит тысячи любое.

Возьми же восемь тысяч, брахман. Прекрасны были твои речи». Великий в ответ сказал:

«Не нужно мне вознаграждения, с деньгами нечего мне делать.
Строфу последнюю читая, я стал к уладам равнодушен».

Царь восхитился еще больше и, прославляя Великого, сказал:

«Ты — человек благих устоев, мудрец, познавший все на свете.
Ты проницательно увидел: желание — источник горя».

«Государь, не будь беспечен, следуй дхарме», — дал ему наказ Бодхисаттва, поднялся над землею и улетел в Гималаи. Там, по старинному обычаю ³⁰, он стал отшельником, всю жизнь упражнялся в безмерных добродетелях, ведущих к мирам Брахмы, и после смерти сопричислился к их обитателям».

Рассказав эту историю, Учитель повторил: «Как видите, монахи, я его излечил не только теперь, но и прежде». И он отождествил перерождения: «Царем тогда был этот брахман, а умным юношей — я сам».

³⁰ То есть так, как это делалось в Индии испокон веков, а не по-буддийски.

ДЖАТАКА О БОЛЬШОМ ЧЕРНОМ ПСЕ (469)

«Пёс твой черный...» — это сказал Учитель, пребывая в роше Дже-ты, о том, как действовать людям на благо. Однажды монахи сидели в зале для слушания дхармы и восхваляли достоинства Десятисильного и то, сколько благ он несет людям: «Почтенные! Учитель старается принести пользу многим людям. Он расстался с беззаботной жизнью и несет людям благо. Ведь когда он достиг высшего пробуждения, он сам взял чашу для подаяния, прошел восемнадцать йоджан до Варанаси и прочел первую проповедь пятерым монахам, своим бывлым товарищам, — так он запустил колесо дхармы³¹. А на пятый день того же месяца он рассказал им сутру о признаках отсутствия самого себя, и все они стали святыми. Потом он пришел в Урубильву, показал тамошним косматым подвижникам три с половиной тысячи чудес и обратил их в монашество. Когда он на верхушке горы Гаи прочел им проповедь о том, что «все горит», тысяча этих бывших подвижников тоже стали святыми. А Великий Кашьяпа! Учитель прошел навстречу ему три гавьюты, дал ему три наставления, дал посвящение. А отпрыск рода Пуккусати! Учитель после трапезы один прошел сорок пять йоджан, чтобы встретиться с ним, и дал ему плод безвозвратности. А Махакаппин! Учитель, чтобы его увидеть, прошел сто двадцать йоджан и сделал его святым. А лютый разбойник Паль-целом³²! Учитель после трапезы прошел тридцать йоджан, встретил его и сделал его тоже святым. А Алавака! Учитель прошел путь в тридцать йоджан, повстречал его, дал ему плод прорезавшегося слуха и избавил от страданий! А как он три месяца прожил на небесах Тридцати Трех богов! Тогда ведь восемьдесят миллионов богов постигли суть дхармы!

³¹ Главная эмблема буддизма; изображается с восьмью или шестнадцатью спицами. Колесо истинного учения неостановимо катится по миру и покоряет умы и сердца людей. Это же колесо как знак чаемого царства правды на земле изображено на флаге Республики Индии.

³² См. начало «Джатаки о царе-людоеде».

А как он побывал в мире Брахмы, он избавил брахму по имени Бака от вредных воззрений и сделал святыми десять тысяч брахм, обитателей того мира! Что ни год, он обходит все области бытия и находит чем помочь каждому: одного побуждает с верою и убеждением обрести прибежище в Будде, его Учении и общине³³; другого воодушевляет принять обеты добронравия; а сколь многим помогает он вступить на путь и вкушать от плодов его! Он ведь и о благе нагов, чудесных птиц³⁴ и других существ тоже непрестанно заботится!» Учитель пришел и спросил: «О чем это вы сейчас беседуете, монахи?» Монахи объяснили. «Неудивительно, монахи, что я действую на благо людей теперь, когда я уже достиг высшего пробуждения. Я ведь и раньше, когда у меня еще были страсти, поступал так же», — произнес Учитель и рассказал о былом.

«Некогда, еще в те времена, когда помнилась проповедь истинновсепробуждённого Кашьяпы, в Варанаси правил царь Ушинара. Когда истинновсепробуждённый Кашьяпа возвестил четыре арийских положения, множество людей освободилось от мирских привязанностей и вошло в град нирваны. Но много позже его ухода в нирвану учение его склонилось к упадку: монахи стали зарабатывать себе на жизнь двадцатью одним недозволенным способом³⁵, жениться на монахинях, растить детей; они забыли свой монашеский долг, а монахини — долг монашек, миряне же и мирянки — обязанности мирян и мирянок, брахманы — обязанности брахманов... Мало-помалу люди обратились к десяти неблагим деяниям, а оттого все покойники стали возрождаться в адах. И когда царь богов Шакра заметил, что на небесах не появляется новых богов, он обратил взор на мир людей и увидел, что люди после смерти стали попадать в ады и обретать иные мучительные уделы. Так он понял, что Учение Пробуждённого пришло в упадок. «Что же делать?» — подумал он и нашел средство: «Надо устроить людей, запугать их. Когда люди перепугаются, можно будет дать им надежду, а потом преподавать дхарму и тем поддержать благое Учение, чтобы оно не забывалось еще тысячу лет». И он принялся за дело. Бога Матали он превратил в огромного черного пса — так и назвал его Черным. Клыки у него были размером с банан, и из четырех передних клыков сыпались искры. Ростом он был с жеребца, а с виду свирепый и до того страшный, что беременным на

³³ Обретение этик «трех прибежищ» — принятие буддизма. Словесно оно выражается троекратным повтором формулировки: «Иду к Будде как к прибежищу, иду к дхарме как к прибежищу, иду к общине как к прибежищу».

³⁴ Птицы-оборотни, извечные враги нагов. Один из разрядов мифологических существ — санскр. *супарны*.

³⁵ Двадцать один недозволенный способ — предсказания, знахарство и пр.

такого лучше бы и не смотреть: они сразу бы выкинули. На шею псу Шакра надел гирлянду из красных цветов и держал его на пяти сворках, а на себя он накинул два оранжевых одеяния, волосы связал узлом на затылке и тоже нацепил красную гирлянду. В руках у него появился огромный лук с тугой тетивой цвета коралла и железная стрела с наконечником из алмаза. У него отросли длинные ногти, переменялось лицо. Он уподобился лесному охотнику, опустился на землю в йоджане от города и трижды прокричал: «Гибнет мир, гибнет», всех тем перепугав; а когда подошел к самому городу, то опять закричал. Люди заметили пса, устремились и укрылись в городских стенах. Доложили царю, что происходит. Царь велел спешно запереть ворота. Но Шакра попросту перескочил через стену высотой в восемнадцать локтей. Народ стал в ужасе разбегаться и запираться в домах. Черный бросался на каждого встречного и повергал людей в трепет. Так они приблизились к дворцу. Весь царский двор со страху заперся в крепости, сам же царь вместе с женами поднялся на башню. Тогда Черный встал на задние лапы, передними навалился на дверь и залился громким лаем. И лай его разнесся по всей вселенной — от Незыби до самой макушки бытия. (И всего-то случилось лишь трижды, чтобы чей-то голос заполнил весь мир: в истории о Пурнаке такое сумел сделать сам Пурнака, в истории о Бхуридатте — царь нагов Судассана, а здесь — Черный пёс). Горожане были до того перепуганы, что ни один не решился заговорить с Шакрой. Царь, однако, набрался мужества, отворил окно и окликнул Шакру: «Эй, охотник, почему твой пёс лает?» — «Есть хочет!» — «Так я его накормлю». Царь велел отдать псу всю еду, приготовленную для него самого и для челяди. Пёс все это мигом сожрал и снова залаял. Царь повторил свой вопрос. А Шакра в ответ: «Мой пёс все еще голоден!» Собрали весь корм из слоновника и конюшен. Пёс и его враз проглотил. Тогда собрали все припасы по городу. Пёс и их сожрал разом и залаял опять. «Это не пёс, это же оборотень! — ужаснулся царь. — Спрошу, зачем они к нам пришли». И он спросил:

«Пёс твой, черный и свирепый,
Блещет белыми клыками
И готов порвать пять сворок.
На кого же он натаскан?»

Шакра ответил:

«Он не на зверей натаскан,
Не надейся, Ушинара.
Я спущу его со сворки,
Чтоб людей свести со свету».

«И что же, охотник, пёс твой всех подряд пожирает или только врагов?» — спросил царь. «Только врагов, государь». — «А кто его враги?» —

«Всяк, кто дурно живет и рад беззаконию». — «Назови таких нам», — попросил царь. И Шакра зловеще изрек:

«Если бритоголовые,
Милостыней живущие,
В рубище облаченные,
Станут дурными шраманы ³⁶,
Землю пахать надумают —
Со сворки сорвется Чёрный.

Если бритоголовые,
В рубище облаченные,
От мира навек ушедшие,
Дурными станут монахини,
Поступятся целомудрием —
Со сворки сорвется Чёрный.

Когда аскеты косматые,
С длинной верхней губою,
Что в голову пыль втирают,
А зубы чернят нарочно,
Станут ростовщиками —
Со сворки сорвется Чёрный.

Когда ученые брахманы,
Что знают веды и Сāvитри
И чин жертвоприношения,
Жертвовать станут за деньги —
Со сворки сорвется Черный.

Когда родителей собственных,
Состарившихся и дряхлых,
Кормить сыновья откажутся,
Средства на это имея, —
Со сворки сорвется Черный.

Когда родителей собственных,
Состарившихся и дряхлых,
Начнут обзывать глупцами —
Со сворки сорвется Черный.

Когда с женою учителя,
С женами своих родичей

³⁶ Т. е. буддийские монахи.

Или с родными тетками
Станут прелюбодеяниям
Бесстыдно все предаваться —
Со сворки сорвется Черный.

Когда очерствеют брахманы,
Мечами вооружатся
И грабить начнут по дорогам —
Со сворки сорвется Чёрный.

Когда светлокожим вдовам
Рожать не станет зазорно ³⁷,
А их отродья откормленные
Займутся всякими плутнями —
Со сворки сорвется Чёрный.

Когда устроители козней,
Притворщики и мошенники
В народе весьма умножатся —
Со сворки сорвется Чёрный.

Вот наши враги, государь», — сказал Шакра, а пёс весь напряжился, готовый броситься на грешников и пожрать их. И тут, на глазах уstraшённых людей, Шакра подтянул пса за сворку к себе, сбросил личину охотника и, приняв свой собственный облик, воспарил, сияя, над землей. «Государь, я — царь богов, Шакра, — сказал он царю. — Я явился сюда, ибо мир гибнет. Все люди, что в эти дни умирают, шли против дхармы и потому попадают в ад, мир же богов почти опустел. Отныне я знаю, что делать с врагами дхармы. Не будь легкомыслен». Затем он прочел народу четыре драгоценные строфы, наставляя его в щедрости и добродетели. Так Шакра поддержал Учение, пришедшее было в упадок, и дал ему силы продержаться еще тысячу лет, а сам вернулся вместе с Матали к себе на небеса».

Рассказав эту историю, Учитель повторил: «Как видите, монахи, я и прежде действовал на благо людям». И он отождествил перерождения: «Тогдашним Матали был Ананда, а Шакрой был я сам».

³⁷ Вдовы в индуистском обществе владели жалкое существование, вторичный выход замуж был почти невозможен. Материнство вдов вне брака — признак полного разрушения общественных устоев. *Светлокожие* — индоарийки, в отличие от темнокожих дравидов и муяда, — то есть не индоариев, — народов, на которые в древности не успели еще распространиться социальные ограничения брахманистской религии.

ДЖАТАКА О КЛЕВЕТЕ (472)

«Пока ты сам не убедился...» — это Учитель сказал, пребывая в роще Джеты, по поводу девицы Чинчи, брахманки. После того как Учитель достиг Пробуждения и стал Десятисильным, у него появилось множество учеников. Бесчисленное число богов и людей становились тогда ариями, ибо источник блага был доступен, и монахам доставались богатые подношения и почет. Наставники же иных толков поблекли, как светлячки при восходе солнца, — они никому не стали нужны, о них все забыли, и сколько они ни говорили на улицах: «Не один шраман Готама — Пробужденный, и мы тоже Пробужденные. Подать ему — большая заслуга, но и нам подать — тоже заслуга не меньшая. Давайте и нам дары!» — люди их не слушали и никакой прибыли и почета у них так и не было. Тогда они втайне посовещались и решили: «Надо так или иначе оклеветать шрамана Готаму, очернить его перед народом, отнять у него подношения, лишить почета!» Тогда в Шравастии жила некая молодая подвижница брахманского рода по имени Чинча. Она была необыкновенно привлекательна и ослепительно красива — все тело ее светилось, как у небесной девы. И вот один из заговорщиков, что был похитрее, предложил: «Давайте используем Чинчу! Она поможет нам очернить шрамана Готаму». — «Вот это дело», — согласились другие. А тут она сама пришла к ним в рощу проповедников и поклонилась. Наставники-заговорщики ей не ответили. «Чем я провинилась? — спрашивает она. — В третий раз я вам кланяюсь, а вы мне даже слова не скажете». — «Разве ты не знаешь, сестрица, как шраман Готама потеснил нас? Мы ведь из-за него лишились всех подношений и уважения». — «Я не знала, почтенные. А что я могу для вас сделать?» — «Если ты хочешь нам помочь, сестрица, сделай так, чтобы о тебе и о шрамане Готаме пошли кривотолки и он лишился бы подношений и почета». — «Конечно, сделаю. А как — уж это моя забота. Вы не беспокойтесь». И вот до чего она додумалась со своим женским коварством: завела обычай в тот час, когда жители Шравастии возвращались после пропо-

веди из рощи Джеты домой, ходить им навстречу, в рощу, одевшись в нарядное сари, крашенное червецом, с гирляндами и благовониями в руках. «Куда ты идешь в такую пору?» — спрашивали ее встречные. «А вам-то что за дело?» — отвечала она. Ночевать она оставалась в роще проповедников, что неподалеку от рощи Джеты, а по утрам, когда последователи Пробужденного шли из города, чтобы поклониться Учителю, она нарочно опять попадалась им навстречу, и тем казалось, будто она провела ночь в роще Джеты. «Ты где ночевала?» — спрашивали ее. «А вам-то что до этого?» — отвечала она. А спустя месяц-полтора она однажды ответила на этот вопрос: «Я провела ночь в роще Джеты, в благоуханной келье у шрамана Готама». Простые люди начали уже подумывать: «Может, оно в самом деле так?» Месяца через три-четыре она стала прикидываться беременной — подвязывать себе на живот всякие тряпки, а поверх надевала красное сари. Вздорные люди додумались, что она понесла от шрамана Готама. А месяцев через восемь-девять она подвязала себе под красное сари полено, руки и ноги растерла коровьей челюстью до того, что они вспухли, как у беременных, и, прикинувшись утомленной, вечером, когда Татхагата, сидя на украшенном сидении наставника в зале для слушания дхармы, проповедовал монахам, явилась туда и сказала: «Ты, великий шраман, народ дхарме учишь, и речи у тебя как мед сладкие, на языке тают; а сам обрюхатил меня, мне уже рожать скоро. Тебе же ни до чего дела нет — ни где мне рожать, ни где масла взять, да и прочего! Если сам не хочешь обо мне позаботиться, мог бы попросить кого-нибудь — самого царя Кошалы, или Анатхапиндаду, или известную свою мирянку Вишакху! Тебе бы только потешиться с женщиной, а подумать после о ней ты не хочешь!» Так она прилюдно обвинила Татхагату, словно навозной лепешкой в луну запустила, чтобы ее замарать. Татхагата прервал свою проповедь и звучно, львиным гласом ответил: «Правду ты сказала или неправду, сестрица, об этом знаем только мы двое, не так ли?» — «Да, шраман. Только мы с тобою об этом и знаем, больше никто». В этот миг Шакру стало припекать снизу на его троне, и он, сосредоточась, понял, в чем дело: «Девница Чинча, брахманка, возводит напраслину на Татхагату». Он решил немедленно прояснить дело и явился к ним вместе с четырьмя богами своего окружения. Боги обернулись мышами и мигом перегрызли веревки, на которых держалось полено; порыв ветра распахнул подол сари, полено свалилось прямо на ноги Чинче и отбило ей пальцы. «Злодейка негодная, вздумала ослабить Татхагату!» — зашумели люди, оплевали ее, закидали грязью, палками и выгнали из рощи Джеты. Когда она скрылась с глаз Татхагаты, земная твердь под нею треснула и раскололась, из Незыби взметнулось пламя, окутало ее, словно одеялом,

и унесло прямо в ад. Почету и подношений злокозненным наставникам нимало не прибыло, убавилось даже, а учение Десятисильного только укрепилось. На следующий день в зале для слушания дхармы завязался такой разговор: «Почтенные! Девица-брахманка Чинча осмелилась возвести поклеп на Истинновсепробужденного, а он человек бесконечно достойный и больше любого другого заслуживает поклонения. Потому она себя и ввергла в погибель». Учитель пришел и спросил: «О чем это вы сейчас беседуете, монахи?» Монахи сказали. «Не только теперь, о монахи, но и прежде она возвела на меня поклеп и тоже себя погубила», — произнес Учитель и рассказал о былом.

«Некогда в Варанаси правил царь Брахмадатта. Бодхисаттва родился тогда сыном его главной супруги. Нарекли его царевичем Падмой, что значит Лотос, за то, что лицо его красотою было подобно расцветшему лотосу. Повзрослев, он изучил все искусства. И вот мать его скончалась. Царь взял себе в главные супруги другую женщину, а сына назначил наследником. Случилось, что в одном округе взбунтовались подданные. Царь отправился их усмирять и сказал жене: «Милая, я уезжаю усмирить бунт, а ты оставайся дома». — «Нет, господин, я не хочу оставаться, я поеду с тобой», — попросила жена. Царь описал ей тяготы похода и все опасности и наказал: «Жди меня и не скучай. Я велел царевичу Падме исполнять все, чего ты пожелаешь». Усмирив бунтовщиков, навел в округе порядок и, возвратившись, остановился лагерем перед городом. Узнав, что отец возвращается, Бодхисаттва велел украсить город, сам пошел с обходом по царскому дворцу и один, без провожатых, заглянул в покои к царице. А она, увидев, какой он красавец, голову потеряла. Бодхисаттва поклонился ей и сказал: «Что тебе нужно, матушка?» — «Не надо называть меня матерью, лучше взойди со мною на ложе!» — «Зачем это?» — «Насладимся любовью, пока царь не вернется». — «Ты мне, почтенная, и впрямь вместо матери, да еще ты и замужем, а я на замужних сроду не смотрел с вожделением. Нет, на это я не склонюсь, грязно это». Та опять за свое, но Бодхисаттва наотрез отказался. «Так ты меня не слушаешь ся?» — «Нет, не слушаюсь». — «Смотри, я пожалуюсь на тебя царю. Он тебе голову снимет». — «Поступай, как знаешь», — сказал он, пристыдил ее и ушел. Она же перепугалась: «Если он раньше меня доложит царю, царь предаст меня смерти. Надо его упредить». И она отказалась от пищи, оделась в грязное платье, исцарапала себе лицо и наказала служанкам: «Если царь обо мне спросит, скажите, что я-де занемогла». Она легла и притворилась, будто ей нездоровится. А царь совершил обход города и пришел во дворец. Не видя царицы, он спросил, что с нею. Слуги сказали, что ей невозможно.

Царь пошел в опочивальню и спрашивает: «Что с тобой, государыня?» Та не отвечает, будто и не слышит его. Он второй раз спросил, третий... Наконец ответила: «Не спрашивай, государь, помолчи лучше. Знал бы ты, каково мне, мужней жене, пришлось!» — «Говори сразу, кто тебя обидел? Я ему голову отрублю». — «Кого ты, государь, вместо себя в городе оставил?» — «Царевича Падму». — «Он самый и есть. Пришел ко мне и говорит: «Если кто царь здесь, так это я. Я беру тебя себе в наложницы». Уж как я его уговаривала: «Не делай так, дорогой, я ведь тебе мать» — не помогло. Начал меня за волосы таскать, да не осилил... Избил и ушел». Царь не стал разбираться, раздулся со злости, как кобра, и приказал слугам: «Схватите и приведите ко мне царевича Падму». Слуги разбежались по городу, пришли к Падме в дом, схватили его, побили, заломили за спину руки, связали их крепко-накрепко, повесили на шею гирлянду цветов канаверы, как вешают смертникам, когда ведут их на казнь, и погнали пинками во дворец. «Царица оговорила меня», — понял он и с горечью стал объяснять: «Люди, я ни в чем не провинился перед царем! Я невиновен!» Весь город пришел в волнение: «Говорят, царь по оговору жены хочет казнить царевича Падму!» Люди сбежались к царевичу, повалились ему в ноги и в голос запричитали: «Не заслужил ты этого, господин!» Наконец привели его к царю. Царь при виде Падмы взъярился пуще прежнего: «Царя вздумал из себя строить! На супругу мою покусился! Ступайте, сбросьте его в пропасть, куда бросают разбойников». — «Нет за мной никаких прегрешений, отец! Не губи меня по женскому наговору!» — взмолился Великий. Но отец его и слушать не стал. Тут все шестнадцать тысяч царских танцовщиц зарыдали в голос: «Не заслужил ты этого, любезный царевич, не заслужил ты, наш Падма!» Кшатрии, советники, челядь — все просили царя: «Государь, царевич ведь благонравен и добродетелен, он продолжит твой род, он преемник твой на престоле. Не губи его по оговору женщины, разберись сначала. Ведь царю следует действовать осмотрительно!» И они произнесли:

«Пока ты сам не убедился в чужой вине — большой иль малой,

Ты назначать не можешь кары. Сначала нужно разобраться!

Кто налагает наказание, не рассмотрев, как должно, дело,

Слепцу подобен, что глотает еду с козявками и сором.

Наказывающий безвинных и попускающий виновным —

Он как слепец, что по ухабам в путь без поводыря пустился.

Но кто во всяком деле лично, в большом и малом, разберется

И досконально все узнает — тот может выносить сужденье.

Ни неизменным снисхождением, ни непреклонностью суровой

К величию нельзя подняться — их нужно сочетать умело.

Ведь слишком мягким помыкают, а слишком строгий ненавистен,

И обе крайности опасны. Держаться лучше середины.

Один присочинит в запале, другой оговорит по злобе,

Нет, из-за женщины, владыка, ты убивать не должен сына».

Но какие доводы советники ни приводили, они не смогли убедить царя. И Бодхисаттва сам молил царя — и тоже понапрасну. Упрямый царь приказал вновь: «Ступайте, сбросьте его со скалы, как разбойника.

Я вижу, вы здесь сговорились, а женщине никто не верит.

Один лишь я не сомневаюсь. Скорее сбросьте его в пропасть!»

Услышав этот приказ, ни одна из шестнадцати тысяч царских танцовщиц не смогла сдержать вопль горя. Все горожане зарыдали, стали ломать руки и рвать на себе волосы. «Как бы они не помешали казнить его», — подумал царь. Он сам направился со свитой к обрыву и, не вникая ничьим воплям, приказал сбросить сына в пропасть вниз головой. Но та великая сила доброты, что исходила от Бодхисаттвы, не дала ему погибнуть. Дух пропасти взлетел к нему и со словами «Не бойся, великий Падма!» подхватил его обеими руками, взял к себе на грудь, бережно опустил его к подножию горы и осторожно посадил на капюшон владыки нагов — ведь та гора была их царством. Царь нагов отвел Бодхисаттву в свой дворец и разделил с ним слуг своих и власть. Прожил он у нагов целый год, а потом решил вернуться в мир людей. «Куда тебя доставить?» — спросил царь нагов. «Я стану отшельником в Гималаях», — сказал Бодхисаттва. Царь нагов с ним согласился, отнес его в людской мир, снабдил всем, что надобно подвижнику, и там его покинул. А Бодхисаттва удалился в Гималаи, по древнему обычаю стал там подвижником. Он научился созерцанию, обрел чудесные способности и зажил там, поддерживая жизнь корнями и плодами. Однажды на охоте туда забрел какой-то житель Варанаси. Он узнал Великого: «Господин, ты не царевич ли великий Падма?» — «Да, это я, приятель». Тот поклонился Бодхисаттве, пожил у него некоторое время, а когда вернулся в Варанаси, доложил царю: «Государь, твой сын живет по древнему обычаю отшельником в Гималаях, гам у него шалаш. Я сам с ним прожил не один день». — «Своими ли глазами ты его видел?» — спросил царь. «Да, господин». Царь отправился туда с большим отрядом воинов. На опушке леса он поставил лагерь, а дальше пошел сам с советниками и увидел наконец Великого, сиявшего, как золотое изваяние. Тот сидел у входа в свой шалаш. Царь поздоровался и сел с ним рядом, а за царем и советники учтиво приветствовали Бодхисаттву и тоже расселись. Бодхисаттва заговорил с отцом, предложил ему плодов. «Сынок, тебя ведь на моих глазах швырнули в пропасть. Как ты уцелел? — спросил царь.

Ведь ты же в пропасть сброшен был,

Что глубиной во много пальм,

В отвесный, гибельный провал.
Скажи, как смог ты уцелеть?»

Падма:

«Меня тогда могучий наг,
Что обитает под горой,
На сгибы тела подхватил —
Вот почему я уцелел».

Царь:

«Царевич, я сюда пришел,
Чтобы вернуть тебя домой.
Я царство отдаю тебе.
К чему тебе лесная жизнь?»

Падма:

«Попав однажды на крючок,
Я с кровью выдернул его
И, выдернув, безмерно рад.
Теперь к покою я стремлюсь».

Царь:

«Что называешь ты крючком?
И что ты кровью здесь зовешь?
И как ты выдернул его?
Ответь мне, я прошу тебя».

Падма:

«Услады были мне крючком,
А кровь — имущество при них.
Я, выдернув, отринул их.
Так это надо толковать».

Нет, государь, власть мне не нужна. А ты не отступай от десяти обязанностей царских, не сворачивай на неверные пути, правь в согласии с дхармой». Так наставил Великий отца. Царь поплакал, погоревал и отправился домой. В дороге он спросил советников: «Объясните мне, кто толкнул меня расстаться с таким добродетельным сыном?» — «Ваша главная супруга, государь». И царь велел сбросить ее в пропасть вниз головой. Вступил он в город и начал править праведно».

Рассказав эту историю, Учитель повторил: «Как видите, монахи, не только ныне, но и прежде она возвела на меня поклев и оттого погибла». И он отождествил перерождения:

«Здесь Чинча мачехой была, а Девадатта был отцом,
Ананда мудрым нагом был, а Шарипутра — духом гор.
Я ж был тогда царевичем, так это и запомните».

ДЖАТАКА ОБ ОТРЕКШЕМСЯ ОТ УЧИТЕЛЯ (474)

«Ты в прошлый раз нас угостил на славу...» — это Учитель произнес в роше Джеты по поводу Девадатты. Когда Девадатта решил: «Я сам себе Будда, а шраман Готама мне не учитель и не наставник», у него пропала способность созерцать. Позже он расколол общину, а кончил тем, что неподалеку от роши Джеты провалился сквозь землю, когда направлялся в Шравасту, и вместо того оказался в аду Незыби. Об этом-то и завели беседу в зале для слушания дхармы: «Почтенные! Девадатта отрекся от Учителя, потому и попал в великую беду — провалился прямо в ад». Учитель пришел и спросил: «О чем это вы беседуете, монахи?» Те сказали. «Не только теперь, о монахи, но и прежде Девадатта отрекся от учителя и потому попал в великую беду», — заметил Учитель и рассказал о былом.

«Некогда в Варанаси правил царь Брахмадатта. В ту пору от болезни, называемой «змеинный дых», перемерла вся семья придворного жреца. Один только сын его спасся. Он ушел в Такшашилу к знаменитому учителю, изучил у него веды и прочие искусства и отправился домой. А для начала решил побродить по свету и посмотреть, как люди живут. И вот очутился он в каком-то городишке. Рядом была слобода, и жили в ней одни чандалы. Жил там и Бодхисаттва. Был он человеком умным и даровитым и знал особое заклинание, от которого деревья плодоносили в любое время года. По утрам он с двумя корзинами на коромысле уходил из слободы в лес. Найдя подходящее манговое дерево, он становился на расстоянии семи шагов от него, произносил свое заклинание и кропил дерево пригоршней воды. И в тот же миг старые листья с дерева облетали и сменялись молодыми, расцветали цветы, отцветали и осыпались; потом появлялись завязи, и за каких-нибудь полчаса созревали из них плоды манго, спелые и сочные, словно из сада небожителей. Они падали на землю, Бодхисаттва собирал их, ел сам, сколько ему хотелось, доверху наполнял обе корзины и нес плоды в слободу продавать. На вырученные деньги он и жил со своею семьей.

А молодой брахман увидел Великого, когда тот торговал, и обо всем догадался: «Сейчас не то время, когда зреет манго. Должно быть, этот человек сотворил плоды силой могучего заклинания. Такому заклинанию цены нету! Надо непременно узнать его». Он стал ходить следом за Бодхисаттвой, все разузнал и однажды, когда Великий был в лесу, он с простодушным видом пришел к нему домой и спросил у его жены: «А учитель где?» — «В лес ушел», — ответила жена. Юноша остался дожидаться его прихода. Заметив Великого, он пошел ему навстречу, принял из рук его коромысло и сам донес корзины до дому. Бодхисаттва взглянул на брахмана и сказал жене: «Этот молодой брахман, милая, хочет узнать у меня заклинание, затем он сюда и пришел. Да только удержать его он не сможет, дурной он человек». А юноша решил: «Попробую я перед ним выслужиться, авось он мне свою тайну откроет», — и стал с того самого дня выполнять в доме у них любую работу: ходил за дровами, молотил рис, стряпал, приносил воду для полоскания рта, палочки для чистки зубов, даже ноги хозяевам мыл. Как-то раз Великий попросил: «Принеси мне, любезный брахман, скамеечку под ноги», так тот, скамеечки не найдя, всю ночь просидел, положив ноги учителя себе на бедро. Прошло время, жена Великого собралась рожать — брахман и тут обо всем позаботился. Наконец жена сказала Бодхисаттве: «Господин мой, ведь этот юноша — брахман, он из благородных, а ради заклинания стал у нас за прислугу. Доверь ему заклинание. Сможет он его сохранить или нет — это уж его дело». — «Ладно», — согласился тот, обучил юношу заклинанию и наказал: «Этому заговору, дорогой, цены нет. Тебе от него будет большая прибыль и великий почет. Смотри, если тебя когда-нибудь спросит царь или вельможа, от кого узнал его, ты не должен скрывать, кто я такой. Ибо если ты постыдишься сказать, что я — чандал, если sluкавишь: «Это заклинание-де я получил от некоего именитого брахмана», то оно потеряет силу». — «С какой стати мне что-то скрывать?» — ответил брахман. — Кто бы ни спросил, я назову твое имя». Он попрощался с Великим и ушел, повторяя про себя заклинание. Добрался он до Варанаси, добыл заклинанием манго и выручил за них много денег. А один из плодов купил у него царский садовник и принес его царю. Царь попробовал и спрашивает: «Откуда у тебя такое манго?» — «Тут есть некий молодой брахман, что торгует манго в любую пору. У него я и купил, государь». — «Скажи ему, чтобы он теперь плоды во дворец приносил». Садовник передал. Брахман стал носить манго к царскому столу. И вот царь оставил его при дворе, богато наградил, а потом и приблизил к себе. Однажды царь спросил: «Откуда у тебя, брахман, такие красивые, душистые, сочные манго? Они ведь в это время года не рождаются. Может, тебе их наг, или волшебная

птица, или какой небожитель приносит? Или ты знаешь волшебное слово?» — «Никто мне их не приносит, государь. Есть у меня бесценное заклинание, оно-то их и родит». — «Раз так, нам бы хотелось когда-нибудь посмотреть, как оно действует». — «Хорошо, владыка, покажу». На следующий день царь отправился с ним вместе в парк и попросил: «Ну, покажи». — «Смотри же». Брахман встал в семи шагах от дерева, прошептал заклинание и брызнул на дерево водой. Как и должно было быть, вся крона дерева покрылась плодами, и они дождем посыпались на землю. Свита царя в восхищении замахала платками. Царь поел манго, щедро заплатил брахману и спросил: «У кого же ты выучился такому удивительному заклинанию?» «Если я признаюсь, что научился ему от чандала, будет очень неловко — пожалуй, и разбранят. Заклинание я знаю отлично, никто его у меня теперь не отнимет. Сошлюсь-ка я на знаменитого учителя», — решил брахман и солгал: «Я знаю его от прославленного учителя из Такшашилы». Но тем самым он отрекся от того, кто его научил, и тут же позабыл заклинание. Царь, благодушествуя, вернулся с брахманом в город. А через несколько дней ему опять захотелось манго. Он пришел в парк, воссел на своем каменном сидении и сказал: «Брахман, сотвори-ка мне манго». — «Сейчас». Брахман встал в семи шагах от дерева, собрался прошептать заклинание — и вдруг обнаружил, что вспомнить его не может. Он смутился. Царь подумал: «Раньше он при всем народе заставлял дерево плодоносить и всем раздавал плоды, что градом сыпались с дерева, а теперь он стоит как пень. Что-то случилось». И он спросил:

«Ты в прошлый раз нас угостил на славу

Прекрасными и сочными плодами.

А ныне, брахман, это заклинанье

На дерево не действует, как видно?»

«Если я прямо признаюсь, что не смогу больше добыть плодов, царь разгневается. Придется его обмануть», — решил брахман и отвечал:

«Светила стали неблагоприятно,

Мгновение и час неподходящи.

Я дожидаюсь нужного мгновенья —

Тогда и угощу тебя плодами».

«Это еще что такое! Раньше ведь о светилах не было речи», — подумал царь и возразил:

«Не заговаривал ты прежде о светилах,

Не ждал благоприятного мгновенья,

А просто приносил нам много манго

Благоуханных, сочных и красивых!

Произносил ты раньше заклинанье,

И дерево плодоносило сразу,
А ныне ты и рта раскрыть не можешь!
С тобою что-то происходит, брахман!»

«Царя провести мне не удастся. Будь что будет, скажу всю правду,
а там его воля», — подумал брахман и сказал:

«Я заклинанье знаю от чандала.
Он мне сказал, чего беречься надо:
«Не смей скрывать мое происхождение!
Сокрыв, утратишь заклинанье тут же».
Ты, царь, спросил меня, кто мой учитель.
А я, кичась собой, сказал неправду,
Что-де от брахмана я знаю заклинанье.
И вот, забыв его, рыдаю горько».

«Какой дрянной человек! Не уберег подобное сокровище! — разгневался царь. — Что может значить чье-то происхождение в сравнении с бесценным заклинанием!

То растение будет лучшим
Для пчелы, что жаждет меду,
Где она его добудет,
Будь оно хоть клещевиной.
Кшатрий, брахман или вайшья,
Пусть хоть шудра иль чандал он, —
У кого узнал ты дхарму,
Почитай того всемерно.
Дайте палок негодяю,
Прогоните его в шею!
Он, с таким трудом добившись,
Чтоб ему сказали тайну,
Сам ее теперь утратил
В непомерном самомнении».

Слуги исполнили приказ и велели брахману убираться вон из царства: «Ступай обратно к учителю. Сможешь умолить его, чтобы он опять научил тебя заклинанию, — тогда возвращайся. А не сможешь, не смей здесь и показываться!»

Делать брахману было нечего. Рыдая, отправился он в слободу к учителю. «Кроме учителя, мне надеяться не на кого, — думал он. — Пойду к нему, попробую умолить его дать мне заклинание снова!» Великий заметил его издали и сразу сказал жене: «Смотри, милая, вон тот самый негодник! Потерял заклинание и идет за ним опять». Брахман подошел к Великому, приветствовал его и сел. «Зачем пришел?» — спросил тот. «Учитель, я солгал, отрекся от тебя и попал в великую

беду», — повинился брахман в своем преступлении и попросил дать ему заклинание снова:

«Как падает неосмотрительный путник
В яму, в канаву, в расщелину, в пропасть,
Их принимая за ровное место;
Как наступают на черную кобру,
В сумерках видя в ней только веревку;
Как себе стопы слепец обжигает,
Неосторожно ступив на кострище, —
Так же и я оступился, о мудрый.
Смилуйся, дай мне опять заклинанье!»

«Напрасные слова, любезный, — ответил учитель. — Даже слепец не падает ни в яму, ни в расщелину, когда он предупрежден. Я ведь тебе все сказал заранее, так что нечего было трудиться приходить ко мне снова.

По правилам я рассказал заклинанье,
По правилам ты заклинанье воспринял.
Условие я изложил тебе ясно.
И если бы ты соблюдал его честно,
Тогда заклинания б ты не утратил.
Ты выслужился и получил заклинанье;
Оно в нашем мире — великая редкость;
Ты мукой обрел себе средства для жизни.
Безумный глупец! Ты по собственной воле
Неправду сказал и сгубил заклинанье.
Заблудшему, глупому, неблагодарному,
Лжецу, не сдержавшему данного слова, —
Мы вновь заклинанье доверить не можем.
Противен ты мне, убирайся отсюда!»

Так учитель прогнал его, и брахман решил, что жить теперь незачем. Ушел он в лес и умер там жалкой смертью».

Закончив это наставление, Учитель повторил: «Как видите, монахи, Девадатта не только теперь, но и прежде отрекся от учителя и попал в великую беду». И он отождествил перерождения: «Неблагодарным брахманским юношей был тогда Девадатта, царем был Ананда, а чандалом — я сам».

ДЖАТАКА О ДУРНОМ ЯЗЫКЕ (481)

«И зачем я только проболтался!» — это Учитель произнес в роще Джеты по поводу Кóкалики. Однажды Шарипутра и Маудгальяна, главные ученики Пробуждённого, решили прожить дожди в уединении, без младших монахов своего окружения. Они отпросились у Учителя, пришли на родину монаха Кокалики, где он и жил, и сказали ему: «Любезный Кокалика! Если нам от тебя будет прок и тебе от нас будет прок, то мы хотели бы прожить грядущие три месяца дождей здесь с тобою». — «Какой же, почтенные, вам от меня прок?» — «Если ты, почтенный, никому не станешь говорить, что здесь с тобою главные ученики Пробуждённого, то нам будет спокойно. Такой и будет нам от тебя прок». — «Ну, а мне, почтенные, какой от вас прок?» — «Мы все три месяца будем читать на память сутры, будем беседовать о дхарме. Такой и будет тебе от нас прок». — «Оставайтесь, почтенные, если вам здесь по душе», — и Кокалика отвел им хорошие места для ночлега. Так они и прожили благополучно три месяца, наслаждаясь обретенными плодами монашеской жизни и упражняясь в созерцании. С концом дождей они отпраздновали правáрану и стали прощаться: «Пожили мы с тобой довольно, почтенный; пойдем поклониться Учителю». Кокалика согласился отпустить их и пошел в последний раз с ними за подаянием в ближайшую деревню. Поев, тхеры вышли за околицу, а Кокалика вернулся в деревню и сказал ее жителям: «Глупый же вы народ, миряне, не лучше баранов! С вами в близком соседстве главные ученики Пробуждённого жили, а вы и не догадались. Теперь уж они ушли». — «Что же вы, почтенный, нам знать не дали?» — огорчились те. Набрали они с собой масла, лекарств, тканей побольше, догнали тхер и говорят: «Простите нас, почтенные. Мы не знали, что вы и есть главные ученики. Почтенный Кокалика только сегодня нам это сказал. Примите от нас, сделайте милость, эти лекарства, ткани и покрывала». А Кокалика знал, что тхеры неприятельны, довольствуются тем, что у них уже есть. Он рассчитывал, что сами они ничего не возьмут, а велят отдать все ему, и потому пришел вместе с мирянами.

Но тхеры совершенны в монашестве: они и сами не взяли, и Кокаликe не велели брать ничего. «Почтенные, — попросили тогда миряне, — сейчас вы у нас брать ничего не хотите, но приходите к нам еще, если вы к нам благоволите». Тхеры согласились и ушли к Учителю в Шравасти. А Кокалика затаил на них злобу: «И сами не берут, и мне не дают!» Погостив немного при Учителе, тхеры вместе с младшими монахами, что были при них (а было тех тысяча человек), пришли обратно к Кокаликe. Миряне радушно встретили их, поселили в обители и что ни день приносили им щедрые дары — лекарства, ткани, покрывала. Но вся одежда доставалась только пришлым монахам, а не Кокаликe, да тхеры и не велели ему давать ничего. Кокалика остался без новой одежды и начал уже тхер поругивать: «Дурное на уме у этих Шарипутры и Маудгальяны! Когда им давали — они брать не хотели, а теперь берут себе да берут, а о других не думают». Шарипутра и Маудгальяна поняли, что у Кокалики из-за них портится нрав, и ушли со всеми своими монахами. Просили их еще задержаться ненадолго, да они не захотели. А один монах из молодых возьми и скажи: «Что вы, миряне! Тхеры здесь жить не могут — ведь ваш здешний монах их не терпит». Миряне пришли к Кокаликe и говорят: «Почтенный, ты, говорят, не смог с тхерами ужиться. Ступай и проси у них прощения — пусть они вернутся. А не то и сам уходи». Кокалика струсил и пошел просить. «Ступай себе, любезный, не вернемся мы» — ответили тхеры и ушли совсем. Так он ни с чем и пришел в обитель. «Ну как, почтенный, уговорил ты тхер вернуться?» — спросили миряне. «Нет, не удалось». «С таким сварливым монахом нам хороших монахов в глаза не видать. Прогоним-ка мы его прочь», — решили миряне и сказали: «Уходи отсюда, почтенный. Нам от тебя один вред». Видя, как с ним обходятся, Кокалика собрал вещи и отправился в рошу Джеты, к Учителю. Пришел и говорит: «Почтенный! Шарипутра и Маудгальяна дали волю дурным желаниям». — «Не надо так, Кокалика, — отвечал Учитель. — Не держи в сердце зла на Шарипутру и Маудгальяну. Помни, что это монахи, добронравные люди». — «Вы, почтенный, верите в них, потому что они ваши главные ученики, — возразил Кокалика. — А я сам убедился, что на уме у них дурное Они исподтишка козни строят». На том Кокалика и стоял, как ни разубеждал его Учитель. И стоило ему уйти, как у него все тело пошло прыщами с горчичное зерно. Потом они стали вздуваться, выросли до плода бильвы и лопнули, сочась кровью и гноем. И Кокалика, стenea от жгучей боли, упал на землю при входе в рошу. На всех небесах, вплоть до миров Брахмы, боги узнали, что Кокалика оскорбил главных учеников Пробужденного. И тогда бывший его наставник в монашестве, что стал после смерти богом в мире Брахмы (звали его Туду), решил: «Заставлю его повиниться». Он явился к Кока-

лике и, паря над землею, промолвил: «Кокалика, ты тяжко провинился. Проси прощения у главных учеников». — «А кто ты, почтенный?» — «Я Туду, бог из мира Брахмы». — «А, почтенный! Так это про тебя Блаженный сказал, что ты в наш мир уже не вернешься? Тебе, верно, в пору родиться призраком где-нибудь в мусорной куче». Так Кокалика оскорбил вдобавок и Великого Брахму. Тот не смог его образумить, сказал только: «Сам теперь за свои слова будешь расплачиваться», — и ушел к себе в чистую обитель. А Кокалика умер и родился в лотосовом аду³⁸. И вот монахи в зале для слушания дхармы завели разговор о его пороках: «Почтенные! Кокалика оскорбил Шарипутру и Маудгальяяну и очутился из-за своего языка в лотосовом аду». Учитель пришел и спросил: «О чем это вы беседуете, монахи?» Монахи рассказали. «Не только теперь, о монахи, Кокалика страдает из-за своих слов, он и в прошлом попал в беду из-за своего языка», — произнес Учитель и рассказал о былом.

«Давным-давно в Варанаси правил царь Брахмадатта. Придворный жрец у него был рыжий, и зубы у него торчали вперед. Жена жреца завела любовные шашни с неким брахманом; а с виду тот был таким же, как жрец. Поначалу жрец не раз пытался добром отговорить жену от греха, а когда не вышло, подумал: «Сам я своего оскорбителя убить не могу, надо что-то придумать». Пришел он к царю и говорит: «Государь! Твоя столица — первый город на всей Джамбудвипе, а ты на ней — первый царь. Нехорошо это, что у первого на свете царя южные ворота столицы плохо поставлены, да и не освящены». — «Что же нам теперь делать, учитель?» — «Надо их освятить». — «Что тебе для этого требуется?» — «Старые ворота надо снести, поставить новые из освященных бревен и принести жертву духам, стерегущим город. Так мы их и освятим». — «Вот и прекрасно».

Бодхисаттва был тогда молодым брахманом и состоял у придворного жреца в ученичестве. Звали его Таккария³⁹. Итак, жрец распорядился снести старые ворота, поставил новые и явился к царю: «Государь, ворота готовы. Завтра светила и созвездия станут удачно. Мешкать нельзя, надо готовить жертвоприношение и освящать их». — «А что для этого нужно, учитель?» — «Государь, ворота эти очень важные, и потому духи стерегут их весьма могущественные. Нужен нам рыжий брахман с торчащими вперед зубами, чистый родом по отцу и по матери. Кровь и плоть его пойдут в жертву, а кости надо зарыть под воротами.

³⁸ Один из студеных адов.

³⁹ Таккария — значащее имя: «благородный рассудком».

Так мы их освятим на благо тебе и всему городу». — «Хорошо, учитель. Совершай заклятие такого брахмана и освящай ворота». «Расквитаюсь я завтра за все со своим оскорбителем», — обрадовался брахман. Пришел он домой и в оживлении не смог удержать язык за зубами, проболтался жене: «Ну что, чандалка проклятая, с кем ты теперь будешь тешиться? Завтра я твоего любезного принесу в жертву!» — «Как ты посмеешь погубить человека ни за что?» — «Царь приказал мне завтра освятить южные ворота, а в жертву им нужен брахман, рыжий и с торчащими вперед зубами. Твой ухажер как раз рыжий, и зубы у него торчат — вот я и принесу его в жертву». Жена тут же послала сказать любовнику: «Я слушаем узнала, что царь собирается принести в жертву рыжего брахмана с торчащими вперед зубами. Если хочешь остаться в живых, беги из города, пока не поздно, и другим таким же брахманам дай знать об этом». Тот так и сделал. Во всем городе рыжие и зубастые узнали о грозящей опасности и все поудирали. А жрец и не догадывался, что его оскорбитель сбежал. Пришел он утром к царю и сказал: «Государь, рыжий зубастый брахман живет в таком-то доме. Пошлите за ним». Царь послал слуг, но они вернулись ни с чем: «Говорят, он сбежал». — «Ищите других». Обыскали весь город, но нужного брахмана не нашли. «Посмотрите-ка получше», — сказал царь. «Государь, твой придворный жрец — рыжий, а другого подходящего нет». — «Жреца убивать нельзя!» — «Напрасно ты так говоришь, государь. Нельзя, чтобы из-за жреца ворота остались не освящены, а город стоял без защиты. Жрец ведь сам говорил, что светила и созвездия станут так же удачно не раньше как через год. Неужели город будет год открытым ждать неприятеля? Жертву надо принести непременно. Только бы найти ученого брахмана, чтобы жертву принес и освятил ворота». — «Но есть ли у нас еще умный брахман, подобный жрецу?» — «Есть, государь. Это его ученик, юный Таккария. Надо возвести его в сан придворного жреца, и можно будет освящать ворота». Царь послал за Таккарией, с почетом принял его, возвел в сан жреца и велел приступать к жертвоприношению. Таккария с большой свитой направился к городским воротам. Туда же, связанного по приказу царя, привели и прежнего жреца. Бодхисаттва распорядился; чтобы на месте освяtitельного жертвоприношения выкопали яму и раскинули над ней шатер. Сам он вошел в этот шатер вместе с учителем. Учитель заглянул в яму и отчаялся в своем спасении. «Я уж почти был достиг цели, — подумал он, — но по собственной глупости не смог удержать язык за зубами! Сболтнул я своей развратной жене, и сам себя, выходит, зарезал!». И он жалобно обратился к Великому:

«И зачем я только проболтался!

Сам в могилу угодил, дурак.

Приползла ко мне моя погибель,
Как змея на лягушачий квак».

Великий отозвался:

«Тот, кто язык свой сдержать не может,
Смерть призывает себе на горе.
Себя самого вини, учитель,
В том, что стоишь ты перед могилой.

Учитель! — продолжал он. — Не один ты попал в беду оттого, что не мог вовремя промолчать, такое бывало и с другими». И Таккария рассказал о прошлом:

«Говорят, некогда жила в Варанаси гетера по имени Кáлика, и был у неё брат Тундила. Калика за каждую ночь получала тысячу монет. А Тундила был беспутный малый, любил женщин, любил выпить, любил сыграть в кости. Сколько бы денег она ему ни давала, он все спускал, и никак она не могла его образумить. Однажды он совсем проигрался, даже одежду с себя пришлось снять. Вот он завернулся в кусок дерюги и пришел так к ее дому. А у ее рабынь был приказ: «Если явится Тундила, не давать ему ничего, гнать его в шею». Те так и сделали. Тундила сел на пороге и расплакался. Тем часом шел к Калике какой-то купчик, что каждую ночь приносил ей по тысяче монет. Он увидел Тундilu и спросил: «Что ты плачешь, Тундила?» — «Господин, я проигрался в кости и пришел к сестре за помощью, а рабыни ее вытолкали меня в шею». — «Подожди здесь, я поговорю с твоей сестрой». Зашел и говорит: «Брат твой сидит перед домом, укрывшись дерюгой. Что же ты не дашь ему хотя бы во что одеться?» — «Ничего я ему не дам. Если тебе его жаль, сам и давай». А у гетеры в доме был такой обычай: из тысячи монет, что приносил гость, пятьсот она откладывала, а на пятьсот покупали одежды, цветов и благовоний. Гости, приходя на ночь, надевали на себя эту одежду, а когда уходили наутро, то опять переодевались в свое. Так что купчик надел то платье, которое ему предложили, а свою одежду передал Тундиле. Тот оделся, пошумел и отправился в кабаk. А Калика наказала рабыням: «Когда гость мой наутро вздумает уходить, одежду у него заберите». И вправду, когда он собрался домой, рабыни налетели на него со всех сторон, словно шайка разбойников, раздели донага и так отпустили: «Иди теперь, молодой человек». Он нагишом и вышел на улицу. Народ хохочет, а купчик застыдился. Вот он и стал каяться: «Сам я во всем виноват, не мог промолчать, когда надо.

Зачем я с Тундилой заговорил,
Сестра разобралась бы с ним сама!

А я теперь остался нагишом».

Подобный случай близок к твоему», —

так заключил Таккарня свой рассказ и поведал еще случай: «Однажды в Варанаси пастухи зазевались, и в стаде у них на пастбище подрались два барана. Некий сорокопут испугался за них: «Разобьют себе лбы да, чего доброго, и погибнут. Надо бы мне их разнять». И стал он их уговаривать: «Дядюшки, не нужно драться!» Те его не слушают. Тогда он сел одному на спину, потом другому на голову и продолжал уговоры. Те знай себе дерутся. «Ах, так? Ну, тогда убейте меня!» И сунулся он между их лбов, а они опять сшиблись. Сорокопут попал словно меж молотом и наковальней. Раздавленный, он испустил дух — да сам и виноват.

Однажды двух дерущихся баранов
Надумал разнимать сорокопут,
Влетел он лихо между лбов бараньих
И тут же был раздавлен ими всмятку.
Подобный случай близок к твоему.

А вот еще случай.

Однажды несколько жителей Варанаси заметили пальму, выращенную пастухами. Один из них полез за плодами. Пока он рвал плоды и бросал вниз, из муравейника под пальмой вылезла кобра и поползла вверх по стволу. Стоявшие внизу попробовали палками согнать ее, да ничего у них не вышло. Крикнули верхнему: «К тебе лезет кобра!» Он перепугался, завопил. Тогда нижние растянули за четыре угла крепкое полотнище и велели тому прыгать. Он прыгнул и угодил точно в середину. Но те, что держали полотнище, не устояли от удара, стукнулись лбами, поразбивали друг другу головы и тут же испустили дух.

Однажды четверо товарища спасали
И растянули парусину для него,
Но друг о друга черепа поразбивали —
Подобный случай близок к твоему.

А вот и еще случай.

Однажды в Варанаси вору стащили ночью козу и собрались зажарить и съесть ее в лесу. Завязали они ей морду, чтобы не бляела, и оставили лежать связанной в бамбуковых зарослях. На следующий день пошли за ней, а ни ножа, ни меча с собой не захватили. Пришли на место, говорят: «Ну, давайте нож, будем ее резать и свежевать». Глядь — а ножа-то ни у кого и нет. «Что делать, без ножа не зарежешь! Отпустим-ка ее. Она, должно быть, везучая». Козу развязали, и стала она весело прыгать среди бамбука. А рядом в кустах был припрятан тесак; его оставил какой-то корзинщик, что приходил туда за бамбуком и собирался вернуться еще раз. Его-то коза и задела случайно копытами. Тесак с шумом упал. Вору подбежали на подозрительный шум, увидели тесак, обрадовались, тут же козу зарезали и освежевали. Так она сама накликала свою смерть.

Резвилась раз коза среди бамбука
И на тесак случайно наступила.
Им тут же перерезали ей горло.
Подобный случай близок к твоему.

Зато те, кто держат язык за зубами и говорят в меру, — продолжал Таккария, — избавляются от смертельной опасности, как случилось с киннарами.

Как-то раз потомственный охотник из Варанаси изловил в Гималаях парочку киннаров и принес показать их царю. Царю прежде киннаров видеть не приходилось, вот он и спрашивает: «Что в этих тварях хорошего, охотник?» — «Они, государь, нежно поют и изящно танцуют. У людей ты такого пения и танцев не сыщешь». Царь богато наградил охотника и говорит киннарам: «Ну, пойте же, пляшите!» А те смутились: «Если мы запоем, а слова выговаривать ясно не сможем, то получится, что мы плохие певцы. Нас станут ругать и бить. А когда много говоришь, то и солгать не долго». Киннары убоялись солгать и не стали ни петь, ни танцевать, как их царь ни упрашивал. Наконец он рассердился: «Раз так, отдайте их на кухню зажарить:

Это не боги и не гандхарвы,
Просто обычная дичь лесная.
Первую мне на ужин зажарьте,
Второго зажарите мне на завтрак».

«Царь сердит, — подумала супруга киннара. — Он и впрямь нас зарежет. Сейчас молчать нельзя». И она сказала:

«Сотни и тысячи слов неудачных
Слога не стоят в удачном слове.
Нас неудачные речи пятнают.
Вот почему, государь, мы молчали, —
Не потому, что ума не хватило».

Царю такая речь понравилась, и он сказал:

«Ту, что сказала, освободите
И отведите назад в Гималаи.
А этого забирайте на кухню,
Зажарите мне его на завтрак».

«Если я промолчу, он непременно велит меня зарезать, — подумал киннар. — Молчать не время». И он произнес:

«Зависят всходы от дождя,
Зависят люди от коров,
Так я завишу от тебя,
А от меня — моя жена.
Останется она вдовой —
Тогда и отпущай ее».

Государь, — продолжал он. — Не потому мы молчали, что говорить не хотели; просто мы знаем, как трудно произнести что-то безупречное:

Увы, хулы не избежать,
Ведь вкусы у людей несхожи.
За что похвалят одного,
За то другого поругают.

Вот у нас, у киннаров, ценится молчание, а у людей, выходит, ценны слова.

Для каждого чужая мысль безумию подобна,
Своя же мысль для каждого — единственно верна.
Ведь мыслит всяк по-своему, людей на свете много,
Чужим умом повелевать ты все равно не сможешь».

«Умен киннар, сущую правду говорит», — подумалось царю, и он благосклонно сказал:

«Сначала, киннар, ты молчал упорно,
Но слово произнес, страшась угрозы.
Зато теперь свободен ты и счастлив.
Полезны были людям твои речи».

Царь велел посадить киннаров в золотую клетку и вручил ее охотнику: «Ступай и выпусти их на том самом месте, где изловил».

«Как видишь, учитель, — продолжал Великий, — киннары были склонны к молчанию, но когда им все же пришлось говорить, они нашли такие слова, что их отпустили на волю. Зато ты говорил совсем плохо и попал в большую беду. Ну да ладно, не бойся, учитель, — утешил его Бодхисаттва, — я тебя выручу». — «Ах, если бы тебе, почтенный, это удалось!» Бодхисаттва вышел и объявил: «Светила еще не встали так, как надо. Придется выждать». Так он оттянул время до темноты. Уже за полночь он тайком выпустил брахмана со словами: «Ступай, учитель, на все четыре стороны», — а сам раздобыл зарезанного барана, совершил жертвоприношение и освятил ворота».

Закончив это наставление, Учитель повторил: «Как видите, монахи, Кокалика и прежде навредил себе своим языком». И он отождествил перерождения: «Рыжим брахманом с торчащими вперед зубами был тогда Кокалика, а умным Таккарией был я сам».

ДЖАТАКА О ЗОЛОТОМ ПАВЛИНЕ (491)

«Верно, ты хочешь на мне заработать?» — это Учитель произнес в роще Джеты по поводу некоего затосковавшего монаха. «Правда ли, о монах, что ты тоскуешь?» — спросил его Учитель. «Правда, почтенный». — «Нечему удивляться, о монах, что страсть не дает покоя такому, как ты. Ведь когда наступает светопреставление, ветер может перевернуть самую гору Сумеру, но в другое время он не брезгует и тем, чтобы поиграть пожелтевшим листком. Случилось когда-то в прошлом, что некто, пребывавший в совершеннейшей чистоте и лишенный страстей целых семьсот лет, под конец все же поддался им», — и Учитель рассказал о былом.

«Некогда в Варанаси правил царь Брахмадатта. Бодхисаттва же в ту пору возродился в малолюдной местности в облике павлина. Мать его снесла яйцо в траву и ушла навсегда. Однако если сама пави здорова, а на яйцо не наткнется змея или иной враг, павлиньи яйца не пропадают. Так случилось и в этот раз. Золотисто-желтое, как бутон карникары⁴⁰, яйцо вылежало свой срок, и, проклюнувшись, вылупился из него маленький павлин золотого цвета. Глазки у него были как плоды чёточника, а вокруг шейки шли три красные полосы, что спускались назад по середине спины. Когда же он вырос, то стал ростом с телегу и похорошел необычайно. Синие павлины собрались и избрали его своим царем. Однажды павлин пил воду из горного озера среди скал, посмотрелся в него и, увидев, до чего он хорош, подумал: «Я намного красивее всех здешних павлинов. Если я останусь жить с ними в населенных местах, люди не дадут мне покоя. Пойду-ка я в Гималаи, выберу себе место получше и заживу там один». Когда ночью павлины попрятались по укромным местам на ночлег, он, ни с кем не простившись, ушел в Гималаи.

⁴⁰ Карникара — дерево *Pretospermum acerifolium*, напоминающее клен.

По пути ему пришлось пересечь три горных хребта. У четвертой гряды гор он встретил в лесу большое озеро, поросшее лотосами; невдалеке от него рос на склоне горы старый баньян. Там он и решил поселиться. Посреди горного склона он углядел удобную пещеру. Добраться к ней было нельзя ни сверху, ни снизу, и никто там ему не мог угрожать: ни хищные птицы, ни змеи, ни барсы, ни люди. Место ему приглянулось, он взлетел на площадку скалы перед пещерой и устроился там на ночлег. А наутро, выйдя из пещеры, он взлетел на вершину горы. Обратившись к востоку, павлин увидел диск восходящего солнца и прочитал заговор, начинавшийся словами «Ныне восходит око вселенной». Этот заговор нужен был для того, чтобы хранить его от всяких опасностей до самого вечера. Затем он слетел вниз, на луг, и весь день там кормился, а вечером вновь полетел на вершину горы. Обратившись на запад, посмотрел он на диск заходящего солнца и прочитал другой заговор, который начинался словами «Ныне заходит око вселенной». Этот заговор должен был оберегать его в течение ночи. Так павлин там и зажил. Однажды на макушке горы приметил его некий потомственный охотник. Вернувшись домой, он никому о том не сказал, лишь в свой смертный час открылся сыну: «Сынок, в лесу за тремя горами живет павлин с золотым оперением. Если такой павлин когда-либо будет нужен царю, вспомни об этом». И вот как-то Кшеме, главной супруге царя Варанаси, приснился под утро сон. Привиделось ей, будто павлин с золотым оперением проповедует ей дхарму, а она благодарно ему внимает. Кончил павлин свое поучение и упорхнул. А она закричала: «Павлиний царь улетает, держите его!» — и с этими словами на устах пробудилась. Очнувшись, она поняла, что то был только сон, и вот на чем она порешила: «Если я признаюсь царю, что просто видела сон, он ничего для меня делать не станет. А если я сошлюсь на свою женскую прихоть, он постарается мне такого павлина раздобыть». Она легла снова в постель и прикинулась, будто ей не по себе. Царь пришел к ней и спрашивает: «Что, милая, неладно с тобою?» — «Прихоть нашла на меня». — «Чего ж тебе хочется, милая?» — «Хочу я, государь, чтобы павлин с золотым оперением преподавал мне дхарму». — «Да разве бывают такие павлины?» — «Откуда мне знать, государь? Да только без такого павлина мне и жизнь не в жизнь». — «Не горюй, милая. Если найдется такой павлин на свете, я добуду его для тебя», — обнадежил ее царь. Созвал он в тронном зале совет и спросил: «Любезные! Царице моей захотелось, чтобы золотой павлин преподавал ей дхарму. Водятся у нас где-нибудь павлины с золотым оперением?» — «Попробуй у брахманов справиться, государь». Царь опросил брахманов. Те сказали так: «Государь! Мантры, гласящие о признаках живых существ, учат нас, что среди жителей вод золотыми

могут быть рыбы, черепахи и крабы, а среди живущих на суше — олени, лебеди, павлины и куропатки». Царь созвал со своих владений всех охотников и стал их опрашивать: «Не видал ли кто-то из вас золотого павлина?» Никто, кроме сына охотника, о таком и не слыхивал. Он же сказал: «Государь, сам я никогда такого павлина не видел, но покойный отец мне рассказывал, что за тремя горами в лесу живет павлин с золотым оперением». — «Любезный! — говорит ему царь. — Ты и меня очень обяжешь, и царице жизнь сохранишь — излови его и принеси нам!» Отвалил он охотнику денег и послал на поиски павлина. Охотник оставил деньги семье, а сам пошел в горы. Он нашел место, где жил Бодхисаттва, расставил силки и стал ждать со дня на день, что павлин попадется, да так и умер, ничего не дождавшись. Умерла и царица от своей тоски по несбыточному. Царь разгневался и надумал отомстить павлину за смерть своей любимой жены. Приказал он вырезать на золотой доске надпись: «В Гималаях за тремя горами живет павлин с золотыми перьями. Кто его съест, не состарится и не умрет». Доску эту он запечатал в ларце драгоценного дерева у себя в сокровищнице да и умер. Преемник его прочитал надпись на доске и захотел стать бессмертным и обрести вечную молодость. Он послал за павлином охотника, но и тот прокараулил его в горах всю свою жизнь да так и умер ни с чем. Сменилось шесть поколений царей, и шесть охотников, один вслед за другим, напрасно потратили жизнь в Гималаях. И седьмой царь послал точно так же седьмого охотника. Тот провел в горах ровно семь лет, ожидая со дня на день, что павлин попадется в силки и, ничего не добившись, задумался: «В чем же дело? Почему нога этого павлина никогда не ступает в силок?» Стал он к павлину приглядываться и подслушал, как тот по утрам и вечерам читает свой заговор. «Других павлинов здесь не водится. Стало быть, он живет тут в целомудрии. Потому и не попадаете, что целомудрен и читает свой заговор», — догадался охотник. Он ушел в населенные края и поймал там паву. Научил он ее, чтобы она кричала, если шелкнуть пальцами, и плясала, если хлопнуть в ладоши. С нею вернулся он в горы. Рано утром, пока Бодхисаттва не успел еще прочесть свой заговор, охотник расставил силок и шелкнул пальцами. Пава сразу закричала. Павлин услышал ее крик, и страсть, дремавшая в нем семьсот лет, тут же подняла голову и раздулась, как кобра, которую ударили палкой. От страсти павлин позабыл все на свете, не то что свой заговор. Стремглав слетел он вниз к паве и тут же угодил ногой в петлю. Семьсот лет его ждал силок, и всё напрасно — и вот наконец он попался, и петля затянулась на павлиньей ноге. Глядя на то, как павлин повис на конце ветви (силок ведь был привязан к ветви), охотник додумал: «Шесть охотников безуспешно пытались поймать этого царственного

павлина, я сам ровно семь лет ничего не мог с ним поделать, а вот теперь он, услышав голос павы, обезумел от страсти, забыл про свой заговор, прилетел к ней и попался — висит теперь вниз головою. И зачем только я покусился на это благородное создание! Нет, дарить его нельзя никому. Обойдусь я и без царских щедрот, отпущу его на волю! Да только как это сделать? Птица большая и сильная. Если подойти к павлину в открытую, он ведь решит, что я иду его убивать. Он начнет биться и в смертельном страхе может сломать себе ногу или крыло. Сделаю-ка я, пожалуй, иначе: пушу из укрытия стрелу с бритвенным наконечником и перережу силок. Тогда павлин сам улетит, куда ему хочется». Спрятавшись за куст, охотник наложил на лук стрелу с бритвенным наконечником, натянул тетиву и прицелился. А павлин тем часом озибался по сторонам, пытаясь увидеть охотника. «Этот охотник-хитрец пробудил во мне страсть и поймал меня в свой силок, так что теперь времени терять даром он не станет, — думал павлин. — Где же он?» Тут он и заметил охотника, который целился в него из укрытия, и решил, что тот его хочет убить. В смертном страхе взмолился павлин о пощаде:

«Заработать на мне хочешь?

Я живьем дороже стою!

Отнеси меня в столицу —

Царь тебе заплатит щедро».

Слыша такие речи, охотник подумал: «Царственный павлин, видно, боится, как бы я этой бритвенной стрелой его не пронзил. Надо его успокоить». И он отвечал:

«Я убивать тебя не стану,

Не для того за лук я взялся.

Силок хочу стрелой разрезать, —

Лети на волю, царь павлиний!»

Павлин удивился:

«Семь лет ты день и ночь следил за мной,

Изрядно мучимый и голодом, и жаждой.

Зачем же ты мне волю возвращаешь

Теперь, когда я наконец попался?

Быть может, ты зарекся убивать

И стал защитником всего живого?

К чему меня на волю отпускать,

Когда я в петлю наконец попался?»

Охотник спросил:

«Представь, что я взаправду дал зарок

И стал защитником всего живого.

Ответь мне на вопрос, павлиний царь:
Что это мне хорошего сулит?»

Павлин объяснил:

«Когда бы ты взаправду дал зарок
И стал защитником всего живого,
Ты б заслужил при жизни похвалу,
А после смерти — возрождение богом».

Охотник возразил:

«Иные говорят, что нет богов,
Стремиться надо к счастью в этой жизни.
Они считают, что плоды деяний,
А равно приношение даров —
Все это выдумки для легковерных.
Я тоже разделяю это мнение,
Поэтому пернатых убиваю».

Услышав такие речи, Великий счел за благо объяснить охотнику, что существует не только этот свет, и он, вися вниз головой в петле, стал говорить:

«Луну и солнце может видеть каждый,
Они сияньем озаряют небо.
В каком же они мире: в том иль в этом?
И как среди людей их именуют?»

Охотник сказал:

«Луну и солнце может видеть каждый,
Они сияньем озаряют небо.
Находятся они не в этом мире,
И люди их богами именуют».

Великий тут же возразил:

«Выходит, опровергнуто ученье
Тех, кто считает, что плоды деяний,
А равно приношение даров —
Все это выдумки для легковерных!»

Охотник поразмыслил и признал, что прав Великий:

«И в самом деле, это мнение ложно!
Плоды греховных и благих деяний,
А равно приношение даров —
И впрямь не выдумка для легковерных!
Увы, что делать мне, как поступить,
Какому покаянию предаться,
Чтоб ада после смерти избежать?
Ответь мне на вопрос, о царь павлинов!»

«Если я сам стану ему отвечать, — подумал Великий, как бы ему не представилось, будто ни у кого из людей нет на это ответа. Пожалуй, правильнее будет сказать ему, что довольно на свете добродетельных, преданных дхарме шраманов и брахманов, у них-то и надобно спрашивать». И он произнес:

«По свету бродит шраманов немало.
Они одеты в рубище, бездомны,
Лишь поутру за милостыней ходят,
Уединяются после полудня.
Приблизься к ним, как принято, с почтеньем,
И расспроси, что самому не ясно.
От них получишь ты ответ понятный,
В чем смысл и здешней, и загробной жизни».

А сказавши это, Великий напомнил охотнику об адских муках. Охотник же был человеком, близким уже к совершенству и готовым обрести пробуждение-для-себя. Его почти зрелое знание напоминало тот лотос, что вот-вот раскроется, стоит лишь упасть на него первому солнечному лучу. Внимая речам павлина о дхарме, он, не сходя с места, узрел в себе еще не изжитые склонности к продолжению бытия, понял ясно, что все они — тягостны, бренны и лишены сути, и достиг того знания, коим дается пробуждение-для-себя. Все произошло в единый миг — и обретение охотником пробуждения, и освобождение павлина из силка. И вот пробужденный охотник, уничтожив все свои страсти без изъятья, торжествующе возгласил — ведь был он уже на краю бытия:

«Змея расстается со старой кожей,
С деревьев слетают желтые листья —
Так я расстался с охотничьей жизнью,
Отныне я более не охотник».

Но, издав сей ликующий возглас, он подумал: «Вот я и свободен от всех страстей и привязанностей! Что же мне делать теперь с теми птицами, которые остались в плену в моем доме? Как мне и их освободить?» И он спросил Великого: «Скажи, павлиний царь, как мне теперь освободить всех плененных мною птиц, что сидят у меня дома?» А надобно знать, что Бодхисаттва, которому суждено стать всеведущим Пробужденным, лучше разбирается в средствах достижения цели, чем пробужденный-для-себя, потому он смог ответить: «Раз ты уже сокрушил все свои страсти и достиг пробуждения-для-себя, ты можешь поклясться им — произнести заклятие правдой, — поверь, в тот же миг на всей Джамбудвипе не останется ни одного создания в плену и в оковах». И бывший охотник, как советовал ему Бодхисаттва, произнес такое заклятие:

«Плененным мною многим сотням
Пернатых, запертых в неволе,
Жизнь и свободу я дарую.
Пусть улетают невозбранно».

Тотчас же силою его искреннего пожелания все птицы освободились из плена и, радостно щебеча, полетели по домам. В тот миг по всей Джамбудвипе ни в одном доме не осталось и кошки на привязи — все существа разом получили свободу. А пробужденный-для-себя провел рукою по волосам, и облик его изменился: внезапно он стал подобен тхере, что уже лет шестьдесят как пребывает в монашестве. Тот скудный скарб, что бывает потребен отшельнику, оказался при нем. «Благодарю тебя, великий мой благодетель!» — сказал он царю павлинов, склонился пред ним со сложенными руками, обошел его с почтением и, воспарив над землею, отправился по воздуху к подножию горы Нандамұлаки. А павлиний царь вспорхнул с ветви, к которой был привязан силок, и улетел пастись на луг.

«Бродил с силком в лесу охотник,
Поймать хотел царя павлинов.
Когда поймал царя павлинов,
Свободен стал, как я свободен», —

так заключил Учитель это наставление в дхарме. Затем он изъяснил арийские положения и отождествил перерождения: «Царем павлинов был тогда я сам». Услышав изъяснение, тосковавший монах стал святым⁴¹.

⁴¹ «Джатака о золотом павлине» легко толкуется в терминах юнговской аналитической психологии как изображение процесса индивидуации. Золотой павлин символизирует самость индивида. Связь с ним первично устанавливается анимой (супруга царя Варанаси), то есть женским бессознательным началом в мужской психике. Для того чтобы человеческое сознательное Я «завладело» самостью, оказывается необходимым сочетание разумного расчета (охотничьи приемы) и использования непосредственных природных побуждений (пава). Изловив павлина, то есть обретя прочную связь с самостью, далее следует предоставить самому себе полную свободу, ибо этого требует состояние психической зрелости. Когда Я отождествляется с самостью, индивид достигает пробуждения-для-себя. Самость же позволяет немедленно высвободить из внутриспсихического заточения все творческие и деятельностные потенции человека (плененных охотником птиц).

ДЖАТАКА О МУДРЕЦЕ-ЧАНДАЛЕ (497)

«Откуда идешь ты, одетый в лохмотья...» — это Учитель произнес в роще Джеты по поводу царя из рода Удаяны. В ту пору почтенный Пиндола из клана Бхарадваджей любил днем для своих уединенных занятий улетать из рощи Джеты в город Каушамби⁴². Останавливался он там в парке царя Удаяны. Говорят, что тхера этот был в прошлой жизни сам царем в Каушамби и провел в этом парке со своей свитой немало счастливых часов. Приятные воспоминания тянули его туда вновь, и потому он охотно пребывал в Каушамби и безмятежно вкушал там плоды святости, погружаясь в глубокое созерцание. Однажды тхера в очередной раз прилетел в парк и расположился под расцветшим саловым деревом. А у царя Удаяны как раз кончился семидневный запой, и ему захотелось развлечься в парке. Но едва затеяли для него песни и пляски, как он задремал. Музыкантши тем временем перебрались все к тхере послушать его рассказы. А царь проснулся, увидел, что остался один, и в ярости прибежал к тхере. Обругал он его, оскорбил по-всякому, а потом вздумал скормить его рыжим муравьям и велел принести полную их корзину, собираясь вывалить ее прямо на монаха. Но Пиндола взмыл в воздух, укорил царя с вышины, дал ему наставление и улетел обратно в рощу Джеты. Опустился он прямо у благоуханной кельи Учителя. «Ты откуда?» — спросил его Учитель, и тхера рассказал ему все, что с ним приключилось. «Не только теперь докучает царь Удаяна подвижникам. Он и прежде, Бхараваджа, досаждал им», — заметил Учитель и по просьбе тхеры рассказал о былом.

«Давным-давно в Варанаси правил царь Брахмадатта. Великий тогда родился чандалом в городской слободе; назвали его Матанга. Позже, когда он повзрослел и вошел в разум, его стали звать мудрым Матангой.

⁴² Расстояние между ними составляет примерно 300 км.

В ту пору Диттхамангалика, дочь купеческого старшины Варанаси, устранилась в парке раз в месяц, а то и в два игры для своих подруг и челяди. И вот однажды Великий шел с каким-то делом в город, а у ворот встретил Диттхамангалику в паланкине. Он тотчас посторонился и стал на обочине. Тут льняные занавески распахнулись, Диттхамангалика увидела его и спросила: «Это еще кто?» — «Чандал, госпожа». — «Тыфу пропасть, и зачем он только на глаза попался!» Промыла она себе глаза благоуханной водою и велела возвращаться домой. А люди, что шли с нею вместе, обозлились на Матангу: «Ах ты, чандал проклятый! Из-за тебя мы дарового угощения лишились, да какого!» Набросились они на него все разом и избили его руками и ногами до беспамятства. Матанга с час провалился, а очнувшись, подумал: «Меня, безвинного, ни за что избила челядь Диттхамангалики. Пойду и потребую теперь ее себе в жены!» Он лег у ворот дома ее отца и твердо решил: «Покуда мне ее не отдадут, не встану с места!» «Ты что тут разлѣгся?» — спросили его. «Диттхамангалику мне давайте, ни больше ни меньше». Прошел день, за ним — второй, третий, четвертый, пятый, шестой. Но ведь намерения Бодхисаттвы обычно удаются — и на седьмой день Диттхамангалику вывели и отдали ему⁴³. «Поднимайся, господин, пойдем к тебе домой», — сказала она. «Знаешь, милая, меня твои челядинцы так отделали, что я едва стою. Отнеси-ка ты меня домой на закорках». И Диттхамангалика при всем честном народе понесла его из города в чандалскую слободу. Так Великий добился своего, но по-настоящему своею женой он ее не сделал, ибо не хотел нарушать кастовых границ⁴⁴. Прожил он несколько дней с нею, как с сестрой, в одном доме и решил: «Придется мне стать подвижником. Ведь иначе я никак не смогу ее обогатить и возвеличить». И он объявил Диттхамангалике: «Мне, милая, надо кое-что в лесу добыть, а то нам жить не на что. Я уйду в лес; не скучай тут без меня». Родным своим он наказал ее не обижать, а сам удалился в лес и стал там подвижником. За неделю он развил в себе пять сверхзнаний, научился любым созерцаниям, а затем подумал: «Ну вот, теперь я смогу обеспечить Диттхамангалике безбедную жизнь». Пользуясь обретенной чудесной способностью, он взмыл в воздух и прилетел к себе домой. Диттхамангалика услышала, что он на дворе, вышла и зарыдала: «На кого ж ты меня,

³³ Диттхамангалику Матанге выдали оттого, что он мог умереть (седьмой день указан как день наступления голодного ацидоза, то есть опасный для жизни, критический), а тогда вина пала бы на родителей девушки.

⁴⁴ Брак, в котором жена была выше мужа по рождению, считался тяжким нарушением сословно-кастовых правил.

беззащитную, покинул, господин! Зачем ты ушел в подвижники?» — «Не кручинься, милая, — отвечал Матанга. — Жизнь твоя будет еще роскошнее и блистательнее, чем в девичестве. Дело за малым: сможешь ли ты на людях сказать, что муж у тебя — не Матанга, а сам Великий Брахма?» — «Смогу». — «Хорошо. А когда тебя спросят, где муж, ты отвечай, что улетел-де в мир Брахмы. Если же станут спрашивать еще, когда он вернется, ты говори, что придет, мол, через неделю — в полнолуние спустится с луны». Такой дал он ей наказ и вернулся в Гималаи. А Диттхамангалика стала ходить по городу и всем это рассказывать. Народ поверил: «Муж ее, верно, потому и не приходит, что он — Великий Брахма. Должно быть, правда!» Наступило новолуние; луна стояла в зените. И вот Бодхисаттва преобразился в Великого Брахму и, озаря сиянием город Варанаси, простершийся на двенадцать йоджан, а с ним — и все царство Каши, вышел из лунного диска, сделал над городом три круга и полетел к чандальской слободе. Народ с гирляндами и благовониями побежал следом за ним. Собрались поклонники Брахмы. В светлых праздничных одеждах они пришли в слободу к дому Диттхамангалики, полили вокруг землю четырьмя видами благовоний, усыпали цветами, зажгли воскурения, повесили кругом праздничных полотнищ. В доме они приготовили высокое ложе, поставили рядом светильник с благоуханным маслом; перед дверью посыпали серебристо белым песком, набросали цветов, подняли стяги. Великий спустился к украшенному дому, вошел во внутренние покои и присел на ложе. В ту пору Диттхамангалика могла понести. Бодхисаттва потер ей пупок большим пальцем, и она зачала. «Ты родишь сына, милая, — сказал ей Матанга. — Теперь оба вы, и ты, и сын, будете наслаждаться всеми почестями и великим богатством. Водюю, в которой ты омоешь ноги, цари всей Джамбудвипы рады будут окропить наследников и помазать их на царство. Вода, в которой ты сама мылась, станет отныне чудодейственным средством: кто ни польет ее себе на голову, всяк навсегда исцелится от любых хворей и станет удачлив. За то, чтобы поклониться тебе и коснуться головою твоих стоп, люди станут платить по тысяче; за то, чтобы услышать твой голос, — по сотне; а за то, чтобы лицезреть тебя, — по каршапане. Смотри не оплошай!» С этими словами Матанга улетел и скрылся в лунном диске.

Остаток ночи собравшиеся почитатели Брахмы провели стоя, а поутру они посадили Диттхамангалику на золотые носилки и на своих головах внесли в город. Сбежалась огромная толпа: «Вон едет супруга Великого Брахмы!» Люди подносили ей благовония и цветы. Все сбылось, как сказал Бодхисаттва: чтобы поклониться ей и коснуться головою ее стоп, люди отдавали по кошельку с тысячей монет; чтобы услы-

шать ее голос, платили сотню; за то, чтобы ее лицезреть, платили каршапану. Когда обошли весь город Варанаси, простершийся на двенадцать йоджан, денег набралось сто восемьдесят миллионов. Покружив по городу, почитатели принесли Диттхамангалику к большой площади. Там воздвигли помост, раскинули над ним шатер, а в шатре в великой роскоши поселили Диттхамангалику. Рядом в тот же день заложили семиэтажный, семивратный и семибашенный дворец. Стройка была большая; Диттхамангалика родила еще в шатре. Пришла пора давать имя младенцу. Посовещавшись, брахманы постановили назвать его Мандавья, что значит «рожденный в шатре». К тому времени завершилось строительство дворца. Диттхамангалика переселилась в него и продолжала по-прежнему вести роскошную жизнь. И Мандавья тоже рос в великой холе и заботе. Когда ему исполнилось не то семь, не то восемь лет, пригласили лучших учителей со всей Джамбудвипы. С шестнадцатилетнего возраста он уже учредил щедрую раздачу даров для брахманов: всегда в его доме столдовалось их шестнадцать тысяч, и для этого отведена была четвертая надвратная башня. И вот в один прекрасный день для брахманов приготовили обильное угощение. Шестнадцать тысяч гостей расселись в надвратной башне и принялись рис, политый свеженатопленным маслом золотисто-желтого цвета и сдобренный медом и тростниковым сахаром. Сам же Мандавья, нарядно одетый, прохаживался по зале в золотых сандалиях, с золотым жезлом в руке и только и делал, что указывал: «Сюда добавьте меду, а вот сюда — масла». В тот час мудрый Матанга, сидя в своей гималайской обители, вспомнил о нем: «Как там поживает сын Диттхамангалики?» Увидев, что тот склонился к неистинной вере, он решил: «Сегодня же отправлюсь к этому юноше, смирю его брахманскую гордыню и научу приносить такие дары, от которых был бы прок». Матанга улетел на озеро Анаватапта, там омылся, полоскал рот; стоя на красной скале близ озера, облачился в огненного цвета одежды, но поверх накинул лохмотья, а в руку взял глиняную чашку. В таком виде он перенесся оттуда по воздуху в Варанаси и очутился прямо в четвертой надвратной башне дворца Мандавьи. Поглядывая по сторонам, юноша заметил его и подумал: «А это еще что за монах? С виду он — как призрак со свалки. Как он сюда попал?» И Мандавья спросил:

«Откуда идешь ты, одетый в лохмотья,
Оборванный, грязный, как призрак с помойки,
И шею себе обмотал старой тряпкой!
Что нужно тебе в этом доме, негодный?»

Выслушав его, Матанга кротко ответил:

«Я знаю, что в доме твоём, достославный,
Всегда утолить можно голод и жажду.

Ты видишь — живу я чужим доброхотством.

Хоть я и чандал, накорми меня, брахман!»

Но Мандавья сказал:

«Лишь брахманов я во дворце угошаю

И верю, что это в грядущем зачтется.

А ты вон ступай поскорее отсюда,

Дурных попрошаек кормить я не стану!»

Великий заметил:

«Кто хочет, чтоб рис уродился богато,

Тот сеет везде — на холмах, и в низине,

И возле реки, в заболоченном месте.

Одаривай всех и поверь: в этом благо.

Средь разных хоть кто-то да будет достоин,

А значит, и дар твой не будет напрасен».

Тогда Мандавья сказал так:

«Я знаю прекрасно, где лучшее поле,

И дар мой сторицей ко мне возвратится.

Дарить надо брахманам — знатым, ученым.

По мне — это поле надежнее прочих!»

Великий произнес:

«Заносчивость, алчность, брахманское чванство,

Враждебность, тщеславие и заблужденье —

Все эти пороки достоинства губят.

Кто склонен к ним, тот недостоин дарений.

Но те, кто к порокам таким не привержен, —

Надежны, достойны любых подношений».

Видя, что у Великого на все находится ответ, Мандавья рассердился:

«Как он смеет здесь рассуждать? Куда это мои привратники подевались?

Этого чандала давно пора выгнать!» И он закричал: «Где мои слуги —

Упаджотия, Упадджхая, Бхандакуччи?» Те быстро прибежали на зов,

поклонились и спросили: «Чего прикажешь, хозяин?» — «Как же вы про-

пустили этого наглого чандала?» — «Не видали мы его, хозяин. Знать не

знаем, откуда он взялся. Наверное, он волшебник или колдун». — «Так

теперь хоть не стойте сложа руки!» — «Что же нам делать?» — «Оплеух

ему надавайте! Палками его, палками! Кожу ему со спины сдерите! Всыпьте

ему по первое число да и вытолкайте вон. Чтобы духу его здесь не было!»

Но Великий, пока они к нему бежали, взмыл в воздух и промолвил:

«Ногтями камень колукает,

Железный брус зубами гложет,

Огонь заглатывает сдуру тот,

Кто провидца оскорбляет!»

И на глазах у брахманов Бодхисаттва взлетел в поднебесье и направился к востоку. На какой-то улице он опустился на землю и пожелал, чтобы следы от его ног остались на ней, а потом невдалеке от восточных ворот походил по домам за подаванием, собрал всего понемножку и сел где-то под навесом поесть. Но духи города не могли стерпеть, что Мандавья дерзко говорил с их господином, подвижником, и собрались ко дворцу. Набольший ухватил Мандавью за голову и вывернул ее назад, а прочие духи похватили брахманов и тоже завернули им головы. Они не стали никого убивать до смерти, ибо Мандавья был сыном Бодхисаттвы, а просто решили их всех помучить. И вот с лицом, повернутым к спине, с руками и ногами, сведенными в судороге, с глазами, закотившимися, словно у покойника, Мандавья весь закоченел. Брахманы же катались с боку на бок на полу и истекали слюной. Прибежали к Диттхамангалике: «Госпожа, там с твоим сыном ужас что творится!» Она поспешила к сыну, увидела, что с ним случилось, и запричитала: «Да что же это!

Голова повернута назад,

Руки напряженные простерты,

Очи закатились, как у трупа, —

Кто же мог такое с сыном сделать?»

Стоявшие рядом люди сказали ей:

«Пришел сюда нищий, одетый в лохмотья,

Оборванный, грязный, как призрак с помойки.

Он шею себе обмотал старой тряпкой —

Вот кто с твоим сыном такое содеял!»

«Никому, кроме мудрого Матанги, не под силу было это сделать, — подумала тогда Диттхамангалика. — Но этот человек велик духом и исполнен доброжелательности. Он не мог уйти насовсем, оставив лежать в муках столько людей! В какой же стороне искать его?» И она спросила:

«Скажите мне, юноши, если вы знаете:

В каком направлении он удалился?

Попросим прощенья, искупим проступок.

Быть может, спасение вымолим сыну!»

Юноши-брахманы, бывшие рядом, ответили:

«Сей великомудрый взлетел в поднебесье,

Сияя, как Чандра безоблачной ночью.

Мы видели: он удалился к востоку.

Он верен обетам и праведен, видно».

И Диттхамангалика решила отправиться на поиски мужа. Следом за нею пошла толпа рабынь; она велела прихватить им с собою золотой кувшин и золотую чашу. Дойдя до того места, где по твердому желанию Бодхисаттвы следы его ног сохранились, она нашла его по следам, подошла

и поклонилась. В это время Бодхисаттва сидел на скамье и ел. Взглянув на Диттхамангалику, он отставил чашу в сторону, хотя в ней оставалось еще немного рисового киселя. Диттхамангалика полила ему на руки воды из золотого кувшина. Он помылся, прополоскал рот. Тогда она спросила его: «Кто же изувечил так моего сына?» Великий ответил:

«Я думаю, это могучие духи:
Они по пятам за провидцами ходят.
Увидели духи, что сын твой озлился,
За это и шею ему завернули».

Диттхамангалика сказала:

«Пусть духи такое содеяли с сыном:
Ты сам на него не гневись, о подвижник!
Матанга, к стопам я твоим припадаю,
Ведь, кроме тебя, кто еще мне поможет!»

Матанга объяснил ей:

«Теперь, да и раньше, терпя оскорбления,
Не чувствовал я ни малейшей обиды.
А ведами сын твой напрасно кичится —
Он, выучив веды, ума не набрался».
Диттхамангалика воскликнула:
«Затмение нашло на него ненадолго,
На первый-то раз пощади, о могучий,
Ведь мудрые люди не склонны сердиться!»

Так вымаливала она прощение для сына. «Ну что же, — сказал Великий. — Я дам тебе целебное снадобье. Оно прогонит духов.

Вот объедки лежат в моей чашке —
Пусть их съест худоумный Мандавья!
Духи тотчас отступят смиренно,
И твой сын снова станет здоровым».

«Дай же мне это целебное снадобье!» — и Диттхамангалика протянула ему золотую чашу. Матанга слил в нее остатки своего рисового киселя и сказал: «Половину влей в рот твоему сыну, а остальное разбавь водой в большом горшке и дай по капельке брахманам — у них все как рукой снимет». И он улетел в Гималаи. А Диттхамангалика с золотой чашей на голове пришла во дворец и объявила: «Я добыла целебное снадобье!» Ложку киселя она влила сыну в рот, и дух сбегал. А юноша встал, отряхнулся и спросил: «Что со мной было, матушка?» — «Ты, сынок, поплатился за то, что сам наделал. Иди-ка посмотри, каковы теперь твои высокочтимые брахманы!» Взглянул Мандавья, и ему стало противно. «Глуп ты, сынок Мандавья! — сказала ему мать. — Не понимаешь ты, кому надобно дары приносить, чтобы был от них плод. Достойные

люди совсем не таковы, как эти брахманы, они вроде мудрого Матанги! Не приноси отныне даров этим брахманам, лишенным добродетели, одаривай лучше праведных людей!

Мандавья, ты глуп, ты умом ограничен.
Того, кто достоин даров, ты не видишь,
А кормишь людей, что в пороках погрязли.
Не важно, что волосы спутаны в космы
И что все лицо заросло бороною,
Одежа из шкур или просто лохмотья —
По внешности ты об уме не узнаешь.
Ведь тот, кто избавился от заблуждения,
От страсти и гнева, не тянется к миру.
Кто святость обрел — тот даров и достоин!

Сынок! Дары приносить надо тем, кто обрел пять сверхзнаний, научился погружаться в любое созерцание, а это — пробужденные-для-себя и праведные шраманы и брахманы. А теперь пойдем напоим твоих любимцев целебным снадобьем, чтобы они поправились». Диттхамангалика слила остаток киселя в большой горшок, разбавила его водою и велела дать каждому из шестнадцати тысяч брахманов по капельке. Все они один за другим стали вставать и отряхиваться. Но прочие брахманы Варанаси, узнав, что те брали в рот опивки после чандала, изгнали их из касты. В унижении брахманы покинули город и переселились в царство медхьев, ко двору тамошнего царя. Мандавья же с ними не пошел.

В ту пору в городе Ветравати, что стоял на берегу реки с таким же названием, жил некий брахман-подвижник по имени Джатимантра, отличавшийся непомерной брахманской спесью. Великий задумал проучить его за чванство и, перебравшись на берег Ветравати, обосновался невдалеке от Джатимантры, выше по течению. Однажды утром он выбросил в воду использованную палочку для чистки зубов и твердо пожелал, чтобы она запуталась в отшельнической косице Джатимантры. Так и вышло: когда брахман зашел в реку попить воды, палочку принесло к его волосам. Заметил он ее и отскочил: «Сгинь, нечисть!» — а потом направился вверх по течению: «Пойду узнаю, откуда взялась эта злосчастная палочка». Встретив Великого, брахман спросил его: «Ты кто по рождению?» — «Чандал». — «Это ты выбросил в реку зубную палочку?» — «Я». — «Пропади ты пропадом, чандал презренный! Ступай прочь отсюда, иди жить вниз по течению». Матанга переселился пониже, но выброшенные им зубные палочки плыли против течения, вверх по реке, и их по-прежнему прибывало к волосам брахмана. «Да пропади ты пропадом! — проклинал брахман Матангу. — Если за неделю не убьешься отсюда, голова твоя на семь кусков расколется!» — «Если я дам

волю гневу, — подумал Матанга, — я свой обет нарушу. Придется пойти на хитрость, чтобы сломить его гордыню». И он в ночь на седьмой день остановил солнце. Солнце не восходило, и народ в тревоге пришел к Джатимантре: «Не ты ли это, почтенный, солнцу взойти не даешь?» — «Нет, я тут ни при чем. Дальше у реки некий чандал живет; верно, это он натворил». Люди пошли к Великому и спросили: «Не ты ли это, почтенный, солнцу взойти препятствуешь?» — «Я, любезные». — «А за чем?» — «Здесьний брахман-подвижник меня ни за что ни про что проклял. Пока он не придет ко мне просить прощения, не поклонится мне в ноги, я солнце не отпущу». Тогда люди силой приволокли брахмана к Великому и бросили ему в ноги: «Винись!» — а потом попросили Великого отпустить солнце. «Пока еще нельзя, — отвечал Великий. — Если я отпущу солнце, голова у брахмана расколется на семь кусков». — «Как же нам быть теперь?» — «Принесите-ка мне ком глины». Те принесли. «Положите его на голову брахману, а его самого посадите по шею в реку». Люди так и сделали, а Великий отпустил солнце. Стоило солнечному лучу коснуться кома глины, как тот раскололся на семь кусков, а брахман с головой погрузился в воду. Так Великий его и укротил. Потом он вспомнил о шестнадцати тысячах брахманов: «Где-то они теперь?» Увидев, что они переселились к царю медхьев, он задумал проучить и их, перенесся по воздуху к их городу и пошел по улицам собирать милостыню. Брахманы его немедленно узнали и подумали: «Проживи он здесь день-два, так ведь все от нас отвернутся!» И они прибежали к царю с ябедой: «Государь, прилетел злой колдун! Вели его поймать». Царь дал распоряжение слугам. Великий же тем часом набрал в чашку всякой еды понемножку и сел поесть на скамейке у забора. Пока он спокойно ел, не подозревая об опасности, отыскившие его царские стражники подкрались и зарубили его мечом. Ведь в этой жизни Бодхисаттва был склонен усмирять следовавших ложной вере, потому-то, из-за такой связи с ложным учением, он и нашел свой конец. Возродился он на небесах Брахмы. А духи, разгневавшись, наслали на царство медхьев дождь из горячего пепла, и все сгинуло бесследно.

Великомудрого Матангу

предательски убили медхьи.

За это царство их погибло,

ни человека не осталось».

Закончив это поучение в дхарме, Учитель повторил: «Не только теперь, но и прежде Удайна докучал подвижникам». И он отождествил перерождения: «Удаяна был тогда Мандавией, а мудрым Матангой — я сам».

ДЖАТАКА О ЦАРЕ ШИБИ (499)

«Я слеп и стар...» — это сказал Учитель, пребывая в роше Джеты, по поводу беспримерной щедрости в даянии. Однажды царь Кошалы принес общине очень богатый дар, а затем пригласил Учителя на трапезу и ожидал его наставлений, но Учитель ушел молча. На другой день царь после завтрака пришел в обитель и спросил: «Почему вы, почтенный, не дали наставлений?» — «Среди собравшихся был нечистый человек», — ответил Учитель и произнес наставление о щедрости — прочел строфу, начинающуюся словами: «Скупцам на небеса попасть не суждено». Царь был рад, преподнес Татхагате верхнюю одежду из царства Шибиде, стоившую тысячу монет, и вернулся в город. На следующий день в зале для слушания дхармы завязался разговор: «Почтенные, царь Кошалы принес дар беспримерной щедрости, но и тем не удовольствовался. Когда Десяти-сильный дал ему наставление, он подарил ему еще одежду из шибиде-царства, которая стоит тысячу монет. Этот царь поистине неистощимо щедр!» Учитель пришел и спросил: «О чем вы сейчас беседуете, монахи?» Монахи объяснили. «Дарить вещи — это хорошо, монахи. Но в древности бывало, что мудрый человек простирает свою щедрость на всю Джамбудвипу, приносил ежедневно даров на шестьсот тысяч каршапан и все же не был доволен тем, что дарит только вещи. «Пусть каждый получит, что ему мило» — вот какому правилу он следовал и однажды отдал просителю свои глаза», — сказал Учитель и поведал о прошлом.

«Некогда в царстве Шибиде, в городе Ариштапуре, правил царь, и Учитель родился его сыном. Возмужав, он отправился в Такшашилу и изучил там всякие искусства, а когда вернулся и показал царю, чему он научился, тот объявил его наследником престола. Когда же царь скончался, он взошел на царство. Далекий от неправедных путей, он не уклонялся от десяти обязанностей царя и правил справедливо. У четырех городских ворот, в середине города и у врат своего дворца он повелел установить навесы, где неимущим щедро раздавали богатые дары, и расходилось

в день добра ни шестьсот тысяч каршапан. По восьмым дням молодой и старой луны, по полнолуниям и новолуниям он непременно отправлялся сам к тем навесам проверить, как идет раздача. И вот однажды в полнолуние царь с утра встал и, воссев на троне под белым зонтом, стал вспоминать, что за даяния принес он в своей жизни. И вышло так, что, раздавая всевозможные блага, он ничего не упустил. И тут царю пришло на ум: «Похоже, нету ничего, чего бы я уже не дарил, но много ли это — одарять людей вещами? Пора мне принести в дар часть самого себя. Сегодня я поеду к навесам. Пусть же встретится мне проситель, который пожелает не имущества, а части собственного моего тела! Будь надобно кому-то мое сердце — я взрежу себе грудь кинжалом и, словно лотос из прозрачного пруда, я вырву свое сердце, сочащееся кровью, и отдам его. Будь надобна кому-то моя плоть, я отсеку кусок ее и отдам просителю. Будь надобна кому-то моя кровь, я вскрою себе жилу острым ножом, подставлю под нее сосуд, наполню его кровью и отдам. Пусть скажет кто-нибудь: «У меня не ладится хозяйство в доме, стань моим рабом», — что ж, я сниму с себя царские одежды, покину дворец, объявлю себя рабом и возьмусь за рабский труд. Понадобятся кому-то мои глаза, я вырву их, как отрывают плод от пальмы, и отдам.

Все, что обычно просят, я приносил уж в дар.

Пусть просят даже око — отдам его, не дрогну».

Подумав так, он умылся благовонной водою из шестнадцати кувшинов, облачился в богато убранный наряд, вкусил изысканнейших яств и верхом на превосходном выездном слоне отправился к навесам. А Шакра прозрел в царе это намерение и решил: «Вот как, царь Шиби? Сегодня ты готов отдать свои глаза, если тебя о том попросят? Но сможешь ли ты сделать это?» И, чтобы испытать царя, он обернулся дряхлым слепым брахманом и стал с протянутой рукой на придорожном пригорке. Когда царь поравнялся с ним, он воскликнул: «Слава владыке!» — «Чего тебе, брахман?» — спросил царь, направив к нему слона. Шакра ответил: «Свет полон доброй славой о твоей щедрости, все обитатели мира о ней твердят. Я слеп, а у тебя два глаза». И попросил царя даровать ему глаз:

«Я слеп и стар, издалёка пришел,

Глаз я хочу попросить у тебя.

Зреньем со мною, прошу, поделись —

У обоих нас будет по глазу».

Слыша такие речи, Великий обрадовался: «Только сегодня думал я об этом у себя во дворце — и вот проситель уже здесь. Какая удача! Сегодня же исполнится мое чаяние, принесу я дар, какого еще не бывало».

И он спросил:

«Ответь, кто тебя, нищий, надоумил
Меня просить глазами поделиться?
Ты просишь о сокровище, с которым
Расстаться очень трудно, всякий скажет».

Нищий ответил:

«Супруг богини Суджи в горном мире,
А у людей слывет он Магхаваном, —
Вот кто меня, владыка, надоумил
Просить тебя глазами поделиться.
Я тот молящий, кто о лучшем молит.
Даруй мне зрение, я об одном молю.
Даруй мне зрение бесценное, с которым
Расстаться очень трудно, всякий скажет».

Царь промолвил:

«Пусть сбудется твое желанье,
Исполнится твоя мольба,
Ко мне пришел ты не напрасно —
Мои глаза твоими будут.
Ты просишь об одном — но я дарую оба.
Так стань же зрячим, пусть народ дивится —
Да будет все по твоему хотенью».

Сказав так, царь подумал: «Не подобает мне самому тут же вырывать свои глаза, чтобы отдать ему». Вместе с брахманом он вернулся во дворец, воссел на трон, послал за лекарем — а звали того Сивака — и приказал: «Извлеки мой глаз». Весь город пришел к смятению: «Наш государь ослепить себя хочет, брахману глаза отдает!» Тут военачальник и другие царские приближенные, горожане, царские жены — все сбегались и стали отговаривать царя:

«Помилосердствуй, государь,
Не надо отдавать глаза!
Деньгами одари его
И самоцветами осыпь,
Даруй ему борзых коней
И колесницу с упряжью,
Слона ему даруй, о царь,
Под золотой попоною.
Ты должен быть всегда в строю
И воинам приказывать.
Слепец царем не может быть,
О том не стоит забывать».

Царь сказал:

«Кто одарить пообещал, но слово взять решил назад —
Сам в петлю лезет головой, расстеленную на земле.
Кто одарить пообещал, но слово взять решил назад —
Греховней самого греха и в царство Ямы попадет.
О чем попросят — то и дай, чего не просят — не давай.
И брахмана я одарю тем, что он просит у меня».

«Чего же ты добиваешься, жертвуя своими глазами? — спросили советники. —

Здоровья, счастья, красоты иль силы —
Чего ты ищешь, Индра средь людей?
Зачем тебе, царю, вождю шибийцев,
Дар приносить посмертной жизни ради,
С бесценными глазами расставаться?»

Царь объяснил им:

«К величию я не стремлюсь, даря их.
Не жажду я ни сына, ни казны, ни царства.
Закон есть, издревле благими чтимый, —
Я радостно стремлюсь его исполнить».

На эти слова Великого приближенные не нашлись что ответить.
А Великий обратился к лекарю Сиваке:

«Я знаю, Сивака, ты близок мне и предан.
И дело знаешь. Слушай же меня:
Возьми мои глаза — я так хочу —
И нищему их положи в ладонь».

«Взвесь еще раз, владыка. Тяжко будет расставаться с глазами», — сказал ему Сивака. «Я уже все взвесил, Сивака. Приступай к делу и не говори лишних слов». Тот подумал: «Не пристало мне, опытному лекарю, копаться в глазах царя ножом». Он натер в ступке нужных снадобий, смешал их вместе и этим порошком посыпал синий лотос и поднес его к правому глазу царя. Глаз поднялся в глазнице, и царя пронзила боль. «Взвесь, государь, еще раз — еще не поздно. Вернуть глазу здоровье — то моя забота». — «Продолжай, любезный, и не медли». Тот добавил порошок и опять поднес цветок. Глаз отделился от глазницы, а боль еще усилилась. «Взвесь еще раз, владыка, я могу вернуть его на место». — «Нет, продолжай». Сивака и в третий раз посыпал цветок и коснулся им глаза. Под воздействием снадобья глаз вывернулся, вылез из глазницы и повис на жилке. «Подумай, владыка, я все еще могу вернуть его на место». — «Нет, продолжай». Боль жгла царя, из глазницы лилась кровь, пятнами растекаясь по одежде. Жены и советники кинулись царю в ноги, заголосили, криком закричали: «Царь, не отдавай глаз!» — «Продолжай же», — промолвил царь, превозмогая боль. «Слушаюсь, владыка». При-

держивая левой рукой глаз, Сивака в правую взял нож, отсек ту жилку, на которой висел глаз, и положил его Великому на ладонь. Превозмогая боль, царь взглянул своим левым глазом на правый глаз. «Подойди, брахман, — подозвал он нищего. — Право, во сто крат, в тысячу крат дороже мне этого глаза око всеведения. У меня нет в том сомнения». С этими словами он подал брахману глаз. Шакра схватил его, вставил себе в глазницу, и его божественной волей глаз тотчас врос в нее, ожил и раскрылся. «Воистину, удачно я отдал глаз», — сказал себе Великий, видя все это левым глазом. И, исполненный внутренней радости, он тут же отдал второй глаз. Шакра вставил и его себе в глазницу, вышел из дворца и, провожаемый взиравшей на него толпой зевак, покинул город и вернулся в обитель богов».

Рассказывая это, Учитель молвил:

«Вняв настоянию Шиби-царя, Сивака волю исполнил его — Извлек глаза из глазниц и брахману их передал.

И брахман очи обрел, царь же остался слепым».

Глазницы у царя зажили быстро, даже впадин в них не осталось — они затянулись мясом, словно в них вставили шарики шерсти с нарисованными зрачками. А Великий, прожив во дворце еще несколько дней, подумал: «Не царствовать же слепцу! Поручу-ка я царство заботам советников, а сам стану отшельником, удалюсь к себе в парк и займусь там монашескими делами». Он велел созвать советников и объявил им о своем решении. «При мне пусть останется один человек — он будет мыть меня и смотреть за мной. Протяните мне в саду веревку, чтобы я мог, держась за нее, ходить в отхожее место», — сказал он, кликнул колесничего и приказал запрягать.

Но советники не дали ему уехать на колеснице. Они отнесли его в парк на золотых носилках и, позаботившись об охране, вернулись в город. Царь сел, скрестив ноги, и погрузился в мысли о своем даре. И в тот же миг Шакру, повелителя богов, стало припекать снизу на его троне. Сосредоточась, он понял, в чем дело: «Придется мне предложить царю дар на выбор и вернуть ему зрение», — решил он, перенесся к Великому и стал прохаживаться невдалеке от него.

Рассказывая это, Учитель произнес:

«Сколько-то дней миновало, затянулись пустые глазницы,

Колесничего царь призывает, благодетель шибийского царства:

«Запрягай-ка, возница, коней, а запряжешь — дай мне знать.

Поедем в дворцовый парк, в рошу, к заросшим прудам».

И вот, когда возле пруда царь уселся и ноги скрестил,

Шакра спустился к нему — Суджи супруг, царь богов.

«Кто тут?» — спросил Великий, слышав шаги Шакры.

Шакра ответил:

«Шакра я, царь-провидец, — предводитель богов.

Желание мне назови — я исполню любое».

Царь сказал:

«Немало богатств у меня, есть и войско, казна не пуста,

Только очей я лишился, о Шакра, и смерть выбираю».

«Ты хочешь смерти, царь Шиби, потому что тебе опостылела жизнь или потому что ослеп?» — «Потому что ослеп, о владыка». — «Государь, дары ведь приносят не только ради благ в будущих жизнях, на них можно опереться и в этой жизни. Ты же дал просившему больше, чем он хотел, — не один, а два глаза. Теперь ты можешь поклясться закланием истины.

О царь людей, есть клятва правдой. Произнеси ее, воитель,

И высшей силой этой клятвы вернется зрение к тебе».

Услышав это, Великий сказал: «Шакра, если ты хочешь вернуть мне зрение, что тебе еще нужно? Пусть зрение вернется ко мне благодаря свершенному дару!» — «Ты прав, государь, — сказал Шакра. — Хоть я и Шакра, хоть я и царь богов, а одарять других зрением не в моих силах. Зрение к тебе может вернуться только как плод твоего даяния». — «Что ж, значит, хорош был мой дар», — сказал царь и произнес заклание правды:

«Шли ко мне с мольбами нищие разного роду-племени;

О чем бы меня ни просили — все с радостью я отдавал.

От этого слова правдивого пусть глаз у меня откроется».

И стоило ему сказать это, как он прозрел на один глаз. А чтобы прозреть и на второй, он произнес:

«С мольбою пришел ко мне брахман, о глазе меня попросил;

Пожертвовал я глаза просителю, нищему брахману.

И сделал я это с радостью, да и потом не раскаялся.

От этого слова правдивого пусть второй глаз откроется».

В тот же миг он прозрел и на второй глаз. Эти его глаза были и не обычными, какие дарит природа, и не провидческими. Ведь те глаза, что он отдал Шакре, пришедшему в облике брахмана, вернуть было уже невозможно, а когда ткань повреждена, то и провидческое зрение тоже нельзя обрести. Те глаза, что он получил, зовутся глазами совершенства в правде. Едва царь прозрел, как Шакра своею чудесной силой собрал вокруг царя весь его двор и сказал, воздавая ему хвалу:

«Праведный стих ты сказал, царь, благодетель шибийцев,

И очи божественной силы ты этим себе возвратил.

Сквозь стены и сквозь скалы, в округе на сотню йоджан

Взглядом пронзая горы, видеть ты сможешь ими».

И посреди огромной толпы народу он поднялся над землею, напоследок наставил Великого: «Будь себя достоин», — и отправился в обитель богов. А Великий в окружение толпы, воздававшей ему подобающие случаю почести, вступил в город и взошел во дворец Чандаку. Во всем шибийском царстве люди узнали, как вернулись к нему глаза, и лицезреть его жители сходились со всех концов царства с подношениями и подарками. «Теперь, когда собралось много людей, я поведаю им о своем даре», — решил Великий. На царском дворе он повелел раскинуть большой шатер, воссел на троне под белым зонтом, приказал бить в барабан и созвать войско. Собравшимся он сказал: «Жители царства Шибхи! Посмотрите на мои чудом вернувшиеся глаза и отныне не принимайте трапезу, не поделившись ею с кем-нибудь». И, проповедуя дхарму, он произнес:

«Кто не готов здесь снизойти к мольбе

И поделиться дорогим и нужным?

Сегодня да увидят все шибийцы

Мне чудом возвращенные зеницы.

Сквозь стены и сквозь скалы, в округе на сотню йоджан

Взглядом пронзая горы, видеть могу я ими.

Всего превыше щедрость в мире смертных.

Земные очи в жертву я принес,

Обрел сверхчеловеческие очи.

Увидьте их, шибийцы, и отныне

Всем вашим достоянием делитесь

С нуждающимися. И, безупречны,

Вы обретете горную обитель».

Так он наставил их в дхарме. И с тех пор дважды в месяц — по полнолуниям и новолуниям — он собирал народ и проповедовал ему дхарму этими словами. Народ же внимал ему, приносил дары, свершал благие дела и после смерти пополнял обитель богов».

Рассказав эту историю, Учитель повторил: «Как видите, монахи, было в древности и так, что мудрому человеку показалось мало одаривать людей вещами и, когда его попросили отдать глаз, он вырвал свои глаза и отдал их». И он отождествил перерождения: «Лекарем Сивакой был тогда Ананда, Шакрой — Анируддха, прочие — моими последователями, а царем Шибхи был я сам».

ДЖАТАКА О СУПРУЖЕСКОЙ ЛЮБВИ (504)

«Жил в Каши царь по имени Бхаллатья...» — это произнес Учитель, пребывая в роше Джеты, по поводу царицы Мálлики, супруги царя Кошальского. Однажды у нее с царем произошла в постели супружеская ссора. Царь обиделся, даже смотреть на нее не захотел. «Наверное, Татхагата не знает, что царь на меня сердит», — думала она, однако Учитель знал о происшедшем. Назавтра после ссоры он в сопровождении многих монахов вошел в Шравасту за подаением и остановился у врат дворца. Царь вышел ему навстречу, ввел во дворец сначала самого Учителя, а потом — по старшинству — и бывших с ним монахов, предложил им воду для омовения, угостил их всех изысканной едой и после трапезы присел подле Учителя. «Что это, государь, царицы Мálлики не видно?» — спросил Учитель. «Избаловалась она слишком». — «А знаешь ли ты, государь, что прежде ты был рожден киннаром? Однажды тебе случилось провести ночь в разлуке с твоей супругой — так ты потом семьсот лет об этом горевал!» — и по просьбе царя Учитель рассказал о былом.

«Некогда в Варанаси правил царь Бхаллатья. Как-то раз ему захотелось отведать жаренной на углях дичи, да так, что он оставил царство на советников, а сам в полном вооружении, со сворой хорошо натасканных породистых охотничьих собак ушел из города в Гималаи. Направился он вверх по течению Ганги. Добравшись до теснины, где дороги дальше не было, он свернул в сторону и пошел вверх по берегу притока; странствуя по лесам, стрелял он оленей, кабанов и иную дичь, жарил их на костре, ел и незаметно для себя забрался в самые верховья. Река сузилась и превратилась в живописный ручей; воды в нем в паводок бывало по грудь, а сейчас — всего по колено. Водились в том ручье рыбы и черепахи; берега ручья плотным серебристо-белым слоем устилал песок, а над водой свисали ветви, обременённые всевозможными цветами и плодами. Между деревьев порхали стаи птиц и роились пче-

лы, слетавшиеся на аромат, а под их сенью бродили олени, антилопы и косули. А на берегу того ручья, что нес воду из-под ледника, стояла парочка киннаров. Они ласкались и целовались, но, странное дело, о чем-то горько плакали и причитали. Поднимаясь вверх по ручью к подножию горы Гандхамаданы, царь заметил их и удивился: «Отчего это киннары так горько плачут? — подумал он. — Спрошу-ка я их».

Жил в Каши царь по имени Бхаллатия;
Покинув город, он ушел охотиться.
Забрел к подножию вершины Гандхамаданы,
Где все цветет и где живут кимпурushi.
Он своре гончих псов залечь велел,
А лук с колчаном положил под деревом
И осторожно подошел к кимпурушам.
«Ответьте мне, не бойтесь: вы живете здесь —
На горном склоне, у реки Химаваты?
Вы так похожи на людей! Скажите мне,
Как называют вас на нашем языке?»

Киннар ничего не ответил царю, а жена его заговорила:

«Здесь горы: Малла, Белая, Трехглавая;
По горным речкам между ними бродим мы,
И на людей, и на зверей похожие,
А люди называют нас кимпуруши».

Тогда царь спросил:

«Друг друга обнимаете вы с нежностью
И безутешно оба причитаете.
Как вы похожи на людей! Скажите мне:
О чем вы плачете, горюете, печалитесь?»

Она ответила:

«Однажды мы всю ночь в разлуке провели,
И каждый думал о другом и тосковал.
Об этой ночи до сих пор горюем мы,
Нам так печально, что ее не возвратить».

Царь:

«Вы о ночной разлуке так печалитесь;
Как о потерянном добре иль смерти родича.
Вы так похожи на людей! Скажите мне,
Из-за чего вы ночь в разлуке провели?»

Она:

«Ты видишь эту речку быстроструйную,
Под сенью множества деревьев текущую,
Бегущую из ледяной расселины?»

Тогда была пора дождей. Любимый мой
Решил через нее вброд переправиться.
Он думал, что и я за ним последую.
А я бродила и цветы искала:
Кураваку, уддалаку, анколу;
Хотелось мне убрать себя цветами
И подарить любимому гирлянду.
Потом метелки риса собирала,
Раскладывала их пушистый ворох,
Готовила обоим нам подстилку:
«На ней сегодня мы переночуем».
Потом между камнями растирала
Кусочки благовонного сандала:
Хотелось мне получше умаститься
И мужу приготовить притиранья.
Но с гор сбежал внезапно быстрый паводок,
Он все цветы унес, что были собраны.
А речка вздулась вдруг, водой наполнившись,
И стала для меня непроходимой.
Остались мы тогда на разных берегах,
Друг друга видим, да не можем сблизиться,
То засмеемся оба, то заплачем вдруг —
Нам очень нелегко та ночь далась.
К восходу солнца спало наводнение,
Мой муж пришел ко мне по мелководью.
Мы обнялись, и снова, как и ночью,
То засмеемся оба, то заплачем.
Семь сотен лет без трех годов минуло
С тех пор, как ночь мы провели в разлуке.
Твоя жизнь, государь, короче нашей.
Как можешь ты вдали жить от любимой?»

Царь спросил:

«А ваш век на земле как долго длится?
(Быть может, тебе старшие сказали,
И знаешь ты об этом понаслышке.)
Прошу тебя, ответь мне, не колеблясь!»

Она ответила:

«Мы на земле живем столетий десять.
Болезни раньше срока нас не мучат.
Приятна жизнь у нас, несчастья редки.
Мы с сожаленьем расстаемся с жизнью».

«Они ведь даже и не люди, однако не переставая плачут семьсот лет, оттого что довелось им разлучиться всего лишь на одну ночь! — подумалось царю. — А что же я! Покинул для чего-то свое царство, простёршееся на три сотни йоджан, позабыл свою великолепную столицу и скитаюсь здесь по лесам! Напрасно, совсем напрасно!» И он повернул к дому. По возвращении в Варанаси советники его спросили: «Скажи нам, государь, с чем удивительным довелось тебе повстречаться в Гималаях?» Царь рассказал им о киннарах и с тех пор стал наслаждаться жизнью, не забывая и о дхарме.

И понял царь, ее словам внимая,
Что быстротечна жизнь, недолго длится.
Из леса возвратился он в столицу,
Стал одарять нуждающихся щедро
И пользоваться благами земными.
И вы словам кимпурушей внимлите,
В согласии живите и не ссорьтесь,
Чтоб горевать потом вам не пришлось,
Как им, о ночи, проведенной врозь».

Когда Татхагата кончил свое наставление в дхарме, царица Маллика встала, молитвенно сложила руки и, воздавая Десятисильному хвалу, произнесла:

«Всегда твои беседы наставительные
Я слушаю внимательно и с радостью.
Твой голос гонит прочь мои невзгоды.
Да будет долгой жизнь твоя, о шраман!»

И Учитель отождествил перерождения: «Киннаром был тогда кошальский царь, его женой — царица Маллика, я же был тогда царем Бхаллатией»⁴⁵.

⁴⁵ «Джатака о супружеской любви» дает выразительный пример идиллии в древнеиндийской литературе. Общим с античной идиллией является вынесение героев ее за пределы обычного человеческого общества, однако в греческой литературе герои — пастухи, а в индийской — полузооморфные существа.

ДЖАТАКА О СЛОНОВЬЕМ ЦАРЕ (514)

«Что печалишься...» — это Учитель произнес в роще Джеты по поводу некоей юной монахини. Та была родом из Шравасты, а монашество приняла потому, что ясно узрела все недостатки мирского состояния. Как-то раз она в числе прочих монахинь пришла к Учителю послушать его проповедь дхармы. Сидя на украшенном сиденье проповедника, Десятисильный стал рассказывать им о дхарме, она же увидела, сколь возвышен его прекрасный и величественный облик, обретенный благодаря безмерным духовным заслугам, и вдруг подумала: «А не случилось ли мне когда-либо в прошлом в моих странствиях в мирском круговороте быть супругой этого мужчины?» Тотчас же вспомнилось ей: «Да, была я однажды его супругой, в ту пору, когда он был слоновым царем по имени Чхадданта». От такого воспоминания стало у нее на душе необычайно весело и радостно, она звонко рассмеялась, а дальше подумала: «Известно, что жены редко приносят благо своим мужьям, куда чаще бывает так, что мужьям от них один вред. А как же я сама — какую была я ему женой? Что он видел от меня — добро или зло?» И ей открылось: «Мстительной я тогда была, ничтожную провинность ему припомнила и возненавидела его, а потому прислала на слоновье озеро Чхадданта некоего нищадца по имени Сонóттара, чтобы он убил царя слонов напоенной ядом стрелой». Охватила ее тут тяжкая печаль, задышала она глубоко и часто и в голос разрыдалась. Учитель же взглянул на нее и улыбнулся. «В чем причина твоей улыбки, почтенный? Ведь просто так, без причины, пробуждённые не улыбаются», — спросили его монахи. «Эта юная монахиня вспомнила сейчас, как она провинилась предо мною когда-то. Потому она и рыдает», — объяснил Учитель и рассказал о былом.

«Давным-давно в Гималайских горах у озера Чхадданта жило восемь тысяч могучих слонов, умевших летать по воздуху. Бодхисаттва родился тогда сыном их вожака; сам он был белый, а ноги и рот у него были розоватые. Когда он совсем вырос, то в высоту достиг восьмидесяти восьми

локтей, в длину — ста двадцати локтей, а хобот у него был в пятьдесят восемь локтей длиною и с виду словно серебряный канат. Бивни у него достигали пятнадцати локтей в объёме, в длину были тридцать локтей и сияли лучами шести цветов. Бодхисаттва стал вожакom слоновьего народа. Было у него две главные супруги: Малая Субхадра и Большая Субхадра, что значит Счастливейшие, и жил он с восемью тысячами подчиненных ему слонов в Златой пещере. И еще всегда чтит он пробужденных-для-себя, что жили поблизости.

Озеро Чхадданта, где жил он, простиралось в длину и ширину на пятьдесят йоджан. В середине его на пространстве в двенадцать йоджан не было ни тины, ни ряски, там неподвижно стояла чистая вода, цветом подобная драгоценному яхонту. Ближе к берегам на йоджану простиралась полоса, сплошь заросшая белыми кувшинками. За нею — еще на йоджану — заросли синего ночного лотоса без какой-либо примеси иных цветов, потом — по полосе красного и белого ночного лотоса; потом шли полосы дневных лотосов — красного и белого; за ними — полоса водяных лилий; дальше, за семью этими поясами, все цветы росли вперемежку. Ближе к берегу глубина была поменьше, здесь уже могли бродить слоны. Тут на протяжении целой йоджаны озеро заросло красным рисом, а еще ближе к берегу и по кромке воды тянулась поросль мелкого кустарника, усеянного множеством благовонных цветов — синих, желтых, красных и белых. Дальше шли заросли бобов и фасоли разного размера: сначала были малые, потом — «княжеские», а под конец — «царские». За ними — дикая бахча: заросли кабачков, огурцов, тыкв-горлянок и простых тыкв. Потом — заросли сахарного тростника высотой в бетелевую пальму; потом — бананы; верхушками они касались корней слоновьих бивней; потом — заросли риса; потом — лес хлебных деревьев с плодами размером в большой горшок; за ним — лес тамариндовых деревьев, а дальше — лес деревьев капиттха и чаша смешанного леса. Окаймлялось это непролазными зарослями бамбука. А вокруг бамбуковой чаши высились один за другим семь круговых горных хребтов. Наружный назывался Малым Черным, потом шел Большой Черный, дальше — Водный, Луносклонный, Солнцесклонный, Яхонтовый и Золотой. Золотой хребет, ближайший к озеру, высился на семь йоджан, окружая озеро Чхадданта, как кайма окружает лист лотоса; внутренние склоны его были золотого цвета, и озеро, отражая сияние их, горело, словно солнце во всей полуденной мощи. Наружные хребты были каждый на йоджану ниже предыдущего, последний возвышался только на одну йоджану. А к северо-востоку от этого окруженного семью горами озера рос огромный баньян. Его ствол был в объёме пять йоджан, а в высоту — семь; на четыре стороны протянулись еще большие сучья, каждый в шесть

йоджан длиной, да и верхние сучья возвышались на шесть йоджан над стволом. Так что было это дерево в высоту тринадцать йоджан, а в ширину — двенадцать с лишком; воздушных корней росло у него восемь тысяч, и красовалось оно, будто глыба чистого самоцвета. В западной же части озера Чхадданта находилась в склонах ближайшего горного хребта Златая пещера, простиравшаяся на двенадцать йоджан. Все время дождей слоновий царь жил со своим восьмьютысячным народом в этой пещере; в жаркое же время года слоны стояли под баньяном, среди его воздушных корней, и ловили веявший с озера прохладный ветерок. И вот однажды слоновьему царю доложили: «Расцвела большая роща саловых деревьев». Царь вместе со своею свитой захотел поиграть там в слоновьи игры, пришел в рощу и, шутя, ударил лбом расцветшее саловое дерево. Малая Субхадра стояла рядом с ним, но против ветра, а потому на нее посыпались с дерева старые засохшие веточки, пожухлая листва и рыжие муравьи. А Большая Субхадра стояла по ветру, и на нее попадала цветочная пыльца и чашелистики. Оттого Малая Субхадра затаила на Бодхисаттву обиду: «Ах, так! Любимую жену он обсыпал пылью и чашелистиками, а мне достались сухие веточки да рыжие муравьи! Ладно же!» В другой раз слоновий царь вместе со своим народом спустился к озеру Чхадданта искупаться. Двое молодых слонов захватили хоботами по пучку благовонных корней уширы и натерли тело царя, подобное вершине горы Кайласы. Затем, когда он помылся и вышел, они точно так же натерли и обеих его супруг; те вышли на берег и стали по сторонам Великого. А следом за ними и все восемь тысяч слонов спустились к воде, поиграли там в слоновьи игры, нарвали в озере разных цветов и убрали ими своего царя, словно серебряную ступу, — а там и обеих его супруг. Некий же слон, бродя по мелководью, нашел большой махровый лотос, что, как всем известно, предвещает счастье; он вырвал его хоботом и поднес Великому. Бодхисаттва взял лотос, стряхнул пыльцу его себе на макушку и подарил цветок своей старшей супруге — Большой Субхадре. А вторая жена, видя это, обиделась на мужа пуще прежнего: «Вот и этот махровый лотос не мне он подарил, а своей любимице!» Спустя несколько дней Бодхисаттва велел смешать сладкие плоды с лotosовым медом, набрать побегов и стеблей лотоса и принес все это в дар пятистам местным пробужденным. Тогда Малая Субхадра сама собрала всяких плодов, поднесла их пробужденным и взмолилась: «Хочу я в следующей жизни родиться дочерью царя мадров, царевной Субхадрой. Когда вырасту, хочу стать главной супругой царя Варанаси, быть ему милой и любезной его сердцу. А тогда я расскажу мужу про этого царя слонов и pošлю сюда охотника, чтобы он убил его напоенной ядом стрелой и принес мне пару его шестцветных клыков». С той поры она перестала есть, иссохла

и вскоре умерла, а родилась и впрямь дочерью супруги царя мадров. Нарекли ее Субхадрой. Когда она выросла, выдали ее замуж за царя Варанаси, и стала она мила и любезна его сердцу. Царь возвысил ее и сделал старшей меж шестнадцати тысяч своих жен. Субхадра помнила о своей прошлой жизни; и вот она подумала: «Теперь мое чаяние близко к исполнению. Пора уж потребовать, чтобы мне принесли бивни царя слонов». Намазалась она маслом, оделась в грязное и сказалась больной. «Где же Субхадра?» — спросил царь, не видя ее. «Больна». Царь пришел к ней в опочивальню, сел на краю кровати и, ласково поглаживая царицу по спине, спросил:

«Что печалишься, лучезарная,
что бледна ты, моя красавица?
Вянешь ты, о газелеокая,
как гирлянда, руками помятая!»

Царица ответила:

«Прихоть женская на меня нашла,
диво дивное мне пригрезилось.
Только знай, государь, что прихоть мою
очень трудно исполнить будет».

Царь сказал:

«В нашем мире, столь отрадном,
все услады мне доступны.
Назови, чего ты хочешь, —
я исполню твою прихоть!»

«Нет, государь, — возразила царица, — прихоть мою удовлетворить будет совсем нелегко. Я пока ее тебе даже не назову. Велика созвать всех охотников из твоих владений — вот им я расскажу о ней». — «Хорошо», — согласился царь, вышел из опочивальни и распорядился: «Бейте в гонги и повсеместно объявляйте: «Пусть соберутся все охотники нашего Кашийского царства, протянувшегося на триста йоджан». Советники исполнили приказ, и довольно скоро все охотники, захватив для царя подарки, кто какой мог, пришли ко двору и назвались. Собралось всего круглым счетом шестьдесят тысяч человек. Узнав, что все они в сборе, царь подошел с царицей к окну, протянул руку и сказал:

«Вот твои охотники, царица,
меткие и опытные в деле.
Знают лес, звериные повадки;
за меня пойдут на смерть без страха».

Царица обратилась к охотникам:

«Внемлите мне, охотники,
все те, что нынче собрались.

Привиделся сегодня мне
 сверкающий клыками слон.

Сам белый, а клыки его
 лучатся радужой цветов.

Добудьте мне его клыки,
 иначе я с тоски умру».

Охотники ответили:

«Ни отцы, ни деды наши
 шестицветных бивней не видали.

Расскажи подробнее, царица,
 что тебе привиделось сегодня?

Есть четыре главных направленья,
 столько же меж ними промежутков,

Верх и низ: всего их будет десять.

 Так какую же избрать дорогу,

Чтоб до белого слона добраться?

 Где ты видела его, царица?»

Тем временем Субхадра, внимательно оглядывая охотников, приметила среди них некоего нишадца могучего телосложения. Ступни у него были огромны, ноги толсты, как туго набитые мешки; колени мощны, грудь широка. Он оброс ярко-рыжей бородою, а сам был темно-рыжим; топорный и отвратительный с виду, он, казалось, затмевал собою всех прочих охотников. Это был Соноттара, уже и в прошлых жизнях злоумышлявший против Бодхисаттвы. «Вот кто, пожалуй, сможет исполнить мое поручение», — подумалось Субхадре. Испросив разрешения у царя, она вместе с охотником поднялась на седьмой этаж дворцовой башни, отворила северное окно, простерла руку и обратилась к нему: «Посмотри, охотник! Прямо на север отсюда стоит за шестью горными цепями седьмой, высочайший горный хребет; называется он Золотым. Склоны его всегда в цвету, и по ним бродят кимпуруши. Заберись на его гребень и взгляни вниз — ты увидишь царственный баньян с восемью тысячами воздушных корней. Видом он подобен синей туче. Под баньяном тем и будет стоять белый царь слонов с бивнями, сверкающими всеми цветами радуги. Он так могуч, что никто не смеет приблизиться к нему. Охраняют его восемь тысяч слонов; бивни у них что тележные оси, а пронзают они ими с быстротой ветра любого врага. Эти слоны, наводящие страх, стоят там и вздыхают; до того они нравом люты, что и порыв ветерка гневит их, а уж коли человека увидят, так в порошок сотрут, да даже и того не останется!» Соноттара от таких слов оробел: «Царица, у тебя и без того много украшений из серебра, жемчугов, самоцветов и яхонтов. Зачем тебе еще и слоновая кость? Уж не задумала

ли ты попросту извести охотников?» И царица открылась ему: «Любезный охотник, я когда-то была им оскорблена и обижена. Даже теперь не могу сдержать себя, как вспоминаю об этом. В прошлой жизни я принесла дар пробуждённым и пожелала за это, чтобы стать мне способной отомстить ему. И вот теперь я посылаю тебя за его бивнями. Не видела я никакого сна, просто это — мое страстное желание. А потому ни о чем не беспокойся, ибо оно непременно сбудется. Ты уж сослужи мне эту службу — я пятью деревнями тебя одарю». — «Ладно, госпожа, обещаю тебе, что убью этого слона и добуду его бивни», — поддался охотник на ее уговоры и попросил: «Расскажи мне только поподробнее, как он живет. Где он ночует, где проводит день? Где тропа, по которой он ходит к водопою, и где он купается? Мне нужно узнать все повадки этого царственного слона». Помня свою прошлую жизнь, царица все смогла рассказать: «Недалеко от этого баньяна — прекрасное глубокое озеро с удобными спусками к воде. Оно поросло лотосами, а над ними всегда жужжат сонмы пчел. В нем-то и купается этот слоновий царь. А омывшись, он, сверкая своим белым телом, подобным чистотою кувшинке, надевает гирлянду синих лотосов и весело идет к себе обратно вслед за своей любимой женой Субхадрой». — «Хорошо, госпожа, будут у тебя его бивни», — еще раз пообещал Соноттара. Обрадованная царица заплатила ему тысячу каршапан и отослала: «Ступай пока к себе домой, вернешься через неделю», а сама тем временем призвала кузнецов: «Любезные! Нам нужен тесак, топор, лопата, долото, меч, медный лом с алмазным наконечником, клинья, железный крюк. Придется прорубаться сквозь бамбук, косить траву, рубить деревья, да мало ли еще что! Побыстрее все это изготовьте и принесите мне». Потом послала за кожевниками и сказала: «Любезные, нам нужен большой кожаный мешок — вроде тех, что у гончаров; один длинный-предлинный ремень и несколько коротких, а еще кожаные сандалии и рукавицы, чтобы защитить руки и ноги. Сделайте все это поскорее и несите сюда». И те и другие всё быстро изготовили и принесли царице. Так она собрала охотника в дорогу. Сложила все в кожаный мешок; туда же пошел и трут, и мешочек с мукой. Получился изрядный груз — как у горшечника, когда он идет на базар. Соноттара тем временем тоже собрался и через неделю явился к царице. «Вот, любезный, я собрала тебе все, что может пригодиться в дороге. Возьми эту котомку», — сказала она охотнику. Соноттара же до того был силен, что с пятью слонами мог бы справиться; для него этот мешок был не тяжелее узелка с пирожками: сунул он его себе под мышку, — казалось, у него и груза-то никакого нет. Субхадра назначила содержание семье охотника, дала знать супругу-царю и отправила Соноттару в дорогу. И вот он попрощался с царем и царицей, сел на колесницу и уехал,

провожаемый толпою. Сначала путь его пролегал через городки и деревни, дальше добрался он до окраинных земель царства и тогда жителей срединных областей, что шли с ним, отпустил, а взял новых провожатых с окраин. С ними он углубился в безлюдные места, а там отослал и их, пошел уж дальше совсем один. Дорога ему предстояла в тридцать йоджан и сплошь из одних преград да препятствий. Сначала шли заросли тростника — *дарбхи* и *каши*; потом — густая высокая трава; дальше — кустарник *тулси*; за ним — чаща тростника *шара*; потом — заросли *тириваччи*; за ними — тростник *ветра*; дальше — смешанные заросли; потом — высокий камыш; за ним заросли сделались до того частыми, что и змее нелегко было бы сквозь них проползти; дальше тростник сменился густым лесом; его сменила бамбуковая чаща, за ним оказалось болото, за болотом — полоса рек и озер, и наконец стеной стал перед ним горный хребет. И вот как он через эти преграды смог перебраться: заросли дарбхи и других тростников он косил мечом; кустарник, вроде тулси, — рубил тесаком, каким рубят бамбук; деревья срубал топором, а сквозь самые толстые стволы, которые было не обойти, он прорубался долотом насквозь. Оказавшись перед бамбуковой чащей, он смастерил лестницу, забрался по ней к верхушкам, а там нарубил бамбука и бросил пук нарубленных побегов поверх всей чащи — да так поверху и прошел. У болота он набрал сухостоя, настелил гать в несколько саженей длиною и с жердями прошел до ее конца; настелил гать дальше, а оставшиеся позади жерди снял и забрал с собою. Так, снимая жерди сзади и стеля гать перед собою, перебрался он и через болото. Затем он выдолбил челн и на нем преодолел реки и озера. И вот очутился он у подножия гор. Тут он привязал к концу длинного ремня свой крюк с зацепками и забросил его вверх. Крюк крепко застрял в скале. Тогда он по ремню подтянулся к крюку, выдолбил медным ломом с алмазным наконечником в скале дыру и забил туда клин. Вставши на клин, он опять забросил крюк наверх. Потом подтянулся к нему, петлею перекинул через него кожаный ремень и на нем спустился к оставшемуся внизу клину. К нему он привязал короткий ремешок и взялся за него одной рукой, а другою ударил по ремешку молотком. Клин выскочил. Соноттара забрал его с собою и полез дальше по склону. Этим способом он добрался до самого гребня горы. Теперь надо было спускаться. Тогда он на самом гребне вбил клин, один конец ремня обмотал вокруг него, а другой привязал к кожаному мешку. Сам он забрался в мешок и стал понемногу травить ремень, словно паука на паутине, и спустился. А другие говорят, что опустился он, как птица, — смастерил кожаный зонт и слетел на нем. Еще с вершины горы он увидел царственный баньян и направился к нему. Ушло у него на всю дорогу семь лет, семь месяцев и семь дней. И вот стал он выслеживать царя слонов; высмотрел, где тот ночует, где днюет, куда на водопой ходит,

и решил вырыть для себя яму-засаду, чтобы, притаившись в ней, выстрелить в царя стрелой и убить его. В лесу он нарубил деревьев, приготовил из бревен каркас, а когда слоны ушли на озеро купаться, он прямо на их тропе вырыл большой лопатой четырехугольную яму. Вынутую землю он, как сеятель, разбросал по озеру. Столбы опер вниз о камни в виде ступок, отладил их и уравновесил, потом положил поверху настил из веток, оставив только дыру, в которую прошла бы его стрела. Настил он забросал землей и мусором, вырыл сбоку лаз для себя — и, когда все было готово, он надел монашескую шапочку, облачился, как подвижник, в оранжевые одеяния, взял лук, взял напоенную ядом стрелу и затаился в ожидании. Спустя какое-то время слон, искупавшись, направился к баньню и по пути остановился как раз над засадой. Вода стекала у него к пупку, а с пупка капала прямо на охотника. Почувствовав, что сверху капает, охотник поднял голову, увидел, что слон совсем рядом, и выстрелил. Стрела пронзила слону селезенку, порвала кишки и вышла со спины навывлет. Из раны ручьем хлынула кровь — так красная краска изливается из серебряного кувшина. И слон взревел от боли.

Слон страшно затрубил от лютой муки,

А вслед за ним все стадо заревело

И во все стороны искать врага помчалось,

Растапывая в пыль траву и сучья.

Только супруга Субхадра осталась рядом со слоновьим царем поддержать его и утешить. Набравшись терпения, слон стал озираться: «Откуда же пушена стрела?» По тому, что вошла она в живот, а вышла из спины, он понял, что стрелок стоял внизу. Тогда он решил сам поискать охотника и на всякий случай велел Субхадре удалиться: «Народ мой разбежался во все стороны, ищет врага, а ты что тут делаешь?» — «Я осталась, господин, чтобы поддержать тебя и ободрить. Прости меня», — отвечала она, трижды обошла его с почтением, поклонилась ему со всех четырех сторон и улетела по воздуху. Оставшись один, слон поддел настил ногой; бревна разошлись, и через широкое отверстие стал виден Соноттара. Стремясь прикончить его, слон просунул в дыру хобот, подобный серебряному канату, но охотник тут же протянул ему навстречу лоскут от своего монашеского одеяния. Увидев облачение подвижника, слон подумал: «Это одежда святых людей. Разумный муж никогда не должен покушаться на тех, кто носит такое оранжевое одеяние, ибо оно само по себе всегда достойно величайшего уважения». Так слон оставил свое намерение и лишь сказал:

«Тот, кто надел монашеское платье,

Но от дурных страстей не отрешился,

Далек от кротости и самообуздания, —

Монашеского платья недостоин.

А кто блюдет обеты непреложно,
Навек отрекся от злоумышлений,
Исполнен кротости и самообуздания —
Достоин тот монашеского платья».

Этим словами слон укорил охотника и спросил безо всякой враждебности: «Зачем же, любезный, понадобилось тебе в меня стрелять? Сам ли ты решил меня убить или кто другой тебя послал?» Охотник ответил: «Почтенный! Меня послала к тебе Субхадра, прославленная супруга государя Каши. Она будто бы увидела тебя во сне, вот ей и захотелось, чтобы я принес ей твои шестицветные бивни». — «Значит, Субхадра все это натворила», — понял Великий. Терпя неослабевающую боль, он объяснил охотнику, что дело было не так:

«У нас есть много превосходных бивней,
Отцам и пращурам принадлежавших.
Субхадра знала это, несомненно.
Ей, глупой, отомстить мне захотелось.
Ну что ж, охотник, вылезай теперь!
Возьми пилу да отпили мне бивни,
Ведь жить теперь недолго мне осталось.
Расскажешь дома мстительной царице,
Что царь убит, и бивни ей отдашь».

Охотник послушался, вылез из своего убежища и с пилой в руке подошел к слону. Но рослый слон высотой в восемьдесят восемь локтей возвышался над ним, как гора, и охотник никак не мог дотянуться до корней клыков. Тогда Великий подогнул ноги, лег и положил голову на землю. По серебристо-белому хоботу нишадец забрался к голове слона, подобной вершине Кайласы, коленом провалил губу слона в рот, а потом слегка спустился и сунул в рот ему свою пилу. Он по-всякому пробовал пристроиться с пилой и начать пилить, да только ничего у него не получалось — лишь новую жгучую боль причинил он Великому, и рот у того наполнился кровью. Слон сплюнул и терпеливо спросил: «Что, любезный, не выходит?» — «Да, господин». Собравшись с духом, Великий сказал: «Тогда, любезный, приподними мне хобот и вложи в него ручку пилы, а то у меня нет уж сил его поднимать». Нишадец так и сделал. Захвативши пилу хоботом, Великий сам стал отпиливать бивни; скоро они отвалились, как подрубленные побеги бамбука. Слон взял их в хобот и промолвил: «Не думай, любезный охотник, будто не дороги мне мои бивни, раз отдаю я их тебе. И не затем я с ними расстаюсь, чтобы стать благодаря этой заслуге Шакрой, или Марой, или Брахмой, или иным великим небожителем. Нет! Но, право, во сто тысяч раз дороже мне этих моих бивней всепронзающие бивни безграничного высшего знания. Пусть же моя самоотверженность приблизит для меня его обретение!»

С такими словами он отдал охотнику бивни и спросил: «Ты, любезный, за сколько времени до нас добрался?» — «За семь лет, семь месяцев и семь дней». — «Ступай же теперь назад. Бивни у меня волшебные, с ними ты доберешься до Варанаси всего за семь дней». Слон научил нишадца охранительному заговору и отпустил.

Блестящие, прекрасные клыки

Царя слонов охотник взял с собою

И спешно в путь отправился обратный.

Нишадец ушел; Субхадра и остальные слоны еще не успели воротиться, и царь скончался в одиночестве. Слоны же, нигде не обнаружив неприятеля, вернулись к Великому; пришла с ними и Субхадра. Оплакали они царя и послали гонца к пробужденным, коих почитал покойный их владыка: «Почтенные! Помогавший вам в ваших нуждах царь пронзен отравленной стрелой и скончался. Придите на сожжение его останков». Пятьсот пробужденных тут же прилетели с гирляндами цветов. Двое молодых слонов приподняли бивнями тело умершего царя, положили его на погребальный костер и подожгли. Пробужденные поклонились его праху и всю ночь читали у костра священные гимны. А наутро слоны затушили угли, разбросали остатки костра, омылись в озере и под предводительством Субхадры ушли к баньяну.

А Соноттара за неполные семь дней вернулся с бивнями в Варанаси. Явился он с ними к царице и сказал: «Госпожа! Ты, кажется, недолюбливала царя слонов? Так он уж мертв: я его убил!» — «И ты сам говоришь мне о его смерти?» — «Да, госпожа. Знай, что нет его больше. А вот и бивни». Царица приняла из его рук бивни; сияя шестичветной радугой, они в ее руках подобны были вееру из драгоценных самоцветов. Положила она их себе на колени и, глядя на эти бивни любимого своего мужа в прошлой жизни, вспомнила о Великом: «И зачем я только послала этого охотника к царю слонов! Ведь он жил там так великолепно, так беззаботно — и вот он мертв!» Тут вся она отдалась нестерпимому горю, сердце у нее разорвалось, и в тот же день она умерла».

Эти давным-давно минувшие события Учитель помнил так ясно, словно они произошли лишь сегодня утром. Но теперь он был Пробужденным, свободным от всякой печали, страдания и муки, — и с улыбкой он объяснил монахам, кто же тогда кем был: «Эта юная девушка, что смолodu ушла в монахини, была тогда царицей Субхадрой. Девадатта был охотником, что добыл бивни и пришел с ними в Варанаси. Я же был в ту пору царем слонов».

Внимая этому наставлению, многие обрели плоды прорезавшегося слуха, а равно и иные, более высокие достижения. Сама же юная монахиня стала позже святою.

ДЖАТАКА О ВЕЛИКОДУШНОЙ ОБЕЗЬЯНЕ И ПРЕДАТЕЛЕ (516)

«В столице Каши, в Варанаси...» — это произнес Учитель, пребывая в Бамбуковой роше, по поводу Девадатты, ранившего его обломком скалы. Сначала Девадатта подослал лучников убить Учителя, а когда это не вышло, он сам сбросил на Учителя обломок скалы и поранил ему ногу. Однажды монахи заговорили об этом и порицали Девадattu. «Не только теперь, о монахи, но и прежде Девадатта поранил меня обломком скалы», — произнес Учитель и рассказал о былом.

«В столице Каши, в Варанаси,
правил царь, страны благодетель.
Однажды с друзьями-советниками
в парк Мригáчирu он направился.
Увидал он там страшного брахмана — побелевшего,
с выцветшей кожей,
Не человека — развалину,
только кости кожей обтянуты.
Состраданьем великим охваченный
при виде несчастья подобного,
Спросил его царь в изумлении:
«Ты кто, человек или нелюдь?
Руки-ноги твои совсем выцвели,
голова же и их блее,
А телом ты стал весь пегий,
вся кожа твоя в болячках,
На спине у тебя промоины,
как на улице после ливня,
А суставы все в черных шишках.
Я такое впервые вижу.
Твои ноги покрыты пылью,
и ты истомился от жажды,

Отошал — одна кожа да кости —
и, как видно, изголодался.
Откуда ж ты к нам явился,
безобразный и страшный с виду?
Я скажу, даже мать родная
твоего погнушалась бы вида.
За что тебя это постигло?
На святого ль ты руку поднял?
Какое деянье преступное
тебя ввергло в такие муки?»

Брахман ответил:

«Ну что ж, расскажу по порядку,
пусть наукой другим сие будет.
Ведь правдивых людей в этом мире
мудрецы всегда прославляют.
Я повел за своими быками
и случайно в лесу заблудился,
В чаще глухой и бесплодной,
где слоны лишь стадами бродят,
За оленями хищники рыщут.
И грозила мне верная гибель.
Проплутал я в лесу неделю,
истерзался от жажды и голода
И набрел на дерево тиндуки,
а росло оно над обрывом
И увешано было плодами.
Я давно уж проголодался —
Отведал сначала падалицы,
очень она мне понравилась,
Но мне показалось мало,
и я забрался на дерево:
«Вот где наемся вволю!»
Съел один плод, сидя на ветке,
Потом потянулся к другому —
да сломалась под тяжестью ветка,
Словно ее подрубили.
И тут я вместе с ветвями,
Головою вниз, вверх ногами,
низвергся в отвесную пропасть
И не смог ни за что уцепиться.

Я упал в озеро глубокое,
потому не убился насмерть.
Добрых десять дней просидел там
и не чаял, что жив останусь.
Но пришел туда царь обезьяний.
Хвост его был подобен бычьему,
Ночевал он в горных пещерах,
днем же прыгал с ветки на ветку,
Собирая плоды лесные.
Увидал меня сей лесной житель —
А я был и бледен, и тощ, —
и стало ему меня жалко.
«Назовись! Ты кто и откуда?
Как в пропасти ты очутился?
Ты человек или нелюдь?»
Я с мольбою ему поклонился
И почтительно зверю ответил:
«Человек я, в беду попавший,
избавленья отсюда нет мне.
Да пребудет с тобою благо!
Я молю тебя о спасенье».
Он сперва взял тяжелый камень
и, силы свои проверяя,
Поднялся с ним из ущелья,
а потом ко мне обратился:
«Ну-ка, сядь ко мне на спину, братец,
обхвати мне шею руками,
Я тебя из провала вытащу».
Так сказал мне царь обезьяний.
Я все сделал, как он велел мне:
сел ему на крепкую спину,
А руками схватился за шею.
Вылез зверь со мной из провала,
И хоть сильным он был и мощным,
изнемог от великой натуги.
И сказал мне царь обезьяний,
добравшись до самого верха:
«Теперь ты побудь моим стражем,
я хочу вздремнуть ненадолго.
Львы и тигры по лесу бродят,
есть медведи вокруг и пантеры.

Ни меня они броситься могут,
если я задремлю беспечно.
Отгоняй их, коли заметишь». —
Так охрану он мне доверил
и тут же заснул ненадолго.
А в душе моей той порою
мерзкий замысел зародился:
«Обезьяны — людям пожива,
как любые лесные твари.
Почему бы его не убить мне —
я бы досыта мяса наелся!
Будь я сыт, я и сил бы набрался,
взял бы мяса с собою в дорогу,
Я бы выбрался из чашобы
и вернулся обратно к людям». —
Взял я в руку обломок скалы
и ударил его по темени.
Но в руке моей не было силы,
и удар получился слабым.
Обезьяна вскочила мигом
(а по темени кровь струилась)
И с глазами, полными слез,
сказала, меня укоряя:
«Что же ты сделал, любезный!
Как на такое решился!»
Пусть пребудет с тобою благо —
но я-то просил о защите!
Горе тебе, человек,
на злодейство ты покусился!
Кто, как не я, тебя вызволил
из губельной этой пропасти?
Я вернул тебя с того света,
а ты предать меня вздумал?
Ты злодей и злодейство замыслил,
которого нет страшнее.
Не пришлось бы тебе за это
претерпеть немалые муки.
Ох, погубишь себя ты злодейством,
как бамбук от плодов своих гибнет.
Нет тебе больше веры,
ведь замыслил ты злодеянье.

Иди теперь вслед за мною
и не скрывайся из виду».
Стал он прыгать с ветки на ветку
и показывать мне дорогу.
Так меня он к деревне вывел
и на том со мной распрощался:
«Теперь звери тебя не тронут,
ты вышел к людским селеньям.
Ступай, человек ты неправедный.
Вот дорога — иди, куда хочешь».
Омыл обитатель лесов
свою рану в ближайшем озере,
Вытер слезы, лицо осушил
и направился в горы обратно.
Ощутил я жжение в теле
и подумал, что он меня проклял.
Все нутро у меня горело;
захотел я воды напиться.
Подошел — и вдруг показалось,
что вода в пруду закипела
И что красен он весь от крови,
полон сукровицы и гною.
Сколько капель воды попало
мне тогда на голую кожу —
Столько вздулось на ней нарывов
размером с полплода бильвы.
Созрели они, полопались,
трупный смрад из себя источая,
И потек из них гной кровавый.
Куда бы теперь ни пришел я —
в деревню ли, в городок ли,
Мужчины и женщины палками
мне дальнейший путь преграждают:
«От тебя смердит трупной вонью,
не смей подходить к домам близко!»
И терплю я такие муки
седьмой год с тех пор непрерывно,
Ужасных своих деяний
пожинаю плоды достойные.
Да пребудет со всеми благо,
кто меня послушать собрался!

Благодетелей не предавайте,
нет греха тяжелее измены.
Того, кто предаст благодетеля,
поражает проказа и язвы,
А после смерти предатель
попадает в ад непременно».

Этот человек еще продолжал говорить что-то царю, но земля под ним разверзлась, и в тот же миг он провалился в ад Незыбь. А царь после этого покинул парк и вернулся в город».

Рассказав эту историю, Учитель повторил: «Как видите, монахи, Девадатта не только теперь, но и прежде поранил меня обломком скалы». И он отождествил перерождения: «Человеком, предавшим своего благодетеля, был тогда Девадатта, а обезьяньим царем — я сам».

ДЖАТАКА О НЕРАДИВОМ ЦАРЕ (520)

Некогда в царстве Кампилье, в городе северных панчалов, правил царь Панчала⁴⁶, и царствовал он несправедливо и несправедливо. А за ним и все советники и прислужники тоже сделались несправедливыми. Задавленные податями, жители покидали населенные места и скитались по лесам, как дикие звери. Боясь царевых слуг, люди с рассветом заваливали двери своих домов колючими ветками и прятались на день в лесу. Днем их грабили мытари, ночью — разбойники, и житья народу не стало совсем.

Бодхисаттва тогда был духом дерева хурмы, что росло за городскими стенами. Каждый год царь приносил ему жертву стоимостью в тысячу каршапан. И вот он подумал: «Нынешний царь правит до того несправедливо, что и все царство, глядишь, погубит. Придется мне его образумить — ведь больше сделать это некому. Да я ему и обязан многим, каждый год имею от него богатое подношение. Значит, решено». Ближайшей ночью он явился в царскую опочивальню и, паря над полом, воссиял у изголовья. Царь проснулся, узрел его солнцеподобный облик и спросил: «Кто ты такой и с чем пожаловал?» — «Государь, я дух дерева хурмы, что растет за городом. Я пришел дать тебе наставление». — «Что еще за наставление?» — «Государь, ты дурно правишь. Царство твоё до того обнищало, что вот-вот погибнет. Ведь когда царь правит несправедливо, ему не удержаться у власти. Уже при этой жизни он попадет в беду, а после смерти не избежит страшного ада. К тому же, когда сам царь несправедлив, то и его приближенные и слуги тоже сходят с праведной стези. Одним словом, бойся несправедности пуще всякой напасти.

⁴⁶ В джатаках нередко название царства, именование его жителей и имя царя совпадают, либо же имя царя произведено от названия царства патронимическим аффиксом. Это означает, что из памяти еще не изгладилась эпоха протогоеударственных племенных объединений: название племени распространялось на территорию, им занимаемую, а индивидуальность царя была совершенно не важна.

О царь! Нерадивость кончается смертью,
А рвенье благое — к бессмертью приводит.
Кто рвения полон — тот не умирает,
Зато нерадивый, считай, уже умер.
Сначала — беспечность, потом — нерадивость,
Затем — обнищанье и вот — злодеянье.
Не будь нерадивым, о лучший владыка!
Немало царей, нерадивых в правленье,
Вконец разорились, а это — несчастье.
Другие же побеждены были в битвах —
И лишь потому, что несправедны были.
Нередко князья, земледельцы, монахи
Платились бедой за свою нерадивость.
А ты опустился, идешь против дхармы,
Страна твоя, так процветавшая прежде,
Ворами разграблена и обнищала.
А значит, не будет ни сына, ни денег,
Ни золота — всех своих благ ты лишишься.
С тобою считаться друзья перестанут,
Ты кшатрием числиться больше не сможешь!
Ни слуги, ни воины на колесницах,
Ни быстрая конница, ни пехотинцы —
Никто в тебе кшатрия видеть не станет.
Кто глуп, безрассуден, дурное замыслил,
Того покидает богиня удачи,
Как старую кожу змея покидает.
А кто рассудителен, бодр и прилежен,
Именье свое непременно умножит:
Оно, словно стадо с быком, разрастется.
Ступай, государь, поброди по округе,
На жизнь насмотришься да прислушайся к людям.
Узнаешь, быть может, как следует править.

Не мешкай же, государь! Посмотри на свое царство и берись за ум, а не то оно пропадет», — наставил царя Бодхисаттва и вернулся к себе в дерево. Потрясенный его речами, царь на следующий же день поручил все дела советникам, а сам на рассвете вышел с придворным жрецом через восточные ворота и пошел, куда глаза глядят. Они быстро удалились от города на целую йоджану. Там стоял деревенский дом; старик хозяин еще с утра завалил его дверь колючими ветками и на целый день ушел с семьей в лес прятаться. А сейчас мытари убрались из деревни, и он вернулся. У самых дверей он сослепу напоролся ступней на колючку, сел вынимать занозу и в сердцах проворчал:

«Хоть бы нашего Панчалу
так стрелой в бою пронзили!
Пусть помучится от раны,
как я мучусь от колючки!»

Бранил же он царя не просто так, а по наитию — такова была воля Бодхисаттвы. Ведь в тот миг рядом стояли переодетые царь и придворный жрец. Жрец сказал:

«Старый ты, подслеповатый,
ничего вокруг не видишь,
Потому и напоролся.
Но при чем здесь царь Панчала?»

Старик ответил:

«В том виновен царь Панчала,
что мы прячемся по чашам.
Некуда деваться людям
от нахлебников и татей.
Ночью от воров нет спасу,
днем — от сборщиков налогов.
Царь от всех отгородился,
беззаконью потакает!
Раз кругом беда такая,
изворачиваться нужно:
Носим из лесу колючки,
чтобы в дом без нас не лезли».

«Учитель! — сказал тут царь жрецу. — Старик-то дело говорит: мы кругом виноваты. Пойдем обратно и будем царствовать праведно». Но Бодхисаттва тут же вошел в жреца и ответил его устами: «Побродим еще, государь». Пошли они дальше, в другую деревню, а по дороге услышали старушечий голос. Там неподалеку жила некая бедная женщина, что имела двух дочек на выданье. Пускать их одних в лес она боялась, а потому сама ходила за дровами и лесными плодами. Тем все трое и жили. Как раз в ту пору она забралась нарвать плодов на дерево, да вдруг сама сорвалась и свалилась на землю — и в сердцах послала проклятье царю:

«Хоть бы этот царь Панчала
на тот свет скорей убрался!
Что за жизнь пошла такая —
замуж дочерей не выдать!»

Жрец попробовал ее осадить:

«Что ты мелешь, негодяйка,
слов своих не понимая!
Царская ли то забота —
женихов искать девицам!»

Старуха в долгу не осталась:

«Все я понимаю, брахман.

Я клянц царя за дело.

Некуда деваться людям

от нахлебников и татей.

Ночью от воров нет спасу,

днем от сборщиков налогов.

Царь от всех отгородился,

беззаконью потекает.

Не свести концы с концами —

кто ж жениться пожелает?»

«Ее правда», — решили царь со жрецом и пошли дальше. Тут до них донесся голос пахаря. Волу его лемехом плуга подсекло ногу. Он залег, а пахарь стал проклинать царя:

«На копье бы напоролся

в битве этот наш Панчала,

Как на острый лемех плуга

напоролся вол злосчастный!»

Жрец вступился за царя:

«Беспричинно ты, негодник,

злишься на царя Панчалу.

Он ни в чем не провинился

и не заслужил проклятий».

Пахарь возразил:

«Нет, совсем не без причины

злюсь я на царя Панчалу.

Некуда деваться людям

от нахлебников и татей.

Ночью от воров нет спасу,

днем от сборщиков налогов.

Царь от всех отгородился,

беззаконью потекает.

Мытари его сегодня

приготовленный мне завтрак

У моей жены отняли.

Ей пришлось опять готовить.

Я проголодался в поле

и оглядываться начал —

Лемех плуга повернулся

и волу порезал ногу».

Пошли они дальше и в какой-то деревне заночевали. Поутру хозяин сел доить свою комолую корову, а та вздумала лягаться, ударила его самого и опрокинула подойник с молоком. Хозяин стал проклинать царя:

«Пусть в сражении ударят
булавой царя Панчалу,
Как меня сейчас лягнула
непослушная корова!»

Жрец возразил:

«Опрокинула подойник
норовистая скотина,
Так при чем здесь царь Панчала?
Он-то в этом неповинен!»

Тот ответил:

«Ты недальновиден, брахман.
Есть за что винить Панчалу:
Эту злущую корову
мы бы сами не доили,
Кабы мытари-пиявки
молоко с нас не тянули!»

«Верно он говорит», — подумалось им. Вышли они на большую дорожку и направились назад к городу. А в деревне, лежавшей у них на пути, мытари зарезали пестрого тельника, чтобы из его шкуры наделать себе ножен для мечей. Корова, его мать, затосковала, перестала есть траву, пить воду, только слонялась по деревне и жалобно мычала. Глядя на нее, деревенские ребятишки стали слать царю проклятья:

«Хоть бы царь детей лишился,
хоть бы он иссох от горя,
Как несчастная корова,
что страдает без тельника!»

Жрец воскликнул:

«Коли мается скотина —
пастухи недоглядели;
Нет вины царя Панчалы,
что она мычит тоскливо».

Ребятишки отозвались:

«Не скажи, достойный брахман!
Виноват-таки Панчала,
Он ведь мытарям позволил
шкуру снять с ее тельника!»

«Ваша правда», — признали царь с жрецом и отправились дальше. Проходили они мимо пересохшего пруда; вороны клевали там лягушек. Только поравнялись с прудом, как Бодхисаттва устами лягушки произнес:

«Пусть с детьми сожрут Панчалу,
когда он падет в сраженье,
Как лягушек пожирают
деревенские вороны!»

Жрец возразил:

«Не всем живым дарует царь защиту,
Но только человеческому роду.
Царь неповинен в нарушение дхармы,
Когда на вас охотятся вороны».

Лягушка отозвалась:

«Неблагодарны твои речи, брахман,
ведь ты стремишься угодить владыке!
Когда цари народ свой притесняют,
льстецы становятся опорой трона.
А будь у нас хорошее правленье,
так у людей завелся бы достаток,
Чтоб не скупиться в жертвоприношениях.
Вороны бы остатками кормились
И перестали б поедать лягушек».

«Все, выходит, нас проклинаят, даже лягушки в пруду!» — убедились царь со жрецом. Вернулись они в столицу и, памятуя о наставлении, что дал им Бодхисаттва, взялись за ум и стали править согласно дхарме.

ДЖАТАКА О ПОДВИЖНИКЕ И НЕБЕСНОЙ ДЕВЕ (523)

«Тогда в горнем чертоге Судхárме...» — это сказал Учитель в роше Джеты по поводу некоего монаха, которого смущала его бывшая в мирской жизни жена. «Правда ли, монах, что ты тоскуешь?» — спросил его Учитель. «Правда, почтенный». — «Кто же нагнал на тебя тоску?» — «Моя бывшая жена». — «Эта женщина, о монах, причинила тебе много вреда. Ты когда-то из-за нее потерял способность созерцать и три года пролежал в беспамятстве, а очнувшись, стал горько каяться», — произнес Учитель и рассказал о былом.

«Некогда в Варанаси правил царь Брахмадатта. Бодхисаттва родился в ту пору брахманом где-то в царстве Каши. Возмужав, он достиг совершенства во всех искусствах, стал, по древнему обычаю, подвижником и зажил в лесной глуши, поддерживая свою жизнь плодами и кореньями. Как-то раз одна олениха щипала траву и пила воду на том месте, где Бодхисаттва помочился. И, любя его, она оттого понесла. С тех пор она стала постоянно пастись рядом со скитом Бодхисаттвы. Великий присмотрелся к ней и увидел, что она на сносях. В свой срок олениха разродилась мальчиком. Великий отечески полюбил это дитя и взял к себе на воспитание. Нарек он его Ришьяшрингой⁴⁷. Когда тот подрост и вошел в разумный возраст, Бодхисаттва обратил его в монашество. Состарившись, он ушел вместе с сыном в рошу Нары⁴⁸ в Гималаях и дал ему такой наказ: «Сынок, здесь, в Гималаях, можно встретить порой существа, что именуются *женщинами*. Они похожи на цветы, что тут растут. Того, кто склонится на их уловки, ждет погибель. Им никак нельзя подчиняться». Затем Бодхисаттва скончался и возродился на небесах Брахмы, а Ришьяшринга остался жить в Гималаях и счастливо, будто играючи, за-

⁴⁷ *Ришьяшринга* — значащее имя от *ришья* (вид антилопы) и *шринга* (рог).

⁴⁸ Слово *нари* означает «женщина».

нимался созерцанием. Сделался он суровым подвижником, предался умерщвлению чувств. И вот от пыла его добродетели престол Шакры содрогнулся. Сосредоточившись, Шакра понял, в чем дело, и обеспокоился: «Так он, пожалуй, меня и небесного престола лишит». И решил он послать к Ришьяшринге апсару, чтобы та обольстила его и отвлекла от подвигов. Он посмотрел на всех своих божественных прислужниц — а было их у него два с половиной десятка миллионов — и увидел среди них некую апсару Аламбушу: лишь она одна из всех них показалась ему способной совратить подвижника. Подозвал он ее к себе и повелел ей отправиться к Ришьяшринге.

Тогда в горнем чертоге Судхарме
Вождь богов и отец победы,
Одоловший демона Вритру,
Слово молвил могучий Индра
Аламбуше, деве небесной:
«Все Тридцать Три небожителя
И сам Индра, богов предводитель,
Тебя, о прелестная, молят:
Ты, Аламбуша, неотразима —
Искуси Ришьяшрингу-аскета!
Его подвиги нам угрожают.
Целомудрен он, верен обетам
И давно устремлен к нирване.
Сбить с пути его постарайся!»
Отвечала Аламбуша Шакре:
«Что за речи, небесный владыка?
Почему ты меня отличаешь,
Искусить посылаешь аскета?
Здесь, в твоей ашоковой роще,
Предостаточно дев прелестных.
Есть подобные мне, есть и краше —
Дай одной из них порученье,
Пусть они соблазняют аскета!»
И промолвил могучий Индра:
«Ты сказала сущую правду.
Здесь, в моей ашоковой роще,
Предостаточно дев прелестных.
Есть такие, как ты, есть и краше.
Одного у них нет — уменя!
Ни одна не сравнится с тобою
В искусстве прельстить мужчину.

Ты, о женщина с дивным телом,
Бесподобна в этом искусстве.
А раз так, то иди, о благая,
Ты здесь лучшая среди женщин.
Своей прелестью ты, я знаю,
Победишь суровость аскета».
Отвечала ему Аламбуша:
«Я отказываться не смею —
Царь богов мне дает порученье,
Но робею я пред Ришьяшрингой:
Опалит меня жар его духа.
Ведь уж многие в ад попали
Иль увязли в чреде рождений,
Искусить пытаюсь подвижников.
Право, зябко мне стало от страха!»
И, сказавши так, в путь пустилась
Бесподобная обликом апсара.
Прельстить устремилась прелестная
Ришьяшрингу дева Аламбуша.
Добралась она до той роши,
Где стоял шалаш Ришьяшринги.
Расцветали тогда повсюду
Бутоны красного бархатника.
Там из сумерек предрассветных
В раннюю пору завтрака
Вышла апсара к Ришьяшринге,
Когда он подметал у костра.
И сказал изумленный подвижник:
«Ты явилась ко мне, как молния,
Блещешь, словно звезда падучая.
Крутобедрая и лукавая,
Кто ты, дева, мой взор влекущая?
На запястьях твоих браслеты,
А в ушах драгоценные серьги.
Ты как солнце в полдень сияешь...
Твоя кожа благоухает
Превосходной сандаловой пудрой.
Ты стройна, нежна и пригожа,
Ноги ставишь изяшно и ровно.
Ты идешь и с собою уносишь,
О желанная, мою душу.

Твои бедра сужаются книзу —
Я их хоботу уподоблю.
Умашенные лучшими мазями,
Они блещут, как ось колесницы.
Твой пупок, пушком окаймленный,
Вид имеет цветущего лотоса,
Он лоснится, и издали кажется,
Что покрыт он блестящим лаком.
Твои груди пышны и выпуклы,
Налиты, крепки и упруги,
Очертаниями подобны
Половинкам маленькой тыквы.
Твоя шея длинна, как у лани,
И рисунок на ней мне напомнил
Своим рядом округлых линий
Завитки океанской раковины.
Твои яркие губы прелестны,
А меж ними двумя рядами,
Словно жемчуг, сверкают зубы.
И смотреть-то на них приятно.
Глаза у тебя — загляденье:
Длинные, широко раскрыты,
Зрачки черные, уголки красные —
Будто спелые плоды чёточника.
Не излишне длинны твои волосы,
Умашенные и опрятные,
Золотым гребешком расчесаны,
Источают запах сандала.
Среди пастухов и пахарей
Иль между торговцев странствующих.
Среди мудрецов почитаемых,
Отшельников, преданных подвигам,
Я не встречал тебе равной
Во всей округе, известной мне.
Кто же ты родом, как звать тебя?
Тебя я хотел бы поближе знать».

Пока подвижник расхваливал красоту апсары, поднимая свой взор от ее ног к голове, Аламбуша молчала. По речам его она поняла, что он в великом смущении, и промолвила:

«Благо тебе, о сын Кашьяпы!

Не время теперь для пустых речей.

Пойдем и друг другом утешимся,
Насладимся любовью в обители.
Подойди ко мне, дай обнять тебя,
Научить любовным утехам!»

«Пока я стою, он не решится подойти ко мне близко, — подумала затем Аламбуша. — Сделаю-ка я вид, будто ухожу от него». И тут эта апсара, искусная в обольщении и по-женски лукавая, распалая подвижника, отвернулась от него и пошла в сторону.

И, сказавши так, в путь пустилась
Бесподобная обликом апсара,
Прельстить стремилась прелестная
Ришьяшрингу дева Аламбуша.
Позабыл он свою неловкость,
Устремился пылко за нею
И, нагнав, схватил ее за косу.
Повернулась к нему красавица,
Заклчила его в объятия.
Так достигла она своей цели —
Он лишился тогда целомудрия.
В этот миг воззвала в уме своем
К владыке Индре Аламбуша.
Пребывал он тогда в роще Нандане.
Царь богов, могучий и щедрый,
На призыв ее тотчас откликнулся.
Ей прислал он ложе златое,
Тысячей покрывал устеленное,
С дорогим, высоким балдахинном,
Драгоценными тканями покрытым
В пятьдесят слоев, коли не больше.
И взошла на него красавица,
Заклчила в объятия подвижника.
Будто час, три года промелькнуло —
Все в объятиях она его держала.
Развеялся через три года морок,
Пробудился ото сна подвижник.
Смотрит апсара: чары проходят —
Тотчас же невидимою стала.
Вот очнулся брахман, оглянулся —
Видит зелень молодую на деревьях.
Там, где был очаг, — трава густая.
А вокруг него — весенний лес разросся,

Раздается пение кукушек.
Осмотрелся он в недоуменье
И заплакал горькими слезами:
«Я не жертвую и не читаю мантры,
Подношения огню забросил!
Кто же ввел меня во искушение,
От сложенья отвратил мой разум?
Я и прежде жил в лесной пустыне,
Мой духовный пыл не изменял мне.
Кем-то, как корабль в открытом море,
Что наполнен множеством сокровищ,
Был ограблен я и благ лишился!»

«Если я немедленно не назовусь, — испугалась Аламбуша, — он меня проклянет. Надо сознаваться!» Она вновь приняла зримый облик и сказала:

«Царь богов меня к тебе направил.
Я ввела тебя во искушение,
Своим духом дух твой победила!
Омрачен ты был, проспал три года».

Слыша ее речи, Ришьяшринга вспомнил о наказе, что давал ему отец, и стал горько каяться: «В какую же беду попал я оттого, что ослушался родителя!

Говорил мне отец мой Кашьяпа,
Упреждал меня он заранее:
«Ты запомни, о юноша: женщины
Красотою цветам подобятся.
На груди у них по две выуклости,
Ты по ним узнаешь их, юноша».
Так родной отец наставлял меня,
От опасности уберечь хотел.
Но увы, я его не послушался,
Отцовский наказ запомнил.
Ничего теперь не осталось мне,
Как в лесу горевать в одиночестве.
Будь же проклята моя оплошность!
Либо вновь я обращаюсь к созерцанию,
Либо тут же с жизнью распрощаюсь».

Сказавши так, он отринул чувственные влечения и вернул себе способность созерцать. И Аламбуша поняла, что отшельническая мощь и созерцание в нем возродились. Полная страха, она стала просить прощения.

Видит апсара — к отшельнику вернулись
Пыл духовный, мужество и стойкость.
Головой Аламбуша припала
К стопам Ришьяшринги, повинилась:
«Не сердись на меня, о великий муж,
Не сердись, подвижник достославный!
Я великую услугу оказала
Небожителям и Шакре, их владыке, —
Ведь от жара твоих подвигов суровых
Содрогнулась горняя обитель».
«Я прощаю тебя, милая, — сказал ей Ришьяшринга.
Пусть тридцать три небожителя
И Вáсава, их предводитель,
И ты сама, милая апсара, —
Пусть все вы будете счастливы.
Ступай куда хочешь, красавица».
И Аламбуша покинула его.
Поклонилась она в ноги подвижнику,
Обошла три раза с почтением,
Попрощалась с ним, сложив ладони,
И отправилась восвояси:
Вновь воссела на ложе золотое,
Тысячей покрывал устеленное,
С дорогим, высоким балдахином,
Драгоценными тканями покрытым
В пятьдесят слоев, коли не больше, —
И на нем в мир богов воротилась.
Воссияла она, словно факел,
И блистала, подобно молнии.
Царь богов был рад и доволен
И промолвил: «Ты мне угодила,
Попроси чего хочешь в награду!» —
“О господин всех созданий,
Вот что прошу я в награду:
Не посылай меня, Шакра,
Впредь соблазнять подвижников!”»

Закончив это наставление в дхарме для монаха, Учитель изъяснил арийские положения, а затем отождествил перерождения: «Аламбушей тогда была бывшая мирская жена монаха, Ришьяшрингой — сам затосковавший монах, а я был отцом его, великим подвижником». Монах, услышав изъяснение, обрел плод прорезавшегося слуха.

ДЖАТАКА О ВЛЮБЛЕННОМ ЦАРЕ (531)

«Казною, конями...» — это Учитель произнес в роте Джеты по поводу некоего затосковавшего монаха. Тот был родом из Шравасты; монахом он стал, приняв учение всем сердцем. Но однажды он шел по улицам Шравасты, собирая подаяние, взглянул на нарядно одетую женщину, и прелесть ее бросилась ему в глаза. Тут его обуяла страсть; затосковал он, перестал стричь волосы и ногти, весь зарос, исхудал, запустил себя, ходить стал в грязном, а с виду сделался жёлтый-прежёлтый и до того иссох, что на теле проступили все жилы. С монахами ведь бывает, как с небожителями. Когда у тех подходит к концу их жизненный век на небесах, то предвещают этот конец пять примет: венки их вянут, одежды пачкаются, тело теряет красоту, потеют подмышки, а сиденье начинает казаться неудобным. Вот точно так же, если монах затосковал и близок к тому, чтобы отпасть от учения, тому тоже есть пять примет: цветы его веры вянут, одежды нравственных обетов пачкаются, от неуверенности и внутреннего нечестия теряет он свою духовную красоту, страсти выделяются из него, словно пот, а места для созерцания — лесная чаща, кобель дерева, пустая горница — начинают казаться ему неудобными. Вот эти-то приметы и проявились в нем. Привели его к Учителю: «Почтенный! Этот монах затосковал». — «Так ли?» — спросил Учитель. — «Всё так». — «Не поддавайся страстям, монах. От женского полу один грех: тебе нужно избавиться от влюблённости. Утешайся лучше Учением. Ведь уже в древности бывало, что умные, полные духовной мощи люди влюблялись так сильно, что теряли всю свою мощь и взамен обретали жизнь, полную всяких невзгод», — и Учитель рассказал о былом.

«Некогда в царстве маллов, в столице их Кушавати, праведно правил царь по имени Икшваку. Было у него шестнадцать тысяч жен⁴⁹;

⁴⁹ Младшие жены и наложницы царя были, как правило, и придворными танцовщицами.

а старшей меж ними была царица Шилавати — Добродетельная, но ни одна из них не родила ему ни сына, ни дочери. И вот горожане и жители округи собрались на царском подворье и возроптали: «Пропадет наше царство, пропадет непременно». Царь распахнул окно и спросил: «Что вы ропщете? Не во всем ли я дхарме следую?» — «Верно, государь, дхарме ты следуешь во всем. Да ведь сына у тебя нет, некому продолжить твой род. А вдруг кто-то чужой придет к власти и царство погибнет? Сделай милость, вымоли себе сына, чтобы и впредь было кому праведно царствовать». — «Как же мне его вымолить?» — «Сначала выпусти в город и отдай всем горожанам на неделю твою младшую танцовщицу. Если она понесет от кого-нибудь, это и будет твой сын согласно дхарме, так все и устроится. А не понесет — отдай нам среднюю танцовщицу, а за той и главную. Уж из стольких-то женщин хоть одна непременно окажется достойной и родит тебе сына». Царь послушался их совета. Когда танцовщицы, нагулявшись в городе вволю, возвращались к царю во дворец, он их принимался расспрашивать: «Ну как, не ждешь ли ты сына?» — «Нет, государь, я не понесла», — отвечали те одна за другой. Царь приуныл: «Так и не будет у меня сына». А горожане опять возроптали. «Что же вы ропщете? — говорит царь. — Я послушался вас, отдал в город танцовщиц, да ни одна не понесла. Что теперь делать?» — «Государь, видно, все они лишены добродетели, нет у них заслуг, чтобы родить тебе сына. Но пока еще рано тебе считать, что все потеряно. Ведь есть твоя главная супруга, царица Шилавати, а она-то исполнена добродетели. Отпусти ее в город⁵⁰ — она непременно родит тебе сына». — «Хорошо», — согласился царь и повелел объявить под бой гонгов: «Через неделю царь отпустит свою супругу Шилавати танцовщицей в храм. Пусть мужчины приходят».

На седьмой день царица надела драгоценный праздничный наряд и вышла из дворца в город. И от пыла ее добродетели стал подогреваться престол Шакры. «В чем дело?» — обеспокоился он и понял, что царица хочет родить сына. «Надо помочь ей обрести сына. Нет ли у меня среди небожителей такого, кто был бы достоин воплощения в ее чреве?» — подумал он и вспомнил о Бодхисаттве. У того срок жизни на небесах Тридцати Трех подходил уже к концу, и возродиться он собирался в высших небесных мирах. Шакра пришел к вратам его божественной обители, вызвал его и говорит: «Достойный собрат! Тебе придется родиться в мире людей — ты станешь сыном царицы, супруги государя Икшваку».

⁵⁰ Отдача царствующей супруги, да и наложницы, в город, любому возжелавшему ее мужчине, является пережитком весьма архаических обычаев. Царица понимается в таком случае как супруга царя-бога и уподобляется храмовой проститутке.

Бодхисаттва дал согласие. Затем Шакра отправился к другому небожителю и упросил того стать вторым сыном царицы, а сам, чтобы никто из смертных не осквернил ее добродетели, принял облик престарелого брахмана и перенесся к воротам царского дворца. Там уже собралась толпа нарядных, дочиста вымывшихся мужчин; — каждый надеялся, что царица окажет благосклонность ему. Увидев Шакру, они подняли его на смех: «А ты сюда припелся зачем?» — «Что вы надо мной насмехаетесь? — ответил Шакра. — Это ничего, что тело стареет, страсть всегда молода. Я пришел завладеть царицей Шилавати: вдруг она меня и выберет?» И своей чудесной силой он отодвинул всех в сторону и стал самым первым — никто не смог встать перед ним. Когда царица вышла из дворца, сверкая драгоценным синим нарядом, он схватил ее за руку и повел за собою. Народ кругом зашумел, заворчал: «Вы только взгляните! Царицу, такую красавицу, захватил этот старик! Право, он меры не знает». Да и сама-то царица жалась брезгливо и морщилась от отвращения, не хотела старику доставаться. Царь же стоял у окна — смотрел, каков же будет избраннык царицы, — и тоже огорчился немало.

А Шакра вышел с царицей из ворот города, там их уже ждал построенный волшебством дом; двери стояли распахнуты, а пол внутри был устлан циновками. «Ты здесь живешь?» — спросила царица. «Да, милая. Раньше я жил один, а теперь нас будет двое. Я схожу за подайнием, принесу нам поесть, а ты пока приляг на циновке». Царица легла, Шакра нежно коснулся ее рукой, и от этого божественного прикосновения она лишилась чувств. А царь богов волшебной своей силой перенес ее в обитель Тридцати Трех и в великолепном дворце своим уложил на мягкое ложе. На седьмой день пробудилась она, увидела все великолепие вокруг себя и догадалась: «Этот брахман — не человек. Должно быть, это сам Шакра». А Шакра в то время сидел в окружении небесных танцовщиц под коралловым деревом. Царица встала, вышла к нему и почтительно его приветствовала. «Назови мне свое желание, царица, — я исполню все, чего ты захочешь», — сказал ей Шакра. «Государь, даруй мне сына». — «Хорошо, государыня. Сын у тебя будет, да не один, а два. Один будет некрасив, да умен, а другой красив, но неумен. Кого из них хочешь старшим?» — «Умного, государь». — «Так тому и быть». Дал ей Шакра стебелек травы куши, божественную одежду, божественный сандал, цветок кораллового дерева, вину под названием Коканада — «крик кукушки», перенес ее со всем этим в царскую опочивальню, уложил рядом с царем и на прощание потер ей большим пальцем пупок. В тот же миг Бодхисаттва воплотился в ее чреве. А Шакра вернулся к себе на небеса. Царица была умна и ощутила, что беременна.

Наутро царь проснулся, увидел ее и спросил: «Ты откуда здесь?» — «Меня принес Шакра». — «Я своими глазами видел, как тебя увел старик

брахман. Что ж ты меня морочишь?» — «Поверь, государь, то был Шакра — он брал меня с собой на небеса». — «Нет, государыня, не верю я». Показала она ему стебелек куши, что ей дал с собою Шакра. «Веришь теперь?» — «Нет, не верю. Мало ли где можно было раздобыть такой стебелек!» Тогда царица надела божественные одеяния. Царь посмотрел и поверил: «Ладно, милая. Похоже, это и вправду был Шакра. А сын-то у тебя будет?» — «Будет, владыка. Я чувствую, что беременна». Царь обрадовался, приставил к ней мамок, нянек и лекарей.

Прошло десять лунных месяцев, и царица разрешилась от бремени. Над именем голову ломать не стали, назвали сына царевичем Кушей — по стебельку травы, подаренному Шакрой. Когда мальчик начал ходить, царица опять понесла и родила снова мальчика. Того нарекли Джаямпати. Выросли оба они в заботе и холе. Бодхисаттва был до того умен, что сам, ни у кого не учась, достиг совершенства во всех искусствах. И вот Бодхисаттве исполнилось шестнадцать лет. Царь решил уступить ему трон, призвал к себе царицу и сказал: «Давай, милая, препоручим царствование твоему сыну и подарим ему танцовщиц. Тогда он уже при жизни нашей утвердится на престоле. Только подыщи ему среди царевен невесту. Разумнай сначала, которая из них ему по сердцу, и можно будет слухать послов». — «Хорошо», — согласилась царица и отправила к сыну служанку с наказом: «Передай царевичу наш разговор и разумнай, что ему нравится». Та все пересказала. Послушал Великий и думает: «Я ведь некрасив. Женят меня на красивой царевне, а она посмотрит на меня, скажет: «Дался мне этот урод!» — и сбежит. Нам же позор. Семейная жизнь не для меня. Пока родители живы, я буду им опорой, а после их кончины уйду в отшельники». И он велел передать: «Не надо мне ни царства, ни танцовщиц — я после кончины родителей уйду в отшельники». Посланница принесла этот ответ царице. Царь, однако, с ним не смирился и через несколько дней опять прислал кого-то с уговорами. Бодхисаттва опять отказал.

Так отказывался он до трех раз, на четвертый же призадумался: «Не стоит так упрямо перечить родителям. Лучше действовать хитростью». Он вызвал к себе старшего кузнеца, дал ему большой слиток золота и велел: «Изготовь из него изваяние женщины». Кузнец ушел, а Великий взял другой слиток и сам изваял из него женскую статую. Известно, что намерения Бодхисаттвы обычно удаются, — и вот эта статуя вышла неслезанно прекрасной. Великий одел ее в полотно и поставил в спальне. Пришел кузнец со своей статуей. Царевич разбранил ее и говорит: «Ступай-ка, принеси статую, что стоит в нашей спальне». Кузнец вошел, увидел статую и подумал: «Это, должно быть, небесная дева пришла на свидание к царевичу». Он не посмел к ней прикоснуться, воротился с пустыми руками и сказал: «Владыка, там в опочивальне госпожа! Похоже, это

небесная дева. Я не смею к ней подойти». — «Ступай же, любезный, это просто статуя! Принеси ее». Тот принес. Статую кузнеца царевич велел спрятать в сокровищницу, а свою нарядил, поставил на колесницу и послал к матери: «Вот какая девушка мне по сердцу».

Царица созвала советников и сказала: «Любезные! Сын мне дарован Шакрой, он — человек великих достоинств. Ему непременно надо найти невесту под пару. Поставьте это изваяние на крытую колесницу и отправляйтесь с ним в путь. Объедете всю Джамбудвипу. Если встретите где-нибудь похожую царскую дочь, отдайте статую ее отцу и скажите: «Царь сватает вашу дочь за своего сына». Договоритесь о свадьбе и возвращайтесь домой». — «Хорошо», — ответили советники и пустились в путь с множеством слуг. Действовали они вот как: приезжая в чужую столицу, они под вечер ставили свою статую на золотых носилках, богато наряженную и украшенную цветами, где-нибудь в людном месте — у дороги или подле спуска к воде. А сами оставались в сторонке и слушали, что скажут прохожие. Люди шли мимо и, не разбирая, что перед ними не человек, а золотое изваяние, только и знали хвалить: «Ну и красавица! Хоть она и дочь человеческая, а хороша, словно небесная дева! Откуда она? Зачем она здесь? У нас таких в городе не бывало». И советникам становилось понятно: «Будь в этом городе подобная девушка, они о ней бы упомянуть не забыли, сказали бы: «Она — как наша царица» или: «Как дочь вот такого сановника». Стало быть, здесь такой нет», — и они ехали дальше, до следующего города.

Ездили они так, ездили и добрались до города Сакалы, столицы царства мадров. А у царя мадров было семь дочерей-красавиц⁵¹, подобных небесным девам. Старшая из них звалась Прабхавати, то есть Пресветлая. От нее исходило сияние, как от полуденного солнца, и в темной комнатке при ней не нужно было светильника — сама Прабхавати освещала ее своим сиянием. Нянькой у Прабхавати служила горбунья. В тот вечер, когда прибыли сваты, она накормила Прабхавати ужином и с восемью красивыми рабынями — каждая несла по кувшину — пошла по воду: пора было мыть царице голову. Увидала она статую при дороге и подумала, что это Прабхавати. «Вот непоседа! Послала нас за водою, чтобы голову мыть, а сама раньше нас прибежала и стоит тут у спуска к воде». Вот и закричала она: «Ах, бесстыдница! Прибежала сюда раньше всех и стоишь тут одна! То-то досталось бы нам, если б царь про это узнал». И нянька с размаху ударила статую по щеке, да об металл руку зашибла и только тут поняла, что перед ней стоит статуя,

⁵¹ Здесь в тексте непоследовательность: в конце джатаки говорится, что у царя мадров есть семь дочерей, к р о м е Прабхавати.

к тому же еще и золотая. Рассмеялась горбунья и обернулась к рабьям: «Хороша же я! Мне почудилось, что это наша царица — вот я ее и шлепнула. Понапрасну себе руку отбила. Куда этой статуе против нашей красавицы!» Тут подбежали советники царя Икшваку: «Говоришь, твоя царица еще краше нашего изваяния? Ты про кого это?» — «Да про Прабхавати, дочь нашего государя. Этой статуе с нею не тягаться».

Советники обрадовались, пришли к дворцу и велели о себе доложить: «Приехали царские послы». Царь поднялся с трона, приказал впустить и принял их стоя. Послы вошли, приветствовали царя, завели учтивую беседу: «Наш государь осведомляется о вашем здоровье». Слово за слово, в разговоре царь спрашивает: «С чем вы пожаловали?» — «У нашего государя есть сын, громогласный царевич Куша⁵². Государь хочет уступить ему свой престол и прислал нас затем, чтобы посватать за него вашу дочку Прабхавати. А золотую статую примите от него в дар». Царь подумал: «С каким же могущественным государем нам предстоит породниться!» — и с радостью дал согласие. Тогда посланники сказали ему: «У нас дело спешное. Нам надо торопиться обратно — объявлять, что невеста сосватана. Тогда наш государь сам приедет за нею и ее заберет». — «Прекрасно», — отвечал царь мадров и с почетом отпустил их. Вернулись они и объявили царю с царицей, что невесту нашли.

В сопровождении огромной свиты царь выступил из Кушавати и благополучно прибыл в Сакалу. Царь мадров вышел ему навстречу, сам ввел его в город и принял с великим почетом. Но царица Шилавати была женщина дальновидная. «Кто его знает, как еще обернется дело», — подумалось ей, и через день-другой она сказала царю мадров: «Государь, мне хочется самой повидать вашу дочь». — «Хорошо», — согласился он и послал за дочерью. Прабхавати явилась в праздничном наряде, в окружении кормилиц и нянек и поклонилась будущей свекрови. А та, едва увидала ее, подумала: «Девушка невиданно хороша, а сын у меня некрасив. Как увидит она его — ни дня у нас не останется, тут же сбежит. Придется пойти на хитрость». И, призвав царя мадров, она сказала ему: «Государь, невеста моему сыну подходит, да только в роду у нас есть обычай. Если она согласится его соблюсти, считайте наше дело решенным». — «Каков же ваш обычай?» — «У нас принято, чтобы молодая жена, пока не понесет в первый раз, мужа на свету не видала. Если дочь твоя согласна на это, мы ее забираем». — «Ну как, дочка, сможешь ты соблюсти такое условие?» — «Да, батюшка». Тут царь Икшваку преподнес царю мадров щедрые дары и увез Прабхавати, а с нею множество служанок, что дал ей отец.

⁵² Упоминается достоинство его голоса, ибо на вид царевич весьма невзрачен.

Вернувшись в Кушавати, Икшваку велел богато украсить город, открыл двери узилищ, помазал сына на царство и выдал за него Прабхавати — она стала главной супругой Куши. Забили в гонги, и Икшваку возгласил: «Отныне царствует государь Куша». Цари со всей Джамбудви-пы, у кого были дочери, прислали Куше их в жены, дабы обрести его дружбу, а у кого дочерей не было, те послали служить у него при дворе своих сыновей. Окружил себя Бодхисаттва множеством танцовщиц и царствовать стал с немалой пышностью. Но Прабхавати он при свете дня так и не видел, и она его тоже. Встречались они только ночью, во тьме, потому что сияние Прабхавати в ту пору поубавилось, а покидал опочивальню Бодхисаттва еще затемно.

Прошло время, и ему захотелось увидеть Прабхавати при свете дня. Он пошел к матери. «Не надо бы этого, тебе лучше подождать, покуда она забеременеет», — отговаривала его мать, но сын стоял на своем, и она уступила: «Хорошо, иди в слоновник, оденься слугой, а я ее туда приведу. Смотри на нее, сколько душе угодно, себя только не выдай». — «Ладно», — согласился Бодхисаттва и пошел в слоновник. А мать велела выставить слонов напоказ и предложила Прабхавати: «Пойдем, посмотришь, какие слоны у твоего мужа». Привела она ее в слоновник, стала там водить и показывать: «Вот этот слон нравом таков, а этот — таков». Прабхавати шла вслед за свекровью, а Бодхисаттва — следом за нею, и вдруг он бросил ей в спину комком слоновьего помета. «Вот скажу царю, так тебе руку отрубят!» — рассердилась Прабхавати. Но царица грязь с нее отряхнула, погладила по спине, успокоила. Через несколько дней Бодхисаттве опять захотелось посмотреть на жену. На этот раз он оделся конюхом и пошел в конюшни — и там, как и раньше, бросил в нее конским навозом. Свекровь и на этот раз остудила ее гнев.

А потом вдруг самой Прабхавати захотелось взглянуть на мужа, и она пошла с этим к свекрови. Та сначала отказывала, но Прабхавати не унималась, и свекровь ей сказала: «Ладно, завтра мой сын будет на слоне объезжать город, открой окно и смотри на него». На следующий день она приказала украсить город, а царевичу Джаямпати велела одеться по-царски, сесть на слона и объехать столицу. Сама встала у окна рядом с Прабхавати и сказала: «Вот, смотри, какой муж у тебя». Та увидела и осталась довольна: «Подходящий муж мне достался». А Великий в тот день, одетый как слуга слоновника, сидел на слоне за спиной у Джаямпа-ти и, не сводя глаз с Прабхавати, подавал ей руками всякие шуточные знаки и строил рожи. Когда слон прошествовал мимо, свекровь спросила Прабхавати: «Ну, доченька, каков тебе муж показался?» — «Понравился он мне, почтенная. Да только за спиной у него сидел слуга, такой неотесанный, — он мне делал знаки руками и рожи строил! К чему только было сажать царю за спину такого неприглядного человека?» — «Доченька,

надо ведь, чтобы царя со спины кто-нибудь охранял». А Прабхавати подумала вдруг: «Этот слуга уж больно смело себя держит. Для него и царь вроде не царь. Не сам ли это царь Куша? А вдруг его потому мне и не показывают, что он собой нехорош?» И она шепнула на ухо горбунье: «Сходи-ка, матушка, да разведай, кто из тех двоих царь — тот ли, что сидел впереди, или тот, что сзади?» — «А как это узнать?» — «Так ведь царь должен первым со слона спуститься. Тут ты его и узнаешь». Та пошла, стала в сторонке и увидела, что первым спустился тот, который был сзади, а вторым — передний седок. Тут Великий огляделся по сторонам, заметил горбунью и строго-настрого ей наказал: «Никому об этом ни слова». Горбунья вернулась и доложила: «Первым спустился тот, что сидел спереди». Прабхавати ей поверила.

А царю через несколько дней опять захотелось поглядеть на Прабхавати. Он сказал матери. Не в силах противиться, она велела ему переодеться и идти в парк. Бодхисаттва в парке забрался по шею в пруд, голову сверху прикрыл лотосовым листом, а лицо — расцветшим лотосом и притаился. А под вечер свекровь привела Прабхавати в парк — будто показать ей там диковинки: «Вон, смотри, какие деревья! Вон какие птицы! Вон антилопы!» — и так увлекла ее поближе к пруду. Прабхавати увидела пруд, а в нем лотосы пяти разных видов, и захотелось ей искупаться. Вместе со служанками вошла она в воду, там разыгралась и, увидевши лотос, за которым прятался Бодхисаттва, потянулась к нему рукой. Тут царь развел скрывающие его листья, схватил ее за руку и произнес: «Я царь Куша». Прабхавати, едва увидела его лицо, как закричит: «Ой, водяной!» — да и обмерла. Царь отпустил ее. Придя в себя, она задумалась: «Ведь и вправду, видно, схватил меня царь Куша. И никто как он бросал в меня в слоновнике пометом, а на конюшне — конским навозом. Он же сидел на слоне сзади и корчил рожи. На что мне такой муж, лицом дурной! Найду себе другого и покрасивей». Призвала она людей из своей свиты и объявила: «Снаряжайте повозки в дальний путь — мы сегодня же уезжаем». — «Что ж. — подумал Бодхисаттва, — пусть едет. Не пустить ее, глядишь, у нее и сердце разорвется. Попытаюсь ее после как-нибудь вернуть». Он позволил ей уехать. Она и отправилась прямо домой к отцу.

А надобно сказать, что Бодхисаттва был немил ей не случайно — ведь она от него еще в прошлой жизни отреклась. И безобразен он стал за прошлое свое деяние. Давно когда-то у городских ворот Варанаси была деревня. Там жили две семьи: одна на верхней улице, другая — на нижней. В первой было два сына, а во второй — единственная дочь. Бодхисаттва был тогда младшим из двух сыновей. Девушку из второй семьи выдали за старшего, а младший, пока был холост, жил вместе со старшим братом. Как-то раз в их доме напекли на редкость вкусных пи-

рожков. Бодхисаттва был в тот час в лесу. Отложили его долю, а остальные пирожки поделили между собой и съели. Тут подошел к дверям некий святой человек за подаванием. «Деверю я успею и новых пирожков напечь», — подумала невестка Бодхисаттвы и отдала святому его долю. Внезапно возвратился из лесу сам Бодхисаттва. Невестка говорит: «Не обессудь, господин. Твою долю я отдала святому человеку». Он рассердился: «Ага, свою небось ты съела! Отдала мою! Поглядим, что ты еще придумаешь!» — и тут же подошел к святому и забрал свой пирожок из его чашки. Невестка сбегала в дом к матери, принесла оттуда свежего топленого масла, сияющего желтизной, и налила святому полную чашку. Чашка словно осветилась изнутри. Увидела она такое и пожелала: «Почтенный, я хотела бы, чтоб в новых жизнях тело мое сияло и чтобы была я необычайно хороша собой, а еще хочу, чтобы с этим злым человеком мне никогда не жить под одной крышей». Бодхисаттва же вернул пирожок в чашку и тоже пожелал: «Почтенный, а я хотел бы в новых жизнях быть способен найти ее сколь угодно далеко, хоть за сотню йоджан, привести ее к себе и сделать своей женой». А безобразным он стал из-за того, что в той жизни в раздражении забрал у святого из чашки пирожок. Итак, Прабхавати уехала, а царь вернулся во дворец. И охватила его великая печаль. Как ни ласкались к нему другие жены, на них он и не смотрел: без Прабхавати дворец казался ему пустыней. «Теперь, верно, она уже приехала в Сакалу», — решил он рано утром и пошел к матери: «Я поеду к Прабхавати, матушка!

Казною, конями, и царскою властью,

И всеми благами, что есть в царстве,

Распоряжайся, как хочешь, мама,

А я пойду к Прабхавати милой».

«Смотри же, сынок, не оплошай. От женщин всякого ждать можно», — отвечала мать. Наполнила она ему золотую чашу самой лучшей снедью: «Это тебе в дорогу», — и отпустила. Он чашу взял, попрощался с матерью: «Живы будем — свидимся», обошел ее три раза посолонь и удалился. Зашел сначала к себе, прихватил с собою все пять видов оружия, положил вместе с чашей в котомку тысячу монет, взял в руки вину Коканаду и вышел из города. За полдня он успел пройти пятьдесят йоджан, потом пообедал и до ночи покрыл оставшиеся пятьдесят — так он за один день оставил позади себя добрую сотню йоджан и на закате, умывшись, вступил в Сакалу. Едва он вошел в город, как его духовная мощь подняла Прабхавати с ложа: она встала и улеглась на полу. Бодхисаттва, утомленный, шел по улице. Какая-то женщина заметила его, пригласила к себе, усадила, ноги ему помыла и спать уложила. Покуда он спал, она приготовила поесть, разбудила его и накормила. Он был так рад, что отдал ей, вместе с золотой чашей, всю тысячу монет. Оружие он оставил

у нее, а вину захватил с собой и ушел, сказавши: «Мне по делам сходить надо». Пришел он в слоновник и попросил сторожей: «Пустите меня у вас переночевать — я вам завтра на вине сыграю». Те разрешили. Он лег в сторонке, выпался, отдохнул, а наутро встал, взял вину и заиграл. Играл он так, что слышно было по всему городу. Прабхавати, лежа на полу, сразу уловила знакомые звуки: «Это царь Куша играет на вине. Значит, он за мною пришел». И царь мадров тоже услышал музыку: «Как прекрасно там кто-то играет! Надо бы его разыскать и сделать своим музыкантом», — подумал он. А Бодхисаттва решил: «Нет, отсюда мне не пробраться к Прабхавати, так мне ее не увидеть», — и ушел. Позавтракал он в том же доме, где ужинал накануне, оставил там вину, пошел к царскому горшечнику и напросился к нему в подмастерья. За первый день работы он понатаскал полный дом глины и сказал: «Учитель, я буду делать горшки». — «Делай», — разрешил мастер. Бодхисаттва положил комок глины на гончарный круг и сел за работу, остановился же он только после полудня. Наделал он всяких горшков, больших и маленьких, а когда стал мастерить горшок для царя, украсил его затейливыми изображениями. Ведь намерения Бодхисаттвы обычно удаются — так вышло и на этот раз. Картинки на горшке получились такие, что узнать их могла только Прабхавати. Просушил он горшки, обжег их и загромоздил посудой весь дом. Горшечник набрал разных горшков и повез продавать их во дворец. Царь взглянул и спросил: «Чья работа?» — «Моя, государь». — «Что не твоя, видно сразу. Скажи честно, чья?» — «Это подмастерье мой сделал». — «Не он тебе, а ты ему в подмастерья годишься. Поучись у него ремеслу. Отныне пусть он один изготавливает посуду для моих дочерей. А ему передай эту тысячу монет». Царь вручил мастеру деньги и сказал: «Эти горшки, что поменьше, снеси моим дочерям». Горшечник пошел к ним и говорит: «Вот вам, девушки, игрушечная посуда». Все сбежались. Тот горшок, что Бодхисаттва лепил для Прабхавати, к ней и попал. Она посмотрела на него, увидела на нем себя и свою няньку, поняла, что работа-то царя Куши, и, рассердившись, сказала: «Этого мне не нужно, отдавай, кому хочешь». Сестры, видя, что она недовольна, посмеялись над нею: «Неужто ты думаешь, что это сделал царь Куша? Да не может такого быть. Это сделал горшечник, бери смело». Прабхавати не стала им объяснять, что сделал-то горшок все же царь и что он теперь в городе. Горшечник вернулся и передал Бодхисаттве деньги: «Царь твоей работой доволен, любезный. Он велит тебе делать горшки для его дочерей, а я буду их относить во дворец».

«Вот и отсюда нет мне хода к Прабхавати, надо идти в другое место», — решил Бодхисаттва. Деньги он оставил мастеру, а сам пошел в подмастерья к корзинщику. Для Прабхавати он сплел опaxало и изобраа-

зил на нем царский белый зонт, а под зонтом — нарядную Прабхавати, и сидит она в пиршественном зале. Наделал он и других вещей. Мастер взял это все и пошел во дворец. И опять обернулось, как с гончаром: царь заплатил мастеру тысячу, а сработанные Бодхисаттвой вещицы велел отнести к дочерям. Опыхало, назначенное для Прабхавати, корзинщик протянул прямо ей. Другая бы на нем ничего не увидела, а Прабхавати все разглядела, поняла: опять это работа царя — и в гневе бросила опыхало наземь. Сестры снова ее на смех подняли. Корзинщик с тысячей монет вернулся к Бодхисаттве.

«Вот и здесь мне делать нечего», — понял тот, вернул хозяину деньги и пошел в подмастерья к цветочнику. Наделал он из цветов множество гирлянд позатейливей, а для Прабхавати сплел такую гирлянду из разных цветов, что на ней можно было увидеть всяческие картины. Цветочник понес все продавать во дворец. Царь глянул и спрашивает: «Этот чья работа?» — «Моя, государь». — «Что не твоя, видно сразу, лучше честно признайся». — «Это мой подмастерье сработал». — «Не он тебе, а ты ему в подмастерья годишься! Поучись у него ремеслу. Отныне гирлянды для моих дочерей пусть плетет он один, а ему передай эту тысячу монет. — Царь вручил цветочнику деньги и добавил: «Цветы отнеси моим дочерям». Ту затейливую гирлянду, что Бодхисаттва предназначал для Прабхавати, цветочник отдал ей в руки. Она посмотрела, увидела там свое изображение, а потом и царя и много другого, поняла, что это опять работа царя, рассердилась и швырнула гирлянду на землю. Сестры снова посмеялись над нею. Цветочник вернулся домой, передал Бодхисаттве тысячу монет и рассказал, что с ним было.

«Вот и отсюда не попасть мне к Прабхавати», — решил Бодхисаттва, оставил цветочнику деньги и пошел в ученики к царскому повару. Однажды повар понес царю какое-то замысловатое блюдо, а кости с остатками мяса отдал Бодхисаттве, чтобы тот приготовил поесть ему самому. Бодхисаттва сготовил их так, что по всему городу пошел соблазнительный запах. Царь принюхался и спрашивает повара: «Что это? Какое-то новое, небывалое мясо готовят на кухне?» — «Нет, государь. Просто я дал подручному кости с остатками мяса, чтоб из них он сготовил что-нибудь для нас самих. Тем, наверное, и пахнет». — «Принеси-ка мне отведать!» Стоило царю лишь кончиком языка коснуться кусочка принесенного мяса, как его тотчас проняло, — все его тело отозвалось на этот вкус. Новое блюдо так пришлось царю по душе, что он тут же дал повару для Бодхисаттвы тысячу монет и повелел: «Пусть отныне для меня и для моих дочерей готовит этот твой подручный. Кушанья мне будешь носить ты сам, а дочерям пусть носит он». Повар вернулся и передал царское распоряжение Бодхисаттве.

«Наконец-то исполнится мое чаяние — я увижусь с Прабхавати!» — и на радостях он отдал все деньги повару. На следующий день он приготовил обед; кушанья царю понес повар, а сам Бодхисаттва взял коромысло с судками и пошел к царевнам. Прабхавати увидела, что он поднимается в ее покои с коромыслом на плечах, и подумала: «Он занимается не подобающим ему делом, взялся за труд рабов и наемных слуг! Если я сейчас промолчу, он возомнит, что я стала к нему благосклонна, усядется здесь и уставится на меня, так что его будет не выгнать. Надо обойтись с ним поостороже и высмеять, чтобы он не вздумал тут оставаться. Прогоню его немедленно!» Дверь она оставила полуоткрытой, одну руку положила на притолоку, другой взялась за засов и сказала:

«Напрасно, Куша, на кухне гнешься
При свете дня и в темную полночь,
В Кушавати лучше б тебе вернуться!
Ты мне, невзрачный, совсем не нужен».

«Вот и услышал я голос Прабхавати!» — обрадовался царь и ответил:

«Твоей красотою навек прельщенный,
Отсюда в Кушавати не уйду я.
Мне царство мадров милее дома,
Я счастлив тем, что тебя увидел.
Твоей красотою навек прельщенный,
Себя не помня, брожу по свету.
Стремлюсь к тебе, о газелеокая.
Что мне с того, откуда я родом?
Тебя, в парчу одетую и в поясе из золота,
Хочу, прекраснобедрая, а царства мне не надобно».

«Я заговорила с ним пренебрежительно, думала, он обидится, а он от этого только в восторге. Что, если он опять схватит меня за руку и скажет: «Я — царь Куша!» Кто придет тогда ко мне на помощь? А ведь нас, чего доброго, услышат!» — с такими мыслями Прабхавати захлопнула дверь и заперлась. Коромысло с судками царь отнес к ее сестрам и накормил их. Прабхавати сама есть не пошла, послала горбунью: «Ступай, принеси мне еды, что царь приготовил». Та принесла: «Вот она, ешь». — «Нет, им приготовленного я есть не стану. Ешь сама. А свой обед сдобри чем-нибудь и принеси мне. О том же, что царь Куша здесь, никому ни слова». Отныне горбунья ела то, что приносил Куша, а свой обед отдавала Прабхавати. Повидать Прабхавати Куше так и не удавалось, и он задумался: «Да есть ли у нее хоть капля жалости ко мне? Надо бы это проверить». Однажды, накормив ее сестер обедом, он, выходя из их покоев, нарочно споткнулся о порог, разронял горшки, сам со стоном упал и затаил дыхание. Прабхавати на шум приоткрыла дверь, увидела, что он

лежит ничком, а сверху — коромысло: «Вот лежит здесь царь, первый на всей Джамбудвипе! День и ночь он мучится из-за меня. А он ведь к такой жизни не привык, вот и свалился он, еще и коромыслом придавлен. Да жив ли он?» — подумала она, вышла из комнаты, перевернула его и заглянула ему в лицо: дышит или нет? Бодхисаттва набрал полный рот слюны и плюнул — попало на ее одежду. Прабхавати тотчас вернулась в комнату и, оставив дверь полуоткрытой, насмешливо сказала:

«Постылого навязчивость приводит к злополучию.

Ты любишь без взаимности, напрасно домогаешься».

Но ни оскорбление, ни насмешка ничуть не смущили влюбленного царя, и он сразу ответил:

«Постылому иль милому — мне ты нужна, любимая.

В любви мы ценим лишь успех, а неуспех — злосчастье».

Царевна не осталась в долгу и очень сурово, надеясь, что он уйдет прочь, произнесла:

«Скорей деревянным заступом скалу вскопаешь каменную
Иль ветер заарканишь ты, а мне ты не полюбишься».

Царь отозвался:

«Не сердце — камень у тебя, хоть ты прекрасна обликом.
Я на чужбине от тебя не слышу слова доброго.

Когда, Прабхавати, глядишь ты на меня нахмурившись —
Тогда дворцовый повар я, слугою себя чувствую.

Когда же ты, Прабхавати, посмотришь взором ласковым —
Тогда совсем не повар я, тогда я снова Куша — царь».

«Как стал он кроток и покорен! — подумала Прабхавати. — Попробую его обмануть, вдруг отвяжется?» И она сказала:

«Коль верно предсказатели судьбу мою провидели,

Быть лучше четвертованной, да только не женой твоей».

Царь выслушал и возразил: «Я, милая, у себя в царстве тоже справлялся у предсказателей, а они вот как рассудили: «Иного мужа, кроме громогласного Куши, у Прабхавати быть не может». И самому мне предчувствие подсказывает, что это так.

Коль верно предсказание мое или гадателей,

Быть суждено тебе женой лишь Куши громогласного».

«Нет, его не смутить. Да не все ли равно, уйдет он или нет? Мне-то что с того!» — подумала Прабхавати и закрылась в комнате.

С тех пор он ее больше и не видел, занимался все время кухонной работой и очень уставал. Едва перекусив с утра, он колол дрова, мыл посуду, носил коромыслом воду; спать ему приходилось в пустом корыте, вставал он рано и принимался за всякую стряпню, начиная с рисовой каши, потом нес обед во дворец, прислуживал там за едой и, одним словом, терпел из-за своей любви великие лишения. Как-то раз он увидел

горбунью: она шла по двору, минуя кухню. Царь окликнул ее. Но горбунья, побаиваясь Прабхавати, не решилась подойти к нему и даже ускорила шаг. Царь подбежал к ней: «Постой, горбунья!» — «Кто это? — обернулась она. — Не слышу, что ты говоришь». — «Послушай же, горбунья! До чего вы с госпожой ко мне жестоки! Сколько дней мы живем друг с другом рядом, а я даже не имею весточки от вас, не знаю, здоровы ли. О подарках каких-нибудь и говорить нечего! Ну да ладно. Не сможешь ли ты расположить ко мне Прабхавати хоть немножко и дать мне с нею повидаться?» — «Хорошо», — пообещала горбунья. «Ну, если ты устроишь мне с нею свидание, я тебе в награду такое украшение подарю, что из горбуни станешь ты прямой любой красотки, — стал улеживать ее Бодхисаттва.

Монистом золотым тебя в Кушавати пожалую,
Если прекраснобедрая без гнева взглянет на меня.
Монистом золотым тебя в Кушавати пожалую,
Если прекраснобедрая мне слово молвит ласково.
Монистом золотым тебя в Кушавати пожалую,
Если прекраснобедрая мне улыбнется с нежностью.
Монистом золотым тебя в Кушавати пожалую,
Если прекраснобедрая мне рассмеется весело.
Монистом золотым тебя в Кушавати пожалую,
Если прекраснобедрая позволит мне обнять себя».

«Ладно, государь, успокойся, — ответила горбунья. — Будет она в твоей власти, имей терпение. Ты еще увидишь, на что я способна!»

Продумала она все хорошенько и пришла к Прабхавати. Для начала она затеяла уборку у нее в покоях и под этим видом вынесла наружу все, чем можно было бы ударить или зашибить, вплоть до сандалий и комка земли. Покои она чисто подмела, при входе, у порога, поставила себе высокое сиденье, а для Прабхавати — низенькую лежанку и говорит: «Ложись, доченька. Дай, я у тебя в голове поищу». Прабхавати прилегла на лежанку, а голову положила няне на колени. Та недолго покопалась, сказала: «Ишь, как много!» — а сама пошарила у себя в волосах, поймала несколько штук и показала Прабхавати: «Смотри, какие они у тебя». Так она понемногу разговорилась с царевной и принялась хвалить Бодхисаттву:

«Нет у тебя, сдается мне, ни капли к Куше жалости!

А он ради одной тебя к царю нанялся поваром».

Прабхавати вскипела. Тогда нянька выскользнула из комнаты, хлопнула дверь и всей своей тяжестью повисла на веревке запора. Прабхавати, не в силах отворить дверь и дотянуться до нее, пригрозила:

«Сдается мне, сегодня ты без языка останешься!

Кинжалом вырежут его за дерзости подобные».

А горбунья, не отпуская веревки, знай себе твердила: «Непокорная ты, норовистая девчонка! Далась тебе твоя красота! Красотою сыта не будешь», — и давай расписывать достоинства царя:

«Не смотри, что некрасив он,
Это ли в мужчине важно?
Ты, Прабхавати, подумай,
Сколько у него достоинств!
Его славят в целом мире,
Он богат, безмерно мощен,
Государь большого царства.
А послушай его голос:
Бархатистый, низкий, звучный,
Нежный, сладостный для уха!
Все ремесла превзошел он
И притом — храбрец отменный.
Право, он любви достоин».

«Много ты, горбунья, лишнего болтаешь. Дай только до тебя добраться. Я уж тебе напому, кто твоя хозяйка!» — попыталась припугнуть ее Прабхавати. Но и та нашла, что сказать в ответ: «До сих пор я тебя не выдавала, твоему отцу не говорила, что царь»

Куша здесь. Погоди же у меня! Он сегодня все узнает». Нянька зашумела во весь голос, а Прабхавати струхнула: «Тише! Вдруг нас кто услышит!» — и лишь с трудом ее успокоила.

А Бодхисаттва, безуспешно ожидавший свидания с Прабхавати, измучился от такой жизни. От дурной еды и дурного сна он совсем пал духом: «Да зачем она мне! Седьмой месяц живу тут и даже повидаться с ней не могу. Очень уж она жестока и сурова. Схожу домой, на родителей хоть посмóтру».

В тот самый миг Шакра озирает мир и заметил, что Бодхисаттва приуныл. «Вот уже семь месяцев царь не видится с Прабхавати. Я ему помогу!» — решил он. Своей волшебной силой он сотворил гонцов царя мадров и послал их к семерым царям с одинаковым письмом: «Прабхавати бросила царя Кушу и вернулась домой. Приезжайте и берите ее в жены». И все семеро царей, каждый с большой свитой, одновременно прибыли под стены города и, увидевши друг друга, начали расспросы: «Вы зачем сюда приехали?» Дело быстро прояснилось, и все семеро жестоко разъярились: «Выходит, он ее одну собрался выдать за нас семерых! Да это неслыханно! Он над нами глумится! Ну, мы ему покажем!» И пришло к царю от них такое требование: «Либо выдавай Прабхавати за всех нас, либо мы на тебя идем войной». Услышал это царь, перепугался и созвал совет: «Что делать будем?» — «Государь, — ответили советники. — Все

семеро царей пришли, чтобы забрать Прабхавати. Они грозятся разрушить городские стены, силой вломиться в город и перебить всех жителей и наше царство захватить, если ты не выдашь ее им. Придется послать им Прабхавати, пока стены целы.

Гордо встали под стенами

Витязи, броней одеты.

Надо выдать им царевну,

А не то разрушат город».

Выслушал их царь и сказал: «Хорошо. Но если я одному из них отдам Прабхавати, остальные все равно начнут войну. Одному царю отдавать ее бессмысленно. Что ж, пусть она на себе теперь узнает, чем грозит строптивость! Надо ж было ей бросить первого царя всей Джамбудвипы и сбежать домой! Вот казнь ее, велю разрубить на семь частей и пошлю им каждому по части.

Я Прабхавати-гордячку

Разрубить велю на части

И раздам их супостатам,

Что грозят теперь войною».

Эти его речи разлетелись по всему дворцу. Донесли служанки и Прабхавати: «Слыхали мы, что царь собрался разрубить тебя на семь частей и послать те части семерым царям». В смертельном страхе Прабхавати вскочила и побежала к матери в опочивальню. Прекрасная, в шелка одетая, Царевна поспешила к матери. В глазах ее блеснули слезы. За нею следом шли служанки. Прибежала она к матери и жалобно запричитала:

«Увы, что станет со мною!

Мое лицо привыкло к пудре,

Привыкло в зеркальце глядеться

И видеть, как оно прекрасно,

Пригоже, безусловно, мило.

Теперь ему смотреться в землю!

А эти кудри вороные!

Они умашены сандалом,

Но будут, спутаны и грязны,

Лежать на поле среди мертвых,

Их грифы будут рвать когтями!

Мои ухоженные руки!

Они едва пушком покрыты,

Натерты порошком сандала,

А ногти выкрашены красным —

Теперь их кшатрии отрубят

И бросят на поживу волку!

А эти груди налитые!

Они умашены сандалом,
Но ими я вскормлю не сына,
А кровожадного шакала,
Он в них с урчанием вгрызется!
Широкие, крутые бедра
(Их покрывает только пояс
Из ткани, золотом расшитой)
Теперь безжалостно отрубят
И бросят на поживу волку!
Шакалы, волки, псы лесные
И остальные хищники
Сожрут теперь Прабхавати
И станут вечно молоды.
Коль плоть мою забрать хотят
Безжалостные кшатрии,
Ты хоть о том их умоли,
Чтоб кости выдали тебе,
И при дороге их сожги.
Вели там все перекопать
И карника́ру посади.
Когда она в конце зимы
Цветами вся покроется,
Ты, может, вспомнишь обо мне:
"Мила была Прабхавати!"»

Так она жалостно плакалась матери. Тем часом во дворец по царскому приказу явился палач с топором и колодой. Весть об этом тут же облетела все покои. А царица-мать, узнав о приходе палача, в великом горе направилась к государю.

Подобная богине красотою,
Царица мадров, мать Прабхавати,
Пришла к царю, чтоб попросить за дочь,
И увидала там топор с колодой.
«Ужели топором ты дочь мою —
Такую стройную, изящную —
Велишь на части разрубить, увы,
Чтобы отдать ее останки недругам?»

«К чему напрасные слова, царица, — стал вразумлять ее царь мадров. — Твоя дочь бросила мужа, могущественнейшего царя на всей Джамбудвипе, прибежала домой чуть ли не по собственным следам — они, должно быть, еще не стерлись на дороге. Ведь она сама и принесла с собой свой приговор. Пусть эту гордячку постигнет кара по заслугам!» Царица вернулась к дочери и зарыдала:

«Я лишь добра тебе желала,
Да ты не слушала советов,
А ныне ждешь четвертованья,
Твой путь теперь — в обитель Ямы.
Кто рассудительному слову
Доброжелателей не внимлет,
Того лишь беды ожидают,
Он сам себе готовит гибель.
А если б Куше родила ты
Отраду вашей жизни, сына, —
Наследника в златом убранстве
Растила бы ты беспечально,
Была б у родичей в почете,
И смерть тебе бы не грозила.
Где гонг гудит, где слон трубит —
В семье у кшатриев могучих
Не высшее ли счастье в жизни?
Где скакуны ржут у ворот,
Где жалобные песни слышны —
В семье у кшатриев могучих
Не высшее ли счастье в жизни?
Там, где кричит павлин призывно
И слышится кукушки пенье, —
В семье у кшатриев могучих
Не высшее ли счастье в жизни?»

«Ах, был бы здесь сегодня царь Куша! Он бы прогнал всех семерых, избавил дочь мою от лютой погибели и забрал бы ее обратно к себе», — подумала тут мать-царица и произнесла вслух:

«Где ж гроза всех супостатов,
Сокрушитель вражьей силы,
Куша, царь великомудрый?
Он бы спас тебя от смерти!»

«Моя мать восхваляет Кушу, но помощи от него не чаает, — подумала Прабхавати. — Скажу-ка я ей, что он здесь и служит у царя поваром». И она призналась:

«Здесь гроза всех супостатов,
Сокрушитель вражьей силы,
Куша, царь великомудрый!
Он в бою их одолеет!»

«Что это она лепечет? Перепугалась до того, что и себя не помнит», — подумала мать.

«Ты либо бредишь, дочь моя,
Либо со страху поглупела.
Когда бы Куша рядом был,
Ужель могли бы мы не знать?»

«Мать мне не верит. Она и не подозревает, что он уже семь месяцев живет здесь. Возьму и покажу его ей», — решила Прабхавати. Она подвела мать за руку к окну и показала на Кушу:

«Вон повар во дворе стоит,
Он дхоти⁵³ туго завернул
И чистит грязную посуду.
Не узнаешь ли ты его?»

Бодхисаттва и в самом деле в это время принес воды и принялся за мытье горшков. «Сегодня наконец-то исполнится мое заветное желание: Прабхавати перепугается до смерти и откроет остальным, что я здесь. А пока надо скоротать время за делом», — думал он.

Царица же не узнала его и с презрением сказала дочери:

«Ты мужичка и чандалка,
Осквернительница рода!
По рождению царевна,
Как ты в связь с рабом вступила!»

«Мать не догадывается, что это Куша, не знает, что он ради одной меня занялся подобным делом», — поняла Прабхавати и возразила:

«Все ты поняла превратно.
Рода я не оскверняю,
Не мужичка, не чандалка.
Это — сын царя Икшваку,
А отнюдь не раб презренный!
Что ни день, в его столице
Угощение готовят
Брахманам благочестивым,
А всего их — двадцать тысяч.
Столько же слонов у Куши,
Столько же коней у Куши,
Столько же волов у Куши.
Столько же повозок разных.
Столько же коров донтся
Ежедневно в его царстве.
Это — сын царя Икшваку,
А отнюдь не раб презренный!»

⁵³ Простая мужская одежда в виде куска ткани, обертываемого вокруг бедер.

«Она говорит очень уверенно; должно быть, это и вправду Куша», — поверила наконец мать. Пошла она с этой новостью к царю. Тот поспешно явился к Прабхавати: «Верно ли слышал я, что царь Куша здесь?» — «Да, батюшка. Он уже семь месяцев служит у тебя поваром, стряпает для меня и сестер». Царь не сразу поверил, расспросил еще горбунью, но и та все подтвердила. Тогда царь упрекнул Прабхавати:

«Ты поступила очень дурно,
Что о царе нам не сказала,
Когда он к нам тайком явился,
Прикрывшись повара обличьем,
Как кобра — лягушачьей шкурой».

Он тотчас спустился к Куше, приветствовал его, молитвенно сложил руки и стал просить прощения;

«Я провинился пред тобой,
Прости меня, великий воин.
Ты к нам неузнанным пришел.
Я не предполагал такого».

«Если я отвечу грубо, сердце его разорвется. Надо его утешить», — подумал Бодхисаттва и сказал:

«Здесь виноват лишь я один,
Я сам стать поваром решил.
Уж лучше ты прости меня.
Ты неповинен, царь, ни в чем».

Царь увидел, что Куша настроен дружелюбно, вернулся во дворец и велел Прабхавати немедленно повиниться перед мужем:

«Иди же, неразумная,
И повинись перед царем.
Быть может, смилуется он,
Спасет тебя от гибели».

Прабхавати послушалась и направилась к нему; сестры и служанки шли следом. Бодхисаттва стоял на том же месте, одетый как горшечник. Он догадывался, что Прабхавати придет к нему. «Сейчас я сломя ее гордыню! Будет же она в грязи валяться у моих ног!» — подумал он, всю заготовленную в горшках воду выплеснул на землю, да еще метлой повозил. Получилась большая грязная лужа. Прабхавати подошла, упала в ноги ему прямо в грязь и повинилась.

Вняла отцовскому совету
Прабхавати богоподобная,
Челом к ногам припала Куши,
могучего владыки маллов:

«Прости меня за все те ночи,
что я была с тобой в разлуке!
Не гневайся, великий воин!
К твоим стопам я припадаю.
Даю отныне обещанье —
услышь меня, о махараджа, —
Что никогда не буду больше
противиться твоим стремленьям.
Коль ты мольбе моей не внимлешь,
меня сегодня четвертуют».

«Если я отвечу ей: «И поделом тебе будет», — у нее сердце разорвется. Надо ее успокоить», — решил Бодхисаттва и ответил:

«Могу ли я мольбы не слышать!
Утешься, я тебя прощаю.
Я не злопамятен, благая.
Ты можешь больше не бояться.
Даю отныне обещанье —
услышь меня, моя царевна, —
Что никогда не буду больше
противиться твоим стремленьям.
Тебя, красавица, желал я
и много горя натерпелся.
Я все готов был сокрушить здесь,
чтоб увести тебя обратно».

Тут царь Куша оглядел окружавших его — так сам Индра, царь небожителей, озирает свою свиту — и преисполнился воинской гордости: «Что же это? Я еще жив, а мою жену хотят забрать чужие?!» И он, будто лев на царском подворье, потянулся и рыкнул: «Пусть все в городе знают, что я здесь! — и добавил: — Я возьму их живьем.

Снаряжайте колесницы,
Конницу готовьте к бою.
Я свою явлю вам доблесть,
Пусть враги меня боятся».

«Моя задача теперь — взять врагов в плен; — обратился он к Прабхавати. — А ты пойди умойся, принарядись и жди меня во дворце». Да и самому Куше надо было позаботиться о своей внешности. Для этого приближенные царя мадров прямо на кухонном дворе разбили шатер. Явился цирюльник. Царю Куше вымыли голову и бороду, причесали его, подали полный набор драгоценностей. Затем он в сопровождении советников взошел на дворцовую башню, огляделся по сторонам, приосанился, и все затрепетало под его взглядом. «Настал черед подвигам!» — возгласил он.

Грозный царь, как лев, расправил плечи
И могучим телом потянулся.
Восхищенно на него смотрели
Обитательницы внутренних покоев.

Царь мадров прислал ему отлично выученного и богато убранного боевого слона. Воссев к нему на спину, Бодхисаттва, осененный белым зонтом, приказал: «Приведите Прабхавати!» Он усадил царевну у себя за спиной и во главе войска — боевых слонов, колесниц, конницы и пехоты — выступил из города через восточные ворота, трижды издал боевой клич: «Я царь Куша! Кто хочет пощады, пусть падет ничком», — и бросился в бой.

Царь Куша на слона воссел
и усадил Прабхавати,
Издal свой громогласный клич
и бросился в сражение.
И, слыша грозный клич его,
смешались неприятели
И тотчас кинулись бежать,
как антилопы прочь от льва.
Пехота, колесничие,
погонщики и всадники
Расстроили свои ряды
и разбежались кто куда.
Возрадовался царь богов
и, восхищенный доблестью,
Он самоцвет Вайрочану
принес в дар победителю.
Итак, царь Куша победил
и принял в дар Вайрочану.
Затем он на спине слона
вернулся в город Сакалу.
Всех семерых воителей
он победил и взял в полон,
Привел и свекру отдал их:
«Вот, государь, враги твои.
Теперь они побеждены,
их жизнь и смерть — в твоих руках.
Решай же сам, как с ними быть —
казнить или помиловать».

Царь мадров сказал:

«Они твои враги, о царь,
а вовсе не мои враги.

Все в твоей воле, государь, —
казни или помилуй их».

«Казнить их ни к чему, — решил Великий. — И пусть не окажется, что пришли они сюда напрасно: ведь у царя мадров есть еще семь дочерей, сестер Прабхавати. Почему б ему не выдать их за этих царей?» И он сказал:

«Есть у тебя семь дочерей,
прекрасных, словно апсары.
Их надо выдать за царей —
врагов мы превратим в зятьев».

Царь мадров ответил:

«Ты здесь — над всеми господин,
мы все подчинены тебе.
Что хочешь, можешь им отдать.
Твое решение — закон».

И Куша велел всем царевнам принарядиться и **повыдал их за семейных царей**.

Довольны были семь царей
нежданною удачею
И, Куше благодарные,
к себе домой отправились.
А сам царь Куша мощнорукий
взял самоцвет Вайрочану
И, обрета супругу снова,
к себе в Кушавати вернулся.
От самоцвета, дара Шакры,
лицо его преобразилось:
Когда Прабхавати и Куша
стояли в колеснице рядом,
Они друг друга затмевали,
сняли оба красотою.
Мать обрела родного сына,
супруги воссоединились
И зажили с тех пор согласно,
богатым царством управляя».

Закончив это наставление в дхарме, Учитель изъяснил арийские положения, а затем отождествил перерождения: «Родителями были теперешние цари и царицы, младшим братом Куши — Ананда, горбуньей — Кубджоттара, Прабхавати — это нынешняя мать Рахулы, советниками и слугами были мои нынешние последователи, а царем Кушей был я сам». Монах, внимая изъяснению, обрел плод прорезавшегося слуха.

ДЖАТАКА О ЦАРЕ-ЛЮДОЕДЕ (537)

«Как ты дошел до такого, повар?...» — это Учитель, пребывая в роще Джеты, произнес по поводу тхеры Пальцелома. О том, откуда он взялся и как стал монахом, подробно рассказано в пояснениях к сутре о Пальцеломе. Там можно узнать, что родом он был брахман, но стал лютым разбойником-душегубом, а Пальцеломом его прозвали за то, что большие пальцы убиенных им людей он отламывал и низал их на нитку, чтобы носить на шее как ожерелье. Однажды Учитель нарочно пошел по той дороге, где разбойничал Пальцелом, и ему удалось укротить злодея словом, а не силою. Тот принял монашество. В первое время все люди помнили о его прошлом и с бранью гнали прочь. Но как-то раз он проходил мимо роженицы, мучившейся трудными родами и, желая помочь ей, поклялся, что с тех пор, как он принял постриг под началом Блаженного, у него и в мыслях не стало кровопролития. И женщина силой его клятвы разрешилась от бремени⁵⁴. С тех пор он уже везде без труда получал подаяние. Усердно упражняясь в уединении, он смог отделить свою мысль от препятствий к сосредоточенному созерцанию⁵⁵ и сподобился наконец достичь святости, обрел сверхобычные способности и причастился к числу восьмидесяти великих тхер. И вот как-то раз в зале для слушания дхармы монахи завели такой разговор: «Да, почтенные! Такого лютого разбойника, безжалостного душегуба Блаженный смог без насилия, без оружия укротить и умиротворить, а это дело весьма трудное. Вот какие подвиги свершают Пробужденные!» Учитель находился тогда в своей благоуханной келье, но своим необычайно тонким

⁵⁴ Подразумевается так называемая клятва правдой (истиной).

⁵⁵ Таких препятствий насчитывают пять: влечение к чувственному; раздражение; лень и вялость, то есть слишком низкий тонус; возбуждение, то есть чрезмерно высокий тонус, и следующее за ним по пятам раскаяние в необдуманных действиях, свершенных в возбужденном состоянии; сомнение.

слухом⁵⁶ воспринял этот разговор и понял, что как раз сегодня ему следует прийти к монахам, ибо проповедь дхармы должна ему удался. И он с той удивительной непринужденностью, что присуща Пробужденным, пришел в зал для слушания дхармы, уселся на предложенное ему сиденье и спросил: «О чем вы сейчас беседуете, монахи?» Монахи рассказали. «Нет, о монахи, ничего удивительного в том, что я в этой жизни, достигнув уже высшего пробуждения, укротил его. Ведь я и прежде, когда был еще только на пути к пробуждению и знания имел ограниченные, смог все же умиротворить его», — и Учитель рассказал о былом.

«Некогда в царстве Куру, в столице его Индрапáттане, праведно царствовал царь по имени Каура́вья. Бодхисаттва родился тогда сыном его главной супруги. Нарекли его Сутасомой. Когда он подрос, отец отправил его учиться в Такшашилу к знаменитому учителю, и он с деньгами для учителя отправился в путь. А тогда же правивший в Варанаси царь страны Каши отправил точно так же учиться и своего сына, царевича Брахмадатту. Тот шел той же дорогой. И вот Сутасома подошел наконец к воротам Такшашилы и присел отдохнуть на скамье под навесом. Туда же подошел Брахмадатта и сел на скамейку с ним рядом. «Ты, я вижу, приятель, устал с дороги, — заговорил с ним Сутасома. — Ты откуда идешь?» — «Из Варанаси». — «А какого ты рода?» — «Я сын царя Брахмадатты». — «А как звать тебя?» — «Царевичем Брахмадаттой». — «Зачем ты сюда пришел?» — «Учиться искусствам». Так Брахмадатта ответил на его вопросы, а потом и сам в свой черед расспросил Сутасому. Тот все ему о себе рассказал. Юноши увидели, что они оба — кшатрии, оба пришли учиться к одному и тому же учителю — и подружились. Вместе явились они к учителю в дом, почтительно приветствовали его, назвали и попросились к нему в ученики. Тот согласился. И вот, вручив ему деньги, принялись они за учение. Да и не одни они были у него в ученичестве — в ту пору примерно сто царевичей со всей Джамбудвипы учились у него искусствам. Сутасома стал меж ними старшим. Повторяя задания вслед за учителем, он быстро выучился всему в совершенстве. После того он первым делом решил пойти к царевичу Брахмадатте — ведь тот был его товарищем и стал ему помогать, так что и Брахмадатта в скором времени всему научился. А тут закончили ученье и остальные. Напоследок учитель их всех испытал, простился с ними, и они собрались идти по домам во главе с Сутасомой. На обочине дороги Сутасома дал им такое напутствие: «Теперь настала пора вам

⁵⁶ Необычайно тонкий слух достигается йогической практикой и заключается в умении слышать при необходимости на любом расстоянии.

отчитаться перед своими отцами в том, чему вы научились, и начинать править самим. Как станете царями, помните о моём вам наказе». — «О каком наказе, учитель?» — «По полнолуниям и новолуниям блюдите посты⁵⁷ и скота в эти дни не забивайте». Те пообещали. А дело было в том, что Бодхисаттва знал такие книги, где говорится, как по облику человека увидеть его судьбу, и прознал он по ним, что в царевиче из Варанаси таится для людей великая опасность, — вот откуда наказ. Разошлись они по своим землям, отчитались в выученном перед отцами, и те возвели их на царство. Друг о друге они не забывали и Сутасоме писали, что на царство взошли и наказ, им данный, блюдут. «Смотрите, искушениям не поддавайтесь», — писал им в ответ Бодхисаттва. Изю всех этих царевичей один лишь царь Варанаси трапезы без мясного не признавал, ему даже на постный день впрок заготавливали убоину. Но вот как-то раз повар его зазевался, и заготовленное мясо утащили псы с царской псарни. Повар видит — нет мяса, и пошел его покупать, а достать его в постный день было негде, и он затужил: «За обед без мясного царь меня не помилует. Что-то надо придумать». И вот что он придумал: выбрал час, когда нет народу, пошел на то место, где оставляли покойников на съедение шакалам и грифам, и срезал мясо с бедра человека, умершего меньше часа назад. Приготовил его получше и подал царю. Стоило царю лишь кончиком языка коснуться кусочка этого мяса, как его тотчас проняло — все его тело отозвалось на этот вкус. И вот почему: в прошлой жизни он был яккхой, много тогда поел человечины и успел к ней пристраститься. «Если я промолчу, мне нипочем не узнать, чье это мясо я ем», — подумал царь и сплюнул. «Ешь, государь, мясо хорошее», — сказал ему повар. Царь отослал всех приближенных и говорит: «Да я и сам вижу, что оно хорошее. А что это за мясо?» — «Да то же, что было в прошлый раз, государь». — «Нет, я такого вкуса не помню». — «Значит, сегодня лучше сготовилось». — «А разве ты раньше не так же готовил?» Повар молчит. «А ну, говори все как есть, или расстанешься с жизнью!» Повар вымолил у царя обещание не наказывать его и рассказал все по правде. «Не нужно лишнего шума, — говорит царь. — То

⁵⁷ В древней Индии для счета промежутков времени меньше чем год был употребителен лунный календарь. Лунный месяц делился на две половины: «светлую», то есть растущей луны — от новолуния до полнолуния, и «темную», когда луна убывала — от полнолуния до новолуния. Дни полнолуния и новолуния, а в меньшей степени и дни, когда на небе видна ровно половина лунного диска, отмечались как дни регулярных религиозных праздников (см. *упосатха*), типологически подобных христианскому воскресенью, еврейской субботе или мусульманской пятнице.

мясо, что ты готовил всегда, оставляй теперь себе, а мне готовь человечину». — «Это, господин, нелегко будет». — «Не так уж трудно, не бойся». — «Откуда же мне брать каждый день человечину?» — «Ничего, народу в тюрьме сидит много». Так повар и стал делать. Наконец все узники были съедены. «Теперь что делать?» — «Кинь на улице связку в тысячу монет. Того, кто поднимет, хватай как вора и режь». Прошло время, и никто больше на эту связку монет и смотреть не отваживался. «А теперь что мне делать?» — спросил повар. «После того как пробьют ночную стражу⁵⁸, по городу ходит еще немало народу. Вот ты и спрячься где-нибудь у перекрестка или между домами, подстереги кого-нибудь и убей его на мясо». С того дня стал повар носить куски один другого лучше, а на улицах города находили по утрам трупы. В домах горе: то отец не вернулся, то мать, тут нету брата, а там — сестры, и отовсюду неслись причитания. Горожан охватил ужас: «Уж не лев ли то людей пожирает, или тигр, или яккха какой?» Стали к трупам присматриваться и увидели следы от ударов: «Видать, это дело человеческих рук». И вот на царское подворье набежала толпа и стала выкликать царя. «Чего вам, любезные?» — спросил царь. «Государь, у нас в городе завелся разбойник, он людей ест. Вели его изловить». — «А я здесь при чем? Я вам не стражник». Видят горожане, что царю до них дела нет, и пошли к военачальнику. Пожаловались ему, говорят: «Надо искать разбойника». — «Дайте мне сроку неделю, отыщу вам разбойника» — так он обнадежил людей, а слугам своим повелел: «Друзья, в городе, видно, завелся разбойник, он ест людей. Попрячьтесь в разных местах и выследите его». — «Слушаемся», — сказали они и пошли караулить. А повар, притаившись между домами, подстерег какую-то женщину, убил ее и начал срезать с тела куски посочнее и укладывать их в корзину. Тут-то его и схватили, поколотили, заломили за спину руки и подняли большой шум: «Вот он, разбойник! Вот кто людей ест!» Сбежалась толпа. Избили его, отвели душу, корзину с мясом повесили ему на шею и привели его к военачальнику. Смотрит на него военачальник и думает: «Что же за этим кроется? Сам он, что ли, ест человечину? Или он ее к другому мясу подмешивает и продает? А может, по чьему-то приказу людей убивает?» И он спросил повара:

«Как ты дошел до такого, повар,

На дело кровавое это решился?

Лишаешь ты жизни мужчин и женщин

Ради ли мяса иль ради денег?»

⁵⁸ Время от заката до восхода делилось на три равных промежутка, называемых стражами (яма). Здесь имеется в виду, что с началом первой ночной стражи почти сразу наступает темнота — дело ведь происходит в субтропиках.

Повар:

«Не ради себя и не ради денег,
Не для семьи и не родичей ради —
То господин мой, царь страны нашей,
Мяса иного есть не желает».

Военачальник:

«Волю царя, говоришь, исполняя,
Ты на кровавое дело решился?
Значит, и утром на очной ставке
Ты пред царем повторить это должен».

Повар:

«Да, Калахастин, я это исполню —
Сделаю так, как велишь ты, почтенный.
Я завтра утром на очной ставке
Не отрекусь от своих признаний».

На ночь военачальник посадил повара под замок в надежное место, а на рассвете посовещался с советниками царя и, придя с ними к соглашению, расставил по городу стражу, убедился, что власть в его руках, и направился ко дворцу вместе с поваром, на груди у которого висела та же корзина с человеческим мясом. Весь город взревел. А царь поел в последний раз только накануне утром, ведь ужинать ему не пришлось, хоть он и просидел всю ночь, дожидаясь, когда придет повар. Но повар не появлялся, а по городу пошел громкий шум... «В чем дело?» — подумал царь: он выглянул из окна, увидел повара с корзиною на груди и понял, что дело раскрылось. Набравшись мужества, царь сел на трон. А Калахастин подошел к нему и без обиняков учинил допрос ⁵⁹.

Вот к концу та ночь склонилась, и незадолго до восхода

Военачальник Калахастин приводит повара к царю.

И, подойдя к подножью трона, такое он промолвил слово:

«Ужели правда, государь, что повара ты посылаешь
Мужчин и женщин убивать, а сам их мясо поедает?» —

«Да, Калахастин, это так. Я вправду повара послал.

Он мне старался угодить, напрасно ты хулишь его».

Слышит это военачальник и думает: «Ну и злодей! Сам говорит такое мне в лицо! Скольких же он людей успел переест за это время! Как его образумить?» И он сказал: «Государь, не делай так, не ешь больше человечины!» — «Напрасные слова, Калахастин, я без нее не могу». — «Государь, если ты не остановишься, ты и себя, и царство свое погу-

⁵⁹ За важностью дела Калахастин пренебрег придворным церемониалом.

бишь». — «Ну что же, погублю так погублю, а остановиться я не могу». «Попробую убедить его», — подумал военачальник и рассказал царю такую историю:

«Давным-давно жили в океане шесть огромных рыб: три из них были по пятьсот йоджан в длину, и звали их Ананда, Тиманда и Абхьявахара, а три другие были по тысяче йоджан в длину, и тех звали Титими, Тимингала и Тимирапингала. Кормились они все морской травой. Ананда жил в отдаленном краю океана, и множество рыб приплывало к нему, чтобы на него посмотреть. Однажды они решили: «У всех двуногих и четвероногих цари есть, у нас одних царя нет. Сделаем-ка и мы себе царя». И все они единодушно выбрали себе в цари Ананду. С тех пор рыбы по утрам и вечерам стали приплывать к нему на поклон. Но вот как-то раз Ананда пасся на одной подводной горе и случайно зацепил зубами какую-то рыбку, приняв ее за стебель морской травы. Надкусил он ее и почуял: попало в рот что-то вкусное. Выплюнул, смотрит — да это рыба! «Сколько же времени я зря потерял, — подумал он. — Буду теперь по вечерам и утрам съедать по рыбешке-другой из тех, что приплывают ко мне на поклон. Да только если я стану делать это открыто, мне их ни одной потом не видать — все разбегутся». И стал он делать это тайком: хватал и съедал рыб замешкавшихся, последних из тех, что уплывали от него прочь. Заметили рыбы, что их становится все меньше и меньше, и придумались: «Что за напасть свалилась на наших сородичей? Откуда она?.. Тут одна умная рыба и говорит: «Что-то мне чудится, с Анандой неладно. Послежу-ка за ним». Когда рыбы приплыли к Ананде на поклон, она спряталась у него за жаброй. Ананда отпустил рыб, а отставших схватил и сожрал. Умная рыба рассказала о том остальным, и все они в страхе разбежались. Ананда остался один, а, пристрастившись к рыбьему мясу, другой пищи уже не хотел и от голода совсем ослаб. «Куда же они подевались?» — подумал он и пустился на поиски. Увидел подводную гору и решил: «Не иначе, как они прячутся под горой, потому что меня боятся. Сейчас я обогну гору и посмотрю, нет ли тут кого». И он обвился вокруг горы всем своим телом. «Если они и впрямь тут живут, то сейчас побегут», — подумал он, и тотчас увидел свой собственный хвост, лежащий на склоне. «Ага, вот она рыба! Обманула меня и живет себе под горой!» И он озлобленно вцепился в свой хвост, что был длиной в пятьдесят йоджан, — ведь он принял его за хвост другой рыбы, — и стал в него с урчаньем вгрызаться. Тут ему стало больно. Другие рыбы почуяли кровь, налетели и давай отхватывать от него кусок за куском, пока не добрались до головы. А он был так велик телом, так неповоротлив, что ничего поделать не мог. Так и нашел он там свою погибель. И осталась от него только куча костей, сама не

меньше горы. Ее видели отшельники и подвижники, умеющие летать по воздуху. Они рассказали о ней другим людям, и так об этом узнали по всей Джамбудвипе».

И, заканчивая эту историю, Калахастин сказал:

«Ананда, старший среди рыб, чревоугодью предался.

Поел вокруг себя всех рыб, а кончил тем, что съел себя.

Глупец грядущих бед не ожидает

И безрассудно набивает брюхо.

Он всю родню к гибели приводит

И в алчности сжирает сам себя.

О царь! Пусть мой рассказ тебя побудит

От страсти к людоедству отказаться.

Иначе ты опустошишь все царство,

Властителю морскому уподобясь».

Царь выслушал все это и говорит: «Не ты один, Калахастин, умеешь истории рассказывать, я тоже это могу». И, желая оправдать свою страсть к человечине, царь тоже рассказал старинную историю:

«Говорят, жил некогда в Варанаси домохозяин по имени Суджата. Однажды из Гималаев спустились в город за солью и уксусом пятьсот подвижников. Он приютил их у себя в саду, и они зажили там в полном довольстве. И хоть всегда им предлагалась трапеза у него в доме, иной раз они все же ходили за подаванием по деревням, а порой собирали крупные ягоды гвоздичного дерева со съедобной мякотью и приносили их с собой. Случилось однажды, что как раз в то время, когда они вернулись в сад с собранными ягодами и принялись за еду, Суджата подумал: «Где же почтенные подвижники? Их уже четвертый день не видать». И он пошел в сад проведать их, а за ним увязался его маленький сын. Когда он пришел в сад, старшие из подвижников уже успели поесть, а младшие поднесли им воды для полоскания рта и тоже принялись за еду. «Что вы едите, почтенные?» — спросил Суджата, подсев к ним. «Мякоть гвоздичных ягод, любезный». Мальчик услышал, и ему захотелось се попробовать. Старший подвижник разрешил дать ему этой мякоти. Попробовал мальчик, и чудесный вкус ягод ему очень понравился. Стал он канючить: «Еще дайте, пожалуйста! Дайте еще!» Отец, занятый благочестивой беседой, сказал сыну, чтобы только тот отвязался: «Да не ной ты, я дам тебе дома!» Тут ему стало неловко, что сын докучает подвижникам, он попросался с ними и пошел обратно домой. Сын дома ныл не переставая: «Хочу гвоздичной мякоти, хочу гвоздичной мякоти...» А подвижники в тот же день решили, что они уж засиделись в городе, и отправились назад в Гималаи. Без них Суджата не знал, где добыть больших ягод

гвоздичного дерева, вот он и велел натоочь мякоти манго, бананов, плодов хлебного дерева, мелких гвоздичных ягод, посыпать сахарной пудрой и дать мальчику под видом гвоздичной мякоти, да только напрасно: чего бы тот ни попробовал, всё ему казалось отравой. Так он ничего и не ел, пока на седьмой день не умер с голоду».

Закончив эту историю, царь сказал:

«Гвоздичных ягод раз поев, Суджаты сын единственный

Иного есть с тех пор не стал — да так и умер с голоду.

Вот так же, Кала, для меня нет слаще в мире кушанья,

И я без человечины расстанусь тотчас с жизнью».

«Вот так пристрастие у нашего царя! — подумал Калахастин. — Придется привести ему еще пример», и он сказал: «Государь, надо остановиться!» — «Нет, не могу». — «Если ты не остановишься, то и родню свою, и царство потеряешь». И военачальник рассказал историю:

«Давным-давно здесь же в Варанаси жила преуспевающая семья, в которой соблюдали пять обетов. Был в ней единственный сын. Он был умен, учен и знал три веды. Родители его холили и лелеяли. Гулять ходил он в компании сверстников-приятелей. Они любили мясо и рыбу, были не прочь выпить браги, а сам юноша ни мяса не ел, ни браги в рот не брал. Приятели и подумали: «Раз он у нас непьющий, то и в складчине не участвует. Как бы его подпоить?» Собрались они раз и говорят: «Что, приятель, не устроить ли нам угощение?» — «Нет, угощаться с вами я не пойду, вы ведь пьющие, а я нет». — «Ничего, мы для тебя молока захватим». — «Ну, тогда ладно», — согласился он. Пройдохи пошли в парк и спрятали там в кульках из крупных лотосовых листьев крепкую брагу. Когда началась пирушка, юноше поднесли кувшин с молоком. Тут один из пройдох и говорит: «Принесите-ка мне лотосового меда». Ему принесли кулек из лотосового листа: он взял его, проткнул снизу дырочку и начал оттуда посасывать, а за ним и остальные. «Что это такое? — спросил юноша. — Дайте и мне». Так он отведал браги — думал, это лотосовый мед. Предложили ему жаренного на углях мяса — он и от этого не отказался. А когда он был уже изрядно пьян, они признались: «Это ведь не лотосовый мед, это брага». — «Сколько же времени, выходит, я зря потерял! Знать бы раньше, до чего она вкусная! Дайте мне еще!» Ему подливали, а он просил все еще и еще. Наконец брага кончилась. Тогда он снял с руки перстень и отдал им, чтобы выручить денег и достать еще браги. Так он пропьянствовал с ними весь день, вернулся домой с красными глазами, шатаясь, бормоча всякий вздор, и завалился спать. Отец увидел, что сын напился, дождался, пока он протрезвеет, и говорит ему: «Дурно ты, сынок, поступил, что напился. Ты ведь из хорошей семьи. Чтoб это было в последний раз!» — «В чем же я, батюшка, виноват?» —

«В том, что напился пьян». — «Оставь это, батюшка! Я в жизни ничего не пробовал вкуснее». Брахман настаивал, а сын все свое: «Нет, я не пить не могу». «Вот беда! — подумал брахман. — Так и род наш прервется, и богатство прахом пойдет». И он сказал сыну:

«Сынок, собою ты красив, и родом ты из брахманов.

А потому не пей совсем — у нас это не принято⁶⁰.

Зарекись, сынок! Если не дашь залога, то или сам я из дому уйду, или тебя прокляну, а тогда тебя из царства прогонят». — «Все равно не могу я отказаться от браги, — ответил молодой брахман.

Нет для меня питья вкусней, чем то, что ты мне запретил,

Отправлюсь по миру бродить и браги разыщу себе.

Я уйду из дому сам, с тобою не желаю жить.

Я вижу, брахман, что тебя мой вид не слишком радует.

Делай что хочешь, а я пить не брошу», — заключил он. «Ну что же, — сказал тогда брахман. — Если ты меня ни во что не ставишь, то и я на тебя махну рукой.

Смотри, юнец, наследников мы и других себе родим.

Проваливай, да поскорей, чтоб мы тебя не видели».

Привел он сына в суд, объявил там, что отрекается от него, и выгнал его из дому. А сын потом, жалкий, нищий, одетый в отрепья, бродил с черепной костью в руке⁶¹, собирая в нее подаяние, как в чашку, пока не умер где-то под забором».

И свой рассказ Калахастин заключил предостережением:

С тобою тоже будет так, предупреждаю, государь:

Прогонят из страны тебя, как выпивоху-брахмана».

Но царь не мог отказаться от своей страсти и в ответ на этот пример рассказал свою историю:

«Однажды тот же самый Суджата, о котором я говорил в прошлый раз, пришел точно так же к подвижникам в парк. Они к нему в дом уже несколько дней не заходили, и он решил узнать, куда они подевались, а если найдет их на месте, послушать их благие наставления. Он подсел к старшему подвижнику и слушал его наставления в дхарме, пока не стемнело. Подвижники стали было с ним прощаться, но он решил заночевать при них, в шалаше. А ночью почтить подвижников явился со своей божественной свитой и небесными девами сам царь богов Шакра.

⁶⁰ В отличие от кшатрийских семей, где считалось допустимым употреблять спиртное, правверные брахманы не пили вовсе.

⁶¹ Крышка черепа, иногда оправленная, была атрибутом некоторых аскетов, особенно шиваитов-капаликов («черепников»). Они же известны тем, что в ритуальных целях ели мясо и пили вино.

Вся роша озарилась сиянием. Суджата проснулся и в удивлении высу-
нулся из шалаша. Глядит, сам Шакра явился почтить подвижников, а с
ним и его приближенные. Но едва увидел он небесных дев, как голова
у него пошла кругом от страсти. Шакра посидел, послушал проповедь и
отправился обратно к себе на небеса. А домохозяин наутро поздоровал-
ся с подвижниками и говорит: «Кто это, почтенные, приходил к вам но-
чью?» — «Это Шакра, любезный». — «А что за красавицы сидели вок-
руг него?» — «Небесные девы». Пришел он из парка домой и заныл:
«Дайте мне небесную деву. Хочу небесную деву...» Родные попробовали
его провести: принарядили и привели к нему сначала его же жену, по-
том гетеру какую-то: вот, дескать, тебе небесная дева. Но он едва лишь
взглянул, закричал: «Образина это, а не небесная дева!» Он и есть пере-
стал, только ныл: «Хочу небесную деву», покуда не умер.

Жил ученик подвижников, Суджата по прозвищу.

Небесной девы возжелав, он перестал и есть, и пить.

Ведь все земные радости в сравнении с небесными —

Что против всей морской воды на стебельке травы роса.

Вот так же, Кала, для меня нет слаще в мире кушанья.

И я без человечины расстанусь, верно, с жизнью».

«Да, редкий тревоугожник наш царь, — снова подумал военачаль-
ник. — Попробую все же вразумить его», — и возразил: «Даже воздуш-
ные странники — лебеди с золотым оперением — и те погибли, потому
что ели мясо своих сородичей». И он рассказал такую историю:

«Говорят, давным-давно на Пестрой горе в Золотой пещере жило
девятьсто тысяч лебедей. Все четыре месяца дождей они безвылазно
сидели в пещере. Вылети они, крылья у них намокли бы от дождя, и, отя-
желев, они бы попадали в море. Всякий раз, когда приближалось время
дождей, они собирали по озерам дикий рис и сносили его в пещеру. Этого
рису им доставало на все четыре месяца. Когда с началом дождей они
забирались в пещеру, живший у ее входа паук по прозвищу Шерстяной
Пуп, ростом с тележное колесо, начинал ткать паутину. И за один месяц
он успевал затянуть паутиной весь вход в пещеру. А нити той паутины
были толщиной в воловью жилу. Лебеди загодя выбирали одного из сво-
их, помоложе и посильнее, чтобы он прорвал паутину, когда дожди кон-
чатся, и кормили они его вдвое против других. Но в одно лето случилось
так, что дожди шли подряд целых пять месяцев. Еда у лебедей кончилась.
«Что же делать?» — стали они совещаться и порешили есть свои яйца:
«Живы будем — новых снесем». Съели яйца, принялись за птенцов,
а потом и за больших лебедей. Через пять месяцев дожди прекратились,
а паук к той поре соткать успел пять паутин. Лебеди же ослабели — ведь
они ели мясо сородичей. Тот молодой лебедь, что должен был прорвать

паутины и получал еды вдвое больше других, разлетелся, ударил, четыре паутины пробил, а в пятой завяз. Прибежал паук, откусил ему голову и выпил кровь. Пробовали и другие прорваться, да все застревали, и всех их паук пожирал. Так все лебединое племя и вымерло».

Калахастин заключил эту историю такими словами:

«Когда-то в прошлом лебеди, скитальцы поднебесные,

От пищи, им несвойственной, погибли целым племенем.

С тобою будет точно так, предупреждаю, государь:

Прогонят из страны тебя за трапезы запретные».

Царь хотел опять что-то рассказать себе в оправдание, но тут уж не стерпели горожане: «Господин наш, военачальник! Какой толк уговаривать кровопивца и людоеда? Гони его прочь из царства, коль не дает зарока⁶²!» Тут уж царь прикусил язык — ведь всех не переспоришь. И военачальник спросил его еще раз: «Ну что, государь, дашь зарок?» — «Нет, не могу». Калахастин позвал всех царских наложниц, сыновей, дочерей и говорит царю: «Государь, посмотри на своих родичей в их богатом убранстве, на советников, на царственную роскошь вокруг. Не губи ты себя, зарекись есть человечину!» — «Ради человечины всем поступлюсь». — «Раз так, государь, ступай прочь из города и из нашего царства!» — «Хорошо, Калахастин, я уйду. Не нужно мне царство. Отпусти только со мной моего повара и оставь мне мой меч». Отдали тут ему меч, дали с собою котел, чтобы варить человечину, корзину его, совершили обряд низложения с трона и прогнали их с поваром прочь. Царь ушел из города и поселился вместе с поваром в густом лесу под баньяном. Он подстерегал людей на дорогах, убивал их и приносил трупы повару, а повар готовил ему еду из человеческого мяса. Так они оба и жили. Когда с криком «Стойте! Я разбойник-людоед!» выскакивал он из чащи, никто не мог устоять, и все люди тут же падали наземь. Он выбирал, кого пожелает, взваливал жертву на плечи как придется — кого вниз головой, кого вниз ногами — и тащил ее к повару. Но вот однажды он никого в лесу не встретил и вернулся без добычи. «Что, господин?» — спросил повар. «Ставь котел на огонь». — «А мясо где, господин?» — «Будет и мясо, не беспокойся». — «Вот мне и конец пришел!» — понял повар. Трясаясь от страха, развел он костер и поставил котел на огонь. Тут людоед его зарезал, освежевал, сварил и съел. С тех пор он остался один и готовил себе сам. По всей Джамбудвипе стало известно, что в этом лесу нападает на путников людоед. Той порой один состоятель-

⁶² Низложение царя и изгнание его из царства — самое большее, что можно было сделать с людоедом, не нарушая принятых обычаев.

ный брахман собрал обоз в пятьсот телег и поехал торговать из восточных областей в западные. Он слыхивал, что в лесу на его пути засел разбойник-людоед, подстерегающий путников, и решил не идти через лес без охраны. Как приехал в деревню у леса, стал просить жителей: «Помогите мне благополучно пройти через лес», заплатил им тысячу монет, и дальше они пошли с ним. Обоз-то двигался впереди, а сам брахман, умытый и умастившийся благовониями, нарядно одетый, сверкающий драгоценностями, сидел в удобной повозке, запряженной белыми волами, и ехал последним, а вокруг шла нанятая им стража. Людоед же засел на дереве и высматривал жертву среди проходивших. Сначала никто ему не приглянулся. «В этих людях и есть-то нечего», — думал он, но едва лишь увидел брахмана, у него потекли слюнки, и пробудился в нем голод. Когда брахман поравнялся с деревом, он со своим кличем «Стойте! Я разбойник-людоед!» соскочил на землю, размахивая мечом. И никто против него не устоял — все так и повалились на землю ничком. Людоед ухватил брахмана за ноги, выдернул его из повозки, взвалил себе на спину вниз головою и побежал, а голова брахмана колотилась об его пятки. Тут охрана пришла в себя. «Ишь, как бежит, — заговорили меж собой люди. — Не зря же нам брахман тысячу заплатил, чтобы мы его охраняли. Что же мы, не мужчины? Поймаем, не поймаем, — а попытаться догнать его надо». И они пустились в погоню. Людоед обернулся, но поначалу никого позади не увидел и замедлил шаг; тут-то его и догнал какой-то смельчак, опередивший других. Людоед, заметив его, перемахнул через лежащее дерево, да не рассчитал и угодил ногой на ветку акации. Ее длинный шип вонзился ему в подошву, и людоед захромал, оставляя кровавый след. Преследователь закричал: «Глядите, я его ранил! Вы только не отставайте, сейчас я его схвачу!» Остальные заметили, что людоед стал слабеть, и поднажали. Тут уж он понял, что теперь от него не отстанут, и бросил брахмана — лишь бы спастись самому. Охрана же, выручив брахмана, не захотела дальше преследовать людоеда и вернулась назад. А людоед добрался до своего баньяна, заполз в самую чашу ветвей и там, помолившись духу дерева, дал обет: «О дух дерева! Если ты сделаешь так, чтобы рана моя зажила за неделю, я соберу сто кшатриев со всей Джамбудвипы и принесу их тебе в жертву. Кровью из их глоток я омою ствол дерева, где ты живешь, его ветви обвешу их потрохами и поднесу тебе пять сортов сочного мяса». Есть и пить ему было нечего, а потому тело у него стало ссыхаться, и рана зажила даже быстрее, чем через неделю; но сам он решил, что ему и впрямь помог могущественный дух. Поправившись, он несколько дней отъедался человечиной, а после сказал себе: «Я многим обязан этому духу. Пора исполнять обещание». И, перепоясавшись мечом, отправился он на охоту за

кшатриями. Тут повстречался ему один яккха, приятель по той прошлой жизни, когда и он сам был таким же пожирателем человеческой плоти. Яккха его сразу узнал: «Да это же мой бывший приятель в новой личности!» — и окликнул: «Эй, друг, ты меня узнаешь?» — «Нет, не узнаю». Яккха напомнил ему кое-что из прошлого; царь узнал его и разговорился. «Ты кем нынче родился?» — спросил яккха. Царь-людоед все ему рассказал: и кем он родился, и как его изгнали из царства, и где он теперь живет. Рассказал, как распорол колючкою ногу, какое духу дерева дал обещание, и заключил, что теперь идет его исполнять. «Надо бы, чтобы ты мне в этом деле помог. Пойдем вместе, друг». — «Я бы, друг, и пошел, да занят, теперь не могу. Зато я знаю один заговор, «бесценное слово» его можно назвать — он дарует силу, проворство, боевой дух. Хочешь, я тебя ему научу?» — «Отлично», — сказал царь. Яккха научил его заговору, и они разошлись. А людоед, зная заговор, стал с той поры стремительным, словно вихрь, и безмерно дерзким. За семь дней он пленил сто кшатриев без одного — всех тех прежних царевичей, с которыми вместе учился. Подстерег кого в парке, кого в ином месте — на каждого налетал вихрем со своим кличем, прыгал, вопил, хватал их, испуганных, за ноги и закидывал себе за спину вниз головою. Как ветер мчался обратно, и головы пленников колотились об его пятки. Он подвешивал их на свои баньяны на веревках, продернутых через раны в ладонях. Они висели, едва касаясь земли пальцами ног, и порывы ветра качали их, словно гирлянды или корзинки увядших цветов. А на Сутасому людоед не пошел, помнил, что тот был когда-то его учителем, да и не хотел, чтобы Джамбудвипа совсем оскудела царями. И вот стал он готовиться к жертвоприношению: развел костер и начал тесать жертвенный кол. «Видно, это он готовит мне жертву, — подумал дух дерева, глядя на это. — А ведь я не лечил его рану. Что же мне делать? Кто поможет мне предотвратить великое смертоубийство? Самому ведь мне с ним не сладить». И дух отправился к богам — властителям сторон света. Он поведал им о своей беде и просил: «Удержите его!» — «Да нет, мы тоже не можем», — сказали они. Пошел он дальше, к самому Шакре. Рассказал все опять и попросил: «Удержи его!» — «Сам я удержать не смогу, — ответил Шакра. — Зато я скажу тебе, кто это сможет». — «Ну и кто же?» — «Сутасома, сын царя Кауравьи, что правит царством Куру в городе Индрапаттане. Никто кроме него, будь то человек или бог, не способен на это. Он и жизнь царям спасет, и укротит людоеда — возьмет с него зарок не есть больше человечины. Он всю Джамбудвипу словно бы оросит нектаром бессмертия. Если ты хочешь спасти царям жизнь, вели людоеду поймать Сутасому и принести его тебе в жертву». — «Отлично», — отвечал дух. Он быстро воротился к себе и, приняв облик лесного отшельника, подошел к людоеду. Заслышав шаги, тот обернулся: уж не царь ли какой сбе-

жал? И, заметив отшельника, погнался за ним с мечом. «Подвижники тоже ведь кшатрии⁶³, — рассуждал он. — С ним и будет сотня, можно будет приступить к жертвоприношению». Три йоджаны гнался людоед за подвижником⁶⁴, взмок весь, а не догнал. Тут ему подумалось: «Что за диво? Я ведь раньше и слона, и коня, и колесницу на бегу нагонял, а сейчас подвижник вроде и не торопится, я бегу со всех ног, а догнать его не могу! Попробую-ка пронять его словом. Вот крикну ему: «Стой!» — он остановится, и тут-то я его и схвачу». И он крикнул: «Стой, шраман!» — «Я-то стою, — отвечал тот. — Ты сам попробуй остановиться!» — «Ты зачем говоришь неправду? Подвижники и под страхом смерти не лгут», — сказал людоед с укоризной:

«Я «стой» сказал тебе, а ты идешь упрямо,
Смеешься мне в глаза: я-де уже *стою*.
Смотри, подвижник! Лгать тебе не подобает,
И меч в моих руках — не детская игрушка!»

Лесной дух ответил:

«Стою я, государь, за истинную дхарму,
От имени и рода своих я не отрекся.
Разбойник, говорят, перед судом посмертным
Не сможет *устоять* — он попадает в ад».

Этими словами он хотел напомнить разбойнику, что тот и имя свое потерял — был раньше Брахмадаттой, а теперь сам стал звать себя людоедом, — и от рода отпал — был изгнан из царства и кшатрием быть перестал; да и каким кшатрием может быть тот, кто ест человечину!

А потом он добавил:

«Если отваги достанет,
В плен возьми Сутасому
И принеси духу в жертву —
Добудешь себе этим небо».

С этими словами дух вновь принял свой истинный облик и, вознесясь над землею, засиял, словно солнце. Услыхав такие слова от подвижника и видя его превращение, людоед спросил: «Кто же ты?» — «Я дух этого дерева». — «Вот и увидел я своего духа», — обрадовался людоед. «Пресветлый дух! — сказал он. — Я поймаю Сутасому. Ты можешь в

⁶³ Имеется в виду подвижник, занимающийся йогой. Уходившие в лес брахманы чаще предавались суровой аскезе и самоистязаниям, нежели собственно йоге.

⁶⁴ Эпизод погони людоеда за подвижником и последующий обмен репликами напоминают сходные пассажи из «Сутры о Пальцеломе», где повествуется об укрощении Пальцелома Буддой. Этим подчеркивается параллелизм событий прошлой жизни и жизни, современной рассказчику.

этом не сомневаться. Возвращайся к себе в дерево». Дух на глазах у него скрылся в дереве. Тут и солнце закатилось, луна возшла. Людоед был человеком ученым, знал он и веды, и веданги, понимал ход светил и созвездий. Взглянул он на звездное небо и сообразил: «Завтра праздник созвездия Пушья. Значит, Сутасома отправится в парк совершать омовение. Там-то я его и схвачу. Он, правда, будет не один, а с охраной — ведь соберутся жители со всей Джамбудвипы и вокруг на три йоджаны выставят оцепление. Выходит, надо забраться в парк еще до полуночи, пока не поставят стражу. Там я спрячусь в священном лотосовом пруду и буду в нем дожидаться». И он пробрался к пруду, залез в него и притаился в воде, укрыв голову лотосовым листом. Жар от него пошел в воду такой, что черепахи, рыбы и прочие водяные твари не выдержали, обмякли и отплыли подальше, сбившись в кучу у кромки воды. А если спросить, откуда в нем такой жар, так это от прошлых его деяний. Мошным он стал потому, что во времена десятикильного Кашьяпы велел раздавать молоко по памятным дощечкам с зарубками⁶⁵. А жар в нем собрался такой потому, что тогда же он построил для монахов теплую трапезную и, чтобы они могли погреться, подарил им очаг, дрова и колун. Итак, он был уже в парке, когда на утренней заре на три йоджаны в округе расставили оцепление. Рано поутру царь позавтракал и выступил из города со всем своим войском: пехотой, конницей, слонами и колесницами. Сам он сидел на нарядно убранном слоне. В тот же час, на восходе солнца, в городские ворота входил некий брахман. Его звали Нандой. Накануне вечером он пришел из Такшашилы, пройдя путь в сто двадцать йоджан, и принес с собою четыре строфы, из которых каждая стоила сотню монет. Переночевал он у городских ворот, а поутру увидел царя, выезжавшего через восточные ворота и, простирая руки, приветствовал его. Царь был приметлив; он углядел, что на пригорке стоит брахман и простирает к нему руки, подъехал к нему на слоне и спросил:

«Ты из какого царства происходишь?

И к нам с каким намерением прибыл?

Что надобно тебе? Ответь мне, брахман.

Я одарю тебя, чем пожелаешь».

Тот ответил:

«Земной властитель! Есть строфы четыре —

Их смысл бездонен, как морские воды.

Хочу с тобою ими поделиться.

Внемли им, высшей истине причастным!»

⁶⁵ Бирки, вручавшиеся постоянным получателям даров при регулярной раздаче.

И он добавил: «Государь, эти четыре строфы произнес некогда сам десятисильный Кашьяпа. Каждая стоит сотни монет. Я слышал, что ты весьма рассудителен, и пришел прочесть их тебе». — «Прекрасное намерение, учитель! — обрадовался царь. — Я, правда, не могу сейчас вернуться. Сегодня праздник созвездия Пушья, и в этот день мне надлежит совершить омовение. Я вернусь и выслушаю тебя, а пока не скучай». Он распорядился, чтобы советники поместили брахмана в таком-то доме, устроили ему ложе, обеспечили довольствием и одеждой, а сам вступил в парк. Парк этот был окружен стеною высотой в восемнадцать локтей; за нею, касаясь друг друга боками, стояли вплотную слоны, за ними конница, потом колесницы, а сзади — лучники и вся пехота. Построенная так военная сила волновалась, как беспокойное море. Царь снял с себя тяжелые украшения; цирюльник его причесал, он натерся благовониями, с царственным величием омылся в пруду и, выйдя из воды, стоял в купальной одежде, ожидая, пока ему поднесут притиранья, венки и украшения. Тут людоед решил: «Когда царь наденет на себя все украшения, он сделается тяжелее. Надо его брать сейчас, пока он полегче». Он приставил палец ко лбу и со своим кличем «Стойте! Я разбойник-людоед!» выпрыгнул из воды; мечом он вращал над головой, и тот сверкал, словно молния. От его вопля вожаки попадали со слонов, верховые — с коней, колесничие — с колесниц, все войско бросило оружие и повалилось ничком. Людоед же схватил Сутасому. Других царей он брал за ноги и забрасывал себе на спину вверх ногами, чтобы голова пленника на бегу колотилась об его пятки. Не так поступил он с Бодхисаттвой: он подошел к нему, присел и посадил себе на плечи. «Идти в ворота — время терять», — решил людоед и тут же с места взлетел на стену высотой в восемнадцать локтей и бросился вперед. Он заскакал сперва по головам слонов, из чьих висков сочилась жидкость, как это происходит от ярости во время гона, и головы клонились, как сшибленные горные вершины; потом — по спинам борзых скакунов, сгибавшихся под ним; потом юлою завертелся по передкам прекрасных колесниц; а дальше — мчался по щитам поверженной пехоты, и те щиты лопались с треском, как листья баньяна. Так он единым духом пролетел три йоджаны. Там он обернулся — не видно ли погони — и, не замечая никого, замедлил шаг. С мокрой головы Сутасомы на него стекали капли, и он решил, что это слезы: «Нет таких людей на свете, кто б не боялся смерти, — подумал он. — Вот и Сутасома, верно, плачет потому, что боится умереть». И он спросил:

«Кто мудр и к размышлению причастен,

О многом думал и немало знает,

Кто людям всем надежда и опора, —

Как может тот отчаянно поддаться?

О чем же ты горюешь, Сутасома?
Себя ли жаль, иль сыновей и ближних,
Или богатства, золота, сокровищ?
Властитель царства Куру, отвечай мне!»

Сутасома ответил:

«О нет, я о себе не сожалею,
Не жаль ни царства, ни семьи, ни денег.
Но есть закон: пообещал — исполни.
Мне жаль, что брахман будет ждать напрасно.
Когда я правил царством полновластно,
Я брахману пообещал беседу.
Дай мне исполнить это обещанье!
Я верен слову и вернусь обратно».

Людоед сказал:

«Как я могу словам твоим верить?
Кто счастливо спасся из пасти смерти,
На милость врага добровольно не сдастся.
Ты не вернешься, о царь кауравьев.
Если ты на свободу из плена
Вырвешься и во дворец воротишься,
Ты будешь счастлив и рад спасенью,
А к людоеду идти не захочешь».

На эти речи Великий отвечал ему с бесстрашием льва:

«Кому добродетель всего дороже,
Тот смерть предпочтет позорной жизни.
Если ты ложью от смерти спасешься —
Ею же ад себе уготовишь.
Скорее ветер разрушит горы,
Луна и солнце падут на землю,
Скорей потекут к истокам реки,
Чем я не сдержу свое обещанье».

Но тот все равно не верил, и Бодхисаттва подумал: «Не верит он мне, видно. Попробую убедить его клятвой». И он сказал: «Людоед, прошу тебя, опусти меня на землю. Я хочу поклясться, чтобы ты поверил мне». Людоед позволил ему спуститься, и, стоя на земле, Бодхисаттва произнес:

«Клянусь копьём и мечом наследным,
Какого хочешь заклятья требуй:
Дай мне свободу! Исполнив долг свой,
Я слово сдержу и вернусь обратно».

«Сутасома поклялся клятвой, нерушимой для кшатрия. Дался он мне! Я ведь и сам царь и кшатрий. Если пушу самому себе кровь из жилы

на руке, смогу и без него устроить жертвоприношение духу. А то Сутасома слишком уж убивается», — подумал людоед и сказал:

«Когда ты царством правил полновластно,

Пообещал ты брахмана послушать.

Ступай, исполни это обещанье.

Но ты дал слово и вернуться должен».

«Не сомневайся, любезный, — сказал Бодхисаттва. — Я только выслушаю те четыре строфы, что стоят по сотне монет, почту того, кто хочет мне их преподать, и к утру вернусь.

Когда я царством правил полновластно,

Я брахману пообещал беседу.

Я ухажу исполнить обещанье,

Но я поклялся и вернусь обратно».

«Смотри, государь, ты поклялся клятвой, которую кшатрий не должен преступать», — напомнил людоед. «О чем ты, людоед! Ты ведь меня знаешь с юности, я даже в шутку не лгал ни разу в жизни. Ужели я начну лгать теперь, когда я царь и знаю, что хорошо и что дурно? Поверь мне, я к твоему жертвоприношению приду обратно!» — «Что ж, государь, иди, — согласился людоед. — Без тебя я жертвоприношения не начну. Да и дух дерева не согласится принять его без тебя. Смотри, не расстрой мне дело». Он отпустил Великого. А тот, подобно месяцу, что выскользнул из пасти Раху, стремительный, как мощный слон, помчался к городу. Войско его еще не возвратилось в город. «Царь Сутасома наш умен, — судили воины. — Только бы удалось ему разговорить людоеда. Он умягчит его сладостной беседой о дхарме и вернется, словно могучий слон, вырвавшийся из когтей льва». Да им и стыдно было показаться горожанам после того, как людоед на их глазах унес царя. Теперь же войско издали заметило царя, пошло ему навстречу, приветствовало, вопрошая: «Как вы спаслись от людоеда, государь?» — «Он поступил со мной как благодетельный родитель. Как бы свиреп ни был злодей, он внял моей покорной просьбе и отпустил меня⁶⁶», — ответил царь. На царя надели украшения, подвели к нему слона, и он вернулся с войском в город. Горожане возликовали, видя его снова. А царь

⁶⁶ Давно известно, и не в одной Индии, что денежный дар велик не абсолютной величиной, а той долей, которую он составляет от имущества дарителя. Здесь же сходное высказывается и о поступках, которые нельзя прямо назвать «дарами». Действительно, для лютого злодея было и впрямь труднее отпустить свою жертву, чем для родителей — воспитать детей. Значит, людоед сделал большее усилие и должен считаться большим благодетелем, чем мать или отец. А стало быть, и благодарности он заслуживает не меньшей.

стремился послушать дхарму, как иной пьяница — напиться. Он даже родителей проведать решил после и отправился прямо во дворец. Сел на трон, послал за брахманом и велел цирюльнику его причесать, велел также, чтобы его умыли, умастили, одели в дорогие одежды и украшения — и всё проверил. Потом умылся сам, повелел подать брахману царских кушаний и сам поел после него. Усадил брахмана на драгоценное сиденье, поднес ему, из почтения к дхарме, благовония, гирлянды и прочие подношения, уселся на сиденье пониже и попросил: «Учитель, прочтите нам строфы, что вы принесли с собой».

Вот вырвался он из рук людоеда

И к брахману явился с поклоном:

«Поведай мне строфы, что дорого стоят,

Хочу их услышать себе на благо».

В ответ на просьбу Бодхисаттвы брахман еще раз натер руки благовониями, вынул из котомки красивую книгу, взял ее бережно и произнес: «Итак, государь, услышь эти драгоценные строфы, преподанные самим десятиктыльным Кашьяпой. Они сокрушают страсть, тщеславие и другие пороки, искореняют склонность к утехам, разрывают круг смертей и рождений, пресекают всяческую жажду; они ведут к отвращению от мирского, прекращению житейских начинаний и бессмертию великой нирваны». И он прочел по книге:

«Благого мужа, Сутасома,

Однажды встретить — уже благо.

В общении с ним много пользы,

А с прочими хоть не встречайся.

К праведным будьте поближе,

С праведными общайтесь,

От знания истинной дхармы

Счастьем сменится горе.

Ветшают даже колесницы князьи,

Вот так и тело склонится к тлену.

Но дхарма истых к тлену не склонится,

От истых к истым передаваясь⁶⁷.

Земля от небес отстоит далеко,

Заморье от нас, говорят, далеко,

Но дальше еще отстоят друг от друга

Правда благих и злая неправда».

⁶⁷ Строфа № 151 Дхаммапады.

Произнеся эти четыре строфы, стоящие каждая сотню монет, ибо некогда они были преподаны десяти тысячам Кашьяпой, брахман умолк. «Не напрасно вернулся я, — обрадовался царь и продолжал размышлять. — Эти строфы произнесены не учеником пробужденного, не просто подвижником-мудрецом, не поэтом. Тот, кто изрек их, всеведущ. Сколько же могут они стоить? Даже если бы я наполнил вселенную⁶⁸ до самых миров Брахмы семью видами драгоценностей и все это поднес ему в дар — и того было бы мало. Я могу отдать ему власть над царством Куру, простирающимся на триста йоджан, с его столицей Индрапаттаной, которая в поперечнике имеет семь йоджан. Да вот его ли удел — править царством?» Царь взглянул на брахмана, и чудесное знание телесных примет подсказало ему, что нет у того такого удела. Тогда он стал думать, не поставить ли брахмана военачальником или дать ему другой сан, но оказалось, что тому не судьба править даже одинокой деревней. Тогда царь решил одарить его деньгами. Сперва он положил десять миллионов и понемногу спускал, пока не открылось, что судьба брахману получить четыре тысячи монет. «Значит, так я его и отблагодарю», — решил царь и распорядился выдать брахману четыре кошелька, по тысяче монет в каждом. «Учитель, а когда вы читали эти строфы другим кшатриям, сколько они вам за них давали?» — спросил он у брахмана. «За строфу сотню, государь. Потому я и сказал, что они стоят по сотне каждая». — «Учитель, — возразил ему Великий. — Ты сам не знаешь цены товару, которым ты торгуешь. Отныне пусть эти строфы ценятся по тысяче.

Такие изречения

не сотни стоят — тысячи!

Четыре тысячи за мной.

Плачу тебе немедленно».

Дал он брахману удобную повозку, наказал слугам, чтобы те с почетом отвезли его домой, и распрощался с ним. В этот миг раздался глас: «Царь Сутасома достойно оценил сии строфы. Он вдесятеро поднял назначенную цену! Прекрасно! Прекрасно!» Этот глас дошел и до царских родителей. «Что за шум?» — удивились они, а разузнавши, в чем дело, рассердились на Великого, ибо были скуповаты. Он же, простившись с брахманом, пришел приветствовать их. Отцу его было до того жалко денег, что он и не спросил: «Как же ты, сынок, вырвался из рук этого лютого разбойника?» — а сразу сказал: «Правда ль, сынок, что

⁶⁸ Размеры вселенной, в которой мы живем, ограничены. Мироздание состоит из бесчисленных таких вселенных.

за каких-то четыре строфы ты отдал четыре тысячи?» — «Правда», — ответил тот.

«Добро бы восемьдесят или девяносто,
Да даже сто — разумная цена!
Но за строфу по тысяче? Уволь,
Уж это, Сутасома, мотовство!» —

сказал тогда отец. «Я, отец, хочу не много денег иметь, а знать **много** мудрых речений», — ответил Великий, пытаюсь образумить его.

«Мне дороги речения мудрых
И уважение благочестивых.
Как море ручьи насытить не могут,
Так я поученьям внимать не устану.

Огонь сжигать дрова не устанет,
Речная вода океан не наполнит,
А мудрые люди, о лучший владыка,
Благому совету внимать не устанут.

И даже если собственный раб мой
Мне изречение мудрое скажет,
Я буду ему, как другим, благодарен:
Мне дхарме учиться наскучить не может.

Отец, напрасно ты коришь меня за траты, — продолжал он. — Я ведь поклялся людоеду к нему вернуться, когда услышу эти строфы, так что теперь я уйду, а царство остается вам.

Конями, казною и царским званием
И всеми благами, что есть в царстве,
Владей, а меня осуждать не надо.
Я уйду назад к людоеду».

От таких слов у отца царя загло в груди: «Сынок, Сутасома, что это за речи! Я прикажу войску, и оно пленит разбойника!» И он произнес:

«Да разве мы с тобою беззащитны?
Вот конница, пехота, колесницы,
Слоны могучие, стрелки из лука...
Пошлем их в лес расправиться с злодеем».

И отец и мать стали со слезами молить его: «Не уходи, сынок! Это невозможно!» Зарыдали шестнадцать тысяч танцовщиц и все обитательницы женской половины дворца⁶⁹: «На кого, господин, ты нас поки-

⁶⁹ Женская половина дворца аналогична гинекею. На ней жили царские жены и наложницы-танцовщицы. Посторонние туда обычно не допускались, хотя для монахов-проповедников могли быть и исключения.

даешь?» Во всем городе ни один человек не остался спокоен. Когда люди узнали, что царь, выходит, был отпущен людоедом под честное слово, только чтобы выслушать строфы о дхарме, стоящие каждая сотню монет, и принять с почетом того, кто их принес, и теперь прощается с родителями, собираясь вернуться к разбойнику, — весь город пришел в смятение. Бодхисаттва же ответил родителям:

«Он сделал то, что не всякий сможет:

Ведь он меня отпустил на волю.

Великодушно слову поверил.

Как же могу я нарушить слово?

Батюшка и матушка, не печальтесь вы обо мне! — утешал он родителей. — Благих дел сотворил я довольно, а утечи чувств наших — это жар, погасить который не очень трудно». Попрощался он с родителями, прочим дал свои наставления и ушел.

Родителям он своим поклонился.

Дал свой наказ горожанам и войску

И, верный однажды данному слову,

Отправился он назад к людоеду.

Людоед тем часом думал: «Если мой былой товарищ Сутасома и впрямь хочет прийти — пусть приходит, а если нет, что же: пусть мой лесной дух делает, что ему вздумается, а я зарежу этих царей и принесу жертву пятью сортами сочного мяса». Он сложил костер, запалил огонь и, дожидаясь углей, сидел и тесал кол. Пришел Сутасома. Завидев его, людоед обрадовался: «Ну что, любезный, сделал ты свое дело?» — «Да, государь, — отвечал Великий. — Я выслушал строфы, преподанные десяти сильным Кашьяпой, и отблагодарил научившего меня брахмана. Выходит, что свое дело я сделал.

Когда я царством правил полновластно,

Я брахману пообещал беседу

И обещание свое исполнил.

Я верен слову и пришел обратно.

Теперь я стать готов твоею жертвой,

А если хочешь, можешь съесть меня».

Слыша такие речи, людоед подумал: «Царь совсем не боится. Он говорит как человек, победивший страх смерти. Откуда такое чудо? Раз он сам говорит, что услышал строфы, преподанные некогда десяти сильным Кашьяпой, значит, больше и искать нечего это — это их могущественное воздействие, — решил он. — Надо бы попросить, чтобы он мне их прочел, тогда и я стану бесстрашным. Так и поступлю». И он обратился к Сутасоме:

«Зарезать тебя я потом успею,

Ведь мясо лучше жарить на углях.

Пока дрова до конца не сгорели,
Я твои строфы хочу услышать».

«Этот людоед — грешник. Я его сперва побраню, пристыжу, а уж потом скажу строфы», — подумал Великий и сказал:

«Ты стал людоедом и предал дхарму,
Оставил царство в угоду брюху.
Не для тебя эти строфы о дхарме,
Ведь несовместны дхарма с недхармой.

Ты душегуб и убийца, ты осквернитель дхармы.
Строфы, в которых истина, не для твоих ушей».

Людоед на это не рассердился ничуть, ибо великая доброта Бодхисаттвы укротила его; он спросил только: «Любезный Сутасома, но разве я один против дхармы иду? — и добавил:

Один добывает мясо оленя,
А для другого пожива — люди.
Обоих посмертный удел одинаков.
Я дхарму не больше других оскверняю».

Но Великий не поддался на такую уловку:

«Пять пород пятипалых зверей
Дозволяются кшатрию в пищу.
Ты же, царь, ешь запретное мясо.
Этим дхарму ты осквернил».

Ведь известно, что пять пород — это заяц, дикобраз, игуана и другие звери, но уж никак не человек. Людоед увидел, что хитрость не удалась и, не найдя как еще возразить, перевел разговор на другое:

«Я ведь тебе даровал свободу,
Ты счастливо во дворец вернулся.
Зачем ты врагу отдаешь себя в руки?
В кшатрийской дхарме ты неискусен ⁷⁰».

«Любезный! — сказал ему на это Бодхисаттва. — Искусный в кшатрийской дхарме человек должен поступать так же, как я. Я ведь ее знаю, но ей не следуя, — и пояснил:

Искусному в кшатрийской дхарме
В посмертье уготован ад,
И следовать я ей не стану.
Я верен слову и вернулся.
Ешь меня сам иль духу жертвуй».

⁷⁰ Кшатрийская дхарма имела весьма мало общего с благочестием. Это скорее учение о том, как успешно осуществлять свои цели, какими бы они ни были. Считалось, например, что для достижения успеха можно предать родителей.

Людоед сказал:

«Прекрасные дворцы, имения и кони,
Наложницы, сандал и дорогие ткани —
Все было, господин, в твоём распоряжении,
А верность слову чем же выгодна тебе?»

Бодхисаттва сказал:

«Всего на свете истина дороже.
Подвижникам и брахманам, ей верным,
Она навек дарует избавленье
От мира бренного рождения и смерти».

Так Великий объяснил ему, чем же дорога верность слову. И людоед, глядя в его сияющее лицо, подобное полной луне или расцветшему лотосу, подумал: «Сутасома видит угли костра, видит, что я тешу для него кол, но в лице его не заметно и тени страха. Чья это над ним власть: тех ли строф, стоящих по сотне, или преданности истине, или чего-то иного?» — и он решил спросить:

«Я ведь тебе даровал свободу,
Ты счастливо во дворец вернулся,
Но вновь врагу себя предал в руки.
Я страха смерти в тебе не вижу,
Откуда в тебе подобная стойкость?»

И Великий объяснил ему:

«Я добрых дел свершил немало
И жертвовал богам обильно,
Родителям я был опорой,
Поддерживал родных с друзьями,
И бедным помогал охотно;
К подвижникам был благосклонен.
Свой путь посмертный я очистил.
Тому, кто в дхарме укрепился,
Не следует бояться смерти.
Я с жизнь отдам без сожаленья.
Ешь меня сам иль духу жертвуй».

Внимая этим речам, людоед испугался: «Царь Сутасома, как видно, — праведник и человек, знающий благо. Нельзя мне его есть, а не то как бы голова моя не разорвалась на семь кусков⁷¹, или как бы мне не

⁷¹ Не следует думать, что имеется в виду наказание, немедленно налагаемое за грехи неким богом или тем более жертвой. Скорее можно сказать, что сама природа человека его сущность не вынесет бремени совершаемого злодейства.

провалиться сквозь землю». «Сдается мне, приятель, что съесть тебя мне не под силу, — сказал он и прибавил:

Я лучше отраву приму добровольно,
За хвост буду дергать злобную кобру:
Ведь у того голова разорвется,
Кто человека, верного слову,
Такого, как ты, вознамерится съесть».

«Ты подобен смертельному яду, никто не станет тебя есть», — сказал он Великому и вновь попросил прочесть ему строфы. «Ты недостойн внимать этим строфам, толкующим о безупречной дхарме», — ответил Бодхисаттва, желая пробудить в нем почтение к дхарме. «Должно быть, эти строфы и впрямь необыкновенны, — решил людоед. — Ведь Сутасома — первый мудрец на всей Джамбудвипе. Я его отпустил, а он выслушал строфы, почтил того, кто ему их преподавал, и вернулся назад, на верную смерть. Выходит, ему ничего больше не нужно от жизни». Тут людоеду еще сильнее захотелось их услышать, и он почтительно попросил:

«Бывает, что люди, услышав дхарму,
Добро и зло различать начинают.
Прочти мне строфы, и я, быть может,
Тоже стану дхарме причастен».

«Вот теперь людоед действительно хочет слушать, и пора мне их поведать», — подумал Великий. «Слушай, приятель, внимательно», — начал он, воздал хвалу строфам так же, как это сделал брахман Нанда и, покрывая голосом все шесть небес мира желаний, прочел людоеду те строфы. Боги внимали ему и восклицали: «Превосходно!»

И оттого ли, что Сутасома хорошо прочел строфы, а может, и оттого, что сам людоед был умен, но только того пронзила мысль: «Не сам ли всеведущий пробужденный произнес эти строфы?» — и от радости все существо его просияло радугой цветов⁷². К Бодхисаттве он проникся теплой приязнью, словно увидел в нем своего царственного отца, возведшего его на престол. «У меня нет золота ни в слитках, ни в звонкой монете — ничего, чем бы я мог достойно отблагодарить Сутасому, но за каждую строфу я пообещаю ему исполнить по одному его желанию», — подумал он и сказал:

«Воистину, смысла полны эти строфы,
А выраженье приятно для слуха.

⁷² Такое представление о воздействии радости на человека находит себе точное подтверждение в буддийской иконографии, где нередко изображения людей, особенно святых, излучающих радугу всем своим телом.

Ты мне их, воитель, прекрасно преподал.
Я в восхищение и рад безмерно,
И в благодарность за это, кшатрий,
Исполню четыре твоих желанья».

«Вряд ли ты сможешь исполнить мои желанья, — недоверчиво ответил ему Великий. — Ведь ты

О смерти своей не заботишься вовсе,
Ни небо, ни ад, ни зло и ни благо
Тебя нимало не занимают.
Дурному привержен, утробе ты служишь.
Как можешь ты, грешник, исполнить желанья?
Представь: назову я тебе желанье,
А ты его исполнять не захочешь.
Начнутся у нас пререканья и споры,
А рассудительному человеку
От них подальше лучше держаться».

«Нет, не верит он мне, — подумал людоед. — Что ж, я ему поклонюсь».

«Давать не следует обещаний,
Которых потом не сможешь исполнить.
А ты говори и не сомневайся.
Исполню, хотя бы ценою жизни».

«Он говорит очень смело, — подумал Великий. — Похоже, от слова он не отступится. Хорошо! Но если свое главное желание — чтобы он закаялся есть человечину — я выскажу сразу же, то ему придется совсем нелегко. Лучше я сначала назову три других желания, а это пусть будет последним». И он произнес:

«Арию арий всегда товарищ,
С умным разумный всегда сойдется.
Хочу увидеть тебя столетним —
Первое это мое желанье».

Услышав это, людоед исполнился радости. Он подумал: «Этот царь, из-за меня едва не лишившийся царства, желает теперь долгой жизни мне, отъявленному разбойнику, принесшему ему столько зла и покушавшемуся его съесть! Как же он ко мне расположен!» Людоеду и в голову не пришло, что в желании был скрытый умысел. И он в таких словах согласился ему последовать:

«Арию арий всегда товарищ,
С умным разумный всегда сойдет.
Пусть ты увидишь меня столетним —
Да сбудется это твоё желанье».

Тогда Бодхисаттва сказал:

«Тех кшатриев, на дереве висящем,
Властителей, помазанных на царство,
Хочу, чтоб ты избавил его от заклатья, —
Второе таково мое желанье».

Итак, вторым его желанием было сохранить жизнь ста пленникам-царям. Людоед и на это согласился:

«Тех кшатриев, на дереве висящих,
Властителей, помазанных на царство,
Согласен я избавить от заклатья
Пусть сбудется твое это желанье».

А как же они сами, те кшатрии, — слышали они их разговор или нет? Кое-что слышали, но не всё. Людоед развел костер поодаль от дерева, чтобы пламя и дым не повредили ему, а Великий разговаривал с ним, сидя между костром и деревом, поэтому слышали они их через слово. Теперь они стали ободрять друг друга: «Не бойтесь, скоро Сутасома усмирит людоеда». В этот миг Сутасома сказал:

«Пленил ты кшатриев больше сотни,
Продернул несчастным веревки в ладони,
Льют они слезы и тяжело страдают.
Назад отпусти их в родные царства —
Это третье мое желанье».

Почему же Великий третьим назвал такое желание — чтобы людоед отпустил кшатриев обратно в их царства? А вот почему. Людоед ведь мог их и не съесть, но из страха, как бы они ему не отомстили, он мог либо оставить их своими рабами, либо просто убить и выбросить трупы, либо продать в рабство на чужбине. Потому Сутасома и пожелал освобождения царей особо. Людоед согласился:

«Пленил я кшатриев больше сотни,
Продернул несчастным веревки в ладони,
Льют они слезы и тяжело страдают.
Но я отпущу их в родные царства,
Пусть сбудется это твое желанье».

Только теперь Бодхисаттва назвал четвертое желание:

«Царство твое давно в запустенье,
Невзгоды подданных одолели,
Народ попрятался по пещерам —
Есть зарекись человечье мясо!
Четвертое это мое желанье».

На это людоед только хлопнул в ладоши и расхохотался: «Почтенный Сутасома, что это за речи! Разве я могу исполнить такое желание? Назови мне лучше что-нибудь исполнимое.

Ведь это моя любимая пища,
Из-за нее я в лесу очутился,
Как я могу от нее отказаться?
Прошу, назови иное желанье».

«Ты говоришь, что не можешь дать такого залога, — сказал ему на это Великий. — потому что тебе очень нравится человечина. Но тот, кто совершает грех ради удовольствия — просто глупец.

О воин! Кто равен тебе по рождению,
Не должен давать своим прихотям воли.
И разве ты сам себе не дороже
Услад, что цари себе позволяют?»

«Что же мне теперь делать? — встревожился людоед. — Я не могу ни Сутасому заставить взять обратно это желание, ни сам перестать есть человечину». И с глазами, полными слез, он сказал:

«Мне столь по душе человеческое мясо,
Что мне невмочь от него отказаться.
Имей снисхождение, Сутасома,
Прошу, назови иное желанье».

Бодхисаттва ответил:

«Кто прихотям своим бездумно потакает,
Гонясь за ними, тот себя напрасно тратит.
Подобно пьянице, что выпил чашу с ядом.
Страдать он тяжело после смерти будет.
А тот, кто, взвесив всё, их отсекает
И выбирает будущее благо —
Ведь так больной лекарство принимает, —
Блаженствовать тот после смерти будет».

Людоед жалостно возразил:

«Я мать свою и отца оставил,
Рукой махнул на все наслаждения,
Я ради мяса в лесу очутился:
Как от него я могу отказаться?»

Великий сказал ему:

«Мудрые дважды не повторяют,
Благой человек свое слово держит.
Сначала сказал ты: «Исполню желанья».
Теперь говоришь ты совсем иное!»

Великий напомнил ему: «Ты же сам сказал мне:

“Давать не следует обещаний,
Которых потом не сможешь исполнить.

А ты говори и не сомневайся.

Исполню, хотя бы ценою жизни».

И он продолжал, стремясь воодушевить людоеда:

«Муж, кому дорога добродетель,

С жизнью расстанется, но не с дхармой.

Благой человек свое слово держит.

Что обещал, то скорее исполни,

И ты тогда, превосходный воитель,

В делах приблизишься к совершенству.

Чтоб руку сохранить — отдай богатства;

Чтобы себя спасти — рукой пожертвуй.

Но чтобы дхарму соблюсти, муж благородный

Отдаст богатство, руку, даже жизнь».

Так Великий убеждал его в том, что должно следовать истине, а затем напомнил, как надлежит чтить учителя:

«Учитель, преподавший тебе дхарму,

Кто от сомнения тебя избавил, —

Всегда твоя надежда и опора,

И дружба с ним не старится вовеки».

И он продолжал: «Любезный людоед, не следует нарушать слово, данное достойному учителю. А ведь я еще в юности был твоим вторым учителем и многое тебе преподавал, а теперь я прочел тебе строфы, стоявшие по сотне каждая и полные мудрости пробужденных. Ты должен меня послушаться». «Делать нечего, — подумал людоед. — Сутасома и учитель мой, и мудрый человек, да и слово я ему дал. Всё едино умирать придется. Зарекусь есть человечину, исполню его желание». Он встал, бросился в ноги Сутасоме и, проливая потоки слез, дал ему то обещанье, какого тот просил:

«Нет мне ничего милее мяса,

Для него в лесу я очутился,

Но раз просишь ты меня об этом,

Исполняю я твое желанье».

«Так тому и быть, друг, — сказал ему Великий. — Когда человек и впрямь вступил на стезю добродетели, он скорее умрет, чем сойдет с нее. Я принимаю твои обещания. Ты встал на путь, указанный тебе учителем, и я молю тебя: если я тебе дорог, то обещай мне следовать пяти заповедям». — «Хорошо, друг, перечисли мне их». — «Слушай, государь». — и на эти слова людоед поклонился Великому полным земным поклоном и сел подле него, а Великий назвал ему заповеди. В этот миг земные духи, собравшиеся вокруг, возликовали, оглашая весь лес: «Во всей вселенной от Незыби и вплоть до макушки бытия никто, кроме Великого, не смог бы

зародить в людоеде светлые чувства и убедить его отказаться от человеческого мяса! Вот какой великий подвиг свершил Сутасома!» А услышав эти клики, боги — властители сторон света — их подхватили, и возгласы ликования стали возноситься все выше и выше, пока не достигли небес Брахмы. Подвешенные на дереве цари слышали клики богов, и дух дерева порадовался в своем обиталище. Хоть слова были слышны, самих богов не было видно. Но слыша их речи, цари поняли: «Сутасома нас спас от гибели. Он свершил небывалый подвиг — усмирил людоеда». И они воздали Бодхисаттве хвалу. А людоед поклонился Великому земным поклоном и стал подле него. «Отвяжи кшатриев, приятель», — сказал ему Великий. «Я для них враг, — подумал тут людоед. — Если я отвяжу их, они захотят схватить меня и могут мне навредить, а я даже ради собственного спасения не посмею нарушить обета, который дал Сутасоме. Пусть лучше он вместе со мной пойдет их отвязывать, так мне будет безопаснее». И он почтительно попросил Сутасому пойти с ним вместе:

«Ты и учитель мне, и товарищ.
Я твою просьбу уже исполнил,
Теперь в свой черед ты мою исполни:
Пойдем и вместе царей отвяжем».

Бодхисаттва дал на это согласие:

«Я и учитель твой, и товарищ.
Ты мою просьбу уже исполнил,
Теперь в свой черед я твою исполню:
Идем и вместе царей отвяжем».

Затем он подошел к царям и сказал:

«Разбойник принес вам немало горя,
Продернул несчастным веревки в ладони,
Вы льете слезы, страдаете тяжко.
И все же по правде мне поклянитесь,
Что вы ему свои муки простите».

Те ответили:

«Разбойник принес нам немало горя,
Продернул несчастным веревки в ладони,
Мы слезы льем и страдаем тяжко,
Но все же готовы мы в том поклясться,
Что на него не поднимем руку».

«Тогда вот что мне пообещайте, — сказал Бодхисаттва. —

Да будет для вас этот царь отныне
Словно отец или мать родная,
Пусть будет участлив он и заботлив,
И станете вы ему сыновьями».

Они согласно повторили:

«Да будет для нас этот царь отныне
Словно отец или мать родная,
Пусть будет участлив он и заботлив,
А мы ему сыновьями будем».

Так Великий связал их обещанием и позвал людоеда: «Давай отвязывать их». Тот перерезал мечом веревку, на которой висел один царь. А царь тот уже неделю не ел, от боли лишился сознания и, когда веревка его держать перестала, упал на землю. Великому стало жаль его. «Не стоит так грубо срезать, приятель», — сказал он и, обхватив другого царя руками, прижал его к груди и велел: «Теперь режь!» Людоед перерезал веревку, а Великий принял царя к себе на грудь, ибо был он силен, и бережно, словно родного, уложил его на землю. Так они сняли всех царей и промыли им раны. Веревки из их ладоней Великий вытянул так осторожно, как вынимают нитки из ушей у детей, когда протыкают им дырочки для сережек, очистил раны, смыл гной и кровь, а людоеду велел натолочь древесной коры. Порошком из нее он посыпал раны, произнес заклятие истиной, и раны в тот же миг затянулись. Людоед сварил риса, и отваром они напоили всех сто царей. Тем часом стемнело. Назавтра они поили царей отваром уже три раза — утром, днем и вечером, — а на третий день дали им в супе рисовых клецок. Цари стали крепнуть. «Сможете вы идти?» — спросил их Великий. «Сможем», — отвечали те. «Ну что, любезный людоед, пойдем домой?» Но людоед заплакал и бросился ему в ноги: «Веди царей домой, друг, а я здесь останусь и буду кормиться лесными кореньями и плодами». — «Да что тебе здесь делать, друг? У тебя ведь царство на зависть — возвращайся править в Варанаси!» — «Что ты говоришь, друг! Нельзя мне туда возвращаться. У меня там полно врагов: у кого я съел мать, у кого — отца. Они мне это припомнят. Стоит кому-нибудь крикнуть: «Держи разбойника!» — и каждый в меня кинет камнем. Вот мне и конец! А ведь я тебе дал обет и убивать никого не могу даже для собственного спасения. Все равно мне теперь долго не прожить, раз я закаялся есть человечину, и больше я вас не увижу. Ступайте!» — и людоед зарыдал. Великий положил руку ему на плечо и стал утешать: «Друг, меня ведь зовут Сутасома. Даже твою жестокость я смог одолеть, что же тогда говорить о жителях Варанаси. Я верну тебе царство. А если это мне не удастся, отдам тебе половину своего». — «У меня и в твоей столице враги». «Да, непросто ему было принять мое требование! — подумал Великий. — Теперь я так или иначе должен вернуть его на трон». И, желая соблазнить людоеда, он так стал расписывать прелести городской жизни:

«Кто дичь и птицу вкушал когда-то
Пряно приправленные поварами,
Как Индра вкушает нектар бессмертья, —
Тому безотрадно житье лесное.

Кого услаждали кшатрийки раньше,
Красавицы в золотых украшениях,
Как Индру тешат небесные девы, —
Тому безотрадно житье лесное.

Кто сладко спал на ложе когда-то,
Устланном шерстяным покрывалом,
На чистом, мягком, на красных подушках, —
Тому безотрадно житье лесное.

Кто ритму мриданга внимал ночами,
Мелодиям и искусному пению,
Кому по ночам играли гандхарвы —
Тому безотрадно житье лесное.

Кто в городе жил, что радует сердце
Своими садами всегда в цвету,
Конями, слонами и выездом царским, —
Тому безотрадно житье лесное».

Великий намеренно начал с речи о кушаньях: «Быть может, — думал он, — царь-людоед вспомнит, как наслаждался когда-то изысканными яствами, и захочет вернуться». Во-вторых, он напомнил о любовных утехах, в-третьих — о ложе, в-четвертых — о музыке, пении и танцах, в-пятых — о самом городе и его садах. Сказав обо всем этом, он снова позвал царя с собою: «Мы пойдем вместе. Я сам посажу тебя на престол в Варанаси и только тогда отправлюсь к себе. А если это у меня не получится, ты станешь моим соправителем. Послушай меня, нечего тебе делать в лесных дебрях». Царь внял уговорам. «Сутасома — мой благодетель, он мне хочет добра. Сначала он обратил меня к праведной жизни, а теперь говорит, что хочет вернуть мне и трон. Он это сделать сможет. Надо идти вместе с ним, нечего оставаться в лесу», — подумал он и, полный радости, решил воздать Сутасоме хвалу, какой тот достоин. «Любезный Сутасома! — сказал царь. — Как нет ничего спасительней дружбы с достойным, так нет ничего губительней дружбы с недостойным». И он произнес:

«Как после полнолуния к ущербу месяц клонится,
Так жизнь к дурному клонится в общенье с недостойными,

Когда я с подлым поваром связался на беду свою,
Я в злодеяниях погряз и чуть не погубил себя.
Как после новолуния взрослеет месяц с каждым днем,
Так жизнь к благому клонится в общении с достойными,
Когда с тобою, государь, я в своей жизни встретился, —
Ты к благу обратил меня, судьба моя исправится.

Вода, дождем пролитая на сушу,
Недолговечна, скоро испарится,
Недолговечностью своей дождю подобно
Общенье с недостойными, владыка.
Но если дождь пролился над рекою,
Надолго сохранится ею влага,
И долговечностью такой реке подобно
Общение с достойными, владыка.
Общение с достойными надежно,
Пока ты жив — оно с тобой пребудет,
Но распадется дружба с недостойным.
Ведь дхарма праведных со злом несовместима».

Так людоед воздал хвалу Великому этими строфами.

А Великий вместе с людоедом и остальными царями направился в ближайшую деревню. Жители, узнав Великого, послали сказать в город. Оттуда пришли к нему советники и войско. И Великий со своею свитой отправился в Варанаси. По пути к нему подходил народ из деревень, нес ему подарки и присоединялся к свите, которая безудержно росла. Так они и дошли до Варанаси. Там тогда правил сын людоеда, а военачальником был по-прежнему Калахастин. Горожане пришли к юному царю и заявили: «Государь, говорят, что Сутасома укротил людоеда и идет с ним сюда. Мы его в город не пустим». Они спешно заперли ворота и вооружились. Когда Великий увидел, что ворота на запоре, он вышел вперед с несколькими советниками и воззвал: «Я царь Сутасома, отоприте мне». Донесли царю. Тот велел скорее отпирать. Великий вошел в город, а царь и Калахастин встретили его с почетом, привели во дворец. Он сел на трон, послал за главной супругой людоеда и за остальными советниками и спросил Калахастина: «Калахастин, почему вы не хотите пустить прежнего царя в город?» — «Пока он правил, он съел в нашем городе много людей — какой он после этого кшатрий! Этот злодей опустошил бы всю Джамбудвипу. Вот почему мы его не пускаем. Он опять за старое примется». — «Я укротил его, и он дал мне обеты. Не сомневайтесь, он теперь никого пальцем не тронет, даже для собственного спасения. Не бойтесь его. Ведь сыновья должны пещься о родителях. Тот, кто не оставит отца и мать, попадет на небеса, а прочие — в ад. И таким не надо

подражать!» Вот какое наставление дал Бодхисаттва сыну царя, сидевшему рядом с ним на низком сиденье, а затем обратился к военачальнику: «Калахастин, ты царю и друг и слуга, ты обязан ему своей властью, и ты должен думать о царской пользе». Потом он стал убеждать царицу: «Государыня, ведь и ты, придя из отчего дома, только благодаря царю возвысилась до нынешнего сана. У тебя сыновья и дочери, ты немолода, и ты тоже должна подумать о царской пользе». А заключил он свои речи проповедью дхармы:

«Тот недостойн быть царем, кто силой злоупотребит,
Тот недостойн другом быть, кто к другу силу применит,
Тот недостойн сыном быть, кто бросит старого отца,
Лишь недостойная жена супруга своего не чтит.
Никчемн будет тот совет, в котором праведников нет,
Не будет праведником тот, кто против дхармы говорит.
Кто заблужденье превозмог, преодолел и страсть, и гнев,
В согласье с дхармой говорит — того как праведника чтут.

Мудрец, покуда он молчит, неотличим от дурака,
Но если он заговорит — то чтобы вечному учить.

Он проповедует и изъясняет дхарму,
В его руках провидческое знамя,
Ибо начертаны на знамени провидцев
Благие изречения о дхарме».

Юный царь с военачальником вняли увещаниям и согласились вернуть царю престол. По городу забили в гонги, и, когда народ сдался, ему было объявлено: «Не бойтесь ничего. Нам ведомо, что прежний царь наш обратился к дхарме. Идем за ним!» И вся толпа с Великим во главе направилась к царю приветствовать его. Послали за цирюльником; тот причесал царя. Затем царь совершил омовение и ему подали украшения. Он взошел на груду драгоценностей ⁷³, его вновь помазали на царство и проводили в город. А прочих сто царей с Великим во главе царь — бывший людоед — принял у себя со всем радушием. Повсюду на Джамбудвипе люди пришли в великое волнение при вести, что государь Сутасома усмирил людоеда и вернул его на царство, а его подданные из Индрапатаны прислали вестника просить его домой. Великий прожил с месяц в Варанаси и стал прощаться: «Мы уезжаем, друг. Не поддавайся искушениям. Выстрой пять навесов, чтоб раздавать дары нуждающимся — по одному у городских ворот, а пятый — перед своим дворцом. От десяти

⁷³ Окропление кшатрия, стоящего на груде драгоценностей, — главная часть обряда помазания на царство.

обязанностей царя не отступай и избегай неправедных путей». Той порой стали подходить войска из прочих ста столиц. В сопровождении всех этих войск Великий выступил из Варанаси. Бывший людоед проводил его до полдороги и вернулся. Все дружески, как подобает, попрощались с Великим, обнялись с ним и разъехались каждый в свою сторону, и тем царям, кто не имели колесниц, Великий подарил их на прощанье. Сам он с большим почетом вступил к себе в Индрапаттану, украшенную жителями так, словно то был город богов. Он посетил родителей, побеседовал с ними и поднялся на плоскую крышу дворца. Стремясь не отступить от дхармы, он решил: «Ведь я многим обязан духу дерева. Надлежит устроить ему подношение». Он распорядился вырыть неподалеку от того баньяна большой пруд, поселил там много семей и основал этим деревню. Со временем она сильно разрослась — одних торговых лавок там стало тысяч восемьдесят. Землю кругом дерева, начиная с его ствола, он распорядился разровнять, обнес дерево оградой, поставил ворота с арками, и дух был тем убоготворен. Деревня же та стала называться Кальмашадамья, ибо на этом самом месте был укрощен лесной разбойник — кальмаша. И все цари последовали наставлениям Великого. Они приносили дары, творили благие дела и после смерти попали на небеса».

Рассказав эту историю о дхарме, Учитель заключил: «Не только теперь, о монахи, укротил я Пальцелома. Мне случилось укротить его и в прошлом». И он отождествил перерождения: «Тогда царем-людоедом был Пальцелом, брахманом Нандой — Ананда, древесным духом — Кашьяпа, Шакрой — Анируддха, прочими царями — мои нынешние последователи, родителями — члены царствующей семьи, царем же Сутасомой был я сам».

ДЖАТАКА О СТРАНСТВИИ ПО АДАМ (541)

«В те времена...» — это Учитель произнес по соседству с Митхилой, в манговой роще, названной в память о древнем царе рощей Макхадевы, когда стал объяснять, почему он улыбнулся. Случилось это так. Однажды под вечер Учитель в сопровождении многих монахов прогуливался по этой роще и, проходя мимо красивой купы деревьев, решил рассказать монахам о своих деяниях в прошлой жизни, а потому и улыбнулся. «Почему вы улыбнулись, почтенный? — спросил его тхера Ананда. — Ведь просто так, без причины и без повода, пробужденные не улыбаются». — «Некогда, Ананда, еще во времена царя Макхадевы, я здесь играючи упражнялся в созерцании и правил этой страной», — ответил Учитель и рассказал о былом.

«Давным-давно в городе Митхиле, столице царства Видехи, жил царь по имени Макхадева. Восемьдесят четыре тысячи лет он был мальчиком и играл в детские игры, следующие восемьдесят четыре тысячи лет был молодым наследником престола, а потом восемьдесят четыре тысячи лет правил царством. Едва взойдя на царство, он наказал своему цирюльнику: «Когда ты, любезный, увидишь у меня на голове седой волос, скажи мне об этом». Прошли века, и наступил тот день, когда у царя появился на голове первый седой волос. Цирюльник сказал об этом царю, а затем по его просьбе выдернул волос щипчиками и положил его царю на ладонь. А тот, увидевши седой волос, почувствовал, будто пришла к нему смерть и держит его за горло. И решил он, что настала пора отречься от царства и уйти в отшельники. Цирюльнику он подарил на прощание доходную деревню, а сам призвал к себе старшего сына и объявил ему: «Принимай правление, сынок, я ухожу в отшельники». — «Отчего так, батюшка?»

«Седает голова моя, склоняется к концу мой век.

Явились вестники богов, велят уйти мне на покой» —

с этими словами Макхадева помазал царевича на царство, наказал ему в будущем поступить так же, как он, и покинул город. Приняв монашество, он восемьдесят четыре тысячи лет упражнялся в безмерных добродетелях — в дружелюбии, милосердии, сорадовании и беспристрастии, обращенных на всех живых существ⁷⁴, — и после смерти сопричислился к обитателям небес Брахмы. Так же поступали, когда приходила тому пора, и сын его, и внук, и правнук... Все они принимали на склоне лет монашество, поселялись в манговой роще и упражнялись в безмерных добродетелях, а после кончины приобщались к числу богов сфер Брахмы.

Минуло без двух восемьдесят четыре тысячи поколений царей. Царь Макхадева, старейший из них, пребывал все эти годы на небесах Брахмы и следил, как живут его потомки на земле. Видя, что все они, подобно ему, принимают монашество, он исполнился радости и решил заглянуть в будущее: продлится ли этот родовой обычай впредь или нет? И открылось ему, что больше так быть не суждено. А посему решил он сам стать последним достойным отпрыском своего рода и, ниспав из божественных сфер, родился сыном главной супруги митхильского царя. Наступил день наречения имени. Знатоки телесных примет рассмотрели младенца и объявили: «Государь! Сын твой родился, чтобы достойно завершить родовой обычай. С ним этот обычай и кончится, и цари не станут больше принимать под старость монашество».

«Раз сын мой родился, чтобы завершить наш обычай, — подумал царь, — он подобен ободу, который связует и завершает колесо». И царь нарек сына именем Ними, что значит «обод». Уже с малых лет царевич отличался щедростью, добронравием, неуклонно соблюдал обряды упосатхи. А отец его, как и все предки, с первым седым волосом на голове подарил своему цирюльнику доходную деревню, сам же стал монахом в манговой роще и после смерти возродился на небесах Брахмы.

Царь Ними, приняв правление, повелел установить навесы у четырех городских ворот и в середине города, близ своего дворца, и учредил в них раздачу даров нуждающимся. Добра расходилось под каждым навесом на сто тысяч каршапан ежедневно. Не отступал он и от пяти обетов добронравия, в дни полнолуния и новолуния непременно отмечал упосатху, да и всех подданных своих побуждал к щедрости и иным благим делам, рассказывал им, как заслужить посмертное рождение на небесах, как избежать адских мук и жить в согласии с дхармой. Следуя его

⁷⁴ В махаянском буддизме эту четверку добрых чувств развивают, чтобы зародить в себе бодхичитту, т.е. искреннее и непосредственное стремление стать буддой на благо всех существ

наставлениям, люди приносили дары, свершали благие деяния, а потому все после смерти рождались на небесах. И стал мир богов многонаселенным, ад же, напротив, почти обезлюдел.

Однажды боги обители Тридцати Трех собрались в своем божественном чертоге Судхарме и разговорились, восхваляя безграничные достоинства царя Ними: «Собратья! Мы должны помнить, что учитель наш — царь Ними. Только благодаря ему и его знаниям, что подобны всеведению Пробужденного, мы наслаждаемся теперь благоденствием на небесах». А на земле добрая слава о царе растеклась и распространилась вширь, словно масло по воде.

В те времена, когда царь Ними правил —

Мудрец, радевший о всеобщем благе, —

О нем заговорили даже боги.

Глубокий ум его казался чудом.

Царь Ними, устрашитель вражьих ратей,

Одаривал всех жителей Видехи.

Однажды он задумался глубоко:

«Что в этом мире больший плод приносит:

Даров раздача иль духовный подвиг?»

А Магхаван, могучий небожитель,

Прознал тотчас, что царь в недоуменье.

Он принял свой тысячеокий облик,

К царю в опочивальню перенесся

И разогнал сияньем мрак полночный.

В великом трепете и изумленье

К видению царь Ними обратился:

«Ответь, о гость: ты дух или гандхарва?

А может, ты сам Шакра, царь небесный?

Сияние подобное мне внове;

Мне и слышать о нем не доводилось».

Увидел бог, сколь изумлен Ведеха,

И отвечал царю людей правдиво:

«Я небожителей владыка, Шакра,

И на любой вопрос тебе отвечу».

Так, получив соизволение Шакры,

К нему с вопросом Ними обратился:

«Скажи мне, мощнорукий небожитель,

Что в этом мире больший плод приносит —

Даров раздача иль духовный подвиг?»

Ответил царь богов без промедленья:

«Есть три ступени подвига, властитель:

Начало, середина, завершение.
Начало здесь — отказ от любострастья.
Им обретают царское рождение.
Затем учиться надо созерцанию,
Оно ведет к рождению на небе.
А совершенство в йоге — завершение.
Оно тебя поднимет в сферы Брахмы.
Лишь для подвижников они доступны,
А щедростью достичь их невозможно».

Итак, Шакра сразу объяснил царю, что большего плода следует ждать от духовного подвига, а затем привел царю примеры: «Государь! В древности было немало щедрых царей, приносивших обильные дары и свершавших великие жертвоприношения — Дудипа, Сāгара, Села, Мучалинда, Бхагираса, Ушинāра, Аттхака, Ассака и много других, но, однако, ни один из этих кшатриев не смог родиться после своей смерти выше небес мира желаний. Зато многие подвижники, ушедшие из мирской жизни, возвысились благодаря своему подвигу над миром желаний и попали в сферы Брахмы. Таковы семь провидцев: Ямахану, Сомаяга, Маноджава, Самудда, Магха, Бхāрата, Каликара́ккхия; вспомни еще об Ангирасе, Кашьяпе, Кисавачче, Акитти! Правда, все это я говорю тебе с чужих слов, но могу рассказать и о том, что видел сам. Послушай, государь!

Некогда в Гималаях протекала между двух золотых гор глубокая и непреодолимая даже для лодок река Сида. Вода в ней была до того неведомой, что и павлинье перо не могло бы удержаться на ее поверхности и тотчас бы утонуло. Потому ту реку и называли Сида, что значит «река, где тонут». Золотые горы, высившиеся по ее берегам, сияли, словно костры из тростниковой соломы. Речные заводи там заросли благовонной та́гарой, а горы были покрыты густым лесом, где изобильно росли цветы и плоды. И жило в том чарующем краю десять тысяч провидцев. Все они были мастерами созерцания и обладали пятью сверхзнаниями. Когда им нужно бывало добыть себе пропитание, одни из них отправлялись на материк Северных Куру ⁷⁵, другие собирали крупные ягоды гвоздичного дерева ⁷⁶, третьи шли в горы на поиски всяких плодов и ягод, а некоторые улетали за подаянием в города Джамбудви́пы. Чревоугодие

⁷⁵ Материк Северных Куру располагался, по традиционной буддийской географии, севернее горы Сумеру.

⁷⁶ Вероятно, имеется в виду особая разновидность гвоздичного дерева, плоды которого по вкусу заметно отличались от обычных.

было им чуждо, и все они безмятежно предавались созерцанию. Как-то раз один из этих подвижников прилетел за подаванием в Варанаси. Когда он, опрятно одетый, проходил по улице мимо дома придворного жреца, хозяин заметил его и пригласил войти. Смирение подвижника полюбовилось жрецу. Несколько дней подвижник прожил у него дома, и вот, когда они немного узнали друг друга, жрец спросил: «Где ты живешь, почтенный?» — «В Северных Гималаях, любезный». — «Неужели ты живешь там совсем один?» — «Какое один! Там живут круглым счетом десять тысяч подвижников, и каждый из них умеет созерцать и обладает всеми сверхзнаниями». Послушал жрец рассказы о достоинствах подвижников, и ему самому захотелось принять монашество. «Почтенный, отнесите меня туда, я тоже хотел бы стать подвижником!» — попросил он. «Нет, любезный, — отвечал подвижник. — Ты ведь на царской службе, тебя нельзя обращать в монахи без согласия царя». — «Хорошо, почтенный. Сегодня же я отпущусь у царя. А ты прилетай сюда завтра опять». Тот пообещал. Жрец после утренней трапезы пришел к царю и сказал: «Государь, отпусти меня подвизаться в Гималаи». — «Зачем тебе это понадобилось, учитель?» — «Стал я теперь понимать, что в наслаждениях проку мало и лучше бы от них отказаться». — «Хорошо, я тебя отпускаю. Навести только меня, когда станешь подвижником». — «Так и быть», — согласился жрец. Он вернулся домой, дал прощальные наставления жене и домочадцам, отписал им свое богатство и препоручил веденье хозяйством, а себе взял лишь то немного, что необходимо для отшельнической жизни, и сел дожидаться провидца. Наконец тот прилетел в город и вошел в дом жреца. Жрец угостил его с подобающими почестями и спросил: «Что же мне теперь нужно делать, почтенный?» Провидец вышел с ним за городские стены, схватил жреца за руки и своей волшебной силой перенесся с ним к реке Сиде. Там он обратил жреца в монашество. На следующий день провидец опять слетал за подаванием и принес жрецу поесть, а затем преподавал ему урок созерцания. Через несколько дней жрец развил в себе сверхобычные способности, овладел созерцанием и смог сам уже летать за милостыней. Спустя какое-то время он подумал: «Царь взял с меня обещание навестить его. Пора бы обещание исполнить». Он отпросился у подвижника и улетел в Варанаси; обходя город и собирая милостыню, он подошел к царскому дворцу. Царь узнал его, пригласил во дворец, с почетом угостил и спросил: «Где ты теперь живешь, почтенный?» — «В Северных Гималаях, государь, на берегу реки Сиды, что течет меж двух золотых гор». — «Ты один там или с кем-нибудь вместе?» — «Совсем не один, государь! Там живут десять тысяч провидцев; все они — мастера созерцания, все обладают сверхзнаниями». Слыша такие похвалы

провидцам, царь захотел всех их щедро угостить и сказал: «Почтенный! Мне бы хотелось устроить для этих подвижников званый пир. Право, они того заслужили. Как бы это сделать?» — «Государь, сюда ты этих подвижников никакими яствами не заманишь — не польстятся они ни на какую еду». — «Помоги мне, почтенный! Я непременно хочу устроить для них угощение». — «Хорошо, государь. Если ты хочешь угостить их, перенесись отсюда на время к берегам реки Сиды. Там ты сможешь это сделать». — «Спасибо за совет», — поблагодарил царь. Он велел взять все необходимое, выступил с войском из столицы и добрался до пределов своего царства. Оттуда отшельник своей волшебной силой перенес царя вместе с войском прямо к берегам реки Сиды. Там он и оставил его располагаться лагерем, а сам улетел дальше, к остальным провидцам на ночлег. Наутро он воротился. Царь предложил ему богатое угощение и, когда подвижник окончил трапезу, попросил: «Завтра, почтенный, приводите сюда все десять тысяч провидцев». — «Хорошо», — согласился тот, и на следующий день, когда настало время идти за подаванием или отправляться на сбор плодов, он объявил подвижникам: «Собратья! На берега реки Сиды явился царь Варанаси. Он намерен всех нас угостить и приглашает к себе. Прошу вас, ради его блага пожалуйста к нему в гости». Провидцы приняли приглашение, все вместе прилетели к царю и опустились на землю невдалеке от его лагеря. Царь вышел им навстречу, пригласил в лагерь, рассадил всех и вдосталь накормил изысканной едой. Провидцы так полюбились ему, что он тут же пригласил их прилететь и завтра, а там — послезавтра, и на следующий день... Десять тысяч лет прожил там царь, и каждый день угощал он все десять тысяч провидцев. Пришлось ему основать там город, поселить земледельцев. Узнай, государь, что этот царь — не кто иной, как я сам в одной из прошлых моих жизней! И все же, хоть я всех на свете затмил своей щедростью, я не смог подняться выше небес мира желаний и не попал в сферы Брахмы. Зато все те подвижники, что вкушали мои дары, вышли за пределы мира желаний и сопричислились к сонмам Брахм. Как видишь, государь, духовный подвиг сулит много больше, чем щедрость, какую бы она ни была.

Но все же, государь, ты должен считать и щедрость, и духовный подвиг деяниями, достойными великих людей, а потому будь усерден и в том, и в другом: приноси дары и блюди обеты». Такое наставление дал Магхаван царю Видехи и отправился к себе на небеса.

«Где ты пропадал, государь? Мы не видели тебя», — спросили Шакру небожители, когда он вернулся в обитель Тридцати Трех. «Царь Ними в Митхиле никак не мог разрешить своего сомнения, собратья, — ответил Шакра. — Я побывал у него и ответил на его вопрос». И он под-

робно рассказал богам, о чем размышлял царь Ними и как он сам своим рассказом рассеял сомнения царя, а затем небесный владыка воздал Ними достойную хвалу. Внимая этой хвале, небожители захотели сами повидать царя Ними. «Государь! — обратились они к Шакре. — Царь Ними — наш общий учитель. Все мы очутились здесь и наслаждаемся божественными усадками лишь потому, что последовали его наставлениям. Своим благоденствием мы обязаны ему. Мы хотим повидать его. Пригласи его к нам, государь, и познакомь нас с ним». — «Хорошо», — пообещал Шакра. Призвав к себе колесничего Матали, он сказал: «Любезный Матали! Поезжай в Митхилу на божественной колеснице Вайджаянте и привези к нам царя Ними». — «Будет исполнено», — и Матали на колеснице отправился в путь. Пока Шакра беседовал с небожителями, пока отдавал приказ Матали, пока тот готовил колесницу в дорогу, прошло по человеческому счету времени около месяца. Наступило полнолуние. Царь Ними отмечал упóсатху. Открыв восточное окно, он сидел на верхнем ярусе своего дворца в окружении сонма советников и размышлял о добродетели. Взошла луна, и одновременно с нею показалась на небе колесница Матали. Люди после ужина сидели у дверей домов за приятной беседой; глядя вверх, они говорили: «Ого! Сегодня на небе целых две луны!» Но колесница быстро приближалась, и скоро стало видно, что это — не луна. Вот уже можно было различить ее саму, возничего Матали и тысячу запряженных рысаков. «Любопытно, к кому же это приехала колесница богов? — спросили себя люди. — Да к кому же, как не к нашему праведному царю! Конечно, это колесница Вайджаянта. Шакра прислал ее за государем Митхилы — ведь только он один достоин такой чести!» И они воскликнули:

«Диво дивное случилось, мы трепещем от восторга!

К славному царю Видехи боги вестника прислали!»

Тем часом Матали вихрем примчался к дворцу, развернул колесницу и остановил ее так, что задок оказался как раз напротив восточного окна дворца. Затем он спустил подножку и пригласил царя Ними взойти:

«О лучший из царей, страны опора!

Тридцать Три бога на вершине Меру

И Шакра, их великий предводитель,

С тобой желают ныне повидаться.

В божественном чертоге ждут тебя.

Взойди на колесницу и поедем».

«Ну что же, — подумал царь. — Посмотрю на мир богов — ведь я его никогда не видел. К тому же, Матали мне дорогой все объяснит. Пожалуй, поеду!» И он обратился к своим слугам и горожанам: «Я уезжаю ненадолго, а вы без меня не забывайте приносить дары и свершать

иные благие дела». С этими словами царь взошел на колесницу. «Какой дорогой везти тебя, царь? — спросил его Матали. — Ехать ли мне мимо праведников или мимо грешников?» — «Я никогда не видел ни адов, ни небесных обитателей, а посмотреть стоит на все», — решил царь и ответил: «Провези меня обоими путями». — «Но каким из них ехать мне сначала? Я же не могу поехать сразу по двум дорогам!» — «Сначала, Матали, я хочу посмотреть, как казнятся грешники, посетить их скорбную юдоль, ибо в мир богов ты все равно привезешь меня в конце пути», — ответил Ними. И Матали направил колесницу к реке Вайтарани.

Узрел царь Ними адскую реку
Вайтарани, откуда нет спасенья,
Что щелочи полна, кипит, дымится
И извергает гибельное пламя.
Никто ее не создавал — она
Порождена была самым злодейством.
Там с палицами, копьями, мечами
Кромешники по берегам стояли.
Кололи, резали, секли, рубили
Они попавших в адские пределы.
А грешники от муки нестерпимой
В Вайтарани искали облегченья,
Бросались вниз, в колючую осоку
С торчащими кинжалами-шипами,
И, напоровшись на шипы, висели
Тысячелетия. Потом срывались ниже
И падали, не в силах удержаться,
На лес железных кольев раскаленных.
Века они пеклись на этих кольях,
Насаженные, словно дичь на вертел.
Дымились кольца, и тела дымились.
А ниже — новая и горше мука:
Растут там листья лотосов железных;
Края у них отточены, как бритвы.
На них сползали мученики с кольев,
Им острые края кромсали тело.
Когда же в щелочь грешники ныряли,
То дым валил от изъязвленной плоти.
Внизу река утыкана мечами.
«Быть может, под водой немного легче?» —
Так думали они и вглубь ныряли,
Но там мечи им рассекали члены.

Не в силах грешники терпеть такие муки,
И стон в аду не умолкает.
То вниз несет Вайтарани их по течению,
А то обратно возвращает.
По берегам их бесы караулят,
Остроги мечут, колют, словно рыбу,
Вытаскивают из реки баграми,
Распяливают на железных досках
И в глотки тычут булавой железной, —
И снова слышен стон, рожденный болью.
Царь Ними в потрясении великом спросил:
«Возничий, что они свершили?»
Поистине ужасны эти муки!»
И небожитель Матали ответил
(Ему дела всех грешников известны,
Царю сказал он истинную правду):
«Кто силой злоупотреблял при жизни,
Кто оскорблял и мучил беззащитных,
Теперь казнятся за свои злодеяства
В Вайтарани, откуда нет спасенья».
Сказав так, дальше Матали поехал.
А там, где он остановился снова,
От псов спасались великаны бегством.
Им раскаленная земля сжигала ноги,
А псы их нагоняли в лютой злобе
(Они слонам не уступали ростом),
Вгрызались на бегу в живое тело
И великанов на землю валили.
Кричали великаны страшным криком,
Но звери беспощадно их терзали
И до костей обгладывали мясо.
Затем слетались коршуны к останкам
Железноклювые, с телегу ростом,
Дрались над великаньими костями,
Их долотами-клювами долбили
И костный мозг высасывали жадно.
Там тучи воронья кругом клубились,
Что страшны видом, беспощадны нравом, —
На всех бросаются, кого заметят.
Царь ужаснулся и спросил возницу:

«Мне жутко видеть это, колесничий.
За что им суждены такие муки?»
«Они сквалыгами при жизни были,
Отказывались помогать монахам».
«А эти кто? Тела огнем объаты,
Бегут — а бесы поспешают следом,
Держа в руках железные дубины,
И лупят их дубинами по бедрам,
Сбивают с ног, мочалют спины, руки
И превращают их в мешок с костями?»
«Злодеями они при жизни были,
Мужчин и женщин мучили безвинных».
«Скажи мне, Матали, кто эти люди?
Их бесы обступили полукругом,
Пихая накаленными баграми
На кучу углей белого каленья.
Они проваливаются по пояс,
А бесы углей сверху подсыпают.
Огнем горят несчастные, рыдают.
За что им эти лютые мученья?»
«Они растратили казну общины,
Чужие деньги нагло прокутили,
А чтоб сокрыть, старейшин подкупили
И лжесвидетельством избегли кары».
«Что за котел огромный, раскаленный?
Кого в него швыряют вверх ногами?»
«Тех негодяев, что при этой жизни
Благим подвижникам немало докучали».
«А эти мученики что свершили?
За что им кожу с головы снимают
И рану поливают кипятком?» —
«Ты видишь пред собою птицеловов.
Они ловили птиц, их умерщвляли
И на базаре торговали мясом».
«Вон многоводная река струится.
Здесь спуск удобен, берега пологи.
Спешат напиться мучимые жаждой,
Спускаются к реке по медным скалам,
Но стоит им припасть к воде губами —
И берега охвачены пожаром,
Вокруг горит мякина и солома,

И жжёт нутро огонь немилосердно.
А люди, с жаждой совладать не в силах,
Его глотают, думая напиться.
Огонь насквозь тела их прожигает.
За что им, Матали, такая мука?»
«Они зерном нечестно торговали,
Мешали хлеб с соломой и мякиной».
«Что эти люди так вопят истошно?
В них бесы стрелы, пики, копыа тычут
Со всех сторон, не зная передышки.
Скажи, чем эти люди провинились?»
«Перед тобой грабители и воры,
Что ремеслом избрали похищение
Зерна, овец, коров, баранов, денег,
А равно драгоценных украшений».
«А этих грешников за что живьем свежуют,
Разделявают, будто скот на рынке?»
«То мясники и рыбники бывые.
Они безвинных тварей убивали
И мясо выставляли на продажу,
А ныне сделались поживой бесов».
«Теперь я вижу мерзкий пруд зловонный.
Дерьмом с мочой он до краев наполнен,
И от него смердит невыносимо.
Вокруг него сидит народ голодный,
Хлебая жадно мерзостную жижу.
Кем были прежде эти дерьмоеды?»
«Они при жизни нравом были вздорны
И непрестанно козням предавались,
Друзьям вредили, полные коварства, —
А ныне поглощают нечистоты».
«А это что за мерзкий пруд вонючий?
Он до краев наполнен кровью с гноем,
И от него смердит невыносимо.
Но грешники его кругом обсели,
Лакая ненасытно гной кровавый.
Что совершили эти гноепивцы?»
«Здесь те, кто на святого поднял руку,
Отцеубийцы, матереубийцы.
Они из общества себя исторгли
И опиваются кровавым гноем».

«И эту пытку объясни, возникший!
Огромными калеными крюками
Кромешники людей за губы тянут,
Распластывают их, как бычьи шкуры,
На колышках растягивают тело.
Слюною и слезами истекают
Их жертвы, извиваются, трепещут,
Подобно рыбам, брошенным на сушу.
Кто эти люди, что крючки сглотнули?
За что они распялены на кольях?»
«Они чиновниками в жизни были,
За ценами следили на базаре.
Им взятки покупатели давали,
Чтоб они цены приказали сбавить.
А рядом с ними — жулики-торговцы,
Людей обвешивавшие на рынках.
Но нет мошенникам от мук спасенья.
Лежат теперь, растянуты на кольях».
«Откуда эти жалкие старухи?
Они вопят, заламывая руки.
Их плоть уродлива и безобразна,
Сочится сукровицею и гноем.
Они закопаны по пояс в землю,
А сверху их тела напоминают
Говяжьих освежеванные туши.
Горящие железные утесы
На них обрушиваются внезапно,
Размалывая мученицам кости.
Но вот откатится скала — и снова
Стоят они, ничуть не изменились!
Опять идет гора горе навстречу,
А меж горами мученицы стонут.
Они попали в адскую давящую,
Им кровь теперь из тела выжимают.
Ответь, возникший, в чем их преступленье?
За что им суждена такая пытка?»
«Они распутству прежде предавались,
В утехах плотских были ненасытны,
Своим мужьям коварно изменяли,
Вот и попали в адскую давящую».

«Вон за ноги кромешники хватают
Людей и сбрасывают их в ущелье.
А там на дне — пылающие угли.
Что эти люди на земле свершили?»
«То соблазнитель, прелюбодеи.
Они, как говорят, воров страшнее.
За грех их суждено им низвергаться
В ущелье, полное горящих углей.
Теперь вокруг ты можешь оглядеться,
И сразу множество адов увидишь.
А муки в них — безмерны, люты, жутки,
Страшны, жестоки, непереносимы.
Казнятся здесь те люди, что при жизни
Поверили губительным воззрениям
И причиняли зло по убеждению,
Других людей к тому же подстрекая».

Небожители тем временем по-прежнему сидели в своем божественном чертоге Судхарме и ожидали приезда царя. «Что-то Матали долго не возвращается, — подумал Шакра. — В чем же дело? Ах, вот оно что! Матали, конечно, решил сделать лучшее, на что способен, и стал показывать царю ады и объяснять, какие грешники в каком аду находятся. Да только царь Ними успеет состариться и умереть, а адам так и не будет конца». И он послал к Матали проворного гонца с наказом: «Скорее вези царя сюда». Гонец мигом нашел Матали и передал послание. «Надо поторапливаться», — понял Матали и издалека показал царю все оставшиеся ады. «Посмотри, государь! Кругом много и других адов, но теперь нам пора ехать к царю небожителей. Поспешим же, о царственный мудрец!» С этими словами Матали развернул колесницу и направил ее к горним мирам.

Вскоре царь увидел паривший в пространстве дворец небожительницы Бирани — построенный из драгоценных камней, увенчанный золотыми куполами, украшенный множеством драгоценностей, он простирался на двенадцать йоджан. Был там и пруд, а рядом с ним — парк, где росли деревья, что исполняют желания. Увидел царь и самоё небожительницу — она восседала на ложе в покоях одной из башен своего дворца в окружении тысяч небесных танцовщиц, а когда колесница проезжала мимо, отворила украшенное цветными драгоценными камнями окно и выглянула наружу. Тогда царь спросил возничего: «Кто эта прекрасная богиня, нарядно одетая, в уборе из пестрых цветочных гирлянд; как видно, она наслаждается могуществом и великолепием. Какое благое деяние свершила она при жизни?» — «На земле она была некогда

рабыней и звали ее Бирани. Ты, быть может, знаешь это имя, — ответил Матали. — Жила она в доме некоего брахмана во времена десяти-сильного Кашьяпы. Однажды ее хозяин, будучи в монастыре, пригласил монахов целую неделю вкушать трапезу у себя дома, но домочадцы отказались помогать ему и не захотели принимать монахов: мошенники они, мол, не уследишь за ними. И лишь Бирани вызвалась помочь. Всю неделю она радушно принимала приглашенных, как мать детей, что вернулись после долгой отлучки домой. Вот это доброе дело и вознесло ее после смерти на небеса».

Колесница покатила дальше; показались семь золотых дворцов небожителя Сонадинны. Они сверкали, словно восходящее солнце, а сам Сонадинна в великолепном драгоценном уборе прогуливался по ним в окружении сонма небесных дев. «Что благого свершил при жизни сей небожитель? — спросил Ними. — Вид его приводит меня в восторг». — «Когда-то он был на земле богатым и щедрым домохозяином, и звали его Сонадинна, — ответил Матали. — Он построил для подвижников семь монастырей и неизменно снабжал монахов, что там поселились, всем необходимым для подвижнической жизни — одеждою и пищею, светильниками и лампадным маслом. Дни полнолуния и новолуния, восьмые дни молодой и старой луны он неизменно отмечал обрядами упосатхи, всю жизнь был самообуздан, следовал обетам добронравия — и вот плоды сей добродетельной жизни».

Дальше царь узрел хрустальный дворец, возвышавшийся вверх на двадцать пять йоджан, со многими сотнями колонн, инкрустированных драгоценными камнями, со многими сотнями башенок, поверх которых была наброшена сеть колокольцев; над дворцом развевалось знамя, вышитое золотом и серебром, а окружен он был чарующими взор парками, рощами и прудами, где в изобилии росли цветы. Толпы апсар, несравненных в пении, танцах и иных искусствах, населяли этот дворец. «Кем были прежде эти апсары?» — спросил Ними колесничего. «Во времена Блаженного Кашьяпы все они вели праведную, добродетельную жизнь и сообщая приносили дары нуждающимся и общине монахов», — ответил Матали.

Следующим показался высокий дворец из чистого яхонта. Он был прекрасен и соразмерен, ярко сиял, и доносились из него божественные звуки пения и музыки; слышались барабаны, тамбурины, игра на вине и распевание стихов. Населяло этот дворец множество небожителей. «Что доброго свершили эти люди на земле? — спросил Ними. — Признаюсь, я никогда не слышал столь сладостной и упоительной музыки. За что подобная награда?» — «Здесь те, кто в мире живых были добронравными последователями дхармы. Везде — у колодцев, в парках,

у спусков к воде — они с радостью подавали милостыню святым людям и снабжали их всем необходимым, были праведны, блюли упосатху», — сказал Матали.

Дальше они миновали еще три несравненных, великолепных небесных дворца. Все эти дворцы увенчаны были многими хрустальными башенками, увиты цветами, обсажены прекраснейшими деревьями — капитхой, манго, салом, гвоздичным деревом, тиндукой и иными. Невдалеке протекала речка с прозрачной водой, а в воздухе разносился благозвучный щебет птичьих стай. В этих чертогах наслаждались божественным великолепием те, кто были на земле благонравными и щедрыми подателями благ нуждающимся.

Наконец колесница поравнялась с золотым дворцом, и в нем тоже жил праведник, бывший в земной жизни родом из Шравасты. Но Шакра, глава богов, в тот миг опять подумал: «Матали снова медлит!» — и послал ему навстречу еще одного проворного небожителя. «Больше медлить нельзя», — понял Матали. Он проехал вперед и издали показал царю множество оставшихся в сторону божественных обителей: «Посмотри, государь, на все эти золотые дворцы! Они блещут, подобно молниям, пронзающим тучи. Здесь живут те, что были на земле тверды в Учении, прилежно следовали преподанной им дхарме и восприняли проповедь Истинновсепробуждённого. Теперь эти люди благоденствуют в небесных чертогах. Ты видел, государь, какова участь грешников и что ожидает праведников. Поспешим же, о царственный мудрец! Нам пора к царю богов».

Матали отпустил поводья, и тысяча божественных рысаков помчали колесницу вперед. Вот она приблизилась к семи горным поясам, что окружают вселенскую вершину Сумеру. Царь Ними увидел горы, разглядел моря, разделявшие горные хребты, и спросил колесничего: «Как называются эти горы, Матали?» — «Следи, государь. Первым идет хребет Сударшана, Благой Видом; за ним, отделённый от него океаном, — Каравика, Кукушкин; за ним — Ишадхара, Держатель Дышла; за ним — Югандхара, Держатель Ярма; за ним — Немидхара, Держатель Обода; за ним — Винатака, Крутой; последним же — Ашвакарна, Конское Ухо. Все они разделены между собою морями. Ниже всех — первый хребет, Сударшана, а самый высокий — Ашвакарна; это тот, что ближе всех к Сумеру. Здесь, государь, живут боги-властители стран света».

Колесница полетела дальше. Впереди уже виднелась надвратная башня Пестроглавая; через нее шел путь в обитель Тридцати Трех богов. Кругом стояли изваяния Индры. «Что это? — спросил царь Ними. — Я вижу множество изваяний Индры. Они украшены драгоценными камнями, а стерегут их тигры. Это зрелище наполняет меня восторгом. Как

называются эти врата, колесничий? » — «Это виднеется Пестроглавая башня, здесь врата, что ведут к вершине Сумеру, государь, — ответил Матали. — Въедем же, государь, в эти врата. Пыль никогда не загрязняла здешних дорог, вымощенных золотом и серебром и усыпанных лепестками цветов». И Матали с царем въехал в божественный град. Царь Ними увидел небесный чертог Судхарму и спросил: «Что это, возничий? Какой прекрасный дворец, построенный из самоцветов! Он ярко-синий, как осеннее небо. Где мы?» — «Это показался небесный чертог Судхарма. Посмотри на восьмигранные отшлифованные колонны из чистого яхонта, на которых он стоит. Здесь собираются боги обители Тридцати Трех во главе с Шакрой, их предводителем. Входи же, мудрый прорицатель, и порадуй их своим приходом».

Небожители сидели и ожидали царя Ними. Но вот они услышали, что он уж близко, и с гирляндами небесных цветов, притираниями и благовониями в руках вышли встречать его к Пестроглавой надвратной башне. Одарив гостя цветами и благовонными мазями, боги пригласили царя в свой чертог. И царь, сойдя с колесницы, вошел во дворец. «Добро пожаловать, государь. Не слишком ли ты устал с дороги? Мы просим тебя сесть подле нашего царя», — приветливо сказали небожители. А Шакра, их предводитель, учтиво обратился к гостю: «Я рад, о царь, почитаемый всеми жителями Митхилы, что ты посетил нас в сей благословенной обители. Оставайся, государь, среди нас, и наслаждайся всеми благами небесной жизни!» — Однако царь отказался: «Нет, владыка. Если благоденствие обретается чьими-то дарами, оно подобно выпрошенному добру. Мне не нужны такие дары. Много важнее свои добрые дела — ведь это то богатство, которым ни с кем не поделишься! Когда я вернусь в мир людей, я буду творить добро. Если человек щедр, ровен в обращении, самообуздан, кроток, то дела его приносят счастье и ему ни в чем не придется каяться». И Великий своим благозвучным голосом преподавал небожителям дхарму. Пока он и боги сидели за беседой, по земному счету времени минуло семь лет. Порадовав и восхитив богов изложением дхармы, царь Ними благодарно сказал колесничему Матали: Я очень многим обязан тебе, о небесный возничий. Ведь ты показал мне обители праведников и скорбную юдоль грешников». А затем он обратился к Шакре: «Государь, теперь я хочу вернуться в земной мир» — «Раз так, доставь, любезный Матали, царя Ними обратно в Митхилу», — молвил Шакра. «Будет исполнено», — отвечал Матали. Он подогнал колесницу ко дворцу; царь попрощался с небожителями. Они повернули обратно во дворец, а Ними вошел на колесницу и уехал.

В скором времени небесная колесница приблизилась к Митхиле с восточной сторону горизонта. Народ посмотрел вверх и обрадовался:

«Вот и царь наш вернулся!» Матали сделал круг над городом, опустился и высадил царя у того самого окна, откуда тот начал путешествие, сам сказал: «Прощай, государь, я уезжаю», — и отправился назад. «Расскажи, царь, как там живут, в мире богов», — попросили подданные. Царь описал им все великолепие небожителей и самого Шакры, а заключил рассказ наставлением в дхарме: «Будьте же усердны в благих делах! Тогда и вы со временем тоже попадете в небесную обитель».

Прошло время. Однажды на голове царя Ними появился первый седой волос. Цирюльник выдернул его и положил царю на ладонь, и тот понял, что настала пора отречься от мирской жизни. Цирюльнику он пожаловал доходную деревню, а сам призвал к себе наследника и объявил, что решил уйти в отшельники. «Отчего так, батюшка?» — спросил сын. «Седает голова моя...» — отвечал словами предков царь Ними. Он принял монашество, поселился в манговой роще и предался духовным упражнениям. После своей кончины он сопричислился к обитателям миров Брахмы.

Но сын его, царь Калараджанака, нарушил обычай и под старость в отшельники не ушел».

Закончив это наставление в дхарме, Учитель произнес: «Как видите, монахи, не только ныне свершил Татхагата исход из мира — он совершал его и прежде». И он отождествил перерождения: «Шакрой был тогда Анируддха, Матали стал теперь Анандой, восемьдесят четыре тысячи царей — нынешние мои последователи, я же был тогда царем Ними».

ДЖАТАКА О ЛЖЕУЧЕНИИ И БОДХИСАТТВЕ НАРАДЕ ⁷⁷ (544)

«Когда-то царствовал в Видехе...» — это произнес Учитель, пребывая в парке Яштиванэ ⁷⁸, по поводу усмирения подвижника Кашьяпы из Урубильвы. Вскоре после того как Учитель запустил колесо своей проповеди лучшего из учений, он пришел в Урубильву и укротил живших там косматых подвижников во главе с Кашьяпой, а потом, чтобы исполнить обещание, данное им когда-то царю Магадхи, он в окружении двух тысяч теперь уже бывших косматых подвижников пришел в парк Яштивану. Там же появился и царь Магадхи; сопровождала его свита в сто двадцать тысяч человек. Он приблизился к Десятисильному, поклонился ему и сел. И тут среди брахманов-домохозяев возник спор: «Кто же из этих двоих чей ученик: то ли Кашьяпа из Урубильвы — ученик великого шрамана, то ли наоборот, великий шраман — его ученик?» Пробуждённый решил показать им, что учитель — это он, а Кашьяпа из Урубильвы находится у него в ученичестве, и потому спросил того:

«Послушай, Кашьяпа из Урубильвы!

(Тебя иначе называют Тошним):

Ты, говорят, от жертв огню отрекся?

Не скажешь ли, зачем ты это сделал?»

Тхера понял, к чему клонит Учитель, и ответил:

«Я понял, для чего приносят жертвы:

Для благоденствия в грядущей жизни,

Чтоб наслаждаться зрением и слухом,

Красавицами, яствами, питьями, —

И я увидел в этом загрязненье,

Поэтому я к жертвам охладел».

⁷⁷ «Джатака о лжеучении и бодхисаттве Нараде» — едва ли не первое произведение в мировой литературе на тему «если бога нет, то все дозволено».

⁷⁸ *Яштивана* — букв. «палочная роща».

И, чтобы не осталось сомнений в том, кто чей ученик, он поклонился Татхагате, поставил стопы его себе на голову, а потом воспарил над землею на высоту одной пальмы, затем двух и трех, поднимаясь все выше и выше, пока не достиг высоты семи пальм, а после спустился вниз, еще раз поклонился Пробужденному и сел. Узрев подобные чудеса, толпа стала прославлять Учителя: «Сколь чудесно великое могущество Пробужденного! Ведь он смог укротить, очистить от превратных воззрений даже этого могучего подвижника — Кашьяпу из Урубильвы, возомнившего себя святым!» — «Неудивительно, — заметил Учитель, — что я смог укротить его теперь, уже обладая всеведением. Ведь и прежде, когда я звался Брахмой Нарадой — а тогда я не был свободен от страстей, — я и то смог прорвать сеть его ошибочных воззрений и укротить его». И по просьбе присутствовавших Учитель рассказал о былом.

«Некогда в царстве Видехе, в столице его Митхиле, правил царь по имени Ангатий, и был он праведным и преданным дхарме. Была у него одна-единственная дочь, ее звали Руджа, — прекрасная и благонравная; такая встречается в сто тысяч веков один раз, совершеннее ее и пожелать невозможно. Ее родила царю главная его супруга, а прочие шестнадцать тысяч жен царя оказались бесплодны. Царь ее очень любил и лелеял. Каждый день он присылал ей украшения и наряды из тонких тканей и двадцать пять корзин, доверху заполненных свежими цветами, а еще — по тысяче монет, чтобы она, не жалея ни еды, ни питья, могла по полнолуниям и новолуниям угощать всех неимущих. А еще было у царя трое советников: Виджъя, Сунáма и Алáта. Наступил праздник — полнолуние осеннего месяца кáрттики. Город и дворец были украшены так, словно это обитель богов. Царь умылся, натерся благовониями, надел свой праздничный драгоценный убор и в окружении множества приближенных сидел на открытой террасе, смотрел на безоблачное ночное небо, озаряемое лунным диском, и вдруг обратился к советникам: «Какая прекрасная ночь! Чем бы нам нынче развлечься?»

Когда-то царствовал в Видехе
Ангатий, доблестный воитель.
Казною был богат и войском,
Имел в достатке колесницы.
И вот однажды, светлой ночью
(Тогда настал осенний праздник
И отмечали полнолуние),
Он созывает приближенных —
Ученых, знающих, умелых
И в обращении уctивых.

Здесь был Алата-воевода,
А с ним — Сунама и Виджая.
К ним царь с вопросом обратился:
«Скажите, чем бы нам заняться?
Сегодня праздник полнолуния,
На чистом небе месяц светит.
Как можем мы себя потешить,
Воспользоваться этой ночью?»
Тогда Алата-воевода
Царю ответил самым первым:
«Вели-ка воинам собраться:
Поднимем войско по тревоге
И всей несметной силой ратной
Отправимся в поход, о кшатрий.
Не всех еще мы победили,
А победить бы всех хотелось.
Поэтому я предлагаю
Померяться с врагами силой».
Услышав это предложение,
Сунама с ним не согласился:
«Твои все недруги, воитель,
Сегодня съехались в столицу
И не злоумышляют больше,
Но признают твое главенство.
Сегодня праздник, не забудьте.
Не вижу смысла я в походе!
Не лучше ли нам поскорее
Отправить слуг за угощением,
Призвать певцов и музыкантов
И наслаждения предаться?»
Услышав это предложение,
Виджая с ним не согласился:
«Услады, государь, — не новость,
Ты их всегда себе доставишь.
Нам наслаждения привычны,
А радости от них немного.
Нам нужен брахман или шраман,
Наставник и учитель дхармы!
Он нас избавит от сомнений
И даст благие наставленья».
Услышав это предложение,

Царь с одобрением воскликнул:
«Виджая предлагает дело,
Его намеренье удачно!
Нам нужен брахман или шраман,
Наставник и учитель дхармы.
Он нас избавит от сомнений
И даст благие наставленья».
Услышав речи государя,
Сказал Алата-воевода:
«Живет у нас в оленьем парке
Из рода Кашьяпы подвижник
По имени Достойный — Гуна;
Он проповедует умело
И окружен учениками,
Нагой он ходит, без одежды.
Его считают люди мудрым».
Услышав речи воеводы,
Послал Ангатий за возницей:
«Готовь, возничий, колесницу,
Мы в парк немедленно поедем».
Тот быстро подал колесницу
С сиденьем из слоновой кости.
Серебряною окаемкой
Она сияла и сверкала,
Как полная луна на небе;
Четверка рысаков в упряжке,
Как на подбор, все белой масти,
А на бегу быстры, как ветер,
Притом совсем не норовисты.
Все было белым: кузов, кони,
И царский зонт, и опахало.
В сопровожденье приближенных
Царь выехал на колеснице
И был прекрасен, словно Чандра.
Скакали верховые следом
И сабли наголо держали.
Так ехал царь, не больше часа;
Затем сошел он с колесницы
И с приближенными своими
Пришел туда, где жил подвижник.
Кругом ученики сидели

И брахманы, текла беседа.
Царь никого не стал тревожить:
Он здесь не мог распоряжаться.

Так, окруженный всяким людом, царь сел поблизости и приветливо обратился к подвижнику.

Неподалеку царь уселся
На мягких набивных подушках,
Расположился поудобней
И вежливо беседу начал:
«Всего ли у тебя в достатке?
Ты крепок ли теперь здоровьем?
Как добываешь пропитанье?
Не трудно ль жить тебе, почтенный?
Не болен ли какой болезнью?
Не жалуешься ли на зренье?»
Ведехе, преданному дхарме,
Подвижник отвечал учтиво:
«Все у меня благополучно,
Болезни мне не докучают.
А ты здоров ли, царь Видехи?
Тебя не донимают бунты?
А рысаки твои здоровы?
Не поломалась колесница?
Не мучат ли тебя болезни?
Они нередко губят тело!»
Так царь Видехи и отшельник
Приветствиями обменялись.
Царь времени не тратил даром,
Он тотчас перешел к расспросам
О том, чего ему держаться,
О смысле дхармы и о пользе:
«Как почитать, согласно дхарме,
Отца и мать? Ответь, подвижник!
А как нам быть с учителями?
Каков наш долг перед семьею?
Как относиться к старшим нужно?
А как — к отшельникам, монахам?
Как обращаться нужно с войском?
Чего держаться в управленье?
Как правильно исполнить дхарму,
Чтоб после смерти быть счастливым?

Как те, кто нарушает дхарму,
В ад попадают после смерти?»

Подобные вопросы лучше всего было бы задать самому Истиннов-сепробужденному; если нет его — то пробужденному-для-себя; если ж и того нет — то ученику пробужденного; а уж если нет и ученика — то бодхисаттве. А царь такие важные вопросы задал безвестному, нагому, заблудшему адживику! Понятно, что тот не мог дать достойного ответа. И, не задумавшись, будто речь шла о том, чтобы быков гнать или после обеда мусор вынести, он заявил: «Слушай, государь», — и начал излагать свое лжеучение.

И на вопрос царя Видехи
Ответил Кашьяпа-подвижник:
«Скажу я истинную правду.
Внимай мне, государь, прилежно:
Хоть следуй, хоть не следуй дхарме —
Плода не будет никакого.
Не существует того света:
Никто оттуда не вернулся,
Нет, государь, покойных предков,
Родителей не существует.
Учитель бесполезен в жизни:
Того, кто буен от природы,
Не сможет усмирить учитель.
Все существа равны друг другу,
И старших почитать не нужно.
В труде, в старанье нету смысла,
А мужество всегда бесцельно.
Все существа судьбой влекомы,
Как бечевой влекома лодка.
Что суждено — то и получишь.
Плодов даяний не бывает,
А приношения бесполезны.
Ни власти нету, ни усилий.
Кто поглупей — дары приносит,
Кто поумней — их получает.
И все глупцы в самообмане
Невольно одаряют умных.
Всего семь сутей существует.
Они неразложимы, вечны:
Земля, вода, огонь и воздух,
Затем — несчастье и счастье;

Душа считается сеньмою.
Никто их разложить не может,
Несокрушимы эти сути,
И истребить их невозможно:
Ведь меч проходит между ними.
Кто рубит голову на плахе,
Не задевает эти сути.
Как можно видеть здесь убийство?
Пусть восемьдесят калып минует,
Потом еще четыре калпы —
Тогда все души чисты будут.
Нет раньше срока избавленья,
Какие ни блюди обеты.
И сколько б ты добра ни делал,
Освобожденья не ускоришь;
А можешь нагрешить без меры —
Освобожденья не замедлишь.
Очистимся мы постепенно
За восемьдесят калып и дольше.
Не побороть необходимость —
Ведь море на берег не выйдет!»
Послушав поученья Гуны,
Сказал Алата-воевода:
«Признаюсь я, ученье это
Мне кажется правдоподобным.
Я помню прошлое рожденье,
Предшествующее этой жизни:
Я был забойщиком скота в ней
И был как Пингала известен.
В Варанаси, великом граде,
Я совершил грехов немало,
Без счета резал скот на мясо:
Свиней, овец, козлов, баранов...
Но после смерти я родился
Богатым, сыном полководца.
А значит, нет плодов злодейства,
Иначе быть бы мне в кромешной!»

Алата заблуждался! Некогда он почтил цветами чайтью с останками десяти сильного Кашьяпы. Потом, когда ему пришла пора умирать, сильнее своими последствиями оказались другие его поступки, и его странствие в мирском круговороте продолжалось по-всякому. Из-за какого-то

дурного деяния он и родился забойщиком скота и натворил в той своей жизни много зла. Но потом, когда он умирал, давняя его заслуга — подношение чайтье — пересилила все остальное — так огонь, что тлеет под золою, внезапно вырывается наружу. И получилось, что родился он сыном воеводы. А дальше своей предыдущей жизни он ничего не был в силах вспомнить, и потому решил, что нет плодов злодейства, и подержал учение Гуны.

Сидел там раб неподалеку,
Что Биджакою прозывался.
Он Кашьяпу пришел послушать,
Хоть и постился в полнолуние.
Услышал он ученье Гуны
И сказанное воеводой
И, тяжело-тяжко вздыхая,
Заплакал горькими слезами.
Его окликнул царь Видехи:
«Скажи, любезный, что ты плачешь?
Ты удручен какой-то вестью?
Что тяготит тебя? Откройся!»
Вопросу царскому внимая,
Ответил Биджака правдиво:
«Ничто не тяготит мне душу.
Послушай, царь, что расскажу я.
Я помню прошлое рожденье:
Там жизнь моя была счастливой.
Ведь был я в городе Сакете
Купцом и прозывался Бхава,
Был предан дхарме, уважаем;
Подвижникам и неимущим
Я неизменно был опорой;
Ни одного греха в той жизни
Я за собою не припомню.
Но после смерти я родился
Здесь сыном женщины несчастной
— Ведь я, Ведеха, сын рабыни, —
Теперь я неимуш и жалок.
Но, несмотря на свою бедность,
Я добродетели привержен,
Готов обедом поделиться
Со всеми, кто меня беднее.
По полнолуниям, новолуниям

Пост соблюдаю непреложно,
Зла никому не причиняю,
Не зарюсь на добро чужое.
А вот теперь, как оказалось,
Мои старанья бесполезны!
Ведь правильно сказал Алата —
От благочестия нет проку!
Мне просто выпало злосчастье —
Бросок костей был неудачен.
Игрок я, видно, никудышный.
Алата — вот игрок умелый,
Его бросок удачным вышел,
И выпало на долю счастье.
Врата небес теперь закрылись!
Что делать мне? Не понимаю!
Вот потому я и рыдаю,
Учению Кашьяпы поверив».

Биджака тоже не все знал. Когда-то, во времена десятикисельного Кашьяпы, он искал в лесу пропавшего вола. Там ему встретился монах, что заблудился в лесу. Он спросил у Биджаки, как выйти на дорогу. Биджака промолчал. Монах переспросил, а тот вдруг разозлился и обругал его: «Ты раб, а не монах! Ишь, какой настырный!» В той жизни это деяние сказаться не успело, ибо другие дела были сильнее, но оно тлело, как угли под золою. Позже Биджака за прежние заслуги и вправду родился купцом и был в той жизни праведен. Теперь же ему пришлось расплачиваться за давнее оскорбление.

Царь Биджаки рассказ услышал
И молвил он такое слово:
«Стяжать блаженство невозможно,
Мы изменить судьбу не в силах.
Любое счастье и злосчастье
Одна она нам посылает.
Нас всех очистит смена жизней,
Освобожденья не приблизишь.
Я до сих пор к добру склонялся,
Подвижникам и неимущим
Всегда я помогал с охотой,
Радел о благе государства —
Выходит, только тратил время!»

«Почтенный Кашьяпа! — обратился царь к подвижнику. — Оказывается, я много лет потратил впустую. Наконец-то есть у меня учитель!

Отныне я предамся одним наслаждениям. Да и наставления твои слушать мне теперь ни к чему — не стоит больше медлить. Ты оставайся тут, а мы отправляемся назад.

Быть может, свидимся, почтенный,

Коли судьба того захочет».

Промолвил это царь Видехи

И в путь отправился обратный.

Приехав к Гуне, царь сначала поздоровался, а уж потом завел беседу. Теперь же он и не простился — видно, Гуна даже и того был недостоин. Ну, а об угощение или подарках и речи не было. Царь кое-как скоротал остаток ночи, а наутро призвал придворных и объявил:

«Пусть в Чандаке, моем дворце,

Я буду жизнью наслаждаться,

Отныне дел я знать не знаю!

Советники пусть всё решают.

Все государственные тайны

И ежедневные заботы

Я доверяю приближенным!»

Промолвил это царь Видехи

И погрузился в наслажденья;

Подвижников и неимущих

Забыл и стал к ним равнодушен.

Так пролетело две недели,

А накануне новолунья

Любимица отца, царевна,

К себе кормилицу призвала.

А произошло за это время вот что. У царевны было в обычае всякий раз по полнолуниям и новолуниям навещать отца. В окружении пятисот своих подружек, нянек и мамок, она, очаровательная и прелестная, выходила из своего семиэтажного дворца Ративаддханы, что значит — «Взрастителю утех», и направлялась к отцовскому дворцу Чандаке. Царь встречал ее с неизменной радостью, радушно принимал, а на прощанье давал ей тысячу монет — для подаяния нуждающимся. Царевна возвращалась к себе домой, а на следующий день она непременно постилась, совершала все надлежащие обряды и раздавала щедрые дары бездомным, неимущим, обездоленным и убогим. Ведь на свои обычные траты она имела доход с целой округи, что царь ей отдал в управление, и с ним она обходилась без отцовских денег. Но так было до сих пор, а теперь по городу пополз тревожный слух, что царь-де наслушался речей адживика и последовал ложному учению. Дошел тот слух до мамок царевны, и они явились к ней с новостью: «Слыхали мы, госпожа,

что отец твой наслушался речей адживика и принял его ложное учение. Все четыре навеса у городских ворот, где прежде раздавали подавание, он велел порушить. Слуги его на улицах хватают замужних женщин и девиц и ташат к нему; управление государством он совсем забросил. Помешался, одним словом, на уладах плоти!» Царевна от таких вестей опечалилась и призадумалась: «И как же это моему отцу в голову пришло просить совета у потерявшего всякое достоинство, бесстыдного, нагого и нищего адживика! Почему он не пошел к исполненному добродетели шраману или брахману, из тех, что учат о деяниях и воздаянии за них? Вот у кого надобно было мудрости учиться! А теперь, кроме меня, некому разубедить отца. Придется это делать самой. Я уж постараюсь обратить его на путь истинный. Ведь я помню семь прошлых своих рождений и знаю, что предстоит мне в семи будущих. Расскажу я ему о своих былых дурных деяниях и о том, к чему они привели. Может, тогда отец мой образумится? Только не стоит идти к нему сегодня же. Ясно, что он спросит: «Ты почему так скоро пришла? Ты же всегда приходила ко мне раз в две недели». А если я ему тогда напрямик отвечу: «Я, батюшка, слыхала, что ты примкнул к неверному учению, вот и пришла», он пропустит мои слова мимо ушей. Стало быть, сегодня идти рано. Надо дождаться новолуния. Приду к нему как обычно, будто ни о чем не слыхала, а как стану собираться обратно домой, попрошу у него тысячу на подавание обездоленным, он мне о своих новых взглядах и расскажет. Тогда я уж постараюсь, как смогу, — только бы мне его переубедить». На том она и порешила. И вот накануне новолуния царевна призвала к себе кормилицу и сказала:

«Меня украсить поспешите,
Моих подружек наряжайте!
Ведь завтра будет новолунье,
Пора бы мне отца проведать».
Служанки подали гирлянды,
Сандалом Руджу умастили
И украшения надели
Из самоцветов и кораллов,
Из яхонтов и бус жемчужных.
Одета в лучшие наряды,
Она на золотых носилках
Отправилась царя проведать.
Блистая собственной красою,
Она еще прекрасней стала
Среди своих подружек юных.

Вот, в окружении наперсниц,
Сияя праздничным убором,
Вступила в Чандаку царица
И все сверканьем озарила,
Слепящей молнии подобна.
Она приблизилась к Ведехе,
Приветила его учтиво
И села рядом на сиденье
С блестящей золотой отделкой.
Ее, а с нею и подружек,
Подобных апсарам небесным,
Радужно принял царь Видехи
И вымолвил такое слово:
«Довольна ты своею жизнью?
Проводишь ли в забавах время?
В пруду купаешься, как прежде?
А кушанья разнообразны?
Какие же у вас затеи?
Беседки из цветов плетете?
А коль чего-то не хватает,
Скажи — я дам распоряженье!
Мне кажется, что ты натерлась
Не самым лучшим притиранием.
Быть может, надобно сандала?»
Так дочь расспрашивал Ведеха.
Ему царица отвечала:
«Мне, государь, всего довольно,
Ни в чем не знаю я отказа.
Но завтра — новолуние, праздник.
На подаяние убогим
Нужна мне тысяча каршапан —
Я, как всегда, им помогаю».
На эту речь царицы Руджи
Ей так ответил царь Ангатий:
«Ты много денег зря изводишь:
В дарах нет никакого смысла!
Посты зачем-то соблюдаешь;
Наверное, судьба такая,
И ты постишься поневоле.
А я в постах добра не вижу.

Про Биджаку-раба слыхала?
Он тоже был постам привержен,
А как послушал речи Гуны,
Заплакал горькими слезами.
Живи, пока живется, Руджа!
Отказывать себе не стоит.
Не существует того света,
Зачем себя напрасно мучить?»
Послушав речь царя Видехи,
Прекрасная царица Руджа,
О будущем и прошлом зная,
Промолвила такое слово:
«Я раньше знала понаслышке,
Теперь воочию узрела:
Кто с дураком имеет дело,
Сам поглупеет непременно.
Кто в одиночку заблуждался,
С другим заблудшим повстречавшись,
Сам в заблуждение укрепился.
Ни Биджака, ниже Алата
Меня ничуть не удивляют.
Но ты всегда был столь разумен,
Столь опытен и зрел в суждениях —
Как мог ты вместе с дураками
Поддаться ложному воззрению?

И если сам собой нас ход вещей очистит,
Зачем тогда подвижничество Гуне?
Он в заблуждение понапрасну себя мучит,
Как мотылек, летящий на светильник.
Кто верит, что усилия бесплодны,
Не остановится пред злым деяньем,
А от последствий трудно избавляться,
Как от крючка сглотившей его рыбе.

Я приведу тебе сравненье,
С вниманием меня послушай!
Разумный человек, бывает,
Суть дела схватывает сразу,
Когда сравнение услышит.
Представь купеческое судно,
Перегружённое товаром:

Оно под непомерным грузом
Затонет в океанских водах.
Так человек, мало-помалу
Накапливая злодеянья,
Под бременем их непомерным
В аду утонет, как в пучине.
Что до Алаты-воеводы,
Так он грехи пока лишь копит,
Но в будущем ему придется
Дурные испытать рожденья.
Алата тоже, царь Видехи,
Когда-то накопил заслуги,
Поэтому теперь он счастлив.
Но благо это — ненадолго:
Он к недостойному склонился,
Оставил верную дорогу
И движется стезей дурною.
Теперь — еще одно сравненье.
Возьми две чашки с коромыслом
И нагрузи одну из чашек:
Свободная от груза чашка
Поднимется на коромысле.
Так, если человек заслуги
Накапливает понемногу,
Они его поднимут к небу,
И это с Биджакой случится.
А те несчастья и невзгоды,
Что он переживает ныне, —
Последствия дурных деяний,
Им совершенных в прошлой жизни.
Но все дурное скоро минет,
Ибо теперь он благонравен.
Не слушай Кашьяпу, владыка!
Не следуй ложному ученью!
Ты попадаешь под влияние
Того, с кем вместе тратишь время,
Будь он хоть праведник, хоть грешник.
С кем человек завяжет дружбу,
Кого он часто навещает —
Он на того похожим станет.
Когда лежат две вещи рядом,

Соприкасаются друг с другом —
Одна запачкает другую.
Стрела, отравленная ядом,
Оставит часть его в колчане.
Разумный муж остережется
Общения с неблагородным —
Грехом недолго заразиться.
Ведь если ты концом былинки
Дотронешься до тухлой рыбы —
Былинка гнилью и пропахнет.
Вот каково с глупцом общенье!
А если к благовонной тагаре
Ты поднесешь листок от дерева,
Он тоже станет благовонным —
Вот каково общенье с мудрым!
Считай, что разум твой — корзинка,
А в ней плоды твоих деяний.
Будь рассудителен, владыка!
Оставь общение с дурными,
С достойными сведи знакомство.
Дурной тебя толкает к аду,
Достойный — к небесам приблизит».

Так царевна старалась склонить отца к добру. А потом она рассказала о своем прежнем грехе и о том, как она за него поплатилась:

«Я помню семь своих рождений,
Предшествовавших этой жизни,
И о семи грядущих знаю.
В седьмом тому назад рожденье
Была мужчиной я, владыка.
Жила в Магадхе, в Раджагрихе,
Кузнечным делом занималась.
Товарища дурного встретив,
Грехов свершила я немало,
Погрызла в прелюбодеевнях.
Казалось мне, что я бессмертна.
Дурной поступок сохранился,
Словно огонь под слоем пепла,
А я после того родилась
Благодаря другим деяньям
В столице Ватсы, в Каушамби,
В семье богатого торговца

Как их единственный наследник,
И все меня там ублажали.
Я встретила благого друга,
Он был умен и образован,
Меня на правый путь наставил.
Все новолунья, полнолуныя
Я, как положено, постилась.

Благой поступок сохранился,
Как клад вблизи от водоема,
Но плод былых дурных деяний,
Свершенных некогда в Магадхе,
Созрел теперь и проявился,
Как яд, подействовав не сразу.
Родилась я в «аду стенаний»
И там прожаривалась долго,
Об этом даже вспомнить тяжело!
Ведь я бесчисленные годы
Терпела тяжкие страдания.
Потом в Бхенна́кате родилась —
Была козлом там холощёным;
Возя сановников в повозках,
Расплачивалась за распутство.
А после смерти я родилась
В лесу дремучем обезьяной.
Вожак мне откусил мошонку:
Я продолжала, царь Видехи,
Расплачиваться за распутство.
Потом в Дашарне я родилась,
Была волом там подъяремным,
Расплачивалась за распутство.
А после этого, Ведеха,
Я возродилась человеком,
Но отродясь была бесполой —
Моя расплата продолжалась.
А после этого я стала
Небесной девой в свите Индры,
Носила яркие наряды
И дорогие украшения,
Искусным пением и пляской
Царя богов я услаждала.
Вот семь моих былых рождений.

Грядущие я тоже знаю.
Теперь проявится то благо,
Что я свершила в Каушамби,
И в следующих семи жизнях
То снова буду человеком,
То обитательницей неба.
Я буду счастлива все время,
Но первых шесть своих рождений
Придется женщиной остаться.
Зато в седьмом существованье
Я стану наконец мужчиной —
Не на земле, но в горнем мире.
Уже готовят мне гирлянды
Божественных цветов сантаны.
Их на меня наденет, знаю,
Проворный небожитель Джава.
Что для богов — лишь час единый,
Шестнадцать полных лет для смертных,
А день и ночь в небесном мире —
Столетие земного счета.⁷⁹
Неисчислимы рожденья
Влекут поступки за собою,
И ни благое, ни дурное
Деяние не исчезает.
Кто хочет быть всегда мужчиной,
Остерегаться должен блуда,
Как человек, что вымыл ноги,
Обходит стороною лужи.
А если женщина захочет
Мужчиной стать в грядущих жизнях,
Пускай супруга почитает,
Как апсара — богов владыку.
А кто желает благ на небе
И долгой жизни в горнем мире,
Пусть избегает прегрешений
И в мыслях, и в речах, и в деле,

⁷⁹ Арифметика текста явно хромает: в подлиннике стоит не европейский, а индийский час (*мухурта*, то есть $1/30$ часть суток). Но если он равен 16 годам, то сутки богов должны были быть равны не столетию, а 480 годам

Пусть дхарме следует прилежно,
От этого всегда есть польза,
Будь женщиной ты иль мужчиной.

Все те, кто в нашем мире, государь,
Живут в великолепии, в достатке,
Когда-то жили праведно, поверь:
Мы все — наследники своих поступков.
А как ты полагаешь, царь Видехи:
За что танцовщиц ты к себе приблизил,
Наряды даришь им и украшенья?
Наверное, они того достойны?»

Так добронравная царевна
Утешила отца рассказом,
Разубедить его стараясь.

Начавшись утром, беседа их затянулась на весь день и всю ночь. Под конец царевна еще раз взмолилась: «Не слушай, государь, зловредных речей этого голого подвижника! Послушайся меня, я ведь друг тебе и ничего, кроме добра, тебе не желаю. Помни: есть этот свет, есть тот свет, есть на свете плоды добрых и дурных деяний! Не пей из грязного источника!» И все же ей не удалось разубедить отца. Тот крепко держался за свое пагубное заблуждение. С родителями нередко так бывает: им всегда приятно послушать, как складно говорит их любимое дитя, внимать же в суть его речей они не склонны. А по городу тем часом уже разнеслась весть: «Говорят, что царевна Руджа учит царя дхарме, старается разубедить его», и все горожане радовались и надеялись: «Царевна у нас умна, она сумеет избавить отца от пагубных воззрений и нас всех тем облагодетельствует!» Но вразумить отца царевне так и не удалось. Однако она не пала духом. «Любым способом мне надо исцелить царя от заблуждения!» — решила она, поклонилась всем десяти сторонам света⁸⁰, молитвенно сложив руки над головою, и вознесла мольбу: «Ведь есть же еще в мире те, на ком свет стоит — есть преданные дхарме шраманы и брахманы, есть небожители — хранители сторон света, есть Великие Брахмы! Пусть кто-нибудь из них придет на помощь и своею силой освободит царя от пагубных воззрений! Даже если сам он того не заслужил — да придут они ради моей силы, моих достоинств, моей правды, да избавят они его от пагубных воззрений на благо всему свету!»

⁸⁰ В индийской культуре они включают в себя четыре привычных европейцам, а также четыре промежуточных, зенит и надир.

Бодхисаттва был тогда Великим Брахмой; звали его Нарада. А известно, что Бодхисаттвы по великому своему состраданию и милосердию озирают время от времени весь мир и проверяют, кто из существ идет праведным путем, а кто — неправедным. И вот в тот самый день Бодхисаттва, озирая мир, увидел царскую дочь и услышал ее мольбу. «Никто, кроме меня, не в силах избавить ее отца от пагубных воззрений. Сегодня я должен оказать ей милость; я появлюсь там, просвещу и облагодетельствую царя и его приближенных. Но какой же мне принять облик?» — подумал Бодхисаттва. И он решил так: «Люди уважают и почитают подвижников. Пожалуй, я обернусь подвижником». В тот же миг он принял благообразный человеческий облик — обратился в светлогожего подвижника. Опрятная отшельническая косица была закреплена у него золотой заколкой; одет он был в рогожу, крашенную снаружи и с изнанки красным цветом; через плечо была переброшена серебряная шкура антилопы, расцвеченная золотыми изображениями светил, и крепилась она нитью жемчуга. В руке подвижник держал золотую чашу для сбора подаяния, а на плече его лежало коромысло, тоже червонного золота, с конца которого свисал на жемчужной нити коралловый кувшинчик в виде тыквы-горлянки. В таком вот облике провидца-отшельника Нарада прилетел по воздуху, красуясь, словно месяц на небосклоне, и, паря над полом, появился на террасе дворца Чандаки перед царским взором.

Сам Нарада из мира Брахмы,

Обозревая Джамбудвипу,

Царя Ангатия приметил

И снизошел к нему на землю.

Когда он в облике провидца

Возник перед царем Видехи,

Царевна Руджа благодарно

С почтеньем перед ним склонилась.

А царь в великом изумленьи

Немедленно спустился с трона

И гостя спросил смятенно:

«Откуда явился ты, богоподобный,

Сияя, как Чандра безоблачной ночью?

Кто родом ты и каково твое имя?»

«Этот царь возомнил, будто того света не существует, а я ему нарочно сразу напомню о нем», — подумал Нарада и ответил:

«Явился сюда я из горного мира,

Сияя, как Чандра безоблачной ночью.

Узнай, государь, что я — Кашьяпа родом,

Под именем Нарады в мире известен».

«О том свете я еще успею спросить, — подумал царь. — Узнаю сначала, откуда у него сверхъестественные способности». И он спросил:

«О Нарада, я изумлен этим чудом:

Как можешь парить ты, земли не касаясь?

За что получил ты такую способность?»

Нарада ответил:

«Я дхарме и правде был издавна предан,

Смирял свои страсти, был щедр неизменно.

От этого стал я стремительней мысли,

Мгновенно в любые миры попадаю».

Этот ответ не рассеял заблуждений царя, он упорно держался своих ложных взглядов. В существование того света он не поверил и с сомнением произнес:

«Что ты рассказал мне — поистине, чудо:

Заслуги, выходит, отнюдь не бесплодны

(Вот только не знаю я, верно ли это).

Позволишь ли порасспросить тебя дальше?

Но только я жду непритворных ответов!»

Нарада ответил:

«Спроси, о чем хочешь, владыка Видехи.

Я тут же рассею любые сомненья,

Скажу о причинах, примеры напому,

В моих рассуждениях не будет изъяна».

Тогда царь задал свой вопрос:

«Нарада, ответь нелицемерно:

Есть ли в мире боги? Есть ли предки?

Существует ли на самом деле

То, что называется «тем светом?»»

Нарада ответил:

«Есть и боги в мире, есть и предки,

И на самом деле существует

То, что называется «тем светом».

Глупые и чувственные люди —

Лишь они не знают о том свете,

Ибо держатся превратных взглядов».

Тут царь с насмешкой предложил:

«Если, Нарада, ты тоже веришь,

Что умершие на этом свете

Просто на тот свет переселились,

Одолжи мне здесь пятьсот каршапан —

На том свете тысячу получишь!»

Но Нарада его при людях осадил:

«Будь ты добронравен и надежен —
Дал бы я тебе пятьсот каршапан,
Но теперь ссужать тебя опасно:
Как очутишься ты в преисподней,
Долг с тебя взыскать никто не сможет.
Кто бездельничает в этой жизни,
Ленится, бесчинствует, буянит,
Тот от умных не получит ссуды,
Ведь возврата будет не дожидаться.
А тому, кто может заработать,
Добронравен, опытен, надежен,
Люди сами в долг дают охотно:
На такого можно положиться».

Царь прикусил язык, а люди обрадовались и преисполнились надежды: «Этот божественный провидец и впрямь могуч умом. Уж он-то заставит нашего царя отказаться от пагубных воззрений!» И столь велика была волшебная сила Бодхисаттвы, что во всей Митхиле, протянувшейся на семь йоджан, люди, затаив дыхание, внимали его проповеди дхармы. «Царь упрямо цепляется за свои взгляды, — подумал Великий. — Надо бы его сначала припугнуть, рассказать об адских муках, чтобы он скорей отрекся от своих пагубных воззрений. Зато после я его утешу напоминанием о счастливых небожителях». И он промолвил: «Если ты, царь, останешься при своих взглядах, ты непременно угодишь в ад и будешь мучиться бесконечно.

После смерти встретишься в кромешной
С жадным вороньем, исчадьем ада.
Грифы, коршуны, орлы, вороны
Исключают тебя и растерзают.
Будешь ты, разодранный на части,
Окровавленный, в грязи валяться —
Позабудешь, что кому-то должен!
Там не светят ни Луна, ни Солнце,
Жутью дышит беспросветный сумрак,
Не бывает там ни дня, ни ночи;
Всяк махнет рукой на свои деньги,
Только бы в аду не очутиться.
Двое кобелей могучих, рослых:
Первый — Светлый, а второй — Пятнистый,
Там железными клыками гложут
Всех, кто очутился в преисподней.

Хищники когда в тебя вгрызутся,
По кускам растащат твоё тело,
Будешь ты, разодранный на части,
Окровавленный, в грязи валяться —
Позабудешь, что кому-то должен!
Наостривши копы, пики, дроты,
Слуги ада, копотят чернее,
Колют и пронзают, стервенея,
Грешников, в кромешную попавших.
Не ищи от них спасенья в бегстве,
Все равно ты будешь весь истерзан,
Вспорют тебе брюхо, кишки вынут,
Так забудешь, что кому-то должен!
Там с небес дождем летят секиры,
Стрелы, копы, топоры, кинжалы,
Люто накалинные, как угли;
Там из туч валится град камней,
Знойный ветер дует нестерпимо,
Нет ни малого отдохновенья.
Как начнешь, измучившись, метаться,
Позабудешь, что кому-то должен!
Запрягут тебя в телегу бесы
Да начнут стрекалом тыкать в спину —
Побежишь по раскаленной лаве,
Позабудешь, что кому-то должен!
Вздумаешь ли на гору взобраться,
Бритвами утыканную плотно,
Источающую зной и ужас —
Бритвы рассекут тебя на части,
Будешь в собственной крови купаться
И забудешь, что кому-то должен!
Станешь ползать по горящим грудам,
Где трещат пылающие угли:
Как обуглишься да накричишься —
Позабудешь, что кому-то должен!

Растут там адские деревья,
Касаясь облаков вершиной;
На них железные колючки
Набухли человеческой кровью.
На эти страшные деревья

Служители судьи умерших
Мужчин и женщин загоняют,
Что предавались любострастью.
Тебя там то же ожидает,
И будешь лезть, окровавлённый,
Пока всю кожу не оставишь
И не исколешь свои члены
На ужасающих колючках.
Тогда ты горько будешь плакать,
Раскаиваясь в прегрешеньях!
Ты даже кожи там лишишься,
Откуда же возьмутся деньги
С заимодавцем расплатиться!
Другие там растут деревья:
Мечи на ветках вместо листьев.
И будешь ты на них взбираться,
На ветках оставляя части
Обезображенного тела!
Едва ты вырвешься из леса —
В Вайтáрани падешь немедля;
Откуда же возьмешь ты деньги
С заимодавцем расплатиться!
Клокочет щелочной водою,
Дымится адское течение
Реки Вайтарани ужасной,
А в ней — железные кувшинки
И остро режущие листья!
Тебя, забрызганного кровью,
Река немедленно подхватит
И понесет на эти листья;
Откуда же возьмешь ты деньги
С заимодавцем расплатиться!»

Услышав из уст Великого этот рассказ об адских муках, царь ужаснулся и с мольбой воззвал к нему:

«Как дерево под топором, я весь дрожу от страха.
Что делать мне? Куда идти? Я заблудился в мире!
Я в ужасе от дел своих, раскаиваюсь горько!

Одна надежда на тебя, провидец!
Дай мне воды напиться в знойный полдень,
Будь островом среди морской пучины,

Стань светочем средь темноты кромешной!
Дай наставление о дхарме и о пользе.
Увы! Я в прошлом тяжко провинился.
Скажи, как мне очиститься, провидец?
Как избежать паденья в бездну ада?»

Отвечая ему, Великий упомянул о славных царях былых времен:

«Живи теперь, как Дхритараштра,
Как Вишвамйтра, Джамадгни,
Как Ушинара и царь Шиби.
Во всем отныне следуй дхарме,
И обретешь обитель Шакры.
Пусть в Чандаке, твоём дворце,
И Митхиле, столице царства,
Отныне возглашают слуги:
«Кто жаждет? Кто проголодался?
Кому нужны цветов гирлянды?
А кто нуждается в одежде?
Кому-то, может, для прогулок
Нужны сандалии и зонтик?»
Пусть дважды в день так возглашают.
Тех, кто состарился в работе,
Не заставляй трудиться больше,
Но содержать ты их обязан.
Будь это люди или скотина:
Они заботу заслужили».

Так Нарада дал царю наставление, восхвалив щедрость и нравственное поведение. А заключил он речь сравнением царя с колесницей, ибо знал, что Ангатию такое сравнение должно непременно понравиться:

«Колесницей назовем мы тело.
А возничим будет ум искусный,
Ось — непричинение дурного,
А щиты — раздача неимущим.
Мы ободьями представим ноги,
Окаемкою же руки будут.
Смазка — воздержание от обжорства;
Если скрипа нет — ты сдержан в речи.
Цельный кузов — это верность слову;
Мягкость речи — плавность ее хода;
Вера и нежадность — украшенья;
Шест со знаменем над колесницей —
Скромность, поклонение с молитвой;

Неспесивость — вот прямое дышло;
А поводья — самообузданье;
Плавный ход ее — то негневливость,
Сверху же красуется блестящий
Зонт — он означает верность дхарме.
Поручнями будут твои знанья.
А сидением — невозмутимость духа.
Спицами же — знание обстоятельств,
Хомутом смирение зовется,
А подстилкой будет бодрость мысли.
Память — вот стрекало у возницы,
Мужество и йога — то уздечка,
Если ум смирен, он едет прямо,
Избегая прихотей-ухабов.
Вдруг рысак к обочине нагнется
(Значит, что-то видно или слышно,
Что-то вкусно и приятно пахнет,
Отвлекая в сторону вниманье) —
Рысака тогда возникни — твоя сущность —
Погоняет мудростью нещадно.
Тот, кто твердо правит колесницей,
Едет ровной и прямой дорогой, —
Тот осуществит свои желанья
И кромешной навсегда избегнет.

Ты просил меня, государь, чтобы я научил тебя праведной жизни и указал путь к спасению от адских мук, так вот все это изложено подробно и доходчиво!» Так Нарада преподавал царю дхарму, избавил его от пагубных заблуждений и побудил принять обеты добронравия. «Впредь избегай дурных друзей и ищи хороших, а себя не распускай!» — настаивал он Ангатия напоследок, похвалил царевну, дал добрые советы царским женам и приближенным и на виду у всех отправился, блистая великолепием, назад в мир Брахмы».

«Как видите, монахи, — повторил Учитель, — не только теперь, но и прежде смог я разорвать сеть вредных взглядов и укротить Кашьяпу из Урубильвы». И он отождествил перерождения: «Алатой тогда был Девадатта, Сунамой — Бхадраджит, Виджаей — Шарипутра, Биджакой — Маудгальяяна, нагим аскетом Гуной был Сунакшатра из племени личхавов, царевной Руджей был Ананда, царем Ангатием был Кашьяпа из Урубильвы, а Великим Брахмой Нарадой — я сам».

ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОМ ПОДЗЕМНОМ ХОДЕ (546)

«Царь Панчалы к нам пришел...» — так некогда, во время пребывания своего в роще Джеты, молвил Учитель относительно совершенства мудрости. Однажды монахи, собравшиеся послушать проповедь дхармы, принялись восхвалять совершенство мудрости Татхагаты. «Велика мудрость Татхагаты, всеобъемлюща мудрость его; блестящим умом, острым умом, сокрушающим чужие лжеучения, обладает он, — так говорили они о достоинствах Учителя, сидя в собрании. — Силою мудрости своей он покорил брахманов — Кутаданту и других⁸¹, отшельников — Сабхию и других, разбойников — Ангулималу-Пальцелома и других, яккху Алаваку и других, богов — Шакру и других, небожителей сфер Брахмы — Баку и других, он внушил им самоотвержение, и многие благодаря ему, приняв монашество, обрели надежно плоды арийского пути. Такова великая мудрость почтенного Учителя». Учитель вошел в это время и спросил: «О чем это вы толкуете, монахи?» — «Вот о чем». — «Не только теперь, о монахи, прославлен был как мудрец Татхагата, но и в былые времена, еще не обретя зрелого знания, он был уже мудр и вел праведную жизнь ради познания пути к пробуждению». И, молвив так, он поведал им о былом.

«В былые времена правил в Митхиле царь по имени Ведеха, и было у него при дворе четверо мудрецов. Звали их Сенака, Пуккуса, Кавинда и Девинда. В тот день, когда Бодхисаттва воплотился во чреве своей матери, царю приснился на рассвете сон. Привиделось ему, будто горят четыре огненных столпа — каждый высотой в стену — в четырех углах дворцового двора, и вдруг заблистал в середине его светлячком огонёк; во мгновение ока он перерос те огни, поднялся ввысь до небес Брахмы и озарил весь мир таким светом, что ясно можно было различить даже

⁸¹ Здесь и ниже подразумеваются эпизоды из канонических сутр.

горчичное зерно, лежащее на земле. Люди и боги почтили это великое пламя венками и воскурениями; и множество людей прошло сквозь него, но никто не опалил ни единого волоска. Царь пробудился от этого сна. Трепеща в страхе, он размышлял, дожидаясь утра, что бы он мог значить.

Утром к нему пришли четверо мудрецов и осведомились, хорошо ли он спал. «Мог ли я хорошо спать? — отвечал он. — Вот какой сон мне приснился». Тогда сказал мудрец Сенака: «Не бойся, махараджа, это благой сон, он сулит тебе счастье», — «Почему ты так думаешь?» — спросили его, и Сенака ответил: «Махараджа, родится пятый мудрец, который превзойдет нас четверых. Это мы четверо — четыре огненных столпа, но рядом с нами возрастет пятый, и ему не будет равного в мире людей и богов». — «Где же он теперь?» — «Ныне, махараджа, он воплотился во чреве у матери или уже появился на свет». Так, обладая даром прорицания, он прозрел истину и объяснил тот сон, и царь запомнил его слова.

А к Митхиле с четырех сторон прилегали четыре предместья, и назывались они: Восточный рынок, Южный рынок, Западный рынок и Северный рынок. И жил в восточном предместье некий купеческий старейшина по имени Сириваддха, а жену его звали Суманадеви. И вот в тот день, когда царю было видение, Великий сошел с неба Тридцати Трех богов и воплотился в ее чреве, и еще тысяча богорожденных низошла на землю, чтобы появиться на свет в семьях богатых купцов того предместья. На исходе девятого месяца Суманадеви родила сына, младенца, излучающего золотое сияние.

В то самое время бог Шакра окинул землю взором и узрел рождение Великого. И он решил возвестить в мире богов и людей о явлении сего ростка Будды. В тот миг, когда Великий показался из чрева матери, бог Шакра незримо явился туда, вложил в руку младенца пучок целебной травы и вернулся в свое небесное царство. Великий крепко зажал траву в кулачке и вышел из материнского чрева столь же легко, как изливается вода из священного сосуда, — мать ни малейшей боли не ощутила. Увидя пучок в руке у дитяти, она спросила: «Сынок, это что у тебя?» — «Лекарство, матушка, — отвечал он и вложил ту траву в ее руку. — Возьми это лекарство и давай его всем недужным».

Мать с радостью рассказала об этом старейшине Сириваддхе. А тот семь лет страдал от болей в голове. И он сказал себе радостно: «Наше дитя вышло из материнской утробы с целебной травой в руке и заговорило, едва появившись на свет. Лекарство из таких рук должно обладать великой целительной силой». Он растер траву на жерновке, помазал себе ею лоб, и семилетняя боль исчезла сразу же бесследно, как скатывается вода с лотосового листа.

Возликовав душой, он воскликнул: «Это лекарство — чудодейственной силы!» И всюду разнеслась весть о рождении Великого и его целебной траве. Все, кто был болен, сошлись к дому старейшины и просили о лекарстве. И каждому, кто приходил, давали немного травы, растертой на жерновке, вместе с водой, и едва чудесное зелье касалось больного места, хворь исчезала, и люди уходили счастливые, восхваляя необыкновенное лекарство, обретенное в доме старейшины Сириваддхи.

В день наречения имени старейшина сказал: «Моему сыну не нужно давать имя по предку, пусть он зовется по целебной траве». И он дал ему имя Осадха Кумара — Отрок Целебное Зелье. Потом ему пришло на ум: «Мой сын наделен великими достоинствами, не может быть, чтобы он пришел в мир без спутников, многие другие дети должны были родиться с ним вместе». И он узнал, что тогда же родилась еще тысяча мальчиков, и послал всем им няnek и одежду — он понял, что им суждено стать слугами его сына. Он справил для них и для Бодхисаттвы праздник, богато одарил их и наказал каждый день являться к нему.

В играх с ними и рос Бодхисаттва, и в семь лет он был прекрасен, как изваяние из золота. Порой в предместье, где они жили, забредали слоны и другие звери и прерывали игры детей, а временами им мешали играть зной или дожди. И вот однажды во время игры хлынул неожиданный ливень. Великий, который был силен, как слон, при виде тучи побежал домой: другие же дети бросились за ним следом, но, спотыкаясь один о другого, попадали, побили колени и наставили себе синяков. Тогда Бодхисаттва подумал: «Нужно построить дом для наших игр. Так мы больше не будем играть».

И он сказал мальчикам: «Давайте построим здесь дом, где нам можно будет укрыться во время сильного ветра, дождя или зноя. Пусть каждый из вас принесет по каршапане». Все мальчики сделали, как он сказал. Великий послал за мастером-плотником, отдал ему всю тысячу каршапан и наказал построить дом. Плотник согласился и взял деньги. Он разровнял землю, вырубил столбы и протянул мерный шнур, но замысла Великого он не понял, и тому пришлось показывать самому, как надлежит протянуть шнур, чтобы все встало на место. «Хозяин, я тяну шнур, как велит мое ремесло, — возразил плотник, — я не умею строить иначе». — «Как же ты думаешь строить дом, если даже этого не знаешь? Зачем тогда ты взял наши деньги? Бери шнур — я покажу тебе, как надо мерить и строить». И Великий вручил ему шнур и начертил такой план, какой мог создать сам Вишвакарман. «Можешь ты такой план начертить?» — спросил он плотника. «Не могу, хозяин». — «А исполнить что мною указано, можешь?» — «Могу, хозяин». И Великий возвел такое здание, где в одной половине был приют для путников,

в другой — убежище для бедных, а еще там было место для буддийских монахов и для брахманов, и родильня для неимущих женщин, и помещение для людей других сословий, и такое место, где могли хранить свои товары приезжие купцы, — и во всех этих покоях двери открывались наружу. Был там и зал для игр, был зал суда и зал, где почитатели могли внимать слову Учения. Когда возвели стены, он призвал живописцев и велел расписать их картинами, какие он сам придумал, — и дворец уподобился божественному чертогу Благого Закона. Но и то он считал, что дворцу для полного блеска не хватает еще бассейна. Он велел выкопать водоем, обсудил со строителем план, дал ему денег и поручил сделать бассейн с тысячью углублений в его стенках и сотней спусков к воде. Поверхность же воды в том бассейне была усеяна лотосами пяти видов, и был он прекрасен, как озеро в небесном саду Нандана, а сходство было тем сильнее, что осеняли водоем цветущие и плодоносящие деревья. Возле дворца Великий учредил раздачу милостыни монахам и брахманам, а также странникам и жителям окрестных деревень.

Весть о его деянии разнеслась повсюду, и толпы людей стали стекаться ко двору. Великий сидел в зале суда и слушал приходящих просителей, толкуя, что основательно и что неосновательно, различая надлежащее и ненадлежащее, — казалось, наступили времена явления Будды в этот мир.

И вот, когда ему минуло семь лет, царь Ведеха вспомнил, что четверо мудрецов предсказали ему рождение пятого, который превзойдет их в мудрости, и он послал четырех своих советников из четырех врат города узнать, где он пребывает. Они не могли обнаружить его, пока не стали искать за Восточными воротами, и тут они увидели дворец и другие строения и сразу уверились, что только мудрый человек мог возвести такое здание или указать, как его строить. «Какой зодчий построил такой дворец?» — спросили они у людей. «Зодчий не сам построил этот дворец, — отвечали люди, — его построили по замыслу пандита Махосадхи, сына старейшины Сириваддхи». — «Сколько ему лет?» — «Ему только что исполнилось семь лет». Советник расчел срок, миновавший с того дня, когда царь увидел свой вещий сон, и понял, что это и есть тот мудрец, появление которого сон предвещал.

И он отправил к царю гонца с донесением: «Государь, в предместье Восточного рынка сын старейшины купцов Сириваддхи пандит Махосадха, которому как раз исполнилось семь лет, возвел небывалой красоты дворец, а рядом по его же указаниям построен бассейн и разбит парк. Должен ли я привести к тебе этого мудреца?» Царь обрадовался донесению. Он призвал к себе Сенаку и спросил, посылать ли ему за мудрецом.

Тот, однако, молвил, исполненный зависти: «Махараджа, указать, как построить здание, еще не значит быть мудрым, это всякий сумеет, это — безделица». Царь, выслушав его слова, подумал: «Видно, он не зря так говорит» — и промолчал. И он отослал гонца с повелением советнику оставаться покуда в предместье и проверить, так ли мудр этот отрок.

Советник остался исполнять приказание, и такие ему выдались случаи испытать мудреца: с мясом, с коровами, и с ожерельем, и с нитью, и с сыном, и с коротышкой, и с колесницей, с палочкой, и с головами, со змеями, и с петухом, с самоцветом, с отелом, с рисом вареным, с песком, с водоемом, и с парком, а также с ослом.

История с мясом. Однажды случилось так, что ястреб унес кусок мяса с колоды на бойне. Бодхисаттва тогда проходил мимо с приятелями, направляясь в зал для игр, и они увидели ястреба, летящего в вышине. Мальчики, его спутники, побежали за птицей — хотели заставить ее выпустить мясо. Ястреб летел, поворачивая в разные стороны, а они преследовали его, не сводя с него глаз, швыряли в него камни и палки и, выбываясь из сил, натыкались друг на друга. Тогда мудрец сказал им: «Я заставлю его выпустить мясо», — и они просили его сделать это. «Смотрите», — сказал он им и, сам не глядя вверх, помчался с быстротой ветра и наступил на тень ястреба. Хлопая в ладоши, он издавал такие пронзительные крики, что они словно вонзались раз за разом птице в грудь. В испуге ястреб выпустил мясо из когтей, и Великий, уловив по тени, куда оно должно упасть, подхватил его на лету. Множество народу видело это диво, и поднялся великий шум — так все кричали и хлопали в ладоши. Советник, услышав про этот случай, донес царю: «Да будет ведомо государю, как он заставил ястреба выпустить из когтей мясо». Узнав об этом, царь спросил у Сенаки: «Призвать нам мудреца?» Тот призадумался: «Когда он явится сюда, я утрачу свою славу и царь забудет обо мне. Не допущу, чтобы его сюда призвали». Движимый ревностью, он молвил: «Какая мудрость в том, что он сделал? Это сущий пустяк». Царь, не желая быть пристрастным, послал советнику приказ продолжать наблюдение.

История с коровами. Некий человек, проживавший в деревне Явамадхьяка, купил коров в другой деревне и привел их к себе на двор. На другой день он погнал их на пастбище и сам поехал на спине быка. Утомившись, он сошел с быка на землю, лег и заснул. Тем временем вор угнал его скот. Когда хозяин пробудился, он не увидел своих коров на месте, но углядел их угоняющего вора и закричал, вскочив: «Куда ты гонишь моих коров?» — «Это мои коровы, — ответил тот, — я

их веду куда хочу». Пока они так спорили, собралась толпа. И вот, когда те спорщики шли мимо дверей зала, мудрец, заслышав шум, велел их привести к нему. По поведению обоих он сразу понял, кто вор, а кто хозяин. Но все же он спросил, о чем их спор. «Я купил этих коров у такого-то человека в такой-то деревне, пригнал их к себе и пустил пастись на лугу, — сказал хозяин скота. — А этот незнакомец, видя, что я не слежу за коровами, угнал их. Я посмотрел по сторонам, увидел его, погнался за ним и настиг. Жители той деревни, где я купил скот, знают, что он теперь мой». Вор возразил: «Эти коровы — мои отродясь. Ложь он говорит». Мудрец молвил: «Я решу ваше дело по справедливости. Подчинитесь ли вы моему решению?» Те обещали ему подчиниться.

Тогда, желая убедить собравшийся народ, он спросил сперва у вора: «Чем ты кормил этих коров и что давал им пить?» — «Поил их рисовым отваром, а кормил молотым сезамом и фасолью». Потом он спросил о том же у хозяина, и тот ответил: «Откуда, господин, мне, бедняку, брать рисовый отвар и разное зерно? Я их кормил травой». Мудрец велел собравшимся запомнить, что они сказали, а после приказал принести семян могара, истолочь их в ступке и дать с водой коровам. И коровы на виду у всех отгрынули одну траву. Мудрец спросил у вора: «Так вор ты или нет?» — «Вор, господин». — «Больше никогда не делай так», — промолвил Бодхисаттва и отпустил виновного, по люди все-таки схватили вора и крепко поколотили его руками и ногами. Мудрец, однако, и тут не лишил его доброго совета: «Это пока лишь в нашей жизни пришлось тебе тяжело, а в будущем ведь суждены тебе горшие муки во всяких адах. Поэтому оставь подобные дела». И он наставил грешника в пяти заповедях.

Советник послал донесение царю и об этом случае, описав все, как было. Царь обратился за советом к Сенাকে, и тот сказал: «Много ль значит дело о коровах, махараджа? Всякий мог решить его». И царь, не желая быть пристрастным, послал советнику тот же приказ, что и раньше.

История с ожерельем. Одна бедная женщина достала где-то разноцветных нитей и свила их вместе в виде ожерелья. Однажды она пошла омыться в бассейне, что был построен по веленью мудреца. Ожерелье она сняла с шеи и положила на свою одежду. Его увидела одна девица и захотела забрать его себе. Взяв его в руки, она сказала: «Матушка, это очень красивое ожерелье, как ты его сделала? Мне бы хотелось смастерить себе такое. Можно, я его примерю?» По простоте та разрешила, а девица нацепила его себе на шею и пустилась наутек. Хозяйка ожерелья, видя это, поспешно вышла из воды, оделась и побежала следом. Она догнала похитительницу и ухватила ее за платье, восклицая: «Ты убегаешь с ожерельем, которое я сделала себе!» Та отвечала: «Я у тебя ничего не брала. Ожерелье это — мое, я давно ношу его».

Пока они спорили, собралась толпа. Мудрец в то время играл с мальчиками. Он услышал спор за дверьми зала и спросил, что там за шум. Узнав, в чем дело, он велел ввести обеих и с первого же взгляда увидал, которая из них воровка. Но он спросил их, подчинятся ли они его решению. «Да, господин», — ответили они.

Первой он спросил воровку: «Чем ты умащаешь это ожерелье?» Она отвечала: «У меня духи не простые — в них много всяких благовоний». Он спросил другую, и та сказала: «Откуда мне, бедной женщине, взять разные благовония? У меня самые простые духи — из цветов приянгу». Мудрец велел принести сосуд с водой и положил в него ожерелье. Потом он послал за торговцем благовониями и предложил ему понюхать сосуд и сказать, чем он пахнет. Тот сразу узнал запах цветов и молвил:

«Не разных духов — лишь приянгу
единственный запах я чую.

Ты людям солгала, мошенница!

Старшая молвила правду».

Мудрец растолковал собравшимся, в чем было дело. «Воровка ты или не воровка?» — спросил он виновную, и та призналась в воровстве. С той поры открылась народу мудрость Великого.

История с клубком ниток. Одна женщина, нанявшаяся сторожить хлопковое поле, взяла с него немного хлопка, спряла тонкую нить, смотала ее в клубок и положила его себе за пазуху. Когда она вернулась в деревню, ей вздумалось искупаться в водоеме у мудреца. И вот она положила клубок на свою одежду, а сама спустилась в воду помыться. Другая женщина увидела клубок и, желая им завладеть, взяла его со словами: «Какую красивую нить спряла ты, матушка!» Потом, притворившись, что рассматривает его, спрятала себе за пазуху и ушла. Как и раньше, дошло дело до мудреца.

Мудрец спросил воровку: «Когда ты мотала клубок, на что ты намазывала нитку?» — «На головку хлопчатника, господин». Он спросил другую, и та отвечала: «На косточку тимбару». Когда собравшиеся выслушали, что сказали та и другая, мудрец размотал клубок, нашел внутри косточку тимбару и заставил воровку признаться. И собравшийся народ радостными возгласами тысячекратно выразил свое одобрение тому, как решено было это дело.

История с сыном. Одна женщина, взяв с собой маленького сына, пришла к водоему мудреца умыть лицо. Сначала она выкупала младенца, положила его на свое платье, а потом сама умыла лицо и окунулась в воду. В это время некая ведьма увидела ребенка и захотела его

сожрать. Она подхватила платье той женщины и спросила: «Какой хорошенький малыш, подружка! Видать, это твой сынок?» — «Да, матушка», — отвечала та. «Дай, я попою его» — и ведьма взяла его на руки, немного с ним поиграла для виду и вдруг бросилась бежать вместе с ребенком. Женщина увидела это, пустилась вдогонку и схватила ее, восклицая: «Куда ты уносишь мое дитя?» Ведьма отвечала: «Не твое это дело. Это мой сын». Споря, они проходили мимо дверей зала, и мудрец, заслышав шум, послал за ними и спросил, в чем дело. Когда же ему рассказали, он, хоть сразу и узнал ведьму по немигающим красным глазам, не подал виду, но спросил, подчинятся ли они его решению.

Когда они согласились, он провел черту на земле и положил на нее младенца. Потом он велел ведьме взять его за руки, а матери — за ноги и сказал: «Возьмитесь крепче и тяните каждая в свою сторону. Дитя достанется той, которая перетянет». И обе начали тянуть, а ребенок заплакал от боли. Тогда мать, чье сердце разрывалось на части, отпустила дитя и заплакала сама. Мудрец спросил у собравшихся: «Что говорит в ней: сердце матери, болеющей за свое дитя, или сердце той, кто не мать ему?» — «Сердце матери, о мудрый». — «Кто мать дитяти: та, что вцепилась и него, или та, что его отпустила?» — «Та, которая отпустила, о мудрый». — «Знаете ли вы, кто та, что украла ребенка?» — «Мы не знаем, о мудрый». — «Это ведьма, она украла его, чтобы сожрать». — «Как ты это узнал?» — «Я узнал ее по немигающим красным глазам и по тому, что она не отбрасывает тени, по ее дерзости и по ее бессердечию».

Тогда он спросил ее, кто она, и она призналась, что ведьма. «Зачем ты украла дитя?» — «Чтобы съесть». — «Ты — слепая и безумная, — сказал он. — Ты согрешила в прошлых рождениях и потому родилась ныне ведьмой — ты и теперь продолжаешь творить зло, ты и теперь слепа и безумна». И он наставил ее в пяти заповедях и выгнал прочь. А мать младенца благословила мудреца и, молвив: «Живи долго, владыка», — взяла своего сына и ушла.

История с коротышкой. Был один человек, которого звали Голакала, Черный Шар, шаром — *гола* — его прозвали за малый рост и круглую фигуру, а черным — *кала* — за темный цвет кожи. Он семь лет прослужил в одном доме и взял там себе жену. Звали ее Дигхатала — Орясина. Однажды он сказал ей: «Милая, приготовь лепешек и другой еды на дорогу, мы навестим моих родителей». — «Какие у тебя дела с родителями?» — возразила она, но он стал ее упрашивать, и когда попросил в третий раз, она согласилась, напекла лепешек, и они, взяв с собой припасов и гостинцев, отправились в путь.

По дороге им встретилась река, и, хотя была она не очень глубокой, они оба, боясь воды, не посмели войти в нее и остановились на берегу. Тем временем один бедняк по имени Дигхапиттхи — Долговязый — шел по берегу той реки и пришел туда, где они стояли. Они увидели его и спросили, глубока эта река или нет. Он же, видя, что они боятся воды, сказал, что река очень глубокая и кишит хищными рыбами. «Как же ты сам через нее переправляешься, братец?» — «А я завел дружбу со здешними крокодилами и другими чудищами, так что меня они не трогают». — «Переправь нас», — попросили они его, и он согласился. Они покормили его, и он, когда наелся, спросил, кого переносить первым. «Перенеси сначала жену, а потом уж меня», — сказал Голакала. «Ладно». Он взял ее на плечи, прихватил заодно припасы их и подарки родителям и вошел в реку. Отойдя немного от берега, он весь скрючился и нарочно пошел приседая. Голакала, глядя на него с берега, подумал: «Река, видать, и впрямь глубока. Если такому высокому человеку трудно перейти ее вброд, мне туда нечего и соваться». Между тем Дигхапиттхи, донеся женщину до середины реки, сказал ей: «Милая, оставайся со мной. Я тебя буду лелеять, будут у тебя богатые украшения, будут служанки и слуги. На что тебе этот жалкий коротышка? Послушай меня». Внимая таким речам, она выбросила мужа из сердца и тут же полюбила незнакомца. Она согласилась на его уговоры и сказала ему: «Если ты меня не покинешь, мой господин, я сделаю так, как ты хочешь».

Выбравшись на другой берег, они стали миловаться на глазах у Голакалы, поели потом из его припасов и ушла, крикнув на прощание: «А ты там оставайся!»

Когда он это увидел, то возопил: «Они сговорились и убежали, а меня оставили здесь!» Он принялся бегать по берегу взад и вперед, сунулся было в воду и отскочил в страхе, но потом, себя не помня от гнева, со словами «Жить или пропадать!» бросился в реку и только тут обнаружил, до чего она мелкая.

Перебравшись на другой берег, он погнался за беглецами, восклицая: «Ах ты, подлый вор, куда ты уводишь мою жену?» — «Какая она тебе жена, коротышка несчастный? Она — моя!» — отвечал Дигхапиттхи и, схватил Голакалу за загривок, повернул его туда, откуда он пришел, и дал ему хорошего пинка. Голакала, однако, кинулся к ним снова и вцепился в руку Дигхаталы: «Стои, куда ты уходишь? Ты — моя жена. Тебя выдали за меня. Ведь я семь лет проработал у вас в доме!»

И так он кричал, пока они не дошли до того зала. Собралась большая толпа. Великий осведомился, откуда шум, послал за ними, выслушал каждого и спросил, подчинятся ли они его решению. Те согласились.

Прежде всего он спросил у Дигхапиттхи, как его имя. «Мое имя — Дигхапиттхи, владыка». — «А как имя твоей жены?» Он не знал ее имени и назвал другое. Потом мудрец спросил у него имена его родителей, и он назвал их; но когда спросил, как зовут родителей жены, Дигхапиттхи, не зная, назвал не те имена. Великий велел всем запомнить, что он говорил, и приказал увести его. Потом он призвал Голакалу и задал ему те же вопросы. Тот знал все имена и назвал их правильно. Тогда Махосадха отослал его тоже и призвал Дигхаталу. Он спросил у нее ее имя. «Мое имя — Дигхатала, владыка». — «А имя твоего мужа?» Она, не зная, как зовут незнакомца, назвала другое имя. Потом он спросил у нее имена ее родителей, и она назвала их правильнее, но когда спросил имена родителей мужа, она отвечала наугад и назвала не те. Тогда мудрец послал за обоими тяжущимися и спросил у присутствующих: «С чьими словами — Дигхапиттхи или Голакалы — сходится то, что сказала женщина?» — «Голы, о мудрый». Тогда он произнес приговор: «Этот человек — ее муж, а этот — похититель». И он допросил похитителя и заставил его сознаться.

История с колесницей. Один человек ехал на колеснице, и в пути ему понадобилось остановиться, чтобы умыть лицо. А в то время бог Шакра вспомнил о мудреце и решил испытать его, с тем чтобы явить миру могущество необыкновенной мудрости Махосадхи, будущего Будды. Он сошел с небес в человеческом образе и возник позади той колесницы. Он пошел за нею следом, держась за нее сзади, человек же, на ней сидевший, увидел его и спросил: «Ты зачем идешь за мною?» — «Чтобы служить тебе», — отвечал он. Тот согласился: «Ладно» — и, сойдя опять со своей колесницы, отошел в сторону по нужде. Шакра немедленно этим воспользовался, вскочил на ту колесницу и помчался прочь. Владелец ее, когда увидел это, бросился со всех ног следом, крича: «Стой, стой, куда ты покатишь на моей колеснице?» Но Шакра отвечал ему: «У тебя, наверное, другая, а эта — моя».

Так, споря, они оказались у входа в зал суда. «В чем там дело?» — спросил мудрец и послал за ними. Когда они вошли, он сразу узнал Шакру по его бесстрашному и немигающему взору и догадался, что другой — владелец колесницы. Однако он осведомился о сути их спора и спросил их, подчинятся ли они его решению.

Когда они согласились, он сказал: «Пусть кто-нибудь поведет колесницу, а вы оба держитесь за нее сзади. Кто не отпустит ее и добежит до конца, тот и владелец». И слуга мудреца повел колесницу, а те оба побежали, держась за нее, сзади. Владелец колесницы, пробежав немного, дольше выдержать не мог, отпустил ее и остановился, но Шакра продолжал бег. Мудрец велел повернуть колесницу обратно и сказал собрав-

шимся: «Видите, этот человек пробежал немного и отстал, а тот не оставал всю дорогу, туда и обратно, а между тем на теле у него не выступило ни капли пота, он не запыхался, он спокоен, глаза его не мигают — это сам Шакра, царь богов!»

И он спросил: «Поистине, ты — царь богов?» — «Да», — отвечал тот. «Зачем ты пришел к нам?» — «Чтобы распространить славу о мудрости твоей по свету, о премудрый». Махосадха ему сказал: «Не делай так больше». И Шакра явил божественное свое могущество, поднявшись в небо, и восхвалил мудреца за то, как он решил это дело, после чего вернулся в свое небесное царство.

Тогда советник сам явился к царю и сказал ему: «О махараджа, вот как решил мудрец дело о колеснице, даже Шакра ему покорился. Почему, государь, ты не хочешь признавать достоинств у людей?» Царь спросил Сенаку: «Что ты скажешь, Сенака, не призвать ли нам мудреца?» Но тот сказал: «Этого недостаточно, махараджа, чтобы признать человека мудрецом, подожди, еще испытаем его, чтобы я мог убедиться в его мудрости».

История с палочкой. И вот однажды, чтобы испытать мудреца, они послали в предместье Восточного рынка палку акациевого дерева в пядь длинной, ровно обточенную токарем, а на словах поручили передать следующее: «Ходит, мол, слава о мудрости жителей рыночного предместья, так пусть они определят, какой конец этой палочки был ближе к верхушке, а какой — к комлю дерева, а если не сумеют — заплатят пеню в тысячу каршапан». Жители предместья собрались, думали, гадали, но решить задачу не могли. Тогда они сказали своему старейшине: «Может быть, пандит Махосадха сумеет разгадать эту загадку? Пошли за ним и попроси его».

Послали за мудрецом, и, когда он пришел из зала для игр, старейшина рассказал ему, в чем дело. «Нам, сынок, этой задачи не решить, разве что ты сумеешь», — сказал он ему. Мудрец подумал: «Какой прок царю знать, с какого конца была верхушка, с какого — комель? Палку наверняка послали, только чтобы испытать меня». Он молвил: «Принесите ее, братцы, я решу вам задачу». И как только он взял пилку в руки, он уже знал, с какой стороны была верхушка, а с какой — комель. Но, чтобы убедить собравшихся, он велел принести чан с водой, привязал к середине палки веревку и, держа за конец веревки, опустил палку в воду. Корневой конец, более тяжелый, опустился глубже. Тогда мудрец спросил собравшихся: «Что тяжелее, комель дерева или верхушка?» — «Комель, о мудрый». — «Так смотрите же, этот конец опустился глубже, значит, комель с этого конца». Так он отличил конец, обращенный к комлю, от верхушечного.

Жители предместья отослали палку обратно царю, указав, какой конец был ближе к коплю, а какой — к вершине, и царь был очень доволен и спросил, кто это определил. «Сын старейшины Сириваддхи пандит Махосадха», — отвечали ему. «Не послать ли нам за ним, Сенака?» — спросил царь. «Погоди, государь, — отвечал тот. — Испытаем его еще по-другому».

История с головами. Прислали две мертвые головы, чтобы различили, которая из них женская, а которая — мужская, назначив пеню в тысячу каршапан в случае, если не сумеют. Жители предместья решить задачу не могли и обратились за помощью к Великому. Он,глянув, сразу различил их: известно, что на мужском черепе швы прямые, а на женском — изогнутые. По этому признаку он и определил, какая голова — женская, а какая — мужская, и жители предместья отослали их обратно царю с ответом. А дальше все было, как прежде.

История со змеями. Потом прислали двух змей, определить, какая из них — самец, какая — самка. Жители предместья не знали, как это сделать, и спросили мудреца. Он как посмотрел — сразу определил: у самца хвост толстый, у самки — тонкий, у самца голова широкая, у самки — удлинённая, глаза у самца большие, у самки — маленькие, у самца морда округлая, у самки — как обрубленная. По этим признакам он отличил самца от самки. И эта история кончилась тем же, что и предыдущие.

История с петухом. Потом пришло жителям Восточного предместья такое послание: «Царь повелевает вам прислать ему быка, только пусть он будет весь белый, с рогами на ногах и горбом на голове, и чтобы он подавал голос трижды подряд ежедневно, а если не пришлете — платите пеню в тысячу каршапан». Они не знали, что делать, и обратились за советом к мудрецу. Он сказал: «Царь хочет, чтобы вы прислали ему белого петуха. У него ведь рога на ногах — шпоры, горб на голове — гребешок, и, кукарекая, он подает голос трижды подряд ежедневно. Так пошлите царю такого петуха». И они так и сделали.

История с самоцветом. Некогда бог Шакра даровал царю Куше восьмигранный самоцвет⁸². Потом нить, на которой он держался, порвалась, но никто не мог удалить ее и продеть новую. И вот этот само-

⁸² Имеется в виду самоцвет, исполняющий желания.

цвет прислали жителям предместья с наказом удалить старую и продеть новую нить. Они же ни того, ни другого сделать не умели и обратились опять к мудрецу. «Не тревожьтесь», — сказал он им и попросил каплю меда. Медом он намазал отверстия в самоцвете с обеих сторон, скрутил шерстяную нитку, намазал кончик ее тоже медом, просунул его немного в дырочку и положил самоцвет в том месте, где проползали муравьи. Муравьи, почуяв мед, выползли и съели старую нить; потом, ухватив кончик шерстяной нитки, они вытянули его с другого конца. Когда мудрец увидел, что нить прошла, он отдал самоцвет жителям предместья, чтобы они отослали его царю. Они так и сделали, и царь был очень доволен, когда узнал, как удалось продеть нить.

История с отелом. Отобрали лучшего царского быка и откармливали его несколько месяцев так, что у него раздулось брюхо; потом вымыли ему рога, умастили его маслом, выкупали в воде с куркумой и отправили к жителям предместья Восточного рынка с таким посланием: «Вы, мол, мудрецы, так вот вам лучший царский бык, стельный, пусть он у вас отелится и верните его обратно с теленком, иначе заплатите пеню в тысячу каршапан». Жители предместья в растерянности, не зная, что делать, обратились к мудрецу. Он раскинул умом и придумал: на такую просьбу надо ответить просьбой же. «Можете вы найти смелого человека, который не побоялся бы говорить с царем?» — спросил он. «За этим дело не станет, о мудрый». — «Так призовите его». И они призывали такого человека.

Великий ему сказал: «Ступай, добрый человек, к воротам царского дворца, подойди к ним, распустив волосы по плечам, горько плача и сетуя. На вопросы никому не отвечай, продолжай только сетовать. А когда царь пошлет за тобою и спросит, на что ты жалуешься, ты ему скажешь, что сын твой уже семь дней мучается в родах, а разродиться не может, помоги, мол, государь, укажи средство. Тогда царь скажет: что ты болтаешь, не бывает так, чтобы мужчины рожали, — а ты ему на это: если так, то как могут жители Восточного предместья заставить твоего лучшего быка отелиться?» Посланец мудреца все так и сделал. Царь спросил, кто придумал эту хитрость, и, когда услышал, что ее придумал пандит Махосадха, изъявил свое удовольствие.

История с вареным рисом. На другой день решили еще раз испытать мудреца и отправили жителям предместья Восточного рынка такое послание: «Пришлите нам вареного риса, но приготовить вы его должны при таких восьми условиях: без риса, без воды, без горшка, без печи, без огня, без дров, и чтоб доставили его нам не по дороге, и чтобы

принесли его не мужчина и не женщина. Если не сможете этого сделать, заплатите пеню в тысячу каршапан». Жители предместья, не зная, что делать, обратились к мудрецу. Он им сказал: «Не горюйте. Возьмите немного рисовой сечки, потому что это уже не рис, льда, потому что это не вода, глиняную миску, потому что это не горшок, сложите несколько деревянных чурбаков — это ведь не печь, вместо обычного огня добудьте пламя трением, вместо дров возьмите сухих листьев, приготовьте кислого рису, положите его в новый сосуд, хорошенько умните, дайте нести его евнуху — не мужчине и не женщине, да пусть несет окольной тропой, избегая большой дороги, и так доставьте рис царю». Они так и сделали. Царь спросил, кто это придумал, и когда услышал, что придумал все пандит Махосадха, был очень доволен.

История с песком. На другой день, чтобы еще раз испытать мудреца, отправили жителям предместья такое послание: «Царь хотел бы развлечься качанием на качелях, да старая веревка в царском доме порвалась. Вы должны прислать новую веревку, только свейте ее из песка. Если не пришлете, заплатите пеню в тысячу каршапан». Те не знали, что делать, и обратились к мудрецу. Мудрец же решил, что на такую просьбу надо отвечать просьбой. Он ободрил жителей, призвал двух или трех заправских краснобаев и наказал им повести перед царем такие речи: селяне, мол, государь, не знают, тонкой или толстой должна быть эта веревка, так ты пришли им кусок от старой песчаной веревки в пядь или пальца в четыре длиной, они посмотрят и сошьют веревку той же толщины. «Если же царь, — молвил мудрец, — возразит, что в доме его, мол, никогда не бывало песчаных веревок, вы его спросите: коли уж государь сам не мог сделать песчаную веревку, что могут сделать жители предместья?» Они так все и сказали, и царь был доволен, когда узнал, что до этой просьбы додумался не кто иной, как мудрец.

История с водоемом. На другой день пришло жителям предместья такое послание: «Царь желает развлечься играми в воде; пришлите новый водоем, покрытый лотосами пяти видов, а не пришлете — заплатите пеню в тысячу каршапан». Жители предместья обратились к мудрецу, а он решил, что на такую просьбу надо ответить просьбой. Он призвал нескольких речистых молодцов и наказал им: «Ступайте и играйте в воде, пока у вас не покраснеют глаза, потом идите к воротам царского дворца с мокрыми волосами, в мокрой одежде, вымазанные в глине с ног до головы, с веревками, палками, комьями земли в руках, просите доложить царю о себе, а когда вас к нему допустят, скажите ему так: «Махараджа, как ты повелел, мы добыли для тебя подходящий боль-

шой водоем и хотели привести его; но он привык жить в лесу и, едва увидал город с его стенами, рвами и сторожевыми башнями, испугался, порвал веревки и сбежал обратно в лес. Мы били его палками, швыряли в него камнями, но не могли заставить вернуться. Ты дай нам старый водоем, принесенный из леса, мы свяжем их обоих вместе и так вернем другой». Царь скажет, что он никогда, мол, не приводил водоем из леса и не посылал его туда снова, чтобы он привел другой. Тогда вы должны сказать: «Если так, как могут прислать тебе водоем жители Восточного предместья?» Они так и сделали; и царь был рад, услышав, что это придумал мудрец.

История с парком. И еще однажды отправили послание: «Мы желаем развлекаться в парке, а парк у нас старый. Пусть жители предместья пришлют новый парк, полный цветов и деревьев». Мудрец опять ободрил своих, решив ответить просьбой на просьбу, и опять послал людей, чтобы они поговорили с царем, как и прежде.

Тогда царь, довольный, спросил Сенаку: «Не призвать ли нам мудреца, Сенака?» Но тот, завидуя чужому успеху, молвил: «Это еще не показывает, что он мудрец, погоди». Выслушав его, царь подумал: «Пандит Махосадха с детских лет отличался мудростью и тогда уже полюбился мне. Как ни испытывали его тайком, он, словно сам Будда, на любую задачу находил ответ либо просьбой отвечал на просьбу. И такого умного человека Сенака не дает мне приблизить к себе! Но что мне до Сенаки? Я его все равно призову».

И в сопровождении большой свиты верхом на своем лучшем коне он отправился в предместье. Но по дороге конь попал копытом в яму и сломал ногу; и царь повернул с того места обратно в город. Тогда Сенака явился к нему и спросил: «Правда ли, о махараджа, что ты поехал в предместье, чтобы привезти мудреца?» — «Да, пандит». — «Махараджа, — сказал Сенака, — ты меня ни во что не ставишь. Я просил тебя подождать с решением, но ты поспешил в дорогу, и вот в самом начале пути твой лучший конь сломал ногу». Царь на это ничего не мог возразить.

Но однажды он опять спросил Сенаку: «Сенака, не послать ли нам за пандитом Махосадхой?» — «Ты только сам не ездил, государь, а пошли вестника, и пусть он передаст ему от тебя такое послание: «О мудрый, когда я ехал к тебе, чтобы тебя к себе забрать, мой конь сломал ногу. Ты пришли мне теперь лучшего коня и коня превосходнейшего». Если он задумает прислать лучшего — он должен приехать сам, если превосходнейшего — прислать своего отца. В этом и будет для него испытание».

Царь согласился на это и послал вестника. Мудрец, выслушав послание, понял, что царь хочет видеть его самого и его отца. Он пошел к отцу,

приветствовал его и сказал: «Батюшка, царь хочет нас с тобою видеть. Ступай ты первый в сопровождении тысячи купцов-старейшин, но не с пустыми руками, возьми с собой ларец сандалового дерева, наполненный свежим топленным маслом. Царь заговорит с тобой приветливо и укажет тебе место, отведенное для домохозяев; ты займи его. Когда ты сядешь, войду я. Царь и со мной заговорит приветливо и укажет мне другое такое же сиденье. Тогда я посмотрю на тебя; ты поймешь знак, встанешь с сиденья и скажешь: «Махосадха, сынок, займи это место». Вот тогда и наступит время решать его задачу».

Отец повиновался и сделал так, как ему было сказано. Прибыв к вратам дворца, он просил доложить о себе царю; когда царь пригласил его, вошел, приветствовал царя и стал близ трона. Царь заговорил с ним приветливо и спросил: «Где твой сын Махосадха, домохозяин?» — «Он прибудет за мною следом, государь». Царь был рад это слышать и указал отцу сесть на подобающее ему место. Тот нашел сиденье и сел поблизости.

Между тем Великий нарядно оделся и в сопровождении тысячи юношей прибыл во всем великолепии на украшенной колеснице. При въезде в город он увидел осла на краю канавы. Махосадха велел нескольким дюжим молодцам взять этого осла, завязать ему морду, чтобы он не мог кричать, засунуть его в большой мешок и нести на плечах. Они так и сделали. И Бодхисаттва вступил в город со своей многочисленной свитой. Народ всячески восхвалял его. «Вот пандит Махосадха, сын старейшины Сириваддхи, — говорили люди. — Он родился с целебным злагом в руке, он сумел разрешить все труднейшие задачи, которыми его испытывали».

Прибыв к вратам дворца, он послал возвестить о своем приходе. Царь обрадовался этой вести. «Пусть сын мой пандит Махосадха поспешит войти», — молвил он. Со всею свитой Махосадха вошел во дворец, приветствовал царя и стал близ трона. Царь, довольный тем, что видит его, заговорил с ним ласково и предложил занять подобающее ему сиденье. Он же взглянул на отца, и отец по этому знаку поднялся со своего сиденья и предложил ему сесть. И он сел на место отца.

Тогда те слепые глупцы — Сенака, Пуккуса, Кавинда и Девинда, — видя, где он сел, стали всплескивать руками, восклицая с громким смехом: «И этого невежду еще называют мудрецом! Он заставил своего отца встать и сам сел на его место! Нет уж, мудрым его не назовешь!» Царь тоже был недоволен. Тогда Великий спросил, его: «Что с тобой, махараджа, ты, кажется, чем-то опечален?» — «Да, я опечален, пандит. Я рад был тому, что слышал о тебе, но то, что я вижу, меня не радует». — «Почему же?» — «Ведь ты заставил своего отца встать и сам сел на его место».

«Так ты думаешь, махараджа, что во всех случаях отец выше, чем его сыновья?» — «Да, пандит». — «А не послал ли ты мне приказ доставить тебе лучшего коня или превосходнейшего из коней?» С этими словами он встал с сиденья и, обратившись к своим людям, сказал: «Принесите осла, которого вы сюда доставили». Когда его принесли, Махосадха положил осла перед царем и спросил: «Какова цена этому ослу, махараджа?» — «Если он годится для работы, цена ему — восемь каршапан». — «Но если от него у чистокровной кобылы родится мул, какая будет этому мулу цена?» — «Ему цены не будет, о мудрый». — «Да что ты говоришь, государь! Не ты ли только что сказал, что во всех случаях отец — выше сыновей? Если это так, как же может осел стоить меньше, чем рожденный от него мул? Не потому ли твои пандиты всплескивали руками и смеялись надо мной, что они и того не знают? Ну и мудрецы же у тебя! Откуда ты только взял таких?» И, преисполненный презрения к этим четверым, он обратился к царю с таким стихом:

«Мнишь ли ты, что безусловно и всегда

Лучше сына своего любой отец?

Мула, значит, превзойдет в цене осел!

Знай, что мулу он приходится отцом».

Молвив это, он продолжал: «Итак, махараджа, если отец лучше сына, возьми к себе на службу моего отца; если сын лучше отца, возьми меня». Царю понравился его ответ, и весь царский двор, рукоплещая и вознося тысячекратно хвалу ему, восклицал: «Поистине, хорошо разрешил вопрос мудрец!» И было щелканье пальцами и помазание тысячью шарфов; а те четверо пришли в уныние.

Между тем никто лучше Бодхисаттвы не знал цену родителям. И если спросят, почему он так поступил, — знайте: не затем, чтобы унижить своего отца, но только ради решения задачи, которую задал ему царь, и еще для того, чтобы явить свою мудрость и посрамить четверых пандитов.

Царь был доволен; взяв чашу с благовонной влагой, он окропил ею руку старейшины со словами: «Прими предместье Восточного рынка в дар от царя». И он добавил: «Пусть другие старейшины ему подчинятся». Он послал матери Бодхисаттвы всякого рода украшения, и, довольный тем, как решил мудрец вопрос об осле, он пожелал усыновить Махосадху. «Домохозяин, — сказал он старейшине, — отдай мне твоего сына, чтобы я мог назвать его своим». Тот отвечал: «Государь, он еще очень молод, у него молоко на губах не обсохло, пусть он подрастет, а тогда перейдет к тебе». Царь сказал, однако: «Домохозяин, отныне тебе придется отказаться от родительских чувств. С сегодняшнего дня Махосадха — мой сын, и сына своего я могу содержать сам, а ты ступай себе восвояси». И он отослал его. Отец почтил царя, обнял сына,

поцеловал его в голову и прочел ему наставление. «Не печалься, батюшка», — молвил мудрец и простился с отцом.

Царь тогда спросил Махосадху, будет ли он трапезовать во дворце или вне его стен. Тот подумал, что с такой большой свитой лучше будет вкушать трапезу вне дворца, и так и ответил. Царь отвел ему подходящий дом и дал ему все необходимое для содержания свиты в тысячу человек. С этого времени Махосадха поступил на службу к царю. А тот все еще желал испытывать его.

В то время за городом недалеко от Южных ворот на берегу озера росло пальмовое дерево, на котором устроила себе гнездо ворона, а в том гнезде лежал драгоценный камень, и в воде озера было видно его отражение. До царя дошли слухи, что в озере виден драгоценный камень, и он призвал к себе Сенаку и сказал ему: «Говорят, в озере есть драгоценный камень. Как нам достать его?» — «Чтобы достать его, надо осушить озеро», — отвечал тот. Царь поручил ему сделать это. Сенака собрал много людей, они выкачали воду, выгребли ил, перекопали дно, но камня не нашли. Однако когда озеро опять наполнилось водою, вновь стало видно отражение камня. Сенака проделал все сначала, но камня так и не нашел.

Тогда царь призвал к себе мудреца. «В озере виден драгоценный камень», — сказал он ему. — Сенака велел выкачать из озера воду, выгребсти ил и перекопать дно, но ничего не нашел, а когда озеро вновь наполнилось водою, камень опять стал виден. Можешь ли ты достать его?» — «Это нетрудно сделать, махараджа, я его тебе достану». Царь обрадовался и в сопровождении большой свиты прибыл на берег озера, чтобы воочию убедиться в могуществе знания, которым обладал мудрец. Великий стал на берегу, вгляделся в отражение в воде и понял, что камня в озере нет и что он — на пальмовом дереве. «Государь, драгоценного камня в водоеме нет», — сказал он. «Но разве его не видно там, в воде?» Тогда мудрец велел зачерпнуть воды в ведро и сказал: «Посмотри, государь, не виден ли этот камень и в ведре тоже?» — «Так где же он на самом деле, о мудрый?» — «Государь, и в ведре, и в озере видно лишь отражение драгоценного камня, а сам он лежит в гнезде вороны на пальме. Великому-нибудь достать его оттуда». Царь послал человека за камнем, тот взобрался на дерево и достал его. Когда камень принесли, мудрец подал его царю в руки. И народ восхвалил мудреца, а над Сенакой посмеялись: «Камень-то был в гнезде вороны на пальме, а Сенака заставил дюжих работников осушать озеро! Конечно, мудрым тут можно назвать только Махосадху». Так люди славили Великого. И царь был им доволен и пожаловал ему жемчужное ожерелье со своей шеи и одарил нитями жемчуга всю его свиту. Ему и свите разрешено было отныне являться к царю без доклада.

Однажды царь с мудрецом пошли в парк. А там на арке ворот жил хамелеон. Завидев царя, он спустился оттуда и распростерся на земле. Царь спросил: «Что делает этот хамелеон, о мудрый?» — «Воздаст тебе почести, махараджа». — «Если так, да не останется поклонение нам не вознагражденным. Назначь ему жалование». — «Государь, жалование ему ни к чему, ему нужна только еда». — «А что он ест?» — «Мясо, государь». — «Сколько ему надо?» — «Всего на грош, государь». — «Дар в грош ценою не приличествует царю, пусть ему отныне дают каждый день мяса на полмашаки».

Так это с тех пор и исполнялось. Но однажды в день поста, когда скот не забивали, слуга не мог найти мяса для хамелеона. Тогда он просверлил монету в полмашаки, продел в нее нить и повесил ее хамелеону на шею. Тот чрезвычайно этим возгордился. Царь пришел тогда опять в парк, но хамелеон на сей раз, гордый своим богатством, подумал при виде его: «Хоть ты и очень богат, Ведеха, я богат тоже» — и, сочтя себя равным царю, не слез с арки, а остался лежать на ней, поглаживая себе грудь. Царь, видя это, спросил: «Пандит, он не спускается сегодня с ворот, отчего это?» И он молвил:

«Ведь спускался раньше с арки он передо мной.

Отчего, Махосадха, таким надменным стал хамелеон?»

Мудрец догадался, что слуга в день поста не смог достать мяса и повесил хамелеону монетку на шею, отчего тот и возгордился. И он ответил:

«Получил монетку нынче в первый раз хамелеон,

И заважничал он сразу перед Митхилы царем».

Царь послал за слугою и допросил его, и тот рассказал, как было дело. Царь был чрезвычайно доволен, убедившись, что мудрец, не задавая никому вопросов, отгадал мысли хамелеона, проявив всезнание, достойное Будды. И он даровал ему доход от сбора пошлины у всех четырех ворот города. А на хамелеона он рассердился и хотел лишить его содержания, но мудрец его отговорил: «Так делать не подобает».

Один молодой человек по имени Пингуттара, житель Митхилы, отправился в Такшашилу, где занимался у знаменитого учителя и вскоре закончил свое образование. Выдержав испытание, он попросил у учителя разрешения вернуться домой. А в роду того учителя был такой обычай: если была в семье девушка на выданье, ее отдавали замуж за старшего ученика. У учителя была дочь, прекрасная, как небесная дева, и он сказал ученику: «Сын мой, я выдаю за тебя свою дочь, ты заберешь ее с собой».

Молодой человек был огорчен и несчастен, девушка же была очень рада. Когда он ее увидел, она ему не понравилась. Он этого не скрыл, но противоречить учителю не хотел, и брахман выдал за него дочь.

Когда пришла ночь, он лег на роскошно убранном брачном ложе, но едва она пришла и легла на то же ложе, он встал с него, стеная, и лег на полу. И она сошла с ложа и легла с ним рядом, но тогда он поднялся и на то же ложе лег, а когда она на него взошла, опять лег на полу; ибо несчастье не может сочетаться со счастьем.

Тогда девушка осталась на ложе, а он — на полу. И так они провели семь ночей. Затем он простился с учителем и отправился в путь, взяв с собой жену. По дороге они едва перемолвились словом. Так, оба удрученные и несчастные, они добрались до Митхилы. Не доходя немного до города, Пингуттара увидел фиговое дерево, покрытое, плодами; будучи голоден, он взобрался на него и съел несколько фиг. Девушка, тоже голодная, подошла к дереву и крикнула ему:

«Брось и мне немного плодов!» — «Что, у тебя нет рук и ног? — возразил он. — Полезай сама, если тебе нужно». Она тоже залезла на дерево и поела плодов. А он, как только увидел, что она на дереве, быстро слез, навалил вокруг подножья ворох колючих веток и убежал, говоря себе: «Наконец-то я избавился от этой несчастной!»

Она не могла спуститься в колючки и осталась сидеть на дереве. А под вечер царь, возвращаясь верхом на слоне в город с прогулки по парку, проезжал мимо того дерева и увидел ее. Он сразу в нее влюбился. И он велел свите спросить ее, замужем она или нет. «Да, у меня есть муж, за которого выдали меня мои родные, — отвечала она. — Но он сбежал, оставив меня сидеть здесь». Советник передал это царю, который молвил: «Сокровище, не имеющее хозяина, по праву достается царю».

И ее сняли с дерева, посадили на слона и отвезли во дворец. Там совершили над нею обряд помазания, возведя в звание главной царицы. И была она царю дорога и мила. Ей дали имя: царица Удумбара, потому что царь впервые увидел ее на фиговом дереве — удумбаре.

Однажды после этого случилось так, что жителям предместья у городских ворот приказано было выйти на работу — расчистить от травы и камней дорогу, по которой царь собирался выехать в загородный парк. Вместе с другими вышел с мотыгой, подоткнув полы одежды, Пингуттара, которому надо было зарабатывать себе на жизнь. Еще прежде, чем работа была закончена, царь появился там на колеснице вместе с царицей Удумбарой. Увидев бедняка, трудившегося на дороге, царица не могла скрыть своего торжества. «Так-то, злосчастный», — подумала она и улыбнулась. Царь, увидев, что она улыбается, рассердился. «Чему ты улыбаешься?» — спросил он. «Государь, — отвечала она, — этот человек, работающий на дороге, — мой бывший муж. Это он заставил меня взобраться на дерево, а потом навалил кругом колючих ветвей и ушел.

Увидев его сейчас, я подумала: поделом тебе, злосчастный, — и не могла сдерживать улыбки». — «Ты лжешь, — сказал ей царь. — Не этому ты смеялась, я убью тебя», — и с этими словами он вынул свой меч. Она же молвила, испуганная: «Государь, прошу тебя, обратись к своим мудрецам, их спроси!»

Царь спросил Сенаку: «Веришь ли ты ее словам?» — «Нет, государь, не верю, — отвечал тот, — ибо кто же покинул бы такую женщину!» Она, услышав его слова, перепугалась еще больше. Но царь подумал: «Что может знать Сенака? Я лучше спрошу мудреца». И он обратился к нему с вопросом:

«Веришь ли, Махосадха, чтоб мужчина отказался

От такой жены, красивой и ни в чем не виноватой?»

На это мудрец ответил:

«Верю, махараджа, — горемычный, видно, тот мужчина.

Истинно, со счастьем никогда несчастье не сойдется».

Царя эти слова убедили, его гнев прошел, сердце его успокоилось, и он сказал, довольный: «Не будь тебя здесь, о мудрый, я поверил бы речам глупца Сенаки и потерял бы эту прекрасную женщину; ты спас ее для меня». И он осыпал мудреца своими милостями. Царица же поклонилась царю и сказала: «Государь, этот мудрый человек спас мне жизнь; даруй и мне милость: да будет он мне отныне вместо младшего брата». — «Хорошо, царица, я дарую тебе эту милость». — «Тогда, о государь, да будет ведомо, что с сегодняшнего дня я не вкушаю яств без моего младшего брата и отныне двери моего дома в любое время открыты для него, чтобы я могла угощать его сластями, когда он только захочет, — разреши это мне». — «Хорошо, дорогая, и эту милость прими от меня».

Однажды царь после завтрака вышел прогуляться по галерее вокруг дворца и увидел случайно во дворе козла и пса, дружески беседовавших между собою. А дружба эта началась так. Козел имел обыкновение поедать сено, оставленное возле слоновника, прежде чем сами слоны успевали его отведать. Сторожа его били и гнали, и вот однажды, когда он с блеянием убегал, один из них погнался за ним и сильно ударил палкой по спине. Козел, скрючившись от боли, пошел и лег на скамье под высокой стеной дворца. И был там пес, который изо дня в день питался костями, обрывками кожи и другими отбросами с царской кухни. В тот же самый день случилось так, что повар, едва кончив стряпать, отлучился, чтобы освежиться от кухонного жара, а пес, не в силах противиться мясному духу, прокрался на кухню, сбросил крышку с котла и вытащил кусок мяса. Но повар, заслышав шум, вбежал на кухню и увидел пса. Он захлопнул дверь и стал колотить его чем попадется. Пес выронил мясо

из пасти и, визжа, пустился наутек. Повар, видя, что он убегает, погнался за ним и ударил его изо всей силы палкой по спине. Сгорбив спину и поджав лапу, пес припелся туда, где лежал козел. Козел спросил: «Что тебя так скрючило, дружок? Или у тебя колики?» Пес отвечал: «Ты тоже лежишь скорчившись. Может быть, это у тебя колики?» И он рассказал, что с ним произошло.

Тогда козел спросил его: «Пойдешь ты еще на кухню?» — «Нет уж, это может стоить мне жизни», — отвечал пес и спросил в свою очередь: «А ты пойдешь еще к слоновнику?» — «Нет, мне туда ход заказан, этак можно и жизни лишиться». И оба задумались, как им теперь быть. И козел сказал: «Я знаю, как нам жить дальше, если мы сговоримся и придем к согласию». — «Так расскажи». — «Отныне, дружок, к слоновнику ходить будешь ты. Сторожа знают, что ты не ешь сена, и не обратят на тебя внимания, вот ты мне сена и принесешь. А я пойду на кухню. Повар, зная, что я не ем мяса, не станет следить за мною, и я принесу тебе мяса». Так они и порешили. Пес пошел к слоновнику, принес оттуда в зубах вязанку сена и положил у той высокой стены. Другой же сходил на кухню и принес большой кусок мяса на то же место. Пес съел мясо, а козел съел сено. Так благодаря этой уловке они зажили благополучно и в добром согласии у высокой стены.

Когда царь узнал об их дружбе, он подумал: «Никогда я еще такого не видывал! Вот два природных врага живут вместе в добром согласии. Загадаю-ка я об этом событии загадку своим мудрецам. Кто ее не разгадает, того я изгоню из моего царства, а того, кто на мой вопрос ответит правильно, я объявлю величайшим из мудрецов и окажу ему всяческие почести. Сегодня не время; но завтра, когда они явятся ко мне, я задам им этот вопрос». И на другой день, когда мудрецы явились к нему и расселись по своим местам, он обратился к ним с таким вопросом:

«Кто не подходил друг к другу
И на семь шагов, бывало, —
Те враги друзьями стали;
Что тут может быть причиной?»

И, сказав это, он добавил:

«Если мне сегодня до полудня
На вопрос ответа не дадите,
Изгоню вас всех без промедленья —
Ни к чему невежды мне на службе!»

На первом месте сидел Сенака, мудрец же — на последнем. Мудрец подумал: «Этот царь не столь хитроумен, чтобы из ничего придумать такую загадку, он, должно быть, что-то такое увидел. Если мне дадут один день, я эту задачу решу. Пусть Сенака что-нибудь выдумает, чтобы

на один день отсрочить ответ». А те четверо ничего не могли понять, словно блуждающие в потемках. Сенака воззрился на Махосадху, ожидая, что он скажет, а тот смотрел на Сенаку. И по тому, как он на него смотрел, Сенака понял его мысль; он понял, что даже этот мудрый человек не знает еще ответа и нуждается в дне отсрочки.

Он решил исполнить его желание; и он рассмеялся с самоуверенным видом и сказал царю: «Неужели, махараджа, ты и в самом деле прогонишь нас всех, если мы не ответим на твой вопрос?» — «Да, пандит». — «Но ты ведь знаешь, что вопрос этот сложный и нам непросто ответить на него. Ты подожди немножко. Такой трудный вопрос нельзя решать на людях, в суете. Мы его обдумаем спокойно и ответим тебе, дай нам срок». И, полагаясь на Великого, он молвил так:

«Средь суеты и многолюдья,
При шуме, поднятом толпою,
Нам трудно мысль сосредоточить
Для разрешения вопроса.
Но в тишине, уединившись,
Размышлят мудрые о деле,
Тогда, пожалуй, и сумеют
Владыке на вопрос ответить».

Царю его речь не понравилась. С угрозой он сказал им, однако: «Хорошо, подумайте как следует и приходите с ответом. Если вы этого не сделаете, я изгоню вас». После этого четверо пандитов покинули дворец, и Сенака сказал остальным: «Господа, тонкий вопрос задал нам царь, но если мы на него не ответим, нам грозит большая беда. Так что вы поешьте хорошенько и думайте прилежно».

А мудрец тем временем пошел к царице Удумбаре и спросил ее: «О царица, где царь проводил большей частью время вчера и сегодня?» — «Он гулял по галерее и смотрел из окон, братец». — «Ага, — подумал Бодхисаттва, — наверняка он там что-нибудь увидел». И он пошел туда, стал наблюдать и увидел проделки козла и пса. «Вот и разгадка царского вопроса», — подумал он и вернулся домой.

Другие же трое, как ни размышляли, ничего не придумали и пришли к Сенаке ни с чем. Он их спросил: «Решили вы задачу?» — «Не решили, учитель». — «Ну, так царь вас прогонит, и что вы тогда будете делать?» — «А ты сам-то решил?» — «Нет, я тоже не нашел ответа». — «Ну, уж коль сам ты не нашел, как было нам найти? Мы рыкали перед царем, как львы: дай, мол, нам подумать, и мы решим. Как же нам теперь прийти без ответа? Царь разгневается, что же нам делать?» — «Нам эту задачу не решить, — сказал Сенака. — Вот мудрец, тот, наверное, уже на сто ладов решил ее». — «Пойдем тогда к нему», — и они отправились все четверо к Бодхисаттве.

Они пришли к его дверям, послали возвестить о себе и потом вошли. Почтительно приветствовав его, они стали рядом и спросили Великого: «Нашел ли ты ответ на вопрос, о мудрый?» — «А кто еще другой мог бы его найти? Конечно, я нашел ответ». — «Скажи и нам». Мудрец подумал: «Если я им не скажу, царь их прогонит из своего царства, а меня вознаградит семью драгоценными дарами. Но не дам этим глупцам погибнуть — скажу им». Он посадил всех четверых на низкие сиденья и заставил сложить приветственно ладони. Но он не стал рассказывать им, что увидел царь, а только научил: «Когда царь спросит, отвечайте ему так...» — для каждого из четверых он придумал по стиху, велел стихи те заучить и отослал их. На другой день они явились к царю на службу и сели на указанные им места. Царь спросил Сенаку: «Решил ты, Сенака, задачу?» — «Кто, как не я, о махараджа, мог ее решить?» — «Тогда скажи ответ». — «Слушай, государь». И он прочел тот стих, которому его научил мудрец:

«Богачей и благородных сыновья
С удовольствием баранину едят,
А собачье мясо есть они не станут —
Пес, однако, может стать барану другом».

Сам Сенака не понимал смысла стиха, который прочел, а царь понял — ведь речь там шла о том, чему он был свидетелем. И он подумал: «Сенака нашел ответ». Потом он обратился к Пуккусе. «Неужто я совсем невежда?» — молвил Пуккуса и прочел тот стих, который ему дали заучить:

«Шкуру обдирают у козла,
Чтобы спину конскую покрыть.
Не годится для того собачья шкура —
Пес, однако, может стать барану другом».

И он читал, не понимая смысла, но царь-то понял и решил, что тот нашел ответ. Тогда он спросил Кавинду, и тот прочел стих:

«У барана круто загнуты рога,
А у пса рогов, известно, вовсе нет.
Ест один траву, другой ест только мясо —
Пес, однако, может стать барану другом».

«Этот тоже догадался», — подумал царь и обратился к Девинде, который тоже прочитал заученное:

«Ест траву и листья ест баран;
Ни травы, ни листьев пес не ест,
Заяц или кошка — вот его добыча.
Пес, однако, может стать барану другом».

Наконец царь спросил мудреца: «А ты понял ли вопрос, сын мой?» — «О махараджа, во всем мире, от низшего из адов до высшего из небес,

кто еще, кроме меня, мог понять его?» — «Тогда дай мне ответ». — «Вне-
млив, о махараджа», — и он явил свое знание происшедшего, прочитав
такие два стиха:

«Половина от восьми у твари ног.
С восемью полукопытами баран
Другу мяса незаметно принесет —
Тайно сена для него достанет друг.

Государь Ведеха благородный
Подсмотрел случайно с галереи
Тот обмен едою меж друзьями,
Меж Мемекой и Голодным Брюхом».

Царь не знал, что остальные получили свои ответы от Бодхисаттвы.
Он подумал, что все пятеро своим умом дошли до сути дела, и, обрадо-
ванный, возгласил: «Немалая мне выгода иметь в своем доме подобных
мудрецов! Вопрос глубокий и нелегкий разрешили они, разумники, бли-
стая красноречьем». И он сказал им: «За радость, которую вы мне доста-
вили, я отплачу вам радостью! По колеснице каждому, и по мулице, и по
богатой каждому дарю деревне! Всех мудрецов моих я награждаю, их
красноречьем безмерно восхищенный». И все это он им дал.

Царица Удумбара знала, однако, что четверо получили отгадку от
мудреца. «Царь равно наградил всех пятерых, не отличив боба от горо-
ха, — подумала она. — А ведь мой братец заслужил особую награду». Она
пошла к царю и спросила: «Кто ответил на твой вопрос, государь?» —
«Пятеро мудрецов, милая». — «А от кого, государь, четверо из них полу-
чили ответ?» — «Я не знаю, милая». — «Махараджа, что знают эти
люди? Это Махосадха, чтобы они, глупцы, не погибли, научил их
правильным ответам. Несправедливо, что ты всем дал равную награду.
Мудреца ты должен отличить».

Царю пришлось по сердцу, что мудрец о себе промолчал, и он решил
не в пример щедро одарить его. «Ладно, — подумал он, — я задам сыну
моему другой вопрос, а когда он ответит, пожалуй ему богатую на-
граду». И, поразмыслив, он избрал Вопрос о богатом и бедном.

Однажды, когда пятеро мудрецов явились к нему на службу и рассе-
лись безмятежно на своих местах, царь сказал: «Сенака, я хочу задать
вопрос». — «Спрашивай, государь». И он задал ему такой вопрос о бога-
том и бедном:

«Умом наделенного, но небогатого,
Иль златом богатого, но умом обделенного, —
Из этих двоих, ты скажи мне, о Сенака,
Кого назовут из них лучшим разумные?»

А вопрос этот в роду Сенаки переходил от отца к сыну, поэтому он отвечал без промедления:

«И умники, и дураки, о повелитель,
И образованные люди, и невежды,
Богатому равно они послушно служат,
Безродный, он сильнее родовитых.
И, видя это, я скажу всегда:
Кто мудр — тот хуже, лучше — кто богат».

Царь выслушал этот ответ; он не стал спрашивать остальных троих, но обратился к сидевшему здесь же Махосадхе:

«Спрошу и тебя я, о мудрый Махосадха,
В священном законе ⁸³ единственно сведущий:
Глупца-богача или умника бедного —
Кого назовут из них лучшим разумные?» —

«Послушай, махараджа, — отвечал ему Великий:

Себя считая сам превыше всех,
Творит глупец греховные дела,
Не зрит за миром этим мир иной —
В обоих жалкий ждет его удел.
И, видя это, я скажу всегда:

Кто мудр — тот лучше, не богач-глупец».

Когда он это сказал, царь посмотрел на Сенаку. «Видишь, — молвил он, — Махосадха-то назвал лучшим мудрого». — «Махараджа, — отвечал Сенака, — Махосадха — ребенок, у него еще молоко на губах не обсохло, что он может знать!» И он прочел такой стих:

«Нам не дают богатства ни наука,
Ни тела красота, ни род высокий;
Но вот восславлен жалкий Гориманда —
Так счастье улыбается ничтожным.
И, видя это, я скажу всегда:

Кто мудр — тот хуже, лучше — кто богат».

А Гориманда был богач, который жил в том городе. У него было восемьсот миллионов, но сам он был уродлив, не было у него ни сына, ни дочери, не знал он никакого ремесла, и из обоих уголков рта у него постоянно стекала слюна. И были у него две жены, прекрасные, как небесные девы. Обычно они стояли у него по бокам, нарядные и разукрашенные, и подбирали слюну, которая текла из его рта, в букеты цветов — голубых лотосов; потом они эти лотосы выбрасывали. Однажды

⁸³ Закон — *Дхарма*.

некие забулдыги захотели украсить себя голубыми лотосами в питейном доме. Они пошли к дому Гориманды, стали у ворот и принялись выкликать: «Господин наш Гориманда! Старейшина!» На поднятый ими шум он выглянул в окошко и спросил: «Что вам, братцы?» А слюна текла у него изо рта, и его жены, подобрав ее в голубые лотосы, выбросили их из окна на середину улицы. Пьяницы тотчас их подобрали, выполоскали их в воде и пошли, украсив себя этими цветами, в питейный дом. Тем они прославили Гориманду. Потому Сенака и молвил так, приведя эту историю в пример.

Царь, выслушав Сенаку, молвил: «Что ты скажешь на это, мудрый Махосадха?» Тот отвечал: «Государь, что знает Сенака? Он — словно ворона перед рассыпанным рисом или пес, вздумавший полакать молока, — он видит добычу, но не видит палки, готовой опуститься ему на голову. Послушай, государь». И он прочел такой стих:

«Неумный при удаче голову теряет.

При неудаче он теряется тем боле.

Удача ль выпадет ему иль неудача —

Он извивается, как уж на сковородке.

И, видя это, я скажу всегда:

Кто мудр — тот лучше, не богач-глупец».

Выслушав это, царь произнес: «Что скажешь на это, учитель?» Сенака возразил: «Государь, что он знает? Не то что люди, даже птицы стремятся к дереву, богатому плодами!» И он прочел такой стих:

«Как птицы к дереву со сладкими плодами

Слетаются издалека и отовсюду,

Так точно к богачу, владельцу сокровищ,

Стекается всегда народ корысти ради.

И, видя это, я скажу всегда:

Кто мудр — тот хуже, лучше — кто богат».

Царь, выслушав это, молвил: «Что скажешь, сын мой?» — «Что знает этот толстопузый? — возразил мудрец. — Послушай, государь». И он прочел такой стих:

«Детина скудоумный не к добру

Богатство тщится силою добыть.

Потом напрасно будет голосить —

Поволокут болвана прямо в ад!

И, видя это, я скажу всегда:

Кто мудр — тот лучше, не богач-глупец».

И опять царь спросил Сенаку: «Что скажешь, Сенака?» И тот прочел такой стих:

«Какие б реки ни впадали в Гангу,

Там каждая свое теряет имя,

А Ганга пропадает в океане.
Так покоряется весь мир богатству!
И, видя это, я скажу всегда:
Кто мудр — тот хуже, лучше — кто богат».

Опять царь молвил: «Ну что, мудрец?» И тот отвечал: «Послушай, махараджа», — и прочел такие два стиха:

«Великий океан, о коем он толкует,
В себя вбирающий бесчисленные реки,
О берег сколько бы ни бился беспрестанно,
Как ни могуч, но перевозмочь его не в силах.
Не то же ли и с болтовней глупца?
Не перевозмочь ей мудрости вовек!
И, видя это, я скажу всегда:
Кто мудр — тот лучше, не богач-глупец».

Выслушав это, царь сказал: «Что, Сенака?» — а тот в ответ: «Послушай, государь», — и прочел такой стих:

«Умом богатый может не блистать —
И так его слова имеют вес,
А мудрости той силы не дано,
Богатством надо мудрость подкрепить.
И, видя это, я скажу всегда:
Кто мудр — тот хуже, лучше — кто богат».

Опять царь сказал: «Что, сын мой?» — и мудрец отвечал: «Послушай, государь, что знает болтун Сенака?» И прочел такой стих:

«Для выгоды своей или чужой
Бесстыдно скудоумный молвит ложь,
Позорит он себя перед людьми,
В ничтожество впадая под конец.
И, видя это, я скажу всегда:
Кто мудр — тот лучше, не богач-глупец».

На это Сенака прочел стих:

«Пусть дело многоумный говорит,
Но если беден, то бессилен он.
Впустую, право, речь его звучит —
Богатство мудростью не обретишь.
И, видя это, я скажу всегда:
Кто мудр — тот хуже, лучше — кто богат».

Опять царь спросил: «Что ты на это скажешь, сын мой?» — и мудрец отвечал: «Что знает Сенака? Он думает об этом мире, но не думает о грядущем». Сказав это, он произнес такой стих:

«Своей, чужой ли — мудрый никогда
Корысти ради не промолвит лжи.

Такого человека люди чтут,
И к счастью он идет благим путем.
И, видя это, я скажу всегда:
Кто мудр — тот лучше, не богач-глупец».

На это Сенака прочел стих:

«Слоны, коровы, кони, самоцветы
И женщины — все есть в домах богатых.
Все служит для богатого утехой
И все без волшебства ему доступно.
И, видя это, я скажу всегда:
Кто мудр — тот хуже, лучше — кто богат».

«Да что он знает?» — возразил мудрец и, чтобы объяснить, в чем суть, прочел такой стих:

«Глупца, который чепуху болтает
и ведет себя нелепо,
Богиня счастья отвергает,
как змея изношенную кожу.

И, видя это, я скажу всегда:

Кто мудр — тот лучше, не богач-глупец».

«Что скажешь?» — спросил царь Сенаку. Тот отвечал: «Государь, что может знать этот зеленый юнец?» И он произнес такой стих, думая, что заставит Махосадху замолчать:

«Нас пятеро известных мудрецов,
Но все тебе мы служим одному,
Ты, государь, над нами властелин,
Как Шакра — над богами и людьми.

И, видя это, я скажу всегда:

Кто мудр — тот хуже, лучше — кто богат».

Вслушав его, царь подумал: «Хорошее доказательство привел Сенака. Сможет ли сын мой его опровергнуть или привести свое?» И он спросил Махосадху: «Ну, что ты скажешь, мудрый?» Никто не мог бы опровергнуть довод Сенаки, кроме Бодхисаттвы, и Великий опроверг его силой своей мудрости, молвив: «Махараджа, что знает этот глупец! Он судит только по себе и превосходства мудрости не ведает. Послушай, махараджа». И он произнес такой стих:

«Глупец богатый станет мудреца рабом,
Когда задачу выпадет ему решать.
Загадку разгадает без труда мудрец,
Тупица же беспомощно увязнет в ней.

И, видя это, я скажу всегда:

Кто мудр — тот лучше, не богач-глупец».

И словно он добыл золотой песок из подножья Сумеру, словно возвел полный месяц на небо, — так веско привел он этот довод, так явил Великий могущество своей мудрости. Царь тогда молвил Сенаке: «Ну, что скажешь, Сенака? Возрази, если можешь». Но, подобно человеку, который израсходовал все зерно в своей житнице, тот сидел, подавленный и озабоченный, и ничего не ответил. Мог бы он привести другой довод, так и тысяча стихов не завершила бы эту повесть. А меж тем как он безмолвствовал, еще один стих, прославляющий мудрость, прочел Великий — и как излияние глубокого потока то было:

«Ведь мудрость добродетельными ценится,
Богатство же сластолюбивым дорого.
Нет равного Всепробуждённых знанию,
Не превзойти вовек богатству мудрости!»

Выслушав это, царь столь доволен был тем, как разрешил вопрос Великий, что осыпал его дождем богатых даров, примолвив:

«О чем бы я ни спрашивал его,
На все Махосадха мне дал ответ разумный.
Ему дарую тысячу коров,
Слона, быка и десять колесниц —
Все десять добрыми конями запряженных.
Довольный тем, как он решил вопрос,
Еще дарю ему шестнадцать деревень!»

С той поры возросла слава Бодхисаттвы, а о прочем позаботилась царица Удумбара. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, она подумала так: «Мой названный братец стал взрослым, и слава его велика. Настало время женить его», — и с тем пошла к царю. Царь обрадовался, выслушав ее. «Хорошо, скажи ему об этом», — согласился он. Она ему сказала, и Махосадха не спорил. «Тогда мы, братец, подберем тебе невесту», — молвила она. Но Махосадха подумал: «Я никогда не буду счастлив, если жену мне выберут другие. Я сам найду ее себе». И он сказал ей: «Государыня, погоди немного и ничего царю не говори, а той порой я подыщу себе невесту по нраву и уведомя тебя». Царица согласилась, и Махосадха, простившись с ней, отправился к себе домой;

Предупредив своих товарищей, он раздобыл портновскую снасть, переоделся и один отправился в предместье за Северные ворота. А в том предместье жила старинная, но обедневшая купеческая семья, и в той семье была дочь по имени Амарадэви, девушка красивая и благонравная, со всеми приметамии доброй судьбы. В то утро спозаранку она вышла из дому, чтобы отнести отцу на пахоту рисовой каши, которую сама сварила. И случилось так, что шла она той же дорогой, что и Бодхисаттва, и он ее увидел. «Вот женщина со счастливыми приметамии, — подумал он. —

Коль она не замужем, быть ей моей женой». И та, едва увидела его, подумала: «Войти бы мне в дом такого человека — и наша семья опять узнает благие дни».

А Махосадха думал так: «Я не знаю, замужем ли она. Спрошу-ка я ее. Подам ей знак рукою — она поймет, если умна». Остановясь поодаль от нее, он сжал руку в кулак. Догадавшись, что он хочет знать, есть ли у нее муж, она раскрыла ладонь. Тогда он подошел к ней и спросил: «Как твое имя, милая?» — «Господин, — отвечала она, — имя мое означает то, чего не было раньше, нет сейчас и не будет потом». — «Милая, в мире нет ничего бессмертного, значит, зовут тебя Амара — Бессмертная». — «Верно, господин». — «Милая, кому несешь ты эту кашу?» — «Божеству былого, господин». — «Божества былого — это родители, значит, ты несешь пищу своему отцу». — «Так и есть, господин». — «А что делает твой отец?» — «Из одного делает два». — «Раздвоение единого означает пахоту. Значит, он пашет, милая». — «Верно, господин». — «А где пашет твой отец?» — «Там, куда единожды уходят и уже не возвращаются назад». — «Место, откуда не возвращаются, — кладбище; значит, он пашет близ кладбища, милая». — «Верно, господин». — «Пойдешь ли ты еще туда сегодня?» — «Коль придет, не пойду, а не придет — пойду». — «Я думаю, милая, что отец твой пашет на речном берегу, и если придет разлив, ты туда не пойдешь, а нет — пойдешь». — «Верно, господин».

Так они потолковали, и Амарадеви предложила ему: «Испей, господин, рисового отвара». «Отказываться — неучтиво», — подумал он и согласился его отведать. Она опустила на землю горшок, а Махосадха думал тем временем: «Если она предложит мне пищу, не вымывши чаши и не дав мне сперва умыть руки, я тотчас уйду от нее». Но она зачерпнула чашей воды и полила ему на руки, а потом, не давая ему чаши в руки, опустила ее на землю, размешала кашицу в горшке и налила отвара в чашу. Но риса в нем вышло мало, и Махосадха сказал: «Как мало риса в кашице, милая!» — «Нам не хватило воды, господин». — «Не хватило воды на вашем поле, когда всходил рис, должно быть?» — «Верно, господин». Она оставила варева для отца и еще подлила Бодхисаттве. Он выпил, прополоскал рот и сказал: «Милая, я хочу посетить ваш дом, укажи мне дорогу». — «Хорошо», — отвечала она и прочла стих:

«Ступай мимо лепешек, после — мимо каши,

Там — мимо дерева двулистного в цвету⁸⁴,

⁸⁴ Здесь описательно, в расчете на догадливость собеседника, названо черное дерево, листья на ветвях которого располагаются супротивно.

Потом — по руку, коей пищу принимаешь,
Но не по ту, которой пищу не берешь.
Так путь к торговому предместью пролегает,
И этот путь сокрытый должен ты найти».

Это означало: «Войдя в селение, увидишь лавку, где торгуют лепешками, затем харчевню, потом минуешь цветущее эбеновое дерево и повернешь направо». Он пошел, как было сказано, и пришел к ее дому. Мать Амары встретила его и усадила. «Отведай рисового отвара, господин», — предложила она. «Сестрица Амарадevi мне уже дала его отвeдать, матушка». Та сразу догадалась, что он пришел ради ее дочери. Великий между тем увидел, какая у них бедность в доме, и сказал: «Я, матушка, портной. Не нужно ли подлатать вам что-нибудь?» — «Нужно, господин, да денег у нас нету». — «О плате не заботься, матушка, неси все — я почину». Она принесла ему старой одежды, и все, что она принесла, Бодхисаттва починил — известно, что у мудрого в руках дело спорится. Потом он сказал: «Пойди, матушка, расскажи обо мне соседям». Она разнесла весть о нем по всему предместью, и за один день Махосадха заработал портняжным ремеслом тысячу каршапан. Старуха приготовила ему обед, а вечером спросила, сколько ей готовить еды на ужин. «Столько, матушка, сколько нужно живущим в этом доме». И она наварила вдоволь еды с разными соусами и приправами.

Вечером вернулась из леса Амарадevi с вязанкой дров на голове и связкой листьев на бедре; она сбросила дрова у передней двери, а сама вошла через заднюю. Позднее пришел ее отец. Махосадха отвeдал разных яств. Амарадevi подала еду родителям и потом поела сама. После этого она омыла ноги родителям, а затем омыла ноги Великому.

Несколько дней он прожил там, и все это время наблюдал за нею. И вот однажды, желая испытать ее, он сказал: «Любезная Амарадevi, возьми полмеры риса и приготовь мне из него кашицы, лепешек и рассыпчатого рису». — «Хорошо», — сказала она. Сначала она очистила рис; крупные зерна она пустила на кашу, средние отварила, а из мелких испекла лепешек и ко всему сготовила подходящие приправы. Она дала Махосадхе кашицы с приправами, и едва он поднес ее ко рту, как ощутил бесподобный вкус и запах. Но, чтобы испытать Амару, он сказал: «Милая, если ты не умеешь стряпать, зачем было портить рис?» — и выплюнул кашу на землю. Но она не рассердилась и дала ему лепешку: «Если каша нехороша, попробуй лепешек, господин». Но и с лепешкой Махосадха поступил так же. И вареный рис он отверг со словами: «Коли ты не умеешь стряпать, зачем было переводить мое добро?» И, притворяясь рассерженным, он перемешал все, что она наготовила и вымазал ее этой кашей с головы до ног; и он велел ей сесть у двери. Она же ничуть

не обиделась и, молвив: «Хорошо, господин», — повиновалась. Убедившись, что нет в ней гордыни, он сказал: «Поди сюда, любезная». И она подошла по первому слову.

Когда Великий пришел к ним в дом, он принес с собой в сумке для бетеля тысячу каршапан деньгами и новое платье. И вот теперь он вынул это платье и отдал ей в руки: «Любезная, — сказал он, — пойдй соверши омовение со своими подругами, потом надень это платье и приходи ко мне». Она так и сделала. Мудрец отдал ее родителям и те деньги, что принес с собой, и те, что заработал здесь, утешил их, а ее взял с собою в город.

Но он задумал испытать ее и велел ей остаться в доме привратника, жене которого он раскрыл свой замысел, а сам отправился к себе. Он призвал своих людей и сказал: «Я оставил женщину в таком-то доме. Возьмите тысячу монет, предложите их ей и попробуйте ее увести». Они повиновались. Но она отказалась от денег, молвив: «Это не стоит праха от ног моего господина!» Слуги вернулись и доложили о том мудрецу, но он послал их к ней снова, а потом и в третий раз. В четвертый раз он велел им увести ее силой. Они выполнили этот приказ, привели ее, и, когда Великий предстал перед нею во всем своем блеске, она его не узнала. Взирая на него, она улыбнулась и заплакала. Он спросил ее, чему она радуется и о чем печалится, и она отвечала: «Господин, я улыбаюсь, видя твое величие, ибо понимаю, что оно дано тебе не без причины, — это награда за доброе деяние в прошлом. Думая о плодах благочестия, я улыбнулась. А плачу я, думая, что ты, присваивая себе чужое достоинство, которое другой берег и хранил для себя, согрешишь и попадешь в ад. Из жалости к тебе я заплакала».

Так испытал он ее и, убедаясь в ее душевной чистоте, велел отвести ее обратно. Затем он снова принял личину портного, вернулся к ней и провел с нею ночь.

На другое утро он отправился во дворец и рассказал обо всем царице Удумбаре. А та рассказала это царю. Одев Амаравати в нарядное платье и украсив ее драгоценностями, она возвела ее на блистающую колесницу и торжественно привезла в дом Махосадхи, где устроила пышное празднество. Царь послал Бодхисаттве дары ценою в тысячу каршапан, и все жители города, начиная с привратника, прислали ему подарки. Половину от даров царя Амаравати, однако, послала обратно, и так же поступила она с подарками от горожан, и тем привлекла их к себе. И с той поры Махосадха зажил с нею в добром согласии, наставляя царя в делах закона и управления.

Однажды к Сенаке пришли трое его друзей-мудрецов, и он им сказал: «Увы, мы не могли одолеть этого Махосадху, сына простолюдина, а теперь он взял себе жену, которая еще умнее его. Сумеем ли мы посеять

раздор между ним и царем?» — «Куда нам, учитель! Разве что ты сумеешь». — «Ладно, утешьтесь, есть одно средство. Я похищу большой самоцвет из царского венца, ты, Пуккуса, возьмешь золотое ожерелье царя, ты, Кавинда, — его мантию, а ты, Девинда, — золотую сандалию». И вот они вчетвером ухитрились все это похитить. Тогда Сенака сказал: «Теперь мы подбросим это незаметно в дом купеческого сына».

И вот Сенака положил самоцвет в горшок свежего масла и дал его служанке с наказом: «Ступай, но никому по дороге масла не предлагай, а как принесешь в дом Махосадхи, отдай весь горшок, если спросят». Служанка пошла к дому мудреца и стала расхаживать перед дверьми, выкрикивая: «Берите масло!» Амарадехи тогда стояла в дверях и уже издали углядела ее; она видела, что служанка, никуда не сворачивая, пришла с горшком прямиком к их дому, и поняла, что дело нечисто. Она подала незаметно знак своим слугам и окликнула ту служанку: «Поди сюда, матушка, я возьму твоё масло». Когда та подошла, она стала звать слуг, но, повинувшись знаку, никто из них не вышел, и тогда она попросила служанку Сенаки сходить за ними. Только та отошла, Амара сунула руку в горшок и нашла в нем самоцвет. Когда служанка вернулась, она спросила ее: «Откуда ты, матушка?» — «Я служу у пандита Сенаки». Амара спросила, как ее имя и как зовут ее мать, а после сказала: «Так дай мне масла». — «Бери, госпожа, если хочешь, платы не надо — бери вместе с горшком». Тогда Амара отослала ее, а сама взяла лист и написала: «В такой-то день такого-то месяца учитель Сенака послал нам в дар с такою-то, дочерью такой-то служанки, самоцвет из царского венца».

Потом Пуккуса так же прислал золотое ожерелье, спрятав его в корзине с цветами, Кавинда прислал мантию в корзине с овощами, Девинда — золотую сандалию в снопе ячменя. Она все это приняла и все вписала на листе вместе с именами принесших, спрягала лист и рассказала о том, что произошло, Махосадхе.

А те четверо пришли во дворец и сказали: «Что, государь, ты уже не носишь большой самоцвет в своем венце?» — «Да нет, ношу, — ответил царь и приказал: — Принесите мне его». Но самоцвета нигде не могли найти, а потом точно так же не нашли и других вещей. Тогда те четверо заявили: «Государь, твои драгоценности — в доме Махосадхи, он их присвоил. Этот сын простолюдина — твой враг!» Так они его оклеветали.

Друзья мудреца его оповестили об этом. Он молвил: «Пойду к царю и все выясню». И он явился к царю во дворец, но царь в гневе сказал: «Я не знаю этого человека. Что ему здесь нужно?» — и не допустил его к себе.

Видя, что царь гневается на него, мудрец вернулся домой. Царь между тем послал стражу схватить его, но друзья Махосадхи предупредили

его через Амарадехи, и он, переодетый, покинул город и скрылся в предместье Южного рынка, где поселился под видом горшечника.

В городе пошли толки о бегстве мудреца. А Сенака и трое других, когда узнали о том, что он скрылся, послали, каждый в тайне от остальных, по письму Амарадехи: не огорчайся, мол, я тоже не такой уж дурак. Она получила эти четыре письма и назначила каждому прийти к ней в такой-то час. А когда они явились к ней, один за другим, она каждого велела обрить и запереть в нужнике. Потом каждому задала хорошую трепку, одела в рогожу и, предупредив паря, привела всех четверых ко двору, захватив с собою царские драгоценности. После приветствий она обратилась к царю: «Государь, — сказала она, — мудрый Махосадха — не вор, это они — воры. Сенака украл твой самоцвет, Пуккуса — ожерелье, Девинда — золотую сандалию. В такой-то день такого-то месяца с такой-то и такой-то служанкой они были посланы нам как дары. Взгляни на этот лист, возьми принадлежащее тебе, государь, и прогони прочь этих воров». Так изобличила она тех четверых в тяжком преступлении и, поклонившись царю, возвратилась домой.

Но царь не знал, что ему делать — ведь Бодхисаттва исчез, а других мудрецов при нем не было. Ничего не решив, он велел провинившимся совершить омовение и разойтись по домам.

Между тем обитавшая в царском зонте богиня, долгое время не слыша наставлений в вере из уст Бодхисаттвы, обеспокоилась и решила вернуть мудреца. Ночью она явилась царю в просвете зонта и обратилась к нему с вопросами, начиная со слов из Четвертой книги: «Руками и ногами бьет...» Царь не знал ответов на них и попросил день отсрочки, чтобы спросить у своих мудрецов. На другой день он послал за ними, но они отвечали, что, обритые наголо, они стыдятся показаться на улице. Тогда он послал им по тюбетейке — прикрыть бритые головы; говорят, с той поры и стали их носить.

Они пришли и сели на указанные им места. Царь сказал: «Сенака, этой ночью богиня, обитающая в моем царском зонте, обратилась ко мне с вопросами, на которые я не мог ответить, но я ей обещал спросить моих мудрецов. Разрешите мне эти вопросы», — и он произнес первый стих:

«Руками и ногами бьет, в лицо, пожалуй, попадет,

И все же дорог он, о царь. Скажи: кто это может быть?»

Сенака ничего не мог понять: «Кто кого бьет? Почему?» — пролепетал он, запинаясь. Остальные безмолвствовали. Царь был расстроен. Когда ночью опять явилась ему богиня и потребовала ответа, он признался: «Я спрашивал моих четвертых мудрецов, но и они ответа не знали». Богиня молвила: «Да что они знают? Кроме пандита Махосадхи, никто не может решить эту задану. Если ты не пошлешь за ним, чтобы

он ответил на мои вопросы, я рассеку тебе голову этим огненным мечом!» И так устранив его, она продолжала: «О махараджа, если нужен тебе огонь, не пытайся раздуть светлячка, если хочешь молока, не берись доить рог». И она прочла стих о светлячке из Пятой книги⁸⁵:

«При наступлении темноты, зажечь костер желая,
Кто добывать огонь из светлячка лесного станет?
Пусть на него сухой травы и кизяков навалит —
Не загорится всё равно костер, всё будет тщетно.
И от коровы молока никто ведь не получит,
Когда доить ее за рог, а не за вымя станет.
Есть у людей немало средств своей добиться цели —
И наказание врага, и поощрение другу,
Военачальникам награды и друзей советы
В завоевании земель помогут государю».

«Такие люди не станут, как ты, дуть на светлячка, принимая его за уголек. Когда с глубоким вопросом ты обращаешься к Сенаке и подобным ему, на кого ты похож? Не на того ли, кто дует на светлячка, когда огонь у него под рукой? Не на того ли, кто взвешивает вещь на ладони, забыв про весы, или на того, кто, желая молока, доит корову за рог? Что знают твои советники? Они — светлячки. Великое пламя — Махосадха, пылающий мудростью. И знай: если не ответишь на мой вопрос — простишься с жизнью». Так пригрозила царю богиня и исчезла.

В смертельном страхе призвал к себе царь наутро четырех своих советников, и по его приказу они выехали в тот же день на колесницах из четырех ворот города на поиски названного сына его, мудрого Махосадхи. Царь повелел им доставить его немедленно с почетом в столицу, где бы они его ни нашли. Трое вернулись ни с чем, но тот, что выехал из Южных ворот, нашел Великого в предместье Южного рынка. Там, наносив глины и потрудившись у хозяйского гончарного круга, сидел Махосадха, измазанный глиной, на мешке с соломой и уплетал горстями ячменную кашу со скудной приправой.

А вел он себя так не без причины. Ведь он опасался, как бы царь не заподозрил его в покушении на царскую власть. «Если же он узнает, что мудрец стал горшечником, он забудет свои подозрения» — так подумал Махосадха. Увидев советника, мудрец сразу же догадался, что тот прибыл за ним. «Скоро благополучие вернется ко мне, — подумал он, — и опять я буду, вкушать разнообразные изысканные яства, которые сготовит для меня Амара». И он выплюнул ячменную кашу, которую только что отправил себе в рот, и прополоскал его.

⁸⁵ Подразумевается пятая книга «Джатак».

Тут приблизился к нему советник. Он был сторонником Сенаки и заговорил с ним сурово: «Ну что, мудрый учитель, верны были речи нашего Сенаки! Сгинуло твое благополучие и не помогла тебе твоя хваленая мудрость. Вот сидишь ты теперь, измазанный глиной, на мешке с соломой и ешь эту кашу». И он прочел из Вопросы о разуме в Десятой книге:

«Вправду ли такой ты многоумный?

Что ж богатство, мудрость и рассудок

Благу твоему не послужили,

Раз вкушаешь кашу без приправы?»

«Слепец! — отвечал ему Великий. — Могуществом моей мудрости я верну себе благополучие, когда захочу!» И еще он молвил:

«Я страданием подготавливаю счастье,

различая, что мне к сроку, что не к сроку.

По своей ушел я воле и в успех свой верю,

потому и обхожусь едою скудной.

Время знаю сам, когда восстать во славе,

измышляю средства для победы.

Выступлю, придет пора, с отвагой львиной —

ты еще узришь мое могущество, запомни!»

Советник сказал ему: «Пандит, богиня, что живет в царском зонте, задала вопрос государю. Он искал помощи у своих четверых мудрецов, но ни один из них не мог дать ответа. Вот он и послал меня за тобою». — «И как же не видишь ты могущества мудрости? Что теперь проку в богатстве? Помочь здесь может только мудрый». Так восхвалил Махосадха мощь мудрости, а советник вручил ему новое платье и тысячу монет от царя и передал его повеление немедля совершить омовение, переодеться и вернуться в город. Хозяин Махосадхи перепугался, когда узнал, кто был у него в работниках, но Великий утешил его: «Не пугайся, учитель, ты мне очень помог», — и отдал ему полученные от советника деньги. Потом, как был, весь в глине, он взошел на колесницу и поехал в город.

Советник доложил царю о его возвращении. «Где ты, любезный, нашел мудреца?» — спросил царь. «Государь, он был в работниках у горшечника в предместье Южного рынка. Едва он услышал, что ты призываешь его, он отправился в путь, весь измазанный глиной, не совершив омовения». Царь подумал: «Если бы он таил ко мне вражду, он держал бы себя надменно. Нет, он не враг мне». И он повелел: «Пусть сына моего проводят в его дом, а когда он совершит омовение и наденет украшения, пусть с почетом доставят его во дворец». Это было исполнено, и когда Махосадха прибыл вновь ко дворцу и его пригласили войти, он вошел, поклонился царю и стал близ трона. Царь приветливо заговорил

с ним, а затем, чтобы его испытать, сказал ему так: «Одни, нужды не ведая, творить греха не станут, другие не грешат, страшись позора. А мог ведь ты, когда бы захотел, обогатиться. Скажи, ты зла мне почему не сделал?» На это Бодхисаттва отвечал:

«Мудрые не совершают злодеяний
ради благ, даруемых богатством.
Праведные и в годину бедствий от Закона
ни из дружбы, ни со зла не отвратятся».

И, опять испытывая его, царь молвил, поминая мудрость кшатриев ⁸⁶:

«Кто возвыситься сумеет
от убожества к богатству,
Будь то кротостью иль силой,
после праведником станет».

На это Великий прочел такой стих, сравнивающий человека с деревом:

«Дерева, которое нас тенью осеняет,
Ты ломать не должен, как злодей, предавший друга!»

«Махараджа, — продолжал он, — если сломать ветвь с дерева, под которым отдыхал, считается предательством, то что же сказать о том, кто убил человека? Ты даровал великое богатство моему отцу, мне оказал ты бесценные милости. Облагодетельствованный тобою, как мог бы я предать тебя?» Так высказав свою преданность, он произнес с упреком: «Если один человек объяснит Закон другому или в чем-то сомнение его развеет, тот защитой станет его и опорой, и такую дружбу мудрый не разрушит». И еще он сказал, увещая: «Нет хорошего в мирянине сластолюбивом, праздном, нет хорошего в отшельнике-невежде, и в царе, необдуманно свой приговор выносящем, хорошего мало, нет хорошего и в мудреце, поддающемся гневу».

Не опрометчиво кшатрий владетельный
к важным решеньям приходит;
Если обдуманно действует царь —
свою славу он в мире умножит».

После того как Махосадха сказал это, царь возвел его на свой трон, осененный белым зонтом, а сам сел на низшее место и промолвил: «О мудрый, богиня, обитающая в белом зонте, задала мне четыре вопроса. Я обратился к своим мудрецам, но из четырех ни один не нашел ответа. Ответь ты мне на эти вопросы, о сын мой!» — «Махараджа, — отвечал мудрец, — будь это богиня, обитающая в зонте, или будь это

⁸⁶ Имеется в виду учение о том, как эффективно добиваться своих целей. В приведенной ниже строфе подразумевается вывод «победителей не судят».

четыре великих царя, или кто угодно, пусть задают мне любые вопросы, я отвечу. Скажи мне, махараджа, какие вопросы задала тебе богиня?» И царь, повторяя вопросы божества, произнес первым стих:

«Руками и ногами бьет, в лицо, пожалуй, попадет,

И все же дорог он, о царь. Скажи, кто это может быть?»

Махосадхе смысл вопроса стал сразу же ясен, как месяц, взошедший на небе. «Слушай, махараджа, — молвил он. — Когда дитя на руках у матери, играя, бьет руками и ногами, дергает ее за волосы и тычет кулачком в лицо, она говорит ему: «За что ты колотишь меня, плутишка?» — и в порыве любви прижимает его к груди и целует, и в этот миг оно ей дороже, чем его отец». Так он объяснил этот вопрос, словно возвел солнце на небо. И, услышав его ответ, богиня вышла наполовину из просвета в зонте и произнесла сладкозвучным голосом: «Хорошо решен вопрос». Великий получил от нее в дар драгоценную шкатулку, наполненную чудесными цветами и умощениями, она же исчезла. От царя он тоже получил цветы и другие дары, после чего тот попросил его разрешить другой вопрос. «Говори, махараджа», — молвил мудрец, и царь произнес второй стих:

«Она всю его бранит, но ждет, когда же он придет.

И все же дорог он, о царь. Скажи, кто это может быть?»

Великий объяснил: «Махараджа, когда семилетний ребенок уже может выполнять поручения матери, она посылает его на поле или в лавку, а он отвечает: «Дай мне того-то и того-то поесть или попить, тогда пойду», — она исполняет его просьбу, а он говорит: «Сама, небось, прохлаждаешься дома, а я бегай по жаре по твоим поручениям!» — и корчит рожи и дразнит ее, она же, рассердившись, хватается за палку и кричит: «Поел, а теперь делать ничего не хочешь!» Он убегает, после того как она ему пригрозила, ей его не догнать, и она кричит: «Убирайся, пусть тебя разбойники в куски изрубят!» — и тому подобное, и так бранит его всю и по-всякому, но что язык ее произносит, того она нимало не желает и ждет его возвращения. Он весь день где-нибудь играет, а вечером боится вернуться домой и идет к какому-нибудь родственнику; мать же глаза проглядела, ожидая его возвращения. Она догадывается, что он боится идти домой, и сердце ее исполняется печали, со слезами она ищет его по домам своих родных и, найдя сына, обнимает его и целует, крепко прижимает к себе и восклицает: «Неужели ты обиделся на меня?» — и еще больше любит его. Так, махараджа, когда мать сердится на сына, он ей еще дороже». Так он ответил на второй вопрос, и богиня опять почтила его дарами; и царь почтил его тоже и попросил ответить на третий вопрос. «Говори, махараджа», — молвил тот, и царь прочел еще стих:

«Его напрасно укорят и без причины упрекнут,

И все же дорог он, о царь. Скажи, кто это может быть?»

Великий объяснил: «Махараджа, когда влюбленные, уединившись, предаются любовным утехам и она ему говорит: «Ты меня совсем не любишь, ведь сердце твое влечется к другой!» — и так они корят и упрекают друг друга напрасно и без причины, они в то время друг другу еще дороже. Знай, в этом смысл вопроса». И богиня почтила его, и царь почтил его тоже и попросил ответить еще на один вопрос. «Спрашивай, махараджа», — молвил тот, и царь прочел еще стих:

«Они едят у нас и пьют, одежду просят и приют,

Но дороги они, о царь. Скажи, кто это может быть?»

Тот объяснил: «Махараджа, это вопрос о праведных брахманах-странниках. В домах благочестивых людей, верующих в этот и иной мир⁸⁷, им подают с радостью, и когда те брахманы-странники приходят просить подаяние, они получают и вкушают его, а хозяева думают, глядя на них: «Это у нас они просят, нами данную еду вкушают», — и от этого они их еще больше любят. Странники получают дары и уносят их на своих плечах — и оттого они становятся только дороже хозяевам». И когда найден был ответ и на этот вопрос, богиня его одобрила и опять почтила мудреца, положив к его ногам шкатулку с семью драгоценностями: «Прими, о мудрый». Царь же, обрадованный, пожаловал ему звание полководца. С той поры еще больше возросла слава Махосадхи.

И опять четверо пандитов держали совет: «Еще больше возвысился сын простолюдина, что нам теперь делать?» Сенака сказал: «Ладно, я придумал. Мы пойдем к купеческому сыну и спросим его, кому можно доверить тайну. Он скажет: «Никому», — тогда мы пойдем к государю и обвиним его в предательстве и настроим царя против сына простолюдина». Вчетвером они пришли в дом мудреца, приветствовали его и сказали: «О мудрый, мы хотим задать тебе вопрос». — «Спрашивайте», — молвил он, и Сенака спросил: «О мудрый, в чем должно утвердиться человеку?» — «В истине». — «Утвердившись в истине, что должен он делать дальше?» — «Обрести имущество». — «Обретя его, что делать дальше?» — «Принять совет». — «Приняв совет, что дальше?» — «Не выдавать своих тайн другому». — «Хорошо, о мудрый», — обрадовались они, а сами подумали: «Теперь-то мы посмотрим, как у сына простолюдина пятки засверкают!» И они пошли к царю и сказали: «Махараджа, сын простолюдина замыслил измену!» Царь сказал: «Я вам не верю, никогда он мне не изменит». — «Поверь, махараджа, это правда. Если не веришь,

⁸⁷ То есть в посмертное воздаяние за дела этой жизни.

спроси у него самого, кому можно доверить тайну. Не будь он предатель, он ответит кому, а если предатель, то скажет, что никому нельзя, мол, довериться, пока не исполнишь свое желание. Тогда ты нам поверишь и перестанешь в нас сомневаться».

Царь согласился, и однажды, когда все собрались и сели на свои места, он прочел первый стих из В вопроса о мудреце в Двадцатой книге:

«Вот пятеро собрались мудрецов,
И мне вопрос пришел на ум, внемлите:
В похвальных ли, в недобрых ли делах
Кому открыть спокойно тайну можно?»

Когда он это произнес, Сенака, думая о том, привлечь его на свою сторону, молвил:

«Откройся нам, о властелин земли!
Ты — благодетель наш, ты — нам опора!
И мы твои желания пойдем,
Все пятеро, свое мы скажем слово».

Тогда покорствующий страстям царь произнес такой стих:

«Уж если добродетельна жена
И воле мужа следует послушно —
В похвальных ли, в недобрых ли делах
Открыть жене спокойно тайну можно».

«Царь теперь на нашей стороне», — подумал обрадованный Сенака и прочел стих, раскрывающий его намерения:

«Кто выручит попавшего в беду,
Кто для тебя опорой верной будет —
В похвальных ли, в недобрых ли делах
Открыть такому другу тайну можно».

Тогда царь спросил Пуккусу: «Как ты считаешь, Пуккуса, кому можно доверить тайну?» — и тот прочел такой стих:

«Когда твой старший или младший брат
Отменно добродетелен, надежен —
В похвальных ли, в недобрых ли делах
Открыть спокойно брату тайну можно».

Потом царь спросил Кавинду, и тот прочел такой стих:

«Когда душевно близок сын отцу,
Умен, всегда готов повиноваться —
В похвальных ли, в недобрых ли делах
Открыть спокойно сыну тайну можно».

Потом царь спросил Девинду, и тот прочел такой стих:

«Нас мать, о лучший из земных владык,
Воспитывает с нежностью, с любовью

В похвальных ли, в недобрых ли делах
Доверить ей спокойно тайну можно».

Расспросив их, царь обратился к мудрецу: «Как ты считаешь, о мудрый?» — и тот произнес:

«Тайну лучше в тайне и хранить,
Открывать ее — едва ль похвально.
Умный тайну выдать не спешит.
Промолчи, пока не кончишь дело!»

Царю эти слова мудреца не понравились, и он переглянулся с Сенакой. Бодхисаттва заметил это и понял, что, как и раньше, эти четверо прибегли к клевете и вопрос был задан, чтобы испытать его. А между тем, пока они беседовали, Солнце зашло и в покоях зажгли светильники. «Пути царей неисповедимы, — подумал мудрец. — Никто не знает, что может случиться. Мне надо уходить отсюда без промедления». Он поднялся с места, поклонился царю и вышел, думая про себя: «Из них один сказал, что тайну можно открыть другу, другой — что брату, кто-то сказал, что сыну, кто-то — матери. Должно быть, каждый из них или сам так поступил, или был тому свидетелем, или слышал о подобном от очевидца. Ладно, я это узнаю сегодня же», — решил он.

А у тех четверых было в обычае по выходе из дворца присаживаться на опрокинутые конские ясли, что лежали близ дворцовых ворот, и обсуждать свои дела, прежде чем разойтись по домам. Мудрец решил спрятаться под эти ясли и узнать их тайные замыслы. С помощью своих слуг он приподнял ясли и забрался под них, подстелив себе коврик, а слугам наказал прийти за ним, когда четверо мудрецов, посоветовавшись, удалятся. Те обещали ему вернуться вовремя и ушли.

Сенака между тем сказал царю: «Махараджа, ты нам не верил, а теперь что ты думаешь?» Царь же внял речам клеветников, не размыслив, как следует, и спросил, устрешенный: «Что нам теперь делать, пандит Сенака?» — «Махараджа, — отвечал тот, — немедля и никого не уведомляя, сына простолюдина надо убить». — «О Сенака, никто так не печется о моем благе, как ты! Завтра утром ты придешь со своими товарищами и станешь у дверей, и когда сын простолюдина явится на службу, ты этим мечом отрубишь ему голову». И он отдал ему свой царский драгоценный меч. «Хорошо, государь, — сказали они, — не беспокойся, мы убьем его», — и с этими словами они удалились.

«Наконец-то мы взяли верх над нашим врагом!» — воскликнули они, выйдя из дворца, и сели на яслях. Сенака сказал: «Ну, так кто же нанесет удар сыну простолюдина?» — «Ты же и нанесешь, учитель», — сказали другие, возлагая на него это бремя. Сенака между тем молвил: «Каждый из вас сказал, кому, по его мнению, можно доверить тайну. Вы

что, сами так поступили когда-нибудь, или видели, или слышали о подобном?» — «Оставь, учитель. А когда ты сам сказал, что тайну можно доверить другу, ты собственный поступок имел в виду?» — «Какое вам дело до этого?» — «Нет, ты скажи, учитель!» — «Если об этой тайне узнает царь, я погиб». — «Не бойся, учитель, здесь нет никого, кто выдал бы твою тайну, Расскажи нам, учитель!» Он постучал пальцем по яслям и сказал: «А не может быть, что здесь прячется сын старейшины?» — «Да что ты, учитель, полезет ли сюда такой важный человек, как сын старейшины? Он, должно быть, упоен своим успехом. Рассказывай». И Сенака поведал им свою тайну. «Знаете ли вы в этом городе такую-то гетеру?» — спросил он их. «Да, учитель». — «А давно ли видели вы ее?» — «Давно не видели, учитель». — «Я развлекался с нею однажды в сальной роще, а потом убил, чтобы завладеть ее драгоценностями. Их я завязал в узел, который отнес домой и повесил на слоновий бивень в такой-то комнате на таком-то этаже. Но воспользоваться ими я не могу, пока не пройдет время. Об этом тяжком преступлении моем я рассказал одному только другу, и он пока никому не проболтался. Вот потому-то я и сказал, что тайну можно доверить другу».

Мудрец все это подслушал и крепко эту тайну запомнил. Потом и Пуккуса открыл свою тайну: «У меня на бедре есть пятно от проказы. По утрам мой младший брат промывает язву и делает перевязку, и никому не говорит об этом. А царь, когда он в хорошем настроении, обычно подзывает меня и кладет мне голову на колени. Если он узнает о язве, он меня убьет. Никто об этом не знает, кроме моего младшего брата, потому-то я и сказал, что тайну можно доверить брату».

И Кавинда рассказал о своей тайне: «Однажды в темную ночь в канун поста в меня вселился яккха по имени Нарадева. Я стал лаять, как бешеный пес. В минуту просветления я рассказал о происшедшем со мною своему сыну. С тех пор, когда он видит, что на меня находит, он оставляет меня связанным во внутренних покоях, запирает дверь, а сам, чтобы заглушить мой крик, затевает шум у входа в дом. Потому я и сказал, что тайну можно доверить сыну».

Тогда те трое обратились к Девинде, и он тоже открыл свою тайну: «В бытность мою смотрителем царской сокровищницы я украл драгоценный камень-талисман, приносящий счастье, который бог Шакра даровал царю Куше, и отдал его своей матери. Она никому о том не сказала; теперь, когда я отправляюсь в царский дворец, я всякий раз беру его у нее, и благодаря этому во дворце мне сопутствует удача. Царь заговаривает со мною первым, прежде чем обратиться к вам, и каждый день дарит мне то восемь, то шестнадцать каршапан, то тридцать две, то шестьдесят четыре. Если царь узнает, что я скрываю у себя этот камень, я погиб. Вот потому-то я и сказал, что тайну можно доверить матери».

Так Махосадха узнал все эти тайны. А те, словно извергнув из разверстой груди свои тайны одну за другой и тем облегчив душу, поднялись с места и удалились со словами: «Завтра придем спозаранку и убьем сына простолюдина».

Когда они ушли, пришли слуги мудреца, приподняли ясли, дали выбраться хозяину и проводили его домой. Он умылся, переоделся и поел. Зная, что царица Удумбара, названная сестра его, должна сегодня прислать ему весть из дворца, он послал верного человека сторожить у дверей, наказав ему немедленно ввести гонца, который прибудет из царского дворца, а сам прилег отдохнуть.

А царь в это время, тоже отдыхая на ложе, вспоминал достоинства мудреца. «Пандит Махосадха служит мне с семилетнего возраста и никогда еще не делал мне дурного, — думал он. — Когда богиня задала мне трудные вопросы, я бы погиб, если бы не мудрец. Не следовало мне слушать речи его заклятых врагов и вручать им меч для казни мудрейшего из мудрых. С завтрашнего дня я его уже никогда не увижу!» И он опечалился, пот выступил у него на теле, в горести он лишился душевного покоя. Царица Удумбара, делившая с ним ложе, видя его в таком расположении духа, спросила: «Не провинилась ли я чем-нибудь перед тобой? Или что-нибудь другое печалит государя?» И она молвила:

«Почему грустишь ты, о владыка?

Мы уже речей твоих не слышим.

Что гнетет тебя? Ты мне поведай.

Ведь ничем я пред тобой не провинилась».

На это царь отвечал ей:

«Приговор Махосадхе я вынес:

«Наш мудрец да будет предан смерти!»

И гнетет меня теперь лишь это,

Государыня ж ничем не провинилась».

Когда она услышала это, тяжело, как гора, легла ей на сердце тревога за Махосадху. Но она подумала: «Я знаю, как успокоить царя. Когда он отойдет ко сну, я пошлю весть моему названному брату». А царю она сказала: «Махараджа, ты сам столь возвысил сына простого купца, ты возвел его в сан полководца, а он теперь, видишь, стал изменником. Нельзя, однако, пренебрегать и ничтожным врагом. Конечно, нужно от него избавиться, ты себя не мучай». Так она утешила царя; горечь его улеглась, и он заснул.

Тогда царица поднялась с ложа, ушла в свои покои и там написала такое письмо мудрецу: «Махосадха, четверо пандитов оклеветали тебя. Царь разгневан и приказал убить тебя завтра у дворцовых ворот. Не ходи завтра во дворец; приходи, только когда город будет в твоей власти». Она засунула это письмо внутрь сладкой лепешки, которую перевязала

ниткой и положила в новенький горшок, наполненный сладостями, надушила их, запечатала горшок и отдала его служанке со словами: «Отнеси эти лепешки моему брату».

Служанка выполнила поручение; из дворца ее выпустили беспрепятственно, ибо царь еще раньше разрешил царице посылать названому брату гостинцы в любое время. Бодхисаттва получил горшок со сладостями и отпустил служанку; она воротилась и доложила, что передала подарок. Тогда царица вернулась в опочивальню и легла с царем. Бодхисаттва же разломил лепешку, прочел письмо и, обдумав, что ему делать завтра, опять лег.

На другой день спозаранку четверо сторожили с мечом у ворот, но, не дождавшись мудреца, удрученные, пришли к царю. «Убили вы сына простолюдина, пандиты?» — спросил он. «Мы не дождались его, государь», — отвечали они. А Махосадха между тем уже на рассвете овладел городом, расставил всюду своих стражей и прибыл потом к воротам дворца с великой пышностью на колеснице в сопровождении многочисленной свиты сторонников. Царь увидел его из окна. Махосадха сошел с колесницы и поклонился ему, и царь подумал: «Если бы он был изменником, он не стал бы мне кланяться». И он велел позвать его, а сам воссел на троне.

Махосадха вошел и сел близ трона, и четверо мудрецов тоже сели на свои места. Царь, словно ничего не зная, спросил: «Сын мой, вчера ты ушел, не спрашиваясь, а сегодня пришел поздно. Почему ты так дерзок со мною?» И добавил:

«Ушел ты вечером, теперь пришел.

Что ты услышал? Что встревожило тебя?

Кто что сказал тебе, о многомудрый?

Тебя мы слушаем, так говори же!»

Махосадха отвечал: «Махараджа, ты внял речам этих четырех пандитов и приговорил меня к смерти, поэтому я не пришел в назначенный час». И он проговорил с упреком:

«Наш мудрец да будет предан смерти, —

Только этой ночью, повелитель,

Ты жене поведал тайну эту,

А теперь и мне она известна!»

Услышав это, царь подумал: «Так это она тогда же оповестила мудреца», — и с гневом посмотрел на царицу. Махосадха это заметил и сказал: «Ты гневаешься на царицу, государь? Но мне ведомо все: прошлое, настоящее и будущее. Ты думаешь, что царица выдала твою тайну; но тогда кто же раскрыл мне тайны Сенаки, Пуккусы и прочих? А я знаю их тайны!» И он раскрыл тайну Сенаки:

«Где-то в роще саловой когда-то

Злое дело Сенака содеял.

Другу он поведал тайну эту,

А теперь и мне она известна!»

Царь, устремив взор на Сенаку, спросил: «Правда ли это?» — «Правда, государь», — отвечал тот. И царь велел бросить его в темницу. Мудрец же раскрыл тайну Пуккусы, молвив:

«Знай, что в Пуккусе болезнь гнездится,

С царской службой не совместная зараза.

Брату он поведал тайну эту,

А теперь и мне она известна!»

Царь устремил на того взор и спросил: «Правда ли это?» — «Да, государь», — отвечал тот, и царь его тоже велел бросить в темницу. А мудрец раскрыл тайну Кавинды, сказав так:

«Вот он, жалкий, жертва Нарадевы,

Одержим тем духом злым Кавинда.

Сыну он поведал тайну эту,

А теперь и мне она известна!»

И его царь спросил: «Правда ли это, Кавинда?» — «Правда», — отвечал он, и его царь отправил в темницу. А мудрец раскрыл и тайну Девинды, произнеся такие слова:

«Восьмигранный драгоценный камень

Шакрой деду твоему дарован,

Но успел украсть его Девинда.

Матери открыл он тайну эту,

А теперь и мне она известна!»

И его царь спросил: «Это правда?» — «Правда», — отвечал тот, и его царь отправил в темницу. Так те, что замышляли погубить Бодхисаттву, сами оказались ввергнуты в узилище. А Бодхисаттва молвил: «Вот потому-то я и говорю, что никому нельзя доверять тайны, а те, кто говорил иное, навлекли на себя великую беду». И, наставляя в высшей истине, он произнес:

«Тайну лучше в тайне и хранить,

Открывать ее — едва ль похвально.

Умный тайну выдать не спешит —

Промолчи, пока не кончишь дело!

Делать явным тайное мудрец не станет,

Тайну будет как сокровище беречь —

Ни врагу, ни женщине ее: не выдаст,

Ни влюбленному, ни алчному глупцу.

А кто открыл неосторожно тайну,

Рабом того, кому открылся, станет,
И сколько человек ее узнает,
Его сомнений столько ж мучить будет.
О тайне днем с оглядкой говорите,
Вполголоса о ней вещайте ночью,
Чтоб не подслушали ее чужие
И чтобы явным тайное не стало!»

Когда царь выслушал речи Великого, он подумал, разгневанный: «Эти люди, сами предавшие своего государя, выставили мудреца предателем в моих глазах!» И он вскричал: «Изгнать их из города, посадить на кол, отрубить им головы!» Всем четверым связали руки за спиною, провели по городу и дали сто ударов палками на площади. Но мудрец сказал царю: «Государь, ведь они тебе немало послужили, прости им их прегрешения». Царь внял его словам, велел их вернуть, но отдал Махосадхе в рабство. Тот, однако, сразу отпустил их на волю. «Все же во владениях моих я им жить не разрешаю», — сказал царь. Но мудрец стал просить за них: «Прости этих глупцов, государь». И он уговорил царя смириться и вернуть пандитов ко двору. Царь был восхищен мудрецом: «Если к врагам он так милосерден, как же добр он должен быть к другим!» А те четверо пандитов с той поры лишились голоса в совете, уподобясь змеям, у которых вырвали жало.

С тех пор мудрец наставлял царя в делах веры и управления. «Я — как белый зонт царя, — думал он. — Это я правлю государством, я должен быть всегда на страже». И он велел обнести город укрепленным валом. У ворот он поставил сторожевые башни и еще окружил город тремя рвами; один был наполнен водою, другой — илом, третий был сухой. В самом городе он велел починить старые здания, вырыть большие пруды и водоемы и прочистить городские водотоки. Все амбары в городе он наполнил зерном и распорядился, чтобы обновили также старые строения в предместьях. И он поручил приближенным к царскому дому отшельникам доставить с Гималаев семян лотосов.

Делалось все это, чтобы предотвратить грядущие беды. Прибывающих в город купцов стали допрашивать о странах, из которых они приезжали, особо — о том, что тамошний правитель любит. Когда они отвечали на эти вопросы, их принимали с почетом и содержали в довольстве, пока они не покидали город. А потом Махосадха призвал к себе сто одного воина и дал им поручение: «Друзья, ступайте в сто один столичный город и эти подарки, которые я вам вручаю, поднесите тамошним государям, каждому по его вкусу. И пусть каждый из вас поступит к тому государю на службу и шлет мне потом донесения о его деяниях и замыслах. А я позабочусь здесь о ваших семьях». И он послал с ними кому серьги,

кому парчовые туфли, кому золотые ожерелья. А людям своим он дал еще письменные наставления, наказав прочесть их, когда придет время.

Те отправились в путь и вручили подарки царям, испрашивая дозволения поступить к ним на службу. Но они не говорили, из какого города прибыли, а если их спрашивали, называли не свой, но другой. Когда их брали, они старались потом прочно обосноваться на месте и войти в доверие к властителю.

В то время в царстве Экабала государь по имени Санкхапала собирал войска и снаряжал их для битвы. Соглядатай мудреца прислал донесение: «Так-то вот обстоят дела, но намерения царя мне не известны, пошли еще кого-нибудь, чтобы их выведать».

А у Махосадхи был маленький попугай, и ему он наказал: «Лети, дружок, в царство Экабала и узнай, что затевает там царь Санкхапала. Потом облети всю Джамбудвипу и принеси мне вести о том, что где происходит». Он накормил попугая жареным зерном в меду, напоил медовой водой, смазал ему крылья маслом, очищенным тысячу и сто раз, и выпустил его из восточного окна дворца. Попугай полетел к соглядатаю мудреца и все разузнал о том царе. Потом, облетая Джамбудвипу, он достиг города Уттарапанчалы в царстве Кампилья. Там правил тогда царь по имени Чулани-Брахмадатта, наставником которого в делах управления и веры был некий брахман по имени Кеватта, ученый пандит. Этот брахман, проснувшись однажды на рассвете, окинул взглядом свой роскошный покой и, видя его великолепие, подумал: «Кто даровал мне это великолепие? Не кто иной, как Чулани-Брахмадатта. Царь, дарующий подобную роскошь, достоин стать властелином всей Джамбудвипы, я же буду его верховным жрецом». И спозаранку он пошел к царю, осведомился, хорошо ли тот спал, и молвил: «Государь, я должен что-то сказать тебе». — «Говори, учитель». — «Государь, не следует здесь говорить о тайном, пойдем в парк». — «Хорошо, учитель», — и царь отправился с ним в парк. Он оставил свиту за пределами парка, поставил стражу у входа, а сам вошел туда с брахманом и сел на царскую скамью.

Там их увидел попугай и подумал: «Неспроста они так себя ведут. Сегодня я наверняка что-то услышу, о чем нужно будет сообщить мудрецу». И он спрятался в листве дерева сал над царской скамьей.

Царь между тем приказал: «Говори, учитель». — «Приклони ко мне ухо, махараджа, — произнес тот. — То, что я скажу, не предназначено для посторонних ушей. Если махараджа последует моему совету, я сделаю его властелином всей Джамбудвипы». Царь выслушал его со вниманием и сказал, довольный: «Говори, учитель, я все сделаю». — «Государь, мы соберем войско и начнем с того, что осадим маленький город. Я проберусь в город через потайной ход и скажу тамошнему царю:

«Махараджа, тебе нет смысла сражаться; стань нашим вассалом — и сохранишь царство, а если вздумаешь сопротивляться нашему могучему войску, будешь разбит наголову». Если он последует совету, мы возьмем его в союзники, если нет, будем сражаться и убьем его, а войско его присоединим к своему и с двумя войсками возьмем другой город, а потом еще один, и так завладеем всей Джамбудвипой и вкусим сладость победы!» И он продолжал: «После этого мы пригласим в наш город сто одного царя и устроим пиршество в парке, подадим гостям отравленное вино и так избавимся ото всех и бросим их тела в Гангу. Так мы приберем к рукам сто одно царство, и ты станешь властелином всей Джамбудви́пы». — «Хорошо, учитель, — молвил тот, — я так и сделаю». — «Махараджа, никто, кроме нас, не должен знать об этом, поэтому не будем медлить, пока никто не проведал о наших замыслах, и выступим сразу». Царю это понравилось, и он согласился с советником.

Попугай их подслушал и, когда они кончили беседовать, словно невзначай уронил помет на голову Кеватте. «Что такое?» — вскричал тот и с разинутым ртом задрал голову, а попугай нагнул ему прямо в рот и взлетел с ветки, восклицая: «Кеватта, ты думал, что никто не проведаст о твоих замыслах, но чьи-то уши тебя уже слышали, и скоро все станет известно еще кое-кому, а потом и всем!» — «Держи его, держи!» — закричали те оба, но птица с быстротою ветра устремилась к Митхиле и прилетела к мудрецу в дом.

У попугая был уговор с Махосадхой: если вести предназначались только для ушей мудреца, он садился ему на плечо, если слышать их должна была также Амарадeви, он садился ему на колени, если всем присутствующим можно было их слышать, птица садилась на пол. В этот раз попугай сел на плечо мудреца, и присутствующие, поняв, что речь пойдет о тайном, удалились. Махосадха с попугаем поднялся к себе в верхние покои и там спросил его: «Ну, дружок, что ты видел, что слышал?» Тот отвечал: «Во всей Джамбудвипе, о государь, не обнаружил я властителя, от которого тебе грозила бы опасность, вот только в городе Уттаранпачале жрец царя Чулани-Брахмадатты по имени Кеватта уединился со своим государем в парке и там рассказал ему о своем тайном замысле. Я же в это время сидел на ветке над их головами и все слышал. Этому жрецу я наделал в разинутый рот и прилетел сюда». И обо всем, что он видел и слышал, попугай поведал мудрецу. «И царь согласился на это?» — спросил Махосадха. «Согласился, государь».

Мудрец угостил птицу, как она того заслуживала, и посадил ее в золотую клетку с мягкой подстилкой. «Не знает Кеватта, что имеет дело с Махосадхой! — подумал он. — Я не дам этому хитрецу выполнить его замысел».

Он выселил из города в предместья все бедные семьи, а в столицу призвал всех богатых и состоятельных людей, из всех городов и селений царства; и в городских стенах собраны были большие запасы зерна. А Чулани-Брахмадатта между тем последовал советам Кеватты. Он выступил с большим войском и осадил чужой город. Кеватта, как и задумал, пробрался в город, предстал перед царем и убедил его покориться. Объединив два войска, Брахмадатта, следуя указаниям Кеватты, вторгся во владения другого царя и так подчинил постепенно своей власти всех государей Джамбудвипы, кроме царя Ведехи.

Между тем подосланные в свое время Бодхисаттвой люди постоянно уведомляли его в своих донесениях: «Брахмадатта захватил такие-то города, будь начеку», на что он отвечал им: «Я здесь всегда начеку, будьте и вы без усталости бдительны на своих местах». А Брахмадатта за семь лет, семь месяцев и семь дней завоевал все царства Джамбудвипы, кроме царства Видехи.

И вот он сказал Кеватте: «Учитель, захватим теперь Митхилу и завладеем царством Видехой!» — «Махараджа, нам не завладеть этим царством, пока там живет Махосадха, такую мудростью он наделен и столь хитроумен». И Кеватта восхвалял достоинства Махосадхи, словно возвел месяц на небо. И, будучи сам весьма умен, он молвил: «Митхильское царство маленькое, государь, зачем оно нам? Хватит нам завоеванных стран Джамбудвипы». Своего царя он убедил, но его вассалы сказали: «Захватим все-таки Митхильское царство и вкусим сладость победы!» Кеватта, однако, остановил их: «К чему нам завоевывать царство Ведехи, он и так уже на нашей стороне, отступитесь!» Так ему удалось их уговорить, и они отказались от своего намерения. Люди Махосадхи донесли ему, что Чулани-Брахмадатта со ста одним царем выступил в поход на Митхилу, но потом вернулся в свою столицу. Мудрец послал им наказ и впредь неукоснительно следить за тем, что затевает завоеватель.

Брахмадатта же с Кеваттой держали совет, что предпринять дальше. «Да вкусим мы сладость победы!» — решили они, украсили парк и повели слугам выставить вино в тысячах сосудов, наготовить мяса, рыбы и всяких других яств. Мудреца уведомили и об этих приготовлениях. Соглядатаи его не знали о замысле отравить царей, но сам Махосадха знал об этом от попугая, и он послал им наказ уведомить его наперед о дне пира.

И они уведомили его, и тогда он подумал: «Негоже, чтобы погибло столько царей, когда живет в стране такой мудрый человек, как я. Я спасу их». Он призвал к себе тысячу воинов, своих ровесников, и сказал им: «Друзья, Чулани-Брахмадатта украсил свой парк и собирается устроить там пир, он пригласил на него сто одного царя. Ступайте туда и, прежде

чем цари начнут рассаживаться по местам, займите почетное место, ближайшее к Брахмадатте, и скажите, что это — для вашего царя. Вас спросят: «А чьи вы люди?» Вы ответите: «Царя Ведехи». Тогда поднимется шум, станут кричать: «Мы с тобою семь лет, семь месяцев и семь дней завоевывали царства и в глаза не видывали Ведеху! Что это за царь такой? Ступайте, займите ему место в конце!» Но вы не уступайте и кричите: «Здесь нет царя выше нашего, кроме Брахмадатты!» — и поднимайте переполох: «Если нашему царю нет здесь места, мы вам не дадим пить вино и есть рыбу и мясо!» И так шумите и прыгайте, устрашите их криком, разбейте тяжелыми палками все кувшины с вином, а рыбу и мясо разбросайте по полу, чтобы их нельзя было есть. И, не давая им опомниться, перемешайтесь с воинами Брахмадатты, подобно асурам, вторгшимся в град богов, и во всю мочь вопите: «Мы — люди пандита Махосадхи из Митхилы! Попробуйте совладать с нами, если можете!» А потом поспешите сюда».

Воины обещали все исполнить. Попрощавшись с мудрецом, они пустились в путь, вооруженные до зубов. Они вступили в украшенный парк, подобный небесной роще Нандана, и узрели великолепие пиршественного стола, осененного белыми зонтами, с роскошными сиденьями, приготовленными для ста одного царя, и всем прочим. Они сделали все так, как наказал им Махосадха, и, учинив погром и оставив многолюдное собрание в смятении, пустились обратно в Митхилу.

Когда Брахмадатте донесли обо всем, что случилось, он пришел в ярость: сорвался его замысел отравить царей. Сами цари тоже разгневались, ибо не пришлось им на пиру испить чашу победы; а их воины были недовольны, оставшись без даровой выпивки. И Брахмадатта сказал царям: «Выступим на Митхилу! Мы отрубим голову царю Ведехе и, поправ ее ногами, вернемся, чтобы испить из чаши победы», — и он приказал снаряжать войска для похода.

Потом он уединился с Кеваттой и поведал ему о происшедшем, заключив свой рассказ такими словами: «Учитель, мы должны покарать врага, что не дал исполниться столь блестящему замыслу! Мы выступим в поход на его столицу со ста одним царем и войском из восемнадцати полков». У брахмана, однако, хватило ума понять, что никогда им не одолеть мудрого Махосадху и ничего, кроме позора, этот поход им не принесет. «Царя надо отговорить», — подумал он и сказал: «Махараджа, царь Ведеха здесь ни при чем, всем заправляет пандит Махосадха, а он — могущественный противник. Охраняемая им, как пещера львом, Митхила неприступна. Мы только навлечем на себя позор; отмени поход». Но царь, гордый воинской славой и опьяненный своим могуществом, вскричал: «Да что он против нас!» — и выступил в поход

с восемнадцатью полками в сопровождении ста одного царя. Кеватта, не сумев отговорить его, понял, что противоречить далее бесполезно, и присоединился к нему.

Но воины Махосадхи за одну ночь достигли Митхилы и рассказали мудрецу о происшедшем. А те, что были подосланы им раньше, донесли и предупредили: уже выступил Чулани-Брахмадатта со ста одним царем в поход против царя Ведехи. Потом посылали донесения одно за другим: «Сегодня он достиг такого-то места, сегодня — такого-то, сегодня вступил в такой-то город».

Эти донесения побудили Махосадху удвоить бдительность. Дошли и до царя Ведехи слухи, что Брахмадатта идет войной на его город. И вот однажды в вечерних сумерках появилось в поле войско Брахмадатты и окружило город; сто тысяч факелов в руках его воинов озарили окрестность. Брахмадатта выставил заслоны из слонов, коней и колесниц, а промежутки между ними заполняли пехотинцы. Воины кричали, шелкали пальцами, ревели, приплясывали, вопили. На семь йоджан вокруг Митхилы разлилось сияние от факелов и блеска доспехов, а от шума, который поднимали слоны, кони, колесницы, пехота, казалось, раскалывается земля. Четверо мудрецов, слыша нестройный этот шум и не зная, что он означает, пошли к царю и сказали: «Махараджа, страшный грохот доносится со всех сторон. Мы не понимаем, что это значит. Да узнает махараджа причину». Царь подумал: «Видно, это пришел Брахмадатта» — и глянул в окно. Узрев врагов, царь испугался и воскликнул: «Мы пропали! Нас всех лишат жизни, не иначе!» И, не зная, что делать, он принялся толковать с придворными о пришедшей беде. Между тем, когда весть о приходе врагов дошла до Великого, бесстрашный, как лев, он расставил по всему городу часовых, а сам поднялся в царский чертог, чтобы успокоить своего государя.

Приветствовав царя, он склонился перед ним, а тот, увидев его, ободрился и подумал: «Никто не избавит меня от этой беды, кроме сына моего, пандита Махосадхи». И он обратился к нему с такими словами:

«Царь Панчалы Брахмадатта

к нам пришел со всей ордою.

О Махосадха, несметно

это войско из Панчалы!

В нем слоны и колесницы,

конница и пехотинцы,

Трубы грозно завывают

и грохочут барабаны,

Блещут копыта и доспехи,

развешаются знамена.

3. *Staphylococcus aureus* (18)

Они уйдут отсюда в одном исподнем». И он воскликнул:

«Плечи расправь, государь, ешь и пей, веселись!

Прочь побежит Брахмадатта, соратников бросив».

ободрил горожан.

ление и музыка. Через боковые входы можно было проникнуть в город —

их не запирали и пропускали через них любого, кто не был вооружен, и враги убедились, что горожане действительно празднуют вовсю. И Чулани-Брахмадатта, слыша праздничный шум в городе, сказал своим приближенным: «Послушайте, вот мы осадили город восемнадцатью полками, а жителям его хоть бы что. Они не устрашились, они довольны и счастливы, они рукоплещут, веселятся, шумят, скачут от радости и поют. Что сие значит?» Тогда люди мудреца стали внушать ему: «Государь, когда мы проникли в город через боковые входы, мы спрашивали у празднующих, почему они так беззаботны, осажденные всеми царями Джамбудвипы, и они отвечали нам, что царь их, еще будучи мальчиком, объявил однажды: лучшим праздником для него будет, если все цари Джамбудвипы осадят его город; теперь, мол, исполнилось его заветное желание, вот он и велел бить в барабаны, а сам пирует во дворце».

Услышав это, царь Брахмадатта разгневался. И он послал отряды войска идти немедленно на приступ с разных сторон, повелев им засыпать рвы, проломить стены, обрушить сторожевые башни и ворваться в Митхилу. Он приказал воинам, как тыквами, насыпать полные телеги головами горожан, голову же царя Ведехи принести к нему.

И по его приказу отборные воины, вооруженные до зубов, подступили к городским воротам, невзирая на дождь раскаленных ядер, потоки грязи и камней, которые обрушились на них со стен. Они преодолели ров и стали ломать стену, а горожане со сторожевых башен метали в них стрелы, копья и дротики. Защитники города осыпали воинов Брахмадатты насмешками, дразнили их и кричали им с издевкой: «Силенок у вас мало-вато! Натe, подкрепитесь!» — и на глазах у них выносили чаши с вином и вертелы с мясом и рыбой, сами ели и пили и расхаживали по стенам.

Потерпев неудачу, воины Чулани-Брахмадатты отошли назад. «Государь, без колдовства такой стены не одолеть», — сказали они своему повелителю. Царь подождал четыре или пять дней, но средства овладеть городом не придумал и обратился к Кеватте: «Учитель, нам города не взять! К нему нельзя и подойти. Что нам делать?» — «Не отчаивайся, махараджа, — сказал тот. — Город получает воду извне. Мы закроем ход к воде, и в муках жажды они сами откроют нам ворота». — «Значит, средство есть», — обрадовался царь и велел войскам перекрыть доступ к воде. Но согладатаи мудреца о том узнали и на стреле послали заблаговременно донесение в город. А мудрец заранее предупредил, чтобы тот, кто увидит стрелу с листом, тотчас отнес ее к нему. И когда донесение на стреле принесли мудрецу, он его прочел и сказал себе: «Не ведают они, что имеют дело с мудрым Махосадхой!»

Он велел доставить шести бамбука в шестьдесят локтей длиною, расколоть их по длине, убрать перегородки и заново соединить тогда,

обмотавши кожей и обмазав сверху глиной. Затем он послал за семенами лотосов и той землей, что принесли отшельники-ведуны с Гималаев, посадил те семена в ил на краю пруда, а наверх стоймя поставил бамбуковые трубы и наполнил их водою. За ночь семена взошли и лотосы поднялись в трубах, в каждой до верхушки. Наутро он вытащил стебли и дал своим людям, чтобы они снесли их Брахмадатте. Они свернули лотосовые стебли кольцом и перебросили за стену: «Эй, прихвостни Брахмадаты! Не помрите с голоду! Вот вам цветочки, а из стеблей сварите себе еды, набейте животы!» Один из соглядатаев мудреца поднял такой стебель и снес его царю. «Смотри-ка, государь, какой длинный стебель у этого цветка, — сказал он. — Видано ль такое?» — «Измерь-те-ка его». Люди мудреца намерили вместо шестидесяти локтей все восемьдесят. Царь спросил: «Где же он вырос?» Тогда один из них придумал: «Однажды, государь, мне: захотелось пить, и я пробрался в город через боковой вход. Я там увидел большие пруды — горожане там плавали в лодках и рвали цветы в воде. Вот этот, видно, рос у берега, а у тех, что в глубине, стебли, должно быть, локтей в сто».

Царь поверил этой выдумке. Он сказал Кеватте: «Учитель, лишить их воды нам не удастся, нам их не одолеть, надо бросить эту затею» — «Что ж, государь, — сказал тот, — мы их одолеем, лишив пищи, ведь пищу тоже доставляют в города извне». — «Да будет так, учитель». Но мудрецу донесли об этом, как и прежде. «Не ведает моей мудрости брахман Кеватта», — подумал он. И он вдоль городской стены велел наложить той илистой земли и на ней посеять рис. Желаньям Бодхисаттвы нет преграды, и за одну ночь рис взошел и зелень показалась над стеной. Брахмадатта ее увидел и спросил: «Эй, что там зеленеет над стеной?» Сogleдатай мудреца тут же нашел случай вернуть: «Государь, Махосадха ведь сын домохозяина; в предвиденье грядущих бед он собрал со всего царства запасы зерна и наполнил ими амбары в городе, а остатки выбросил под стену. Вот и взошел он, этот рис, согретый солнцем и орошенный дождями. Я сам однажды пробрался в город по делу через боковой вход и подобрал горсть риса под стеной. Он у меня просыпался на улице, и прохожие надо мной посмеялись: «Ты, видать, голоден, так завяжи рису в полу, возьми домой, свари и поешь».

Царь, это услышав, сказал Кеватте: «Учитель, голодом нам их не взять, это средство не годится». — «Тогда, государь, мы одолеем их, лишив дров, ведь в город дрова доставляют извне». — «Да будет так, учитель». И снова мудрецу донесли о том, как и прежде. Позади посевов риса он велел сложить поленья, которые поднялись над стеной. А горожане смеялись над воинами Брахмадаты и кричали: «Небось, есть хотите? Вот вам дрова — варите кашу» — и бросали на них бревна

со стены. Царь спросил: «Что там за пленницы поднялись над стеной?» Соглядатаи мудреца отвечали: «Сын простолюдина в предвиденье грядущих бед запаса дровами — ими забили все сараи за домами, а избыток свалили за стеной». — «Учитель, — сказал царь Кеватте, — и с дровами у нас ничего не выйдет. Оставим этот замысел». — «Не беспокойся, махараджа, я придумаю что-нибудь еще». — «Что ты придумашь, учитель? Я вижу, выдумкам твоим конца не будет. Город нам не взять — вернемся восвояси». — «Государь, какой позор будет для нас, когда все станут говорить: «Чулани-Брахмадатта со ста одним царем не смог взять города Ведехи». Махосадха — не единственный мудрец на свете. Я тоже чего-то стою. Придумаем что-нибудь, употребим хитрость». — «Какую хитрость, учитель?» — «Испытаем их Битвою Закона». — «Битвой Закона? Что это такое?» — «Махараджа, сражения не будет, но сойдутся двое мудрецов, советники обоих царей, и тот, кто первым приветствует другого, будет признан побежденным. Махосадха этого обычая не знает. Я ведь старше, и ему придется первому приветствовать меня. Вот мы и объявим Ведеху побежденным. Так, победив Ведеху, мы вернемся в Панчалу, и позора нам не будет. Вот какова Битва Закона».

И об этом замысле узнал мудрец, как и прежде. «Если я в этом деле уступлю Кеватте, — подумал он, — я — не мудрец более». Брахмадатта же пришел в восторг от замысла своего учителя. Он написал Ведехе такое письмо: «Да будет завтра Битва Закона между двумя мудрецами. да назовет Закон победителя, а кто от этой битвы уклонится, того признаем побежденным». Это письмо он переслал в город через боковой вход. Прочитав его, Ведеха призвал мудреца. Узнав о письме, тот сказал: «Хорошо, государь, прикажи к завтрашнему утру приготовить арену для Битвы Закона у Западных ворот. Пусть все соберутся там». И по его совету царь отослал с тем же гонцом письмо Брахмадатте.

На другой день приготовили арену для Битвы Закона у Западных ворот, как указал мудрец, предвкушавший поражение Кеватты. Между тем вассалы Брахмадатты, сто один царь, решили на всякий случай охранять мудрого Кеватту. Они пришли с брахманом к арене Битвы Закона и стали там, обратив взоры на восток. Бодхисаттва же рано утром омылся в воде с благовониями, облачился в бенаресский наряд в сто тысяч ценою, надел на себя сколько возможно драгоценных украшений, позавтракал, вкусив изысканнейших яств, и в сопровождении многочисленной свиты явился к вратам дворца. Когда царю доложили о нем, тот распорядился: «Да войдет сын мой». И он вошел и склонился перед царем. «Ну что, друг Махосадха?» — молвил царь. «Я иду на арену Битвы Закона». — «А мне что делать?» — «Государь, я хочу перехитрить Кеватту с помощью самоцвета, мне нужен восьмигранный драгоценный камень». — «Возьми его.

сын мой». Он взял самоцвет, простился с царем и, сопровождаемый тысячью воинов, своих ровесников, на украшенной колеснице, запряженной белыми синдскими конями ценою в девяносто тысяч каршапан⁸⁸, до полудня прибыл к городским воротам.

Кеватта ждал его, глядя во все глаза на дорогу, вытягивая шею, обливаясь потом на жаре и твердя: «Вот он едет, вот он едет». Великий со своею многочисленной свитой, словно катящийся волны океан, словно воспрянувший лев, бесстрашный и невозмутимый, выехал из раскрытых городских ворот. Сойдя с колесницы, он выступил вперед, грозный, как лев. Цари, все сто один человек, пораженные величием его облика, возгласили многоголосым хором: «Вот пандит Махосадха, сын старейшины Сириваддхи, мудрец, не знающий себе равных во всей Джамбудвипе!» И он, подобный Шакре, сопровождаемому дружиной Марутов, предстал перед Кеваттой во всем блеске своего несравненного могущества с драгоценным камнем в руке.

Кеватта, когда увидел его, не мог устоять перед его величием. Он двинулся ему навстречу и сказал: «Пандит Махосадха, вот нас двое мудрецов, мы уже столько времени живем друг от друга неподалеку, и ни разу ты ничего не послал мне в дар, отчего это?» Великий отвечал ему: «Пандит, я искал дар, достойный тебя, и только сегодня нашел этот камень. Прими его — другого, ему подобного, нет». Тот, видя в его руке сверкающий самоцвет, подумал: «Это для меня» — и протянул за ним руку: «Так дай его мне». — «Возьми», — сказал Махосадха и уронил камень на кончики пальцев его протянутой руки. Брахман не успел удержать в руке тяжелый самоцвет, тот упал и подкатился к ногам Махосадхи. Побуждаемый жадностью, брахман, чтобы поднять его, наклонился к ногам соперника, а Махосадха, не давая ему выпрямиться, обхватил его одной рукой за плечи, другой — за бедра и воскликнул: «Встань, учитель, встань, учитель! Я же моложе тебя, я тебе во внуки гожусь! Не надо мне кланяться!» Повторяя это снова и снова, он так пригнул брахмана, что растер ему лицо об землю до крови, потом со словами: «Дурак, ты думал, я тебе стану кланяться?» — схватил его за горло и отшвырнул. Тот упал в нескольких шагах от него, вскочил и обратился в бегство, а люди Махосадхи подобрали самоцвет. И в тот миг, как возглас Бодхисаттвы «Встань, встань, не надо мне кланяться» разнесся по площади, собравшиеся все его услышали и вскричали в один голос: «Брахман Кеватта поклонился в ноги мудрецу!»

⁸⁸ Выращиваемые в Синде, то есть в низовьях реки Инда, кони очень высоко ценились в древней Индии.

И Брахмадатта, и другие цари — все видели, как Кеватта склонился к стопам Махосадхи. «Наш мудрец поклонился Махосадхе, — подумали они. — Мы потерпели поражение, пощады нам не будет». И, вскочив на коней, они помчались прочь, в страну Уттарapanчалу. Видя это, воины Бодхисаттвы подняли крик: «Чулани-Брахмадатта бежал со своими царями!» Перепуганные насмерть этим криком, цари бросились врассыпную и привели в смятение собственное войско; воины же Бодхисаттвы кричали и вопили все громче, и поднялся оглушительный шум.

Махосадха со своими воинами возвратился в город, а рати Брахмадатты бежали за три йоджаны. Кеватта верхом на коне догнал войско и, утирая кровь со лба, восклицал: «Не бегите! Не кланялся я сыну простолюдина! Стойте! Стойте!» Но беглецы не останавливались, отвечая бранью Кеватте: «Еретик! Негодный брахман! Взялся победить в Битве Закона и поклонился юнцу, который годится ему во внуки! Не мог придумать что-нибудь позорней?» Они не слушали его и бежали дальше, но он, скача во весь опор, опередил бегущих и возопил: «Поверьте мне! Я не кланялся ему! Он провел меня своим самоцветом!» Кое-как ему удалось разубедить царей и заставить себя слушать. Тогда они остановили расстроенное войско и привели его в порядок.

А войско то было так велико, что если бы каждый ратник взял камень или комок земли и бросил его в ров, на месте рва вырос бы холм с городскую стену высотой. Но желания Бодхисаттвы всегда исполняются, и никто не додумался бросить камень или комок земли в сторону города. Войско вернулось под его стены и заняло свое прежнее место. Брахмадатта спросил Кеватту: «Что нам теперь делать, учитель?» — «Государь, закроем полностью выходы из города и не выпустим никого даже из боковых дверей. Когда им нельзя будет выйти, они откроют ворота, и мы овладеем городом».

Мудрец получил донесение об этом, как прежде, и подумал тогда: «Если они останутся здесь надолго, не будет нам покоя. Надо придумать средство, как прогнать их». Он стал размышлять о том, как бы это осуществить, и вспомнил об одном искусном в замыслах советнике по имени Анукеватта. Он призвал его и сказал: «Учитель, есть одно дело, которое я хотел бы тебе поручить». — «Что нужно сделать, о мудрый? Скажи». — «Ступай на городскую стену и выжди время, когда можно будет сбросить украдкой воинам Брахмадатты лепешек, рыбы, мяса и прочей снеди. Ты им тогда скажи: «Поешьте того и этого и не унывайте. Постарайтесь не уходить отсюда еще несколько дней. Скоро горожане здесь затоскуют, как куры в клетке, и сами откроют вам ворота. Тогда вы заберете в плен и Ведеху, и этого сына старейшины». Когда наши люди это услышат, они набросятся на тебя с бранью, свяжут тебя по рукам и но-

гам на глазах у воинов Брахмадатты, станут бить тебя бамбуковыми палками так, чтобы на спине остались рубцы, повалят тебя, завяжут тебе волосы в пять узлов, натрут кирпичной крошкой, накинут на шею гирлянду из канаверы, обвяжут тебя веревкой и на ней спустят со стены к воинам Брахмадатты, восклицая: «Прочь, изменник!» Те отведут тебя к своему царю, он спросит тебя, в чем ты провинился. Тогда ты ответишь ему: «О махараджа! Некогда я был в большом почете, но этот подлый сын простолюдина обвинил меня в измене, и царь, разгневавшись, лишил меня всего. Я же теперь задумал лишить головы сына простолюдина, обесславившего меня. Обеспокоенный унынием, которое охватило твоих воинов, я принес им всякой снеди, а за это меня вон как отделали по злобе. Твои воины это видели, махараджа!» Так или иначе ты должен войти в доверие к нему. Потом ты ему скажи: «Махараджа, теперь, когда я на твоей стороне, можешь ни о чем не беспокоиться. Ведеха и сын старейшины все равно что мертвы. Я знаю все сильные и слабые места в укреплениях города знаю, где есть во рву крокодилы, а где их нет. И скоро я отдам этот город тебе во власть». Царь поверит и воздаст тебе почести и поручит тебе предводительство войском. Тогда ты приведешь войско к тем местам, где кишат змеи и крокодилы; воины откажутся спуститься в ров из страха перед крокодилами, а ты скажешь царю: «В войско твое, государь, внес разложение сын простолюдина, нет в нем человека, начиная с Кеватты и вассальных царей, который не был бы им подкуплен. Окружающие тебя втайне держат сторону сына простолюдина, я один предан тебе. Если ты мне не веришь, вели царям явиться перед тобой в полном облачении, и ты обнаружишь на их платьях, украшениях, мечах и прочем имя сына простолюдина, от которого они все это получили, и тогда ты убедишься, что я прав». Он так и сделает, все это увидит и, поверив тебе, со страху прогонит царей. Потом он спросит у тебя, что ему делать, а ты отвечай: «Махараджа, этот сын простолюдина — такой хитрец. Если ты пробудешь здесь еще несколько дней, он все твое войско приберет к рукам, а тебя возьмет в плен. Не медли, сегодня же в среднюю стражу ночи мы сядем с тобой на коней и бежим, пока не приняли смерть от руки врага». Он поступит так, как ты ему скажешь, а ты после того, как он бежит, воротишься к нам и дашь знать нашим людям».

Выслушав это, брахман Анукеватта сказал: «Хорошо, о мудрый, я все сделаю». — «Только придется тебе претерпеть побои». — «О мудрый, — молвил тот, — пощади жизнь мою и оставь целыми руки и ноги, в остальном же располагай мной по своему усмотрению».

Махосадха осыпал милостями домочадцев Анукеватты, а самого брахмана поколотили, как было условленно, и спустили на веревке

к воинам Брахмадатты. Царь Брахмадатта, испытывав его, доверил ему предводительство войском. Анукеватта привел войско ко рву, кишасшему змеями и крокодилами. Устрашенные крокодилами, воины остановились. Между тем осажденные поражали их с городских укреплений стрелами, копьями и дротиками; войско, понеся большие потери, не смогло приблизиться к стенам. Тогда Анукеватта пошел к царю и сказал: «Махараджа, нет у тебя преданных воинов, они все подкуплены. Если ты мне не веришь, призови своих вассалов и посмотри, что у них написано на одеждах, украшениях и прочем». Царь послушался, увидел у всех на одеждах и украшениях имя Великого и уверился в том, что приближенных его подкупили. «Что теперь делать, учитель?» — спросил он Анукеватту, и тот отвечал: «Государь, ничего уже не поделаешь. Если мы промедлим, сын старейшины возьмет тебя в плен. Махараджа, твой учитель Кеватта нарочно сделал себе ссадину на лбу. Он тоже подкуплен. Самоцвет-то он взял и заставил всех бежать три йоджаны, а потом сумел вернуть себе доверие и возвратил войско к городу. Но он — предатель, и я бы ни на день ему не доверился. Ты должен бежать сегодня же в среднюю стражу ночи. Один я остался верен тебе». — «Тогда, учитель, ты сам приготовь мне коня и снаряди колесницу», — молвил царь. Видя, что он действительно собрался бежать, брахман его ободрил и, выйдя от него, сообщил соглядатаям мудреца: «Царь бежит этой ночью, не спите». Затем он оседлал царю коня и так приладил сбрую, чтобы конь бежал тем быстрее, чем сильнее натянуты поводья. В полночь он доложил: «Государь, конь твой готов, час настал». И царь сел на коня и бежал.

Анукеватта тоже сел на коня, будто бы для того, чтобы сопровождать царя, но, проскакав немного, вернулся. А конь царя мчался вперед тем быстрее, чем сильнее тот натягивал поводья. Анукеватта же прискакал к войску с криком «Чулани-Брахмадатта бежал!» — и крик этот подхватили соглядатаи мудреца со своими слугами. Прочие цари, слыша крик, перепугались: «Видно, пандит Махосадха вышел из городских ворот. Теперь нам от него не будет пощады!» И, бросив свои роскошные шатры, они тоже бежали. Еще громче поднялся крик: «Цари бежали!» — и те, кто стоял у ворот, на сторожевых башнях и в других местах, заслышав этот крик, тоже стали кричать и рукоплескать, и весь город и окрестности огласились таким шумом, что, казалось, раскалывается земля или разверзается морская пучина. И поднялся крик в восемнадцати полках вражеского войска: «Пандит Махосадха взял в плен Брахмадату и сто одного царя!» Охваченные смертным страхом, воины бежали в беспорядке, бросив даже набедренные повязки, и вражеский лагерь опустел. Чулани-Брахмадатта со ста одним царем вернулся в свой собственный город.

А на другой день утром воины мудреца открыли городские ворота, вышли в поле и нашли богатую добычу. Они спросили Махосадху, что им с ней делать. «Все это брошенное добро теперь наше, — отвечал он. — То, что принадлежало царям, отдайте нашему царю, имущество Кеватты и старейшин передайте мне, остальное пусть берут горожане». Полмесяца считали драгоценности, а на то, чтобы подобрать все остальное, ушло еще четыре месяца. Махосадха воздал великие почести Анукеватте, а у жителей Митхилы с той поры было золота в достатке.

Прошел год с того времени, когда Брахмадатта с вассалами вернулся в город Уттарпанчалу. Однажды Кеватта, глядя в зеркало, увидел у себя на лбу шрам и вспомнил: «Это дело рук сына простолюдина. Он выставил меня посмешищем перед столькими царями». Гнев охватил его, и он подумал: «Когда же мне удастся с ним рассчитаться?» Тут ему пришло в голову: «Есть средство. Дочь нашего царя Панчалачанди красотой подобна небесной деве. Я покажу ее царю Ведехе, Ведеха воспылет к ней страстью, и, уподобясь рыбе, попавшей на крючок, он вместе с Махосадхой окажется в моей власти. Я предам обоих смерти и изопью из чаши победы». Он пошел к царю и сказал: «Государь, есть у меня замысел». — «Учитель, из-за твоих замыслов я уже остался однажды голым. Что ты еще придумал? Не лучше ли тебе уgomониться?» — «Махараджа, еще не бывало замысла, подобного этому». — «Ну, говори». — «Махараджа, только мы двое должны знать об этом». — «Да будет так». Брахман отвел его в верхние покои и сказал: «Махараджа, я хочу соблазнить царя Ведеху. Пробудив в нем страсть, заманим его сюда вместе с сыном старейшины и убьем обоих». — «Прекрасный замысел, учитель, но как нам пробудить в нем страсть и заманить сюда?» — «Махараджа, твоя дочь Панчалачанди отличается необычайной красотой. Мы велим поэтам воспеть ее красу в стихах, и пусть эти стихи поют в Митхиле, чтобы внушить царю Ведехе мысль: «На что мне царство, если прекраснейшая из женщин не моя?» И когда мы убедимся, что он охвачен любовной страстью, я отправлюсь в Митхилу и назначу день встречи. В этот день он явится сюда, словно рыба, попавшаяся на крючок, а с ним сын старейшины, и мы убьем их обоих». Царю это понравилось: «Прекрасный замысел, учитель, так мы и сделаем». Но разговор этот слышала птица майна, сторожившая царское ложе, и все запомнила.

Царь Чулани-Брахмадатта призвал искусных поэтов, показал им свою дочь и щедро заплатил им, чтобы они описали ее красоту. Они сочинили сладкозвучнейшие стихи и прочли их ему, и он еще раз щедро наградил их. Певцы выучили эти стихи и стали петь их в собрании, и скоро они разнеслись по городу. Когда они стали известны повсюду, царь призвал

к себе уличных певцов и сказал им: «Дети мои, наловите побольше птиц, ночью заберитесь с ними на деревья и там пойте эти песни, а на рассвете привяжите птицам колокольчики на шеи, отпустите их и сами слезайте». Он затеял это затем, чтобы люди подумали: «Сами небожители воспевают красоту дочери царя Панчалы».

Потом царь опять призвал к себе стихотворцев и сказал: «Дети мои, сочините такие песни, которые говорили бы, что во всей Джамбудвипе нет царя, достойного этой царевны, кроме Ведехи, царя Митхилы, и прославьте в тех песнях его величие и ее красоту». Они сочинили такие песни и прочли царю, и он наградил их. После этого он велел им идти в Митхилу и петь там, как было задумано. Они отправились в Митхилу и пели свои песни по дороге, а потом пели их в собрании в самом городе. Многие люди слышали их и многократно выражали возгласами свое одобрение и щедро одаривали певцов.

И вот ночью певцы забрались на деревья и пели там, а на рассвете, привязав птицам колокольчики на шеи, спустились вниз. Люди услышали в небе звон колокольчиков, и по всему городу разнеслась весть, что сами небожители поют славу красоте царевны. Царь Ведеха, услышав об этом, послал за стихотворцами и созвал собрание в своем дворце, обрадованный тем, что за него прочтат такую красавицу. Он щедро одарил певцов, и те, возвратясь, доложили Брахмадатте об успехе.

Тогда Кеватта сказал царю: «Теперь, махараджа, я отправлюсь в Митхилу, чтобы назначить день свадьбы». — «Хорошо, учитель, а что ты возьмешь с собою?» — «Небольшой подарок». Царь дал ему подарок, и в сопровождении многочисленной свиты тот отправился в царство Ведехи. Когда в Митхиле стало известно о прибытии сватов, по городу пошли толки: «Цари Чулани и Ведеха собираются, говорят, вступить в союз. Чулани выдает свою дочь за нашего царя, и Кеватта прибыл, чтобы назначить день свадьбы». Дошло это и до царя Ведехи, дошло и до Махосадхи, который подумал: «Не нравится мне его приход; я должен узнать, что он замыслил».

Он осведомился у своих соглядатаев при дворе Чулани, но те отвечали: «Нам их замысел не известен. Царь и Кеватта совещались в опочивальне наедине; только птичка майна, что стережет царское ложе, могла слышать их беседу». Получив это донесение, Махосадха подумал: «Чтобы помешать замыслам наших врагов, я перегороджу улицы в городе и так их разукрашу, чтобы Кеватта ничего не увидел». От городских ворот до царского дворца и от царского дворца до своего дома по обе стороны улицы он воздвиг высокие разрисованные щиты-заслоны, а землю устлал цветами, поставил всюду кувшины с вином, развесил цветочные гирлянды и знамена. Кеватта, когда вступил в город, ничего не мог разглядеть

из-за этих щитов, но решил, что царь украсил улицу в его честь, не понимая, для чего это в самом деле устроено. Представ перед царем, он передал ему подарок, приветствовал его и сел близ трона.

Когда царь приветствовал его в ответ, Кеватта объяснил цель своего прихода такими словами:

«Царь, желающий дружбы с тобою,
драгоценности эти послал.
В добрый час да приходят послы,
сладкогласно ведущие речи,
пусть слова их приветливы будут,
да найдут они отклик в сердцах.
И пребудут в согласии добром
пусть Панчала и Митхила впредь!

Махараджа, — продолжал он, — наш царь хотел послать другого своего советника, но потом решил, что никто лучше меня не сумеет передать его послание. Он сказал мне: «Ступай, учитель, склони царя к миру и возвращайся вместе с ним». Так идем же, махараджа. Да получишь ты в жены превосходнейшую и прекраснейшую царевну и да утвердится отныне дружба между нашим царем и тобою!» Эти речи пришлось царю по сердцу, соблазн взять в жены царевну-красавицу одолел его. Он молвил: «Учитель, была Битва Закона между тобою и пандитом Махосадхой. Теперь ступай к нему — навести моего названного сына. Вы оба — мудрецы, вы должны помириться. Поговорите и приходите сюда». Кеватта согласился и пошел навестить мудреца.

Между тем Великий в тот день, не желая беседовать со злонравным брахманом, поел с утра очищенного масла, а в доме велел густо покрыть пол свежим коровьим навозом, колонны намазать сезамовым маслом и убрать из опочивальни сиденья, оставив лишь ложе, застеленное тонкой тканью, на котором он сам возлежал. Своим слугам он наказал: «Когда брахман заговорит, скажите ему: «Не надо разговаривать с пандитом, о брахман, он сегодня выпил очищенного масла». А когда я сделаю вид, что собираюсь заговорить с ним, остановите меня: «Не разговаривай, мол, государь, ты же выпил очищенного масла». Так рассудив, Махосадха, одевшись в красное, расставил своих людей у семи ворот, а сам возлег на ложе. Кеватта, подойдя к первым воротам, спросил о пандите. Слуги ему сказали: «Брахман, не поднимай шума. Если ты хочешь войти, ступай тихонько — пандит сегодня выпил очищенного масла и не выносит шума». И у каждой из следующих дверей ему повторяли то же. Наконец он миновал седьмые ворота и вошел к мудрецу. Тот сделал вид, что собирается заговорить с ним, но слуги сказали: «Не разговаривай, государь, ты же принял крепкого очищенного масла. К чему тебе толковать

с этим зловредным брахманом!» Так они его остановили. А Кеватта, войдя к мудрецу, не мог найти ни куда ему сесть, ни где ему стать. Он прошел по сырому навозу и остановился. Тогда один из слуг, глядя на него, потер глаза, другой поднял брови, третий почесал локоть. Видя это, Кеватта сказал, обиженный: «Я ухожу, пандит». Слуга сказал: «Эй, зловредный брахман, не подымай шума! Если будешь шуметь, я переломая тебе кости». Кеватта, уstraшенный, стал озиpаться, но тут один слуга вытянул его по спине бамбуковой палкой, другой схватил за горло и отшвырнул, третий хлопнул его по спине ладонью, и он бежал в страхе, словно лань, вырвавшаяся из когтей пантеры, и вернулся во дворец. Царь Ведеха между тем думал: «То-то обрадуется мой сын, когда увидит, как обернулось дело. Между двумя такими мудрецами какова-то будет беседа о толковании Закона! Сегодня они помирятся, а в выигрыше буду я». И когда он увидел Кеватту, он спросил его: «Ну, как прошла беседа? Расскажи, Кеватта, как вы с Махосадхой теперь потолковали? Ты помирился с ним? Махосадха доволен?» На это Кеватта отвечал ему: «Махараджа, ты его считаешь мудрецом, а между тем хуже него нет человека. Он — человек неблагородный, царь, пренеприятный, упрямый, грубый; показалось мне, что глух и нем он. Он вообще со мною слова не промолвил».

Речи эти пришлось царю не по нраву, но спорить он не стал. Он распорядился, чтобы послу и его свите отвели жилье и дали все, что нужно. Потом он отпустил его: «Ступай, учитель, отдохни», а сам подумал: «Сын мой мудр и знает вежливое обхождение. Если он не захотел быть обходительным с этим человеком и не выказал радости при виде его, у него на то должны быть причины — видно, чего-то он опасается». И царь произнес: «Поистине, решение его постигнуть трудно, хотя суть дела сам он ясно видит. Меня же дрожь берет при мысли: кому здесь суждено все потерять, стать жертвою врага? Сын мой, должно быть, подумал, что не с добром пришел к нам этот брахман. Не ради мира и дружбы прибыл он сюда. Видно, он решил соблазном заманить меня в свой город, чтобы там взять в плен». И он понял: «Мудрец прозрел грядущую опасность».

Между тем как царь, испуганный и озабоченный, размышлял об этом, вошли четыре мудреца. Царь обратился к Сенаке с вопросом: «Одобряешь ли ты, Сенака, решение мое отправиться в город Уттарачалу и взять в жены дочь царя Чулани?» — «О чем ты говоришь, махараджа! — отвечал тот. — Кто же станет гнать от себя счастье, когда оно само идет в руки? Если ты туда отправишься и женишься на ней, тебе не будет равных во всей Джамбудвипе, исключая Чулани-Брахмадату. Ведь женитьба на дочери верховного владыки поставит тебя над другими. Все прочие цари для него слуги, только Ведеху он почитает равным

себе, потому и выдает за него свою несравненную красавицу дочь. Сделай, как он желает, дай нам тоже пожить в богатыми нарядами и украшениями». Царь спросил других, и все трое сказали то же самое.

Той порой из дома, что ему был отведен, пришел проститься с царем брахман Кеватта. «Мне больше нельзя медлить, махараджа, — сказал он. — Мы отбываем, повелитель!» Царь с почетом отпустил его. Когда Махосадха узнал, что Кеватта уехал, он совершил омовение, надел богатое платье и в положенное время явился к царю. Поклонившись, он сел близ трона. Царь подумал: «Сын мой, пандит Махосадха, — великий мудрец, нет ему равных по глубине замыслов, ему ведомо прошлое, настоящее и будущее, он-то знает, следует мне туда ехать или нет». Ослепленный страстью, он забыл о своем прежнем решении и обратился к мудрецу с таким вопросом:

«Шестеро премудростью известны,
и они во мнении своем едины.

Ехать мне, не ехать ли, остаться?

Ты, Махосадха, что думаешь об этом?»

Мудрец подумал: «Царя снедает страсть, и в ослеплении своем он внимает речам тех четверых. Я должен объяснить ему губительность его намерения и удержать его». И он произнес:

«Знай, о царь, Брахмадатта могуч непомерно,
одолеет легко тебя Чулани грозный.

Он погубит тебя, как оленя охотник,
в западню заманивший коварно добычу.

И как рыба, крючка не заметив в приманке,
своей смерти не чует по жадности глупой,

Так же ты, ослепленный безумною страстью,
в той красавице смерти своей не предвидишь.

Коль в Панчалу пойдешь, там убьют тебя так же,
как оленя в лесу на тропе к водопою».

Эта отповедь разгневала царя. «Да что он, рабом своим меня считает? — подумал он. — Он не видит во мне своего государя. Ему ведомо, что могущественный владыка предлагает мне свою дочь в жены, но, вместо того чтобы благословить меня, он сравнивает меня с глупым оленем и предрекает мне смерть, как рыбе, попавшейся на крючок, или оленю на тропе к водопою». И, разгневанный, он тут же произнес:

«Был я глуп, был, поистине, глух я и нем,

Когда вздумал совета просить у тебе.

Тебе ли судить о высоких делах,

Возросшему у рукояти сохи?»

Предав его так хуле и поношению, царь воскликнул: «Этот сын простолюдина хочет воспрепятствовать моему счастью! Долой его!» — и повелел его изгнать: «За шиворот его и из моих владений прочь того, кто счастьем моему задумал помешать!»

Видя гнев царя, мудрец подумал: «Если кто-нибудь, подчиняясь приказу царя, схватит меня за руку или за шею, если кто-нибудь тронет меня, я буду опозорен до конца моих дней. Лучше я уйду сам». И, поклонившись царю, он вышел и возвратился в свой дом. Царь, однако, говорил так лишь в приступе ярости, на деле же он из уважения к Бодхисаттве никому сделать подобное не позволил бы.

Великий же думал: «Глуп этот царь. Он не понимает, что ему во благо, что во вред. Он ослеплен страстью и мечтает о дочери Брахмадатты, не понимая, какой опасности себя подвергает. Ведь он погубит себя. Я не должен принимать его слова близко к сердцу. Он — мой благодетель, он даровал мне великое богатство. В нем я должен найти опору. Прежде всего мне надо послать моего маленького попугая, чтобы он все разузнал, а потом я отправлюсь и сам». И, вернувшись из дворца Ведехи, он послал мудрого попугая Матхару, сказав ему: «Ступай, дружок зеленокрылый, послужи мне службу. Есть у царя Панчалы птица майна, ложе стережет его та птица, и ведомы, конечно, ей все тайны и царя, и брахмана Кеватты. Ее ты расспроси о замыслах врагов подробно».

Все обещав исполнить, в путь пустился мудрый попугай, и к птице майне Матхара зеленокрылый прилетел. У майны сладкогласной, в клетке заключенной, он спросил: «Как, Весса, поживаешь ты в прекрасной этой клетке? Дают тебе здесь вволю жареные зерна с медом?» — «Неплохо я живу, дружок, все у меня в порядке, и жареные зерна с медом мне дают, о мудрый попугай. А ты зачем пожаловал и кто тебя послал? Я о тебе не слышала, и в первый раз тебя я вижу». Услышав эти слова, он подумал: «Если я скажу, что прилетел из Митхилы, она нипочем мне не доверится. По пути сюда я видел город Ариштапур в царстве Шиби, скажу-ка ей, будто меня послал сюда царь Шиби». И попугай сказал: «Во дворце у Шиби-государя ложе я стерег. Узникам свободу праведный властитель этот дал».

Майна угостила его жареными зернами в меду со своего золотого блюда, дала ему сладкого питья и молвила: «Дружок, издалека же ты прилетел! Что привело тебя сюда?» Желая выведать у нее тайну, он прибег к такой выдумке: «Была у меня жена — сладкогласная майна, — убил ее ястреб, увы, у меня на глазах». Она его спросила: «Как же это ястреб убил твою жену?» И он рассказал ей:

«Слушай, госпожа. Однажды наш царь захотел развлечься играми в воде. Когда он отправился к реке, он взял с собою и меня с женой.

Вечером мы с ним вернулись во дворец. Чтобы просушить перья, мы с женой вылетели из окна и сели на верхушке шпиля на башенке. Вдруг ястреб ринулся на нас сверху, когда мы уже слетали с кровли. В смертельном страхе я полетел прочь от него, ну а жена — она ждала тогда птенцов — была не в силах лететь так быстро, и на моих глазах он ее убил и унес. Царь увидел мое горе и спросил меня: «Ты о чем горюешь?» Узнав причину, он мне посоветовал не убиваться и поискать другую жену. «Зачем же мне другая, государь, беспутная и злонравная? — возразил я ему. — Лучше уж остаться одному». Он мне отвечал: «Дружок, я знаю птичку, что не уступит в добродетели твоей жене. То майна, стерегущая ложе царя Чулани, — на нее она похожа. Ступай к ней и посватайся. Если ты ей придешься по душе, возвращайся и уведоми меня. Мы с царицей прибудем туда с пышной свитой и привезем тебе невесту». Это он послал меня сюда — вот почему я здесь». И он добавил:

«В память о любви бывлой к тебе теперь пришел я.

Если только ты захочешь, заживем мы вместе».

Речь его пришлась ей по сердцу, но она не подала виду и отвечала так, словно была несогласна:

«Попугай пусть любит попугая, майна — майну.

От союза попугая с майной ждать ли проку?»

Тот, это услышав, подумал: «Она меня не отвергает, она только жеманится. Нет сомнения, я ей нравлюсь. Попробую убедить ее примерами». И он произнес:

«Кого ни полюбишь — хоть деву-чандалку, —

Та равною будет. В любви нет неравных».

И он произнес следующий стих, дабы показать меру различий между людьми по рождению:

«Джамбавати, матушка Шиби-царя,

Супругой любимой Кришны была».

Известно, что Джамбавати, мать царя Шиби, была из касты чандалов, и все же стала любимой супругой сына Васудевы из рода Кришнаяны, старшего из десяти братьев. Рассказывают, что однажды в саду близ Дваравати он увидел деву необыкновенной красоты — из деревни чандалов она шла по делу в город. Он влюбился в нее, но когда узнал от нее, что она из касты чандалов, был весьма опечален. Услышав, однако, что она незамужняя, он, влюбленный, вернулся к ней и взял ее к себе во дворец, где окружил роскошью и сделал своею главной царицей. Она родила ему сына по имени Шиби, который правил в Дваравати после смерти отца.

Приведя этот пример, попугай заключил: «Ведь даже такой высокородный царь женился на деве-чандалке, а что говорить о нас, птицах!

Если только мы сами склонны жить вместе, не о чем и толковать». И еще он напомнил:

«Ратхавати, лесная дева, полюбила нежно Ваччху,
И человеком лань была любима — нет в любви неравных».

А Ваччха был брахман-отшельник, и вот как случилось, что она его полюбила. Некогда, познавший тщету страстей, он бросил все свои богатства и ушел от мира. Он жил в горах Гималаев, в шалаше из ветвей, который сам построил. А невдалеке была пещера, где жили киннары, и в той же местности жил большой паук. Он ловил их в свою паутину, разгрызал им головы и пил их кровь. Киннары были нежны и пугливы по природе, паук же был огромный и очень ядовитый, и бороться с ним они были не в силах. И вот они пришли к отшельнику, поклонились ему, рассказали о своей беде — о том, что губит их паук и не могут они найти от него защиты, — и просили отшельника спасти их, просили убить паука. Но тот им отказал: отшельникам, мол, негоже лишать кого бы то ни было жизни. Между тем была среди киннаров незамужняя дева по имени Ратхавати. Они ее нарядили и привели к отшельнику: «Пусть, государь, она будет твоей рабыней, только избавь нас от нашего врага». Отшельник в нее сразу же влюбился, и они стали жить вместе, а паука он подстерег у входа в пещеру, и когда тот вышел на добычу, прикончил его дубиной. А с нею он так и жил до самой смерти, и она ему родила сыновей и дочерей. Так она его любила».

И попугай, приведя этот пример, заключил: «Ваччха, отшельник, ведь был человеком, а жил с лесной девой, что сродни диким зверям, мы же оба — птицы. А было и так, что человек любил лань».

Она выслушала его и сказала: «Господин, сердце непостоянно, я боюсь разлуки с любимым». Но он, мудрый, зная женские уловки, произнес, чтобы ее испытать: «Ну что же, тогда я уйду, сладкогласная майна. Ты мне отказала — меня презираешь ты, видно». От этих слов у нее защемило сердце. Но перед ним она сделала вид, что любовь только теперь пробуждается в ней, и произнесла: «Спешить — не видеть счастья, о мудрый попугай? Ты погоди, о Матхара, еще ты нашего царя не видел. Дай срок, услышишь звон литавр, узришь царя величье».

И когда настал вечер, они сошлись как муж и жена и зажили потом вместе в любви и согласии. «Теперь она не будет скрывать от меня тайну, — решил про себя попугай. — Теперь мне нужно ее расспросить и возвращаться домой». И он обратился к ней: «Майна!» — «Что, господин мой?» — «Я хочу спросить тебя о чем-то». — «Спрашивай, господин мой». — «Хотя нет, сегодня праздник, спрошу в другой раз». — «Если об этом можно говорить в праздник — спрашивай, если нельзя — не говори вовсе». — «Да нет, об этом можно говорить и в праздник». —

«Тогда говори». — «Если ты расположена слушать, я скажу». И, чтобы вывести тайну, он произнес: «Повсюду разнеслась такая весть: царя Панчалы дочь, что, как звезда, прекрасна, сосватана царю Ведехе — будет свадьба». Услышав это, майна воскликнула: «Господин мой, зачем в праздничный день ты заговорил о недобром?» — «Я думал, что это добрая весть, а ты говоришь, что она недобрая. Что это значит?» — «Господин мой, не бывает добра между врагами». — «Объясни мне, милая». — «Господин мой, я не смею говорить об этом». — «Милая, коль ты не желаешь посвятить меня в тайну, которая тебе известна, о каком согласии между нами может быть речь!» Так он ее вынудил открыться, и она сказала: «Врагам своим, о Матхара, не пожелай ты свадьбы, какую царь Панчалы здесь устроит для Ведехи». — «Зачем ты говоришь такое, милая?» — молвил попугай. Майна сказала: «А ты послушай, я расскажу тебе, в чем тут зло, — и продолжала: — К себе Ведеху царь Панчалы заманить задумал, чтоб умертвить его, — друзьями им не быть». И все, что замыслил тайно Кеватта, она открыла попугаю; а мудрый попугай, услышав это, восхвалил Кеватту: «Поистине, хитроумен учитель, ловко он придумал, как убить этого царя!» Потом добавил: «Но для нас-то что в этом недоброго? Нам лучше помалкивать».

Так, добившись своей цели, он провел с ней ночь, а наутро сказал: «Милая, теперь я возвращусь к себе домой и расскажу царю Шиби, что обрел любящую супругу». И он стал с ней прощаться:

«Отпусти меня на семь лишь дней,

Шиби-повелителю поведать,

Как у майны я нашел приют».

Майна, хоть и не хотела расставаться с ним, не могла и отказать ему. Она сказала:

«На семь дней тебя я отпускаю.

Если ж в этот срок ты не вернешься,

Упокоюсь я навек, меня найдешь ты мертвой». —

«Милая, что ты такое говоришь? — возразил он. — Если я не увижу тебя на восьмой день, смогу ли сам я жить?» Так говорил он вслух, а про себя подумал: «Будешь ли ты жива или умрешь, мне что до этого!» Он поднялся в воздух и направился сначала к царству Шиби, но потом поворотил в сторону Митхилы.

Когда попугай прилетел к мудрецу, он опустил ему на плечо. Тот поднялся с ним в верхние покои и расспросил его, и попугай ему все рассказал. И, как и прежде, Великий воздал птице всяческие почести. Когда вернулся Матхара, премудрый попугай, Махосадхе поведал он, что рассказала майна. Выслушав попугая, Великий подумал: «Царь отправится туда помимо моей воли, и там он найдет свою гибель. Но если

из-за обиды я не стану спасать царя, так щедро меня одарившего, я буду достоин порицания. Как может допустить его гибель такой мудрец, как я? Я отправлюсь туда сам прежде царя и встречу с Чулани. Я там устрою все к нашему благу: построю город, где будет жить царь Ведеха, проложу потайную пешеходную дорогу длиною в гавьюту и прокопаю большой подземный ход в пол-йоджаны длиной. Потом я выдам дочь царя Чулани за нашего царя, и она будет его рабою. И даже если нас осадит в том городе сто один царь с их восемнадцатью полками, я помогу моему царю, и он оттуда выйдет невредимым, как месяц из пасти Раху. Моя задача — вернуть его домой благополучно». При этой мысли радость охватила его, и он изрек:

«В чьем доме пишу ты вкушаешь,

Тому на благо и трудись!»

Он совершил омовение, нарядился и с великой пышностью прибыл во дворец. Приветствовав царя, он стал близ трона и спросил: «Собираешься ли ты, государь, в город Уттарпанчалу?» — «Да, сын мой. Если Панчалачанди не будет моею, на что мне царство? Не покидай меня, поезжай со мною. Двух целей я достигну, отправившись туда: обрету эту прекраснейшую из женщин и заключу союз с царем, ее отцом». На это мудрец сказал: «Тогда, государь, я отправлюсь раньше и приготовлю дворец для тебя. А ты приезжай, когда я тебя извещу». И он добавил: «Пожалуй, я отправлюсь раньше в прекрасный град царя Панчалы, воздвигнуть дом для славного Ведехи. Воздвигнув дом для славного Ведехи, пришлю я весть, тогда ты явишься, о кшатрий».

Услышав это, царь очень обрадовался, что мудрец его не покидает, и молвил: «Сын мой, если ты поедешь раньше, что тебе нужно взять с собою?» — «Большой отряд, государь». — «Возьми столько воинов, сколько тебе нужно, сын мой». Мудрец продолжал: «Государь, вели отворить двери четырех тюрем и освободить от уз содержащихся там воров. Их тоже пошли со мною». — «Поступай, как тебе заблагорассудится, сын мой».

И Великий велел отворить двери тюрем и взял с собою отважных людей, сильных бойцов, способных исполнять порученное всюду, куда их ни пошлют, и принял их к себе на службу, и оказал им почести. Он взял с собою также восемнадцать отрядов каменщиков, кузнецов, плотников, маляров и прочих искусных в различных ремеслах людей вместе с их пилами, топорами, ломami, лопатами и другими орудиями. В сопровождении всей этой огромной свиты он вышел из города. Так в путь Махосадха пустился в прекрасный град царя Панчалы, воздвигнуть дом для славного Ведехи.

В дороге Махосадха ставил укрепления на расстоянии йоджаны одно от другого и в каждом оставлял царского советника с наказом: «К тому времени, когда царь будет возвращаться вместе с Панчалачанди, подготовьте подставы слонов, коней и колесницы, чтобы ему незамедлительно добраться до Митхилы, а сами готовьтесь отразить преследующих его врагов». Достигнув берега Ганги, он призвал к себе царевича Ананду и сказал ему: «Ананда, возьми триста мастеров и ступай на Верхнюю Гангу, заготовь отборного леса и построй триста кораблей; пусть нарубят также дров для нужд города. Погрузи на суда легкую древесину и доставь нам незамедлительно». Сам он переправился через Гангу на лодке и от места высадки стал мерить расстояние шагами, высчитывая: «Здесь на пол-йоджаны пройдет большой подземный ход, на том месте будет город для нашего царя, отсюда до царского дворца пройдет тайная пешеходная дорога длиной в гавьюту». Разметив все места, он вступил в город Уттарпанчалу.

Царь Чулани был рад узнать о прибытии Махосадхи. «Исполняются мои желания, — подумал он. — Скоро я увижу гибель моих врагов. Теперь, когда приехал он, недолго ждать и Ведеху. Тогда я убью обоих и стану властелином всей Джамбудвипы». Весь город пришел в волнение. «Это тот самый Махосадха, — говорили люди, — который обратил в бегство сто одного царя, словно камнем спугнул стаю ворон». И когда он ехал через город к воротам дворца, горожане толпами стремились взглянуть на него, и они дивились величию его облика. Сойдя с колесницы, он велел доложить о себе царю. «Пусть войдет», — приказал царь, и он вошел и, поклонившись государю, стал близ трона.

Царь приветливо обратился к нему. «Когда прибудет ваш повелитель, любезный?» — спросил он. — «Когда я пошлю ему весть, государь». — «Зачем же ты прибыл?» — «Воздвигнуть здесь дворец для моего владыки, государь». — «Хорошо, любезный». И он назначил содержание свите, оказал великие почести самому Махосадхе и отвел ему дом: «Любезный, — сказал он, — пока не прибыл ваш царь, живи здесь, и да исполнишь ты беспрепятственно все, что тебе нужно сделать».

А когда Махосадха вошел во дворец, он остановился внизу лестницы, думая: «Здесь надо бы сделать дверь для потайного хода», и тут ему пришло в голову: «Царь разрешил мне делать все, что я сочту нужным. Следует позаботиться о том, чтобы лестница не провалилась в подземный ход, когда его начнут копать». И он сказал царю: «Государь, войдя к тебе, я задержался там, у главной лестницы, и увидел изъян в постройке. Если тебе угодно, я добуду нужный материал и все исправлю». — «Хорошо, исправь, любезный». Он тщательно все осмотрел и

определил, где надо сделать дверь в подземный ход, велел снять лестницу и, чтоб земля там не осела, уложить покрытие из бревен, а на него поставить лестницу надежно, чтобы она не обрушилась. Царь же ничего не заподозрил — он был уверен, что это мудрец для него старается. А тот провел весь день, приглядывая за работой. Назавтра он сказал царю: «Государь, если мне укажут, где будет жить наш царь, я присмотрю, чтобы все было сделано, как нужно». — «Ладно, пандит, бери любой участок в городе, кроме моего дворца». — «Махараджа, мы здесь чужие, а в городе у тебя много любимцев; если наш выбор падет на занятое уже место и твои воины нам станут препятствовать, что нам тогда делать?» — «Ты не обращай на них внимания, пандит, бери любое место, которое понравится». — «Но, государь, к тебе прибегут жалобщики и будут досаждают тебе. Если тебе угодно, пока мы выбираем место, я поставлю свою стражу у дворца. Тогда никто к тебе прорваться не посмеет, и всем будет спокойнее — и тебе, и нам». Царь согласился. Тогда Махосадха расставил своих людей повсюду — на лестнице, внизу и наверху, и у дверей — приказав им никого не пропускать.

И вот Махосадха послал своих людей к дому царицы-матери: «Идите и ведите себя так, словно хотите его снести». Они пошли и начали долбить стены и ворота, так что с них посыпались кирпичи и глина. Когда царица-мать такое увидела, она вышла к ним и спросила: «Зачем вы ломаете мой дом, любезные?» — «Ломаем по приказу пандита Махосадхи, он хочет построить здесь дворец для своего царя». — «Если так, зачем ломать? Живите здесь». — «У нашего царя большая свита — этот дом ему не подойдет. Мы построим для него другой, побольше». — «Вы не знаете, кто я? Я — мать царя! Я пойду к моему сыну и спрошу, что это значит». — «Мы ломаем дом с ведома царя. Попробуй нам помешать». Она сказала в гневе: «Я на вас найду управу» — и отправилась во дворец. Но ее туда и не впустили. «Я — мать царя», — твердила она, а ей отвечали: «Мы это знаем, да царь велел никого не пропускать. Ступай!» Не найдя себе защиты, она вернулась к своему дому. Там один работник закричал ей: «Тебе чего здесь надо? Ступай прочь!» Он подскочил к ней, схватил за шиворот и так ее толкнул, что она упала. Тогда она подумала: «Видно, в самом деле это царь им приказал, иначе они бы не посмели так себя вести. Пойду-ка я к мудрецу».

Она пришла к нему и сказала: «Сынок Махосадха, зачем ты хочешь снести мой дом?» Он ей не ответил, но человек, стоявший рядом, переспросил: «Что ты сказала, государыня?» — «Пандит, ты зачем велел ломать мое жилище?» — «Там будет построен дворец царю Ведехе». — «Ужель, сынок, во всем этом огромном городе не найти другого места?

Возьми с меня сто тысяч, только выбери другой участок». — «Ладно, государыня, мы оставим твой дом. Только ты никому не говори, что дала нам взятку, а то другие тоже станут подкупать нас, оберегая свои дома». — «Сынок, да если прознают, что я, мать царя, откупилась взяткой, какой позор мне будет! Конечно, я никому не скажу». — «Ладно», — согласился слуга мудреца и взял сто тысяч. Потом работники направились к дому Кеватты. Тот тоже бросился к царю, но вернулся от дворца ни с чем, со спиной, исполосованной бамбуковыми палками. Тогда и он, не зная, как настоять на своем праве, заплатил сто тысяч. И так, посягая на разные участки в городе и принимая взятки, они собрали девятьсот тысяч золотых монет.

Махосадха между тем, обойдя весь город, вернулся во дворец. Царь спросил его, выбрал ли он место. «Махараджа, — отвечал он, — никто нам не отказывает, но людям горестно расставаться со своими домами. Не подобает нам лишать их того, что им дорого. А в гавьоте отсюда, между городом и Гангой, есть подходящее место, где можно построить дворец для нашего царя». Тот, услышав это, обрадовался в душе. «Сражаться в городе неловко, — подумал он. — Там не различишь, кто свой, а кто чужой. Биться за городом куда удобней. За городом мы и нападём на них и всех перебьём». И царь сказал: «Хорошо, любезный! Строй на том месте, которое ты присмотрел». — «Махараджа, там я и буду строить, только своим людям не вели ходить туда ни за дровами, ни за листьями, ни за чем иным. А то ведь непременно начнутся ссоры, и это радости ни тебе, ни нам не принесет». — «Хорошо, пандит, не пускай туда никого». — «И еще, государь, наши слоны любят воду и постоянно в ней плещутся. Так если река замутится и горожане станут жаловаться: мол, с тех пор как сюда явился этот Махосадха, мы не можем попить чистой воды, — с этим тебе придется мириться». Царь отвечал: «Пусть плещутся в воде твои слоны». И он велел объявить по городу под бой барабана: «Тот из горожан, кто сунется туда, где ведет работы Махосадха, заплатит пеню в тысячу монет».

Тогда Великий простился с царем и со своей свитой покинул город. В избранном месте он принялся строить новый городок, а напротив него, через Гангу, заложил селение, которое назвал Гаггали. Там он разместил слонов, коней и колесницы, коров и быков. Он усердно занялся строительством города, каждому указал, что ему делать, и, распределив все работы, приступил к сооружению подземного хода. Вход в большое подземелье он устроил на берегу Ганги. Рыли его шестьдесят тысяч воинов. Землю они выносили в больших кожаных мешках и бросали в Гангу, а там ее утапывали слоны, и река замутилась. Жители Уттарпанчалы

зароптали: «С тех пор как явился сюда этот Махосадха, не стало чистой воды для питья. Ганга течет мутная. Что нам теперь делать?» Подосланные мудрецом люди им толковали, что это слоны Махосадхи плещутся в Ганге и поднимают ил со дна — вот почему река течет мутная. Между тем в подземном ходе все корни и камни тонули в земле и не мешали работе — ведь желания Бодхисаттвы всегда исполняются!

В том новом городе была еще дверь, ведущая в малый ход. Его копали семьсот человек. Землю они выносили в кожаных мешках и сваливали прямо в городе, заливали водой и клали в стену или на другие работы пускали. И вход в большое подземелье был там же в городе; его закрывала дверь высотой в восемнадцать локтей. И все двери там были снабжены таким прибором, что стоило нажать на один колышек, как они запирались. Стены большого подземного хода выложили кирпичом и оштукатурили, сверху его перекрыли досками, потолок укрепили и побелили. Всего там было восемьдесят больших дверей и шестьдесят четыре малых, и все они запирались, когда нажимали на один колышек, и открывались, если нажать на другой. А по сторонам тянулись сотни комнат для отдыха, тоже с такими устройствами в дверях, что когда открывалась одна, открывались и остальные, а когда закрывалась одна, все закрывались. И с обеих сторон располагалось по сто одному покою для сто одного воина, каждый с коврами разных цветов, с широким ложем, осененным белым балдахином, с роскошным сиденьем у каждого ложа и со статуей женщины такой красоты, что ее надо было потрогать рукой, чтобы убедиться, что она неживая. А на стенах подземного хода искусные художники нарисовали всяческие картины: прекрасного обликом Шакру, склоны горы Меру, моря и океан, четыре материка, Гималаи, озеро Анаватапта, Красное плоскогорье⁸⁹, луну и солнце, свиту Четырех Царей и других небожителей, шесть чувственных небес и прочие сферы — все можно было увидеть в этом подземном ходе. Пол там был посыпан белым песком, подобным серебру, и красивыми лотосами был украшен потолок. По бокам хода шли торговые лавки и повсюду висели гирлянды ярких и благоухающих цветов. Так был украшен тот подземный ход, подобный божественному чертогу Судхарма.

А между тем триста мастеров мудреца построили триста кораблей, нагрузили их заготовленным материалом и привели туда вниз по Ганге. Когда они явились к мудрецу, он привлек и их к строительству города, а суда велел спрятать в укромном месте, откуда их можно было бы вывести на реку, когда он подаст знак.

⁸⁹ *Красное плоскогорье* окружает озеро Анаватапта.

Город обвели рвом и наполнили ров водою, обнесли стеной высоту в восемнадцать локтей с воротами и башней, возвели в нем дома и дворцы, слоновники и другие строения, вырыли пруды, и на том работы закончили. Все строительство большого и малого подземных ходов и нового города завершилось в четыре месяца.

Тогда Махосадха послал гонца к своему царю: пора, мол, ехать. Царь, получив послание, обрадовался и выступил из своей столицы с большой свитой. В положенное время он достиг берегов Ганги. Махосадха его встретил и проводил в свой город. Царь вступил в новопостроенный дворец, отведал приготовленных для него яств, недолго отдохнул, а вечером послал гонца к царю Чулани с вестью о своем прибытии.

Чулани эта весть очень обрадовала. «Теперь враг в моих руках, — подумал он. — Я отрублю головы тому и другому и изопью из чаши победы». Но гонца он принял с подобающим почетом и молвил с притворным радушием: «Добро пожаловать, Ведеха, счастлив твой приход! Позволит положение звезд, и за тебя я выдам дочь в златом наряде и со свитою рабынь».

Гонец вернулся и доложил Ведехе: «Государь, он тебя просит дожидаться положения звезд, благоприятного для свадьбы, — тогда он не замедлит отдать за тебя дочь». — «Счастливого расположение звезд — сегодня!» — объявил тот и с тем послал гонца обратно. Когда Ведеха-царь узрел расположение звезд на небе, Определив счастливый день, послал он к Брахмадатте:

«Отдай сейчас мне в жены деву безупречной красоты

В златом наряде и со свитою рабынь».

И царь Чулани отвечал:

«Отдам сейчас тебе я деву безупречной красоты

В златом наряде и со свитою рабынь».

Но, повторяя: «Вот я пошлю ее к тебе! Нынче же пошлю», — он лгал и только оттягивал время, а сам дал знать ста одному царю: «Готовьтесь к битве и выступайте с восемнадцатью полками. Наконец-то мы отрубим головы обоим врагам нашим и отпразднуем победу!» Он оставил во дворце царицу Талату, свою мать, царицу Нанду, свою главную супругу, сына своего Панчалачанду и дочь Панчалачанди со всею женской свитой, а сам выступил в поход.

Той порою Бодхисаттва с почестями встречал войско, что пришло с царем Ведехой. Воины вволю выпили вина, поели рыбы и мяса, а некоторые сразу легли отдыхать, утомленные долгой дорогой. Царь же Ведеха с Сенакой и другими пандитами восседал тем временем в кругу придворных на разукрашенной террасе дворца. Вот тогда-то царь Чулани и осадил город. Озарив окрестность сотнями тысяч факелов, его войска

стали вокруг того города четырьмя кольцами, ожидая лишь зари, чтобы идти на приступ.

Когда Великий узнал об этом, он вызвал триста своих воинов и приказал им: «Ступайте малым ходом под землю и захватите в плен мать царя, его главную супругу, сына и дочь. Проведите их в большой подземный ход, но из его дверей не выпускайте и сторожите там их до нашего прихода. Когда же мы придем, выведите их оттуда в большой зал у входа».

Повинуясь приказу, воины пошли малым подземным ходом, подняли настил под лестницей дворца Чулани, схватили его стражей, стоявших и у лестницы, и наверху, и на террасе, и всех их вместе с горбунами и прочей царской челядью связали по рукам и по ногам и, заткнув им рты, попрятали в укромных местах. Потом они наелись царских яств, а что осталось, выбросили, после чего поднялись в верхние покои.

А между тем царица Талата, зная, что всякое может случиться, позвала к себе царицу Нанду и царевича с царевной, и все они собрались в одной опочивальне. Воины мудреца подошли к дверям и окликнули их. Царица Талата вышла из своих покоев: «Что вам надобно, любезные?» — «Государыня, наш царь покончил с Ведехой и Махосадхой. Теперь он стал владыкой всей Джамбудвипы и пирует с превеликой пышностью со ста одним царем, а нас послал сюда за вами четверыми».

Они спустились вниз по лестнице, и воины провели цариц, царевича и царевну в подземный ход. «Сколько мы живем здесь, — удивились те, — а никогда еще этой дорогой не ходили». — «Этой дорогой в обычные дни не ходят, — отвечали им, — она только для праздников. Сегодня — торжество, потому царь и приказал провести вас этой дорогой». Они поверили. Часть воинов их сопровождала дальше, другие же вернулись во дворец, взломали вход в сокровищницу и забрали оттуда царских драгоценностей, кто сколько хотел. А четверо тем временем вошли в большой подземный ход и, видя великолепие его, достойное божественных чертогов, уверились в том, что он и впрямь построен для их царя. Затем их вывели в тот конец хода, что был ближе к Ганге, и поместили там в роскошном покое. Часть воинов осталась сторожить их, другие пошли известить Бодхисаттву.

Услышав, что привели царскую семью, Махосадха подумал: «Исполнились мои заветные желания!» Радостный, он предстал перед своим царем. А тот, томимый страстью, только об одном и помышлял: «Сейчас он придет ко мне свою дочь! Сейчас придет!» Поднявшись с ложа, он подошел к окну и тут увидел, что вся окрестность озарена тысячами факелов и город окружен неисчислимым войском. «Что это? — воскликнул он, уstraшенный, и, обратившись к пандитам, произнес: — Слоны

кругом и кони, колесницы и вооруженная пехота, пылают факелы, окрестность озаряя, — что это значит, мудрецы?»

Сенака на это отвечал: «Не тревожься, махараджа. Почему так много факелов? Я думаю, это пришел царь Брахмадатта отдать тебе свою дочь». И Пуккуса сказал: «Он, верно, хочет воздать тебе должное. Это в твою честь он явился сюда с большой свитой и стражей». И другие пандиты сказали царю каждый, что ему вздумалось. Тут до царя донеслись слова команды: «Отряду стоять здесь! Там поставьте стражу, бдите!» И, видя вооруженных воинов, перепуганный до смерти, он произнес, желая услышать мнение Великого:

«Слоны кругом и кони, колесницы и вооруженная пехота, пылают факелы, окрестность озаряя, — что будет дальше, о мудрец?»

Махосадха подумал: «Надо сперва припугнуть немного этого глупца, а там уж я ему явлю свою силу и утешу его». И он сказал: «Стережет тебя Чулани, о махараджа, с великою ратью. Брахмадатта тебя обманул. Он завтра тебя умертвит».

Услышав эти слова, все страшно испугались. У царя перехватило горло, во рту у него пересохло, он задрожал как в лихорадке. Смертельно испуганный, он произнес жалобно:

«Сердце упало, во рту у меня пересохло,
Как обожженного зной, так палит меня страх.
В горне пылает огонь, а снаружи не видно —
Так мое сердце горит, но не видит никто!»

Слушая его сетования, Махосадха подумал: «В другое время этот глупец меня слушаться не станет, надо его еще больше припугнуть». И он молвил:

«Был ты беспечен и не слушал ты советов; теперь советникам тебя спасать, о кшатрий. Сластолюбивый царь, советом мудрых пренебрегший, оленю, в западню попавшему, подобен... Неблагородный человек, о царь, змее подобен, на груди пригретой. Не станет мудрый дружбу с ним водить — добра не жди от злого человека. Но если ты такого человека встретишь, который добр, благовоспитан, его и мудрый другом назовет — нужна с хорошим только человеком дружба».

Потом, чтобы царь понял, что нельзя так поступать с тем, кого он назвал своим сыном, мудрец напомнил слова, ранее им произнесенные:

«Был ты глуп, был, поистине, глух ты и нем,
Когда вздумал совета просить у меня.
Ну мне ли судить о высоких делах,
Взросшему у рукояти сохи?»

И Махосадха повторил слова царя: «За шиворот его и из моих владений прочь того, кто счастьем моему задумал помешать», после чего

продолжал: «Махараджа, где уж мне, сыну простолюдина, разобраться в делах, какие ведают Сенака и другие пандиты, это не моего ума дело, я разбираюсь разве что в низких ремеслах, а такие способны понять только Сенака и ему подобные. Вот эти мудрые господа пусть и спасают тебя теперь от восемнадцати полков, осадивших город. А меня прикажи взять за шиворот и вышвырнуть вон. Что меня спрашивать?» Так безжалостно корил он царя. Тот выслушал его и подумал: «Мудрец напоминает мне о моем недомыслии, но сам-то он уже тогда предвидел грядущую опасность. Поэтому он так жестоко меня укоряет. Не может быть, однако, чтобы он все это время бездействовал. Наверняка он уже позаботился о нашем спасении». И он молвил в ответ: «Махосадха, помилосердствуй! Мудрые не попрекают прошлым. Что колешь ты меня, словно стрекалом коня стреноженного? Ты утешь меня. А попрекать что толку?»

Великий подумал: «Царь просто глуп и слеп, он не умеет ценить людей. Помучаю его еще немного, прежде чем помочь», — и произнес:

«Трудно что-то сделать, кшатрий, время упустили.

Мне тебя уж не спасти, спасайся сам, как знаешь.

Есть слоны волшебные, что по небу летают, —

Кто найдет такого, улететь, пожалуй, сможет.

Кони есть волшебные, что по небу летают, —

Кто найдет такого, улететь, пожалуй, сможет.

Птицы есть волшебные, что по небу летают, —

Кто найдет такую, улететь, пожалуй, сможет.

Яккхи есть, волшебники, что по небу летают, —

Кто найдет такого, улететь, пожалуй, сможет.

Трудно что-то сделать, кшатрий, время упустили.

Мне тебя уж не спасти, я в небе не летаю».

Услышав такое, царь онемел. А Сенака подумал: «Никому, кроме мудреца, ни царя, ни нас не спасти. А царь испуган его речами и безмолвствует. Придется мне его просить». И он обратился к мудрецу со словами:

«Берег потеряв из виду,

в море тонуший бурливом,

Дно нащупав под ногою,

вновь надежду обретает.

Для царя и нас, несчастных,

ты, Махосадха, опора!

Из советников ты — лучший,

так спаси нас от невзгоды!»

Великий ему отвечал с укоризной:

«Трудно что-то сделать, право, время упустили.

Мне его уж не спасти, ты сам попробуй, пандит».

Растерянный и перепуганный до смерти царь не посмел обратиться к Махосадхе и спросил Сенаку в надежде, что хоть тот что-то придумает:

«Моему внимли ты слову:
видишь страшную угрозу?

Сенака, что делать дальше,
от тебя хочу я слышать».

Сенака же подумал: «Царь пойдет на все, только бы спастись. Хорошо ли, плохо ли я придумал, а все ж скажу ему». И он произнес:

«Двери подождем в чертоге,
за ножи потом возьмемся
И заколем мы друг друга,
поскорей уйдем из жизни,
Чтоб не предал Брахмадатта
нас мученьям перед смертью».

Царя его речь не обрадовала. «Лучше ты самому себе с женой и детьми устрой такой погребальный костер», — подумал он и обратился к Пуккусе, а потом и к другим. Но и они ничего умного не придумали и отвечали кому что в голову пришло.

«Моему внимли ты слову:
видишь страшную угрозу?
Пуккуса, что делать дальше,
от тебя хочу я слышать». —

«Примем яду и погибнем,
поскорей уйдем из жизни,
Чтоб не предал Брахмадатта
нас мученьям перед смертью».

«Моему внимли ты слову:
видишь страшную угрозу?
Что нам делать, о Кавинда,
от тебя хочу я слышать». —

«В петлю голову мы сунем
или бросимся мы с башни,
Чтоб не предал Брахмадатта
нас мученьям перед смертью».

«Моему внимли ты слову:
видишь страшную угрозу?
Что нам делать, о Девинда,
от тебя хочу я слышать». —

«Двери подождем в чертоге,
за ножи потом возьмемся
И убьем друг друга сразу,
поскорей уйдем из жизни.
Мне спасти вас не по силам.

Вот Махосадха сумел бы».

Говоря это, Девинда думал про себя: «Что это царь делает? Когда рядом огонь, он дует на светлячка! Нас не может спасти никто, кроме Махосадхи, а царь, вместо того чтобы искать его совета, обращается к нам! А мы-то что знаем?» И, не видя выхода, он, повторив слова Сенаки, воздал хвалу Великому, молвив:

«Вот решение, махараджа:
к мудрецу мы обратимся;
Ну, а если не сумеет
и Махосадха спасти нас,
Значит, Сенаки совету
нам последовать придется».

Выслушав это, царь вспомнил, как дурно говорил он раньше с Махосадхой, и, не смея обратиться к нему прямо, стал сетовать громко, так, чтобы тот услышал:

«Как неудачник, в смоковнице сока искавший напрасно,
Так же мы тщетно в отчаянье выхода ищем.
Как не сумевшие сока из древа добыть шерстяного,
Так же мы тщетно в отчаянье выхода ищем.
Словно в безводной пустыне слоны, мы в осаде томимся.
Вижу: ничтожные люди, невежды меня окружают.
Сердце упало, во рту у меня пересохло,
Как обожженного зной, так палит меня страх.
В горне пылает огонь, а снаружи не видно —
Так мое сердце горит, но не видит никто!»

Услышав это, мудрец подумал: «Царь в самом деле мучается, если я его не утешу, сердце у него может разорваться и он умрет». И он утешил его. Тогда, царя Ведеху столь удрученным видя, Махосадха премудрый такое слово молвил:

«Не бойся, махараджа, не бойся, полководец,
Спасу тебя, как Месяц из пасти злого Раху.
Не бойся, махараджа, не бойся, полководец,
Спасу тебя, как Солнце из пасти злого Раху.
Не бойся, махараджа, не бойся, полководец,
Спасу тебя, как будто слона из топи вязкой.
Не бойся, махараджа, не бойся полководец,

Спасу тебя, как змея, плененного в корзине.
Не бойся, махараджа, не бойся, полководец,
Спасу тебя, как рыбу, попавшуюся в сети.
Не бойся, махараджа, не бойся, полководец,
Спасу тебя и войско, коней и колесницы.
Не бойся, махараджа, не бойся, полководец,
Прочь, как воронью стаю, я отгоню панчалов.
На что годится мудрость, к чему тебе советник,
Когда от этих бедствий тебя он не избавит?»

Царя эта речь успокоила — он понял, что спасен. И всех ободрил Бодхисаттва голосом, подобным рыку льва. Сенака спросил его: «Каким путем ты выведешь нас отсюда, о пандит?» — «Украшенным подземным ходом. Будьте наготове», — отвечал тот и отдал приказ воинам:

«Идите, люди, открывайте выход тайный.

Ведеха с приближенными пройдет подземным ходом».

Воины открыли двери в подземный ход, который сверкал, словно божественный чертог. Услышав приказание, повиновались слуги мудреца, открыли двери с хитрыми приводами. Они доложили о том Махосадхе, и он сказал царю: «Пора, государь! Спустись с террасы!» Царь сошел с террасы, а Сенака тем временем снял головной убор и развязал свой пояс. Махосадха спросил, зачем он это делает, и он ответил: «О мудрый, когда лезешь в подземный ход, надо подобрать одежду». Тот сказал: «Не думай, Сенака, что тебе придется ползти на четвереньках. Если захочешь, можешь ехать на слоне, — ход просторный, в восемнадцать локтей высотой, с широкими дверями. Ты можешь нарядиться, как тебе угодно, и шествовать впереди царя». И Махосадха послал Сенаку вперед, царь пошел следом, а сам мудрец замыкал шествие, торопя тех, кто мешкал, разглядывая украшения подземного хода. Там приготовлено было в достатке яств и напитков, и люди ели и пили по дороге и рассматривали картины на стенах и прочее, а Махосадха шел сзади, увещевая царя не медлить, когда тот останавливался, пораженный красотою подземного хода, подобного божественному чертогу.

Заслышав их приближение, воины Махосадхи вывели им навстречу мать, супругу, сына и дочь Брахмадатты. При виде царя Ведехи и мудреца, шествующих по подземелью, те перепугались до смерти. «Нет сомненья, мы — в руках врагов! — вскричали они. — Так это воины Махосадхи пришли за нами!»

А царь Чулани был настороже. Чтобы предотвратить бегство Ведехи, он стал в гавьоте от Ганги. И он услышал возгласы в ночи — ему показалось, что он слышит голос царицы Нанды. Он хотел сказать об этом свите, но побоялся, не высмеяли бы его, ибо откуда было взяться здесь

царице Нанде? А Махосадха в это самое время возвел царевну Панчала-чанди на возвышение из сложенных в кучу драгоценностей и совершил над нею обряд обручения. «Махараджа, — сказал он, — та, ради которой ты пришел сюда, отныне да станет твоей главной супругой!»

Триста кораблей подвели к берегу, и царь, выйдя из подземелья, взошел на украшенное судно, а за ним ввели четверых царственных пленников.

Из подземного хода выйдя,
взошел на корабль Ведеха,
И царя своего в ту пору
Махосадха так наставил:
«Это — тесть твой теперь⁹⁰, это — теща,
чти ее ты как мать родную.
Ее сына Панчалачанду
береги отныне как брата.
А Панчалачанди-царевна,
что была тебе так желанна,
Ныне стала тебе супругой,
ты люби ее, полководец!»

«Хорошо», — согласился царь. А о царице-матери Великий ничего не сказал, ибо она была уже старицей. Все это Бодхисаттва говорил, стоя на берегу. Царю же, избегнувшему великой опасности, не терпелось отплыть, и он молвил: «Сын мой, почему ты все еще там? Взойди скорее на корабль, что ты стоишь на берегу? Теперь, когда мы спасены, немедля в путь, Махосадха!» Махосадха отвечал ему: «Государь, мне с тобой отправляться не нужно», — и он воскликнул: «Не дело, махараджа, мне, военачальнику, оставив войско, самого себя спасать! О полководец, тот отряд, что во дворце остался, я выведу, и Брахмадатта мне не помешает. Из наших воинов, — продолжал мудрец, — теперь кто спит после тягот пути, кто ест и пьет, не ведая, что мы уходим, а некоторых совсем изнурила работа за эти четыре месяца. Много людей мне помогало, и никого из них я не могу бросить на произвол судьбы. Я вернусь и выведу все твоё войско, и Брахмадатта не сможет мне помешать. А ты, махараджа, не медли. Тебе нигде не будет задержки — я позаботился о подставах на дороге, и ты, меняя уставших слонов и коней, скоро достигнешь Митхилы». Тогда царь спросил: «Как против большого войска выступишь ты

⁹⁰ Тестем здесь назван младший брат невесты царя Ведехи, то есть его будущий шурин. По древнеиндийским обычаям, он в отсутствие тестя (царя Чулани) как бы замещал его.

с малым? Сильный слабого наверно победит, о мудрый!» На это Бодхисаттва отвечал: «С малым войском советник осилит совета лишенные рати. Царь и многих царей побеждает, как тьму восходящее солнце». Молвив это, Великий простился с царем и напутствовал его: «Ступайте!»

Царь, понимая, что это мудрец вырвал его из рук врага, что с его только помощью обрел он царевну и благодаря ему исполнилось желание его сердца, обратился к Сенаке и так восхвалял достоинства Бодхисаттвы:

«Великое счастье, о Сенака,
дарует общение с мудрым!
Как птиц, в тесной клетке томящихся,
как рыбу, попавшую в сети,
Так ныне Махосадха вызволил,
исторг нас из вражьего плена».

Сенака ответил на это тоже хвалою:

«Вот так и всегда, махараджа,
нам мудрые счастье приносят!
Как птиц, в тесной клетке томящихся,
как рыбу, попавшую в сети,
Так ныне Махосадха вызволил,
исторг нас из вражьего плена».

Царь Ведеха, не медля более, переправился через реку и на расстоянии йоджаны оттуда он достиг укрепления, которое построил для него Махосадха. Люди мудреца дали там путникам слонов и коней и снабдили их провиантом. Царь оставил здесь уставших слонов и коней, взял свежих и направился со свитой к следующему укреплению. Так за сутки они покрыли сто йоджан и уже на другой день прибыли в Митхилу.

А Махосадха тем временем вернулся к дверям подземного хода. Он снял с себя меч и закопал его у входа в песке, а сам подземным ходом возвратился в город. Там он совершил омовение в благовонной воде, вкусил изысканных яств и возлег на свое роскошное ложе, утешенный тем, что заветные желания его исполнились.

Когда ночь миновала, царь Чулани отдал приказ своему войску двигаться на город.

Осажденных сторожил всю ночь могучий Чулания.
На рассвете к Упакари⁹¹ он приблизился с войсками.
На слоне шестидесятилетнем мощном восседая,
Чулания к воинам воззвал, Панчалы царь могучий.

⁹¹ Город, построенный Махосадхой.

В блещущих доспехах драгоценных и с мечом в деснице,
К полчищам своим несметным полководец обратился.
И такая предстала очам картина:
И бойцы на слонах, и погонщики двигались, и колесницы.
Наступали на город искусные лучники, храбрые воины,
строим.

И царь повелел взять Ведеху живьем. Он произнес: «Пошлите мощ-
ных вы слонов шестидесятилетних

Сровнять с землею город, что Ведехою воздвигнут,
Пусть тучами летят стремительные стрелы-птицы,
Без промаха разящие, ломающие кости.
Герои смело пусть идут в блистающих доспехах,
Готовые слону противостать без страха в битве.
Пусть всюду блещут смазанные маслом копья,
Как сотни ясных звезд, мерцающих в ночи на небе.
Когда, вооруженные, одетые в доспехи,
Такие воины пойдут в строю на приступ,
Куда царю Ведехе деться, если он не птица?
Вот тридцать девять тысяч воинов отборных,
Могучей рати цвет — я равных им в бою не знаю!
Слоны шестидесяти лет, матере, большие,
Богато убраны, несут царевичей на спинах.
Одеты в золото, в доспехах ярких, драгоценных,
Как в Нандане сыны богов, те на слонах блистают.
На поясах багряных в гладких ножнах золоченых
Поблескивают, смазанные, цвета сома-рыбы,
Мечи могучих воинов, отточенные остро,
Из превосходной стали и сработанные ладно. —
В руках, умеющих разить и отражать удары,
Они сверкают, словно молнии меж туч на небе.
Бойцы, мечом владеющие и щитом отменно,
Под сению знамен слонов ведущие в сраженье,
Когда подступят отовсюду, где тогда спасешься?
Не вижу, в Митхилу каким путем уйти ты сможешь!»

Так Чулани грозил Ведехе, уверенный, что тот уже в его руках.
Погоняя своего слона алмазным стрекалом, он зывал к войску: «Хва-
тайте, бейте, разите!» — и, словно потоп, подступили его рати к городу
Упакари. Но в это же время соглядатаи Великого, готовые ко всему,
незаметно окружили его.

Махосадха же восстал тогда со своего благого ложа, привел себя в
порядок и после утренней трапезы облачился в богатый наряд. Он надел

бенаресское платье в сто тысяч каршапан ценою, накинуд красный плащ на плечо, обулся в золотые сандалии; в руки он взял жезл, украшенный семью драгоценными камнями. В сопровождении нарядных служанок, подобных небесным девам, — они оведали его опахалами из хвостов яков, — Махосадха вышел на украшенную террасу, открыл окно и на виду у царя Чулани принялся расхаживать по террасе взад и вперед, величавый, как Шакра, владыка богов.

Царь Чулани, видя это великолепие, потерял голову. «Надо его немедленно взять в плен», — решил он и еще быстрее погнал своего слона. «Он спешит сюда, уверенный в том, что сейчас возьмет в плен Ведеху, — подумал мудрец. — Он не знает, что наш царь уже ушел отсюда, и семью его с собою увел. Я ему явлю свой лик, подобный златому зеркалу, и буду с ним говорить». И, стоя у окна, он обратился к царю и молвил медоточивым голосом: «Зачем с такой поспешностью слона ты гонишь? Вид у тебя довольный и в успехе ты уверен. Так опусти же лук и спрячь в колчан стрелу». Слыша такие слова, царь подумал: «Сын простолюдина надо мной издевается. Ну погоди же, ты не знаешь, что я сделаю с тобой сегодня!» И он сказал с угрозой: «Радостен лик твой, с улыбкою слово ты молвишь. Знай, ты красуешься в смертный свой час предо мною!»

А пока они разговаривали, все огромное войско Чулани узрело величие Бодхисаттвы. «Наш царь беседует с пандитом Махосадхой, слушаем, о чем они говорят», — и воины стали тесниться ближе к царю. Мудрец между тем так отвечал ему: «Я — мудрый Махосадха, ты меня не знаешь. Я не позволю тебе убить меня. Замысел твой провалился, и вышло не то, что задумали вы с Кеваттой, а как раз то, о чем вы говорили, но исполнять не собирались. Твои напрасны громы, царь, твой замысел разрушен, кшатрий! Тебе уж не догнать Ведеху, как скакуна тяжелой кляче. За Гангу он уплыл со свитою вчера. Как ворону царя гусей, тебе схватить его невмочь». И еще произнес мудрец, подобный бесстрашному льву:

«Шакалы, в сумерках ночных увидев кимшуки цветы,
За клочья мяса их приняв, теснятся стаей, подлещы.
Но минет ночь, настанет день, и в свете солнечных лучей
Цветы увидят и поймут свою ошибку подлещы.
Так ты, Ведеху осадив, ошибку наконец поймешь
И, злясь, от города уйдешь ни с чем, как от цветов шакал».

Царь, услышав эту бесстрашную речь, подумал: «Сын старейшины так дерзок в своих речах. Значит, Ведеха бежал, в том нет сомнения». Гневу его не было границ. «Когда-то из-за этого сына простолюдина я остался нагишом, — подумал он. — Теперь он помог бежать моему врагу, который уже был в моих руках! Поистине, он сделал мне столько зла,

что теперь — дай только срок — я заставлю его расплатиться за двоих!»
И он отдал такие распоряжения:

«Ему отрубите и руки, и ноги,
отрежьте и уши, и нос,
Злодею, что дерзко из рук моих вырвал
Ведеху, врага моего!
С костей его срежьте вы мясо, поджарьте,
на вертел потом нанизав
Злодея, что дерзко из рук моих вырвал
Ведеху, врага моего!
Как шкуру, с быка ободрав,
расстилают потом на земле,
Как льва или тигра на колышки
шкуру натянут, когда обдерут,
Так кожу, с него ободрав, расстелите!
Проткну многократно копьем
Злодея, что дерзко из рук моих вырвал
Ведеху, врага моего!»

Услышав это, Великий улыбнулся. «Брахмадатта не знает, — подумал он про себя, — что его царицу и всю его семью я отправил в Митхилу. А ведь в порыве ярости он может пронзить меня стрелой, может сделать все, что взбредет ему на ум. Поражу его горестной вестью — пусть поникнет он на своем слоне, снедаемый сердечной мукой». И он произнес:

«Когда отрубишь руки мне и ноги, уши, нос отрежешь —
Ведеха то же сделает с Панчалачандой.
Когда отрубишь руки мне и ноги, уши, нос отрежешь —
Ведеха то же сделает с Панчалачанди.
Когда отрубишь руки мне и ноги, уши, нос отрежешь —
Ведеха то же сделает с царицей Нандой.
Когда отрубишь руки мне и ноги, уши, нос отрежешь —
Ведеха то же сделает с твоей семьею.
Когда с костей мне срежешь мясо и на вертеле поджаришь,
Ведеха то же сделает с твоей семьею.
Когда с меня сдерешь ты кожу и копьем истычешь,
Ведеха то же сделает с твоей семьею —
Так мы с Ведехою давно договорились.
Как щит, из сотни кож сработанный искусно,
Разящих стрел удар надежно отражает,
Так от Ведехи отвратил я все несчастья,
Как стрелы — щит, твой, о царь, отбил я козни».

Царь, услышав речи Махосадхи, подумал: «О чем это толкует сын простолюдина? Как это может быть, чтобы Ведеха поступил с моей семьей, как я с ним поступлю? Он не знает, что семья моя сейчас под охраной в надежном месте, и в страхе болтает вздор, чтобы оттянуть час расплаты. Я не верю тому, что он говорит». Махосадха догадался, о чем он думает, и сказал: «Пойди взгляни, о махараджа, в тереме твоём пустом нет ни жены, ни матери и ни детей твоих, о кшатрий. Подземным ходом увели давно их в плен к Ведехе».

«Мудрец говорит так уверенно, — подумал царь. — А ведь ночью мне и впрямь послышался близ Ганги голос царицы Панды. Великой мудрости этот человек. Быть может, он и правду говорит». Горесть овладела им, но он сдержался. Не подавая виду, он призвал к себе одного из советников и послал его проверить сказанное мудрецом: «Ступай в мой терем и разведай, он правду молвил или ложь».

Посланец отправился с отрядом в столицу панчалов. Когда он отворил двери внутренних покоев дворца и вошел туда, он обнаружил часовых, связанных по рукам и по ногам, с кляпами во рту, подвешенных на крюки в стенах, а с ними горбунов, карликов и всякую другую челядь. И он увидел, что посуда перебита и разбросана по полу, двери в сокровищницу взломаны и она разграблена вчистую, а двери в опочивальню тоже отворены и по ней гуляют вороны, залетевшие в раскрытые окна, словно это была покинутая жителями деревня или кладбище. Найдя чертог в таком плачевном виде, советник вернулся к царю и доложил: «Все так, о махараджа, как Махосадха сказал: твой терем пуст, деревне брошенной подобен, населенной вороньем».

Царь содрогнулся, сраженный горем, когда узнал, что его родные исчезли. «Эту беду принес мне сын старейшины!» — подумал он, и злоба охватила его, какая овладевает змеей, которую ударили палкой. Видя это по лицу его, Бодхисаттва подумал: «Этот царь избалован славой. Гордость воина может заговорить в нем, и во власти гнева он способен, забыв о родных, нанести мне удар. Напомню ему, как красива царица Нанда, опишу ее так, словно он и не видел ее раньше. Тогда он осознает, что, убив меня, навсегда потеряет это сокровище, и он пощадит меня из любви к жене». Ради безопасности оставаясь на террасе, Махосадха явил из-под красного плаща золотые персты свои и, указывая тот путь, которым ушла царица, так молвил, описывая ее красоту:

«Туда она ушла, о махараджа, та красавица,

Чей строен стан, чей голос будто песня лебедя звучит.

Туда уведена, о махараджа, та красавица

Со смуглою кожей, нарядная, одетая в шелка.

На платье — камни драгоценные и золото,

Уста — цветы, голубки очи, лаком крашена стопа.
У благородной кудри выются, темные и длинные,
Лиане или жертвенному алтарю подобен стан,
У благородной, как у лани, взор — как пламя зимнее,
Она — река, струящаяся между скал и тростников,
Не высока и не низка, густые в меру волосы,
Все у нее прекрасно — бедра, грудь, как тѣмбару плоды».

Так Махосадха описывал ее красоту, и царю показалось, что он никогда раньше ее не видел. И великая любовь пробудилась в нем. То пробуждение любви узрел Великий и произнес: «Значит, рад ты будешь смерти Нанды, о счастливый. Вместе с Нандой я отправлюсь в царство Ямы!»

Великий восхвалял Нанду, а не кого-то другого вот почему: никто не бывает супругу дороже любимой жены. Махосадха помнил и о матери, и о сыне, и о дочери, но восхвалял он жену. Если бы он восхвалил мать, царь подумал бы, что это лишь из почтения к ее возрасту, но когда мудрый Махосадха сладкогласно воспел красоту Нанды, она словно воочию предстала пред царем. «Никто, кроме Махосадхи, не вернет мне мою супругу», — подумал царь, и грусть охватила его. Великий сказал ему: «Не печалься, махараджа. Вернутся к тебе и твоя государыня, и сын твой, и мать. Одно условие тому — отпусти меня с миром. Утешься, о властитель». Так он утешил царя.

А царь думал: «Я так предусмотрителен был, забываясь об охране моего города, а этот городок Упакари я окружил огромным войском, и все же мудрец ухитрился похитить из бдительно охраняемого дворца мою царицу, и сына, и мать и передать их Ведехе! Пока мы этот городок осаждали, он сумел вывести отсюда Ведеху с войском, слонами и конями так, что никто из нас об этом не проведал. Владеет ли он волшебством или как-то иначе умеет отводить глаза людям?» И он спросил: «Или ты волшебству научился? Как ты ловко глаза мне отвел, как из рук моих вырвал Ведеху, врага моего?» На это Великий отвечал: «Я ведаю науку волшебства, махараджа. Мудрые, что постигли ее, вызволяют себя и других из беды в трудный час». И он произнес: «Волшебство, о махараджа, изучают мудрецы, и себя всегда сумеют люди мудрые спасти. Молодцы мне верно служат, что пробить умеют ход, — в Митхилу ушел Ведеха ими созданным путем».

Царь, выслушав эти слова, не мог не догадаться, что беглецы ушли через подземный ход. «Что это за ход?» — подумал он; ему захотелось его увидеть. Махосадха угадал его желание и, готовый его исполнить, пригласил царя: «Пойди взгляни, о махараджа, на подземный этот ход. Просторный, светлый, он построен столь искусно, что им пройдут и пешие, и кони, и слоны, и колесницы. Взгляни же сам на этот ход, махарад-

жа. Моею мудростью он задуман, светел, будто Луна и Солнце восходят в нем, украшен, с восьмьюдесятью большими и шестьюдесятью четырьмя малыми дверями, со ста одной опочивальней и многими сотнями малых комнат. Ступай со мною и мирно вместе с войском войди в город Упакари, государь».

Он приказал открыть ворота, и Брахмадатта вошел в город со ста одним царем в свите. Махосадха спустился с террасы, приветствовал царя панчалов и со всей свитой повел его в подземный ход. Когда царь увидел этот подземный ход, великолепием подобный граду богов, он произнес, восхваляя Бодхисаттву: «Немалая же выгода Ведехе таких, как ты, Махосадха, великих мудрецов иметь в дому!» Тут Махосадха показал ему сто одну опочивальню и двери, которые все открывались и закрывались, когда открывалась или закрывалась одна. Осматривая подземный ход, царь шел впереди, за ним шел мудрец, а следом вошло туда и войско. Когда мудрец увидел, что царь вышел наружу, он нажал на рукоять и закрыл выход, не давая выйти остальным. И тут же восемьдесят больших дверей и шестьдесят четыре малых, и двери ста одной опочивальни, и двери сотен малых комнат — все закрылись разом, и везде стало темно, как в нездешнем мире. И все многочисленное войско объял страх.

А Великий вынул из песка меч, закопанный им накануне, когда он входил в подземный ход. Он прынул на восемнадцать локтей ввысь от земли, опустившись же, схватил царя за руку и, грозя ему мечом, вскричал: «Кто властвует над всею Джамбудвипой? Кому принадлежит власть?» Испуганный, тот отвечал: «Тебе, о мудрый! Пошади меня!» — «Не бойся, махараджа, — сказал тогда Махосадха. — Не для того я поднял меч, чтобы убить тебя, а затем, чтобы ты увидел мою мудрость». Он отдал меч царю и сказал: «Если ты хочешь убить меня, махараджа, убей сейчас этим мечом; если хочешь пощадить, пощади». — «О мудрый, я обещаю тебе пощаду, не тревожься». Царь взял меч, и они заключили честно дружеский союз.

«О пánдит, — сказал Бодхисаттве Брахмадатта, — наделенный такой мудростью, почему ты не захватишь власть в царстве?» — «Махараджа, если бы я захотел, я сегодня же овладел бы царствами всей Джамбудвипы, умертвив их царей, но целью мудреца не может быть захват чужого именина ценою убийства». — «О мудрый, множество людей томится под землей в заточении и не может выбраться наружу. Открой двери подземного хода и верни эти толпы к жизни». Он открыл двери, и весь подземный ход озарился ярким светом. Ободренные, все цари со своими войсками вышли наружу. И они явились пред мудрецом, который вместе с царем Брахмадаттой ожидал их в большом зале.

Цари сказали: «О мудрый, ты даровал нам жизнь. Если бы двери подземного хода еще немного оставались запертыми, мы все бы там умерли». — «Не только ныне, о махараджа, но и раньше приходилось мне спасать ваши жизни». — «Когда же, о мудрый?» — «Вспомните, когда были завоеваны все царства Джамбудвипы, кроме нашего, вы прибыли в город Уттарипанчалу и собрались в парке, чтобы отпраздновать победу. Было ли так?» — «Было, о мудрый». — «Тогда сей царь вместе с Кеваттой замыслил злое дело — он отравил вино и яства, чтобы погубить вас. Проведав об этом, я послал к вам своих людей, дабы не погибли вы злою смертью, они побили посуду и спасли ваши жизни, сорвав этот замысел».

Смутившись духом, цари обратились к Чулани и спросили: «Правда ли это, о махараджа?» — «Да, по совету Кеватты я поступил так. Мудрец сказал правду». Тут все бросились благодарить Махосадху: «О мудрый, ты был нашим спасителем, это твоею заботой мы избежали смерти!» И все они почтили Бодхисаттву богатыми дарами.

Мудрец обратился к Брахмадатте и молвил: «Не печалься, махараджа. Вина твоя в том, что ты избрал себе порочного друга. Проси прощения у царей». Брахмадатта сказал: «Я поступил так, вняв совету дурного человека. Это — моя вина, простите меня. Я никогда так больше не поступлю». Они простили его, сами повинились, в чем было, друг перед другом и пришли в доброе согласие. Царь повелел доставить многие яства, и благовония, и цветы, и прочее, и семь дней они пировали и веселились в подземном ходе.

Затем они вернулись в город Уттарипанчалу и воздали там великие почести Махосадхе. И царь Брахмадатта в окружении ста одного васального царя воссел на большом троне. Желая удержать мудреца при своем дворе, он сказал ему: «Богатство и почет и жалованья вдвое — все дам тебе: ешь, пей и веселись. К Ведехе ты не возвращайся — что тебе он даст?» Но мудрец отклонил его предложение, молвив: «Кто ради денег, махараджа, покинет господина, И на себя, и на другого равно позор накличет. Пока живу, Ведехе одному слугою буду. Кто ради денег, махараджа, покинет господина, И на себя, и на другого равно позор накличет. Пока живет Ведеха, я живу в его владеньях».

Тогда царь ему сказал: «Но обещай хотя бы, о мудрый, что, когда твой царь вознесется в мир богов, ты придешь ко мне». — «Если буду жив, приду, махараджа». И царь семь дней принимал его с великим почетом, а когда настало время расставаться, он предложил ему богатые дары:

«Тысячу монет тебе даю

и восемьдесят сёл в Кашийском царстве

И еще четыреста рабынь даю тебе,

даю еще сто жен.

Войско все свое возьми с собою
и ступай, Махосадха, счастливо!»

Тот отвечал царю: «Ты не тревожся о своей семье, махараджа. Когда мой царь уходил отсюда, я наставил его, чтобы он чтит царицу Нанду, как родную мать, чтобы любил Панчалананду, как брата, а твою дочь я отдал ему в жены, совершив торжественный обряд обручения. Твою мать, жену и сына я скоро верну тебе». — «Хорошо, о мудрый», — молвил царь и попросил его отвезти дочери приданое: рабынь и рабов, платья и украшения, золото червонное и цветное, богато убранных слонов, коней и колесницы и многое другое. «Передай ей это», — сказал он Махосадхе, а затем распорядился и о войске: «Пусть слонов и коней им дадут еще вдвое, колесничих и пеших накормят, напоят в дорогу». С тем он и отпустил мудреца, напутствовав его: «С конями, колесницами, слонами и пехотой ступай, о мудрый, в Митхиле тебя Ведеха встретит».

Так с почетом проводил он мудреца, и его цари — все сто один — воздали почести Махосадхе и богато одарили его. И люди мудреца, некогда к ним подосланные, теперь присоединились к его многочисленной свите, и с нею он пустился в путь. Еще в пути он разослал своих людей собирать подать с тех деревень, что подарил ему царь Чулани. И вскоре он достиг царства Ведехи.

А Сенака расставил караулы по дорогам от границ — уведомить его вовремя, если вторгнется царь Чулани или кто-нибудь другой. Караульный за три йоджаны увидел приближение Великого и примчался в столицу с вестью: «Пандит приближается сюда с большою свитой!» А царь, выглянув в окно с террасы, увидел огромное войско и испугался: «У Махосадхи войска мало, неужели это наступает Чулани?»

И он спросил: «Слоны и кони, колесницы и пехота видятся вдали. Большое войско грозно наступает, что скажете об этом, мудрецы?» Сенака объяснил ему: «Явилась радость нам великая, о махараджа, — Махосадха явился и привел он войско!» Царь возразил: «У мудреца войска было мало, Сенака, а тут, гляди, сколько пришло!» — «Махараджа, должно быть, царь Чулани, довольный им, в знак милости своей дал ему такую свиту». Тогда царь послал по городу глашатаев, объявить с барабанным боем, чтобы улицы были украшены в честь возвращения мудреца. Горожане исполнили это повеление, и мудрец с почетом вступил в город и явился во дворец. Он приветствовал царя, а тот поднялся с трона и обнял его. Воссев опять на троне, он милостиво заговорил с ним и спросил: «Как четверо, что с кладбища ушли, оставив призрак, в Кампили тебя оставив, мы сюда вернулись. Но как же спасся ты? В каком, скажи, обличье, какой уловкою, каким чудесным средством?» Великий ответил: «Я цель свою, Ведеха, цели вражьей противопоставил и замысел свой —

замыслу врага. Как океан объемлет Джамбудвипу, так хитростью со всех сторон врага я обошел!»

Царь рад был слышать это. А Махосадха рассказал ему о дарах, которые он получил от царя Чулани:

«Тысячу монет он дал мне,
также восемьдесят сел в Кашийском царстве
И еще четыреста рабынь мне даровал,
отдал еще сто жен,
Войско наше все он отпустил со мной,
и я вернулся к вам счастливо».

Тогда царь, необычайно довольный и радостный, вдохновенно восхвалил достоинства Великого:

«Великое счастье, о Сенака,
дарует общение с мудрым!
Как птиц, в тесной клетке томящихся,
как рыбу, попавшую в сети.
Так всех нас Махосадха вызволил,
исторг нас из вражьего плена».

Он велел объявить по городу под бой барабанов: «Пусть будет праздник семь дней и всяк, кто мне предан, да окажет почести мудрецу! Пусть звучат литавры, лютни, тамбурины, трубы пусть магадхские поют и барабаны бьют!» А горожане и сельские жители и сами стремились воздать почести мудрецу. Услышав об этом повелении, они повиновались с необычайным рвением.

И матери семейств, и девы юные,
и брахманки, и куртизанки
Для мудреца и яства, и напитки
принесли с охотой.
Погонщики слонов, и стражники,
и колесничие, и пехотинцы
Для мудреца и яства, и напитки
принесли с охотой.
И жители селений, дальних и окрестных,
в городе сойдясь на праздник,
Для мудреца и яства, и напитки
принесли с охотой.
Сошлись приветствовать его
тогда ликующие толпы,
Платками в воздухе махая
и хвалу тысячекратно возглашая.

На исходе торжества Махосадха, придя к царю, сказал: «Махараджа, мать, жену и сына царя Чулани нужно поскорее отослать обратно». —

«Хорошо, сын мой, отошли». И мудрец воздал тем троем подобающие почести и почтил как гостеприимный хозяин их войско, которое пришло с ними. После этого он отправил царскую семью со свитой обратно в сопровождении своих людей. И сто жен, и четыреста рабынь, которых даровал ему царь Брахмадатта, он послал обратно с царицей Нандой, как и чужое войско.

Когда со всею огромной свитой они достигли города Уттарапанчалы, царь Брахмадатта спросил свою мать: «Хорошо ли обращался с вами царь Ведеха, матушка?» — «О чем ты говоришь, сын мой? Он оказывал мне почести, словно некоему божеству». И она рассказала, что с царицей Нандой он обращался как с матерью, а с Панчалачандой — как с младшим братом. Царь был рад услышать это и послал Ведехе богатые дары. И с тех пор оба жили в дружбе и добром согласии.

Панчалачанди мила была и дорога царю Ведехе, и на второй год она родила ему сына. Когда ему пошел десятый год, царь Ведеха скончался. Бодхисаттва, возведя наследника на трон, просил соизволения отбыть к царю Чулани, его деду. «О мудрый, — воззвал в ответ сын Ведехи, — не покидай меня, я еще слишком молод. Будь мне вместо отца». И Панчалачанди сказала: «О мудрый, если ты покинешь нас, кто нас защитит? Не уходи!» Но он ответил: «Я обещал царю и не могу нарушить слово». И он отбыл, взяв с собою слуг, под причитанья несчетных толп народа.

Когда царь услышал, что мудрец направляется в Уттарапанчалу, он вышел его встретить и с великой пышностью ввел его в город. Он отвел ему большой чертог и в придачу к восьмидесяти селениям, пожалованным раньше, даровал другие. И Махосадха стал ему служить.

В то время при дворце кормилась некая отшельница. Звали ее Бхе-ри. Это была мудрая и ученая женщина, но с Великим она не встречалась — только слышала, что есть у царя на службе пандит Махосадха. А царица Нанда затаила зло на Бодхисаттву с той поры, как он ее похитил и разлучил с возлюбленным супругом, отчего, как она считала, пострадала ее честь. Она призвала пять своих наперсниц и поручила им: «Присматривайте за Махосадхой, ищите у него какой-нибудь порок, чтобы подорвать доверие к нему царя». И они стали следить за ним, выполняя ее поручение.

Случилось так, что та отшельница шла из дворца от трапезы и во дворе ей повстречался Бодхисаттва, направлявшийся на службу к царю. Он задержался, приветствуя ее, она же подумала: «Это и есть тот самый пандит! Проверю-ка, так ли он мудр, как говорят». И она сделала рукою знак — раскрыла ладонь, глядя ему в глаза. Немой вопрос ее означал: хорошо ли обходится с ним вдарь, призвавший его к себе из другой страны. Бодхисаттва понял, о чем она спрашивает, и сжал в ответ кулак. Этим он хотел сказать: «Госпожа, я принял приглашение царя, который

взял перед тем с меня слово, но теперь он зажал в кулаке свою щедрость». И она поняла его и провела рукой по голове, что означало: «Если ты недоволен, пандит, отчего бы тебе не уйти, как я, в отшельники?» Великий погладил себя по животу, тем отвечая: «Госпожа, много людей кормится при мне, а потому нельзя мне стать отшельником». После этого немого разговора она отправилась к себе домой, а Бодхисаттва, протившись с нею, вошел во дворец.

Наперсницы Нанды-царицы видели все это из окна. Они пошли к царю и сказали: «Государь, Махосадха с отшельницей Бхери замыслили против тебя недоброе — они хотят отнять у тебя царство». Так они попытались посеять недоверие между царем и мудрецом. «Что вы видели, — спросил царь, — что слышали?» — «Махараджа, идя от трапезы, Бхери повстречала Махосадху и показала ему раскрытую ладонь, будто спрашивала, почему бы ему не прихлопнуть царя, как бьют снопы на току, и не захватить царство. А Махосадха сжал руку в кулак, будто схватился за меч, — мол, через несколько дней он отрубит тебе голову и заберет твоё царство. Она провела рукой по голове — так и сделай, отруби ему голову, — а он показал себе на живот — разрублю, мол, его пополам. Берегись, махараджа! Махосадху нужно казнить!»

Царь подумал: «Не могу я так просто поверить, что мудрец злоумышляет против меня. Не может этого быть. Я допрошу отшельницу». На другой день, во время трапезы, он подошел к ней и спросил: «Госпожа, видела ли ты пандита Махосадху?» — «Да, махараджа, вчера, когда вышла отсюда после трапезы». — «Был ли разговор между вами?» — «Разговора-то не было. Но я много слышала о его мудрости и захотела его испытать. Я ему подала знак рукой, вопрошая: протягивает ли царь ему руку, благосклонен ли и щедр к нему? Он в ответ сжал руку в кулак — мол, царь пригласил его, взяв с него слово, а теперь ничего не дает ему. Я провела рукой по голове — спросила, почему бы ему не удалиться от мира, если он недоволен; он на это погладил себя по животу, разумея, что ему нужно кормить много ртов и в отшельники идти он не может». — «Так что же, мудр Махосадха?» — «Да, махараджа. На всей земле нет ему в мудрости равных».

Выслушав отшельницу, царь отпустил ее. Когда она ушла, явился во дворец мудрец, и царь ему задал вопрос: «Виделся ли ты, о мудрый, с отшельницей Бхери?» — «Да, махараджа, я ее видел вчера, когда она вышла отсюда. Она меня стала расспрашивать знаками, и я знаками ей отвечал». И он рассказал все точно так же, как и она. Царь в милости своей в тот же день возвел его в сан полководца и передал все важные дела в его ведение. И велика была власть мудреца, только власти самого царя она уступала.

И тогда он подумал: «Царь в единый миг вознес меня на вершину могущества. Но цари совершают такое и тогда, когда намереваются погубить человека. Испытаю-ка я, вправду ли он ко мне благосклонен. И не кто иной, как мудрая отшельница Бхери поможет мне в этом, измыслив подходящее средство». Взяв с собою венков, благовоний и прочего, он пошел в ее дом, приветствовал ее с должным почтением и сказал: «Госпожа, с той поры, как ты царю меня похвалила, он засыпал меня дарами и доверил мне великую власть, но вот искренен он или нет, я не знаю. Хорошо, если бы ты как-нибудь попыталась узнать его истинное ко мне отношение». Она согласилась.

На другой день, когда она направлялась во дворец, пришел ей на ум вопрос о Дакараккхе — водяном демоне. Но она подумала: «Не подобает мне действовать хитростью, как соглядатаю. Найду лучше случай задать царю вопрос прямо и постараюсь узнать, как он относится к мудрецу». Она пришла во дворец и после трапезы села в собрании. Царь, приветствовав ее, сел неподалеку. «Если царь не благоволит к мудрецу, — подумала она, — нехорошо заставляя его высказать это на людях. Мне надлежит задать ему вопрос наедине». И она сказала: «Махараджа, я хочу говорить с тобою с глазу на глаз». Царь отослал своих приближенных. Тогда она сказала: «Я хочу задать тебе вопрос, махараджа». — «Спрашивай, госпожа. Я тебе отвечу, если смогу». И она прочитала первый стих Вопросы о Дакараккхе:

«Если всемером на корабле
вы по опасному плывете морю,
И захватит демон ваш корабль,
и жертву требовать себе он станет,
То в каком порядке принесешь ты
жертвы, чтоб спастись от Дакараккхи?»

На это царь ответил откровенно, произнеся такой стих:

«Первою мать принесу,
а за нею — жену, третьим — брата,
Друга четвертым отдам,
пятым брахмана демону выдам,
Сам же отдамся шестым —
не отдам я Махосадху только».

Так отшельница убедилась в добром расположении царя к Махосадху, но она не знала еще, какие он в нем ценит достоинства, и тогда она придумала вот что: «Заговорю-ка я в многолюдном собрании о достоинствах остальных, а царь скажет тогда об их пороках и отличит достоинства мудреца, так что они заблестят перед всеми, как месяц на небе».

И однажды она собрала всех, кто обитал во внутренних покоях дворца, и задала при них царю тот же вопрос, и он ответил ей, как и прежде.

Тогда отшельница молвила: «Махараджа, ты сказал, что первой принесешь в жертву мать. Но ведь велики достоинства матери, а твоя мать — выше других и много для тебя сделала». И она восхваляла ее достоинства в таких словах:

«Она тебя вскормила, доброй матерью она была.

Когда же Чхамбхин погубить хотел тебя, ее дитя,

Она тебя спасла от смерти, хитроумно подменив.

Ведь жизнь она тебе дала, во чреве выносив тебя, —

За что же мать свою ты Водяному Демону отдашь?»

А надо сказать, что мать Чулани, когда тот был еще маленьким, изменила его отцу Махачулани с главным жрецом. Она отравила царя и довела на трон своего любовника, брахмана Чхамбхина, сделав его своим мужем. Как-то раз мальчик попросил есть, и мать дала ему сладкой патоки. Мухи стали одолевать его, и, чтобы избавиться от них, он дал патоке частью стечь на пол. Мухи облепили патоку на полу, мальчик же доел сладкое, вымыл руки, прополоскал рот и удалился. Это видел брахман, и он подумал: «Если сейчас он сумел так хитро избавиться от мух, он наверняка отнимет у меня царство, когда подрастет. Нужно немедленно убить его». Он сказал об этом царице Талате, и она отвечала: «Хорошо, государь. Если ради тебя я умертвила мужа, неужели я пожалею этого мальчишку? Но не нужно посвящать в это дело много людей, убьем его тайно». Так она успокоила брахмана, а сама, хитроумная, придумала, как спасти сына.

Она послала за своим поваром и сказала ему: «Друг мой, царевич Чулани, мой сын, и твой сын, юный Дханусекха, родились в один день. Брахман Чхамбхин хочет убить моего сына, помоги мне спасти его!» — «Хорошо, государыня, — отвечал тот, — скажи, что я должен сделать». — «Пусть мой сын часто бывает у тебя в доме. Оставляйте его ночевать с собой вместе на кухне, чтобы не было потом подозрений. Выбери день, навали на ложе кучу бараньих костей и в час, когда все отойдут ко сну, подожги кухню, а сам имеете с обоими сыновьями, моим и своим, беги в чужую страну, но так, чтобы никто не узнал. Сохрани жизнь моего сына и не говори никому, что он царевич».

Повар обещал все исполнить, и она отдала ему свои драгоценности. Он сделал все, как было сказано, и вместе с мальчиками бежал в царство Мадра, в город Сагалу, где поступил на службу к царю — тот уволил своего прежнего повара и взял этого на его место.

Оба мальчика часто приходили с ним во дворец. Однажды царь увидел их и спросил, чьи они сыновья. «Это мои сыновья», — отвечал повар. «Но они не похожи на братьев». — «У них разные матери, государь», — сказал повар. Прошло еще некоторое время, и мальчики стали часто играть во дворце с дочерью царя Мадры. Они подросли, и, проводя много

времени вместе, Чулани и царевна полюбили друг друга. В зале для игр царевич нередко заставлял царевну приносить ему мяч или кости; если она отказывалась, он ее бил порою до слез. Однажды царь услышал, что она плачет, и послал нянек узнать, кто повинен в этом. Царевна подумала, что ее отец накажет Чулани, если она пожалуется, и из любви к нему на расспросы отвечала, что ее никто не бил.

Но однажды царь сам увидел, как он ударил ее. Он подумал: «Этот юноша не похож на повара. Он красив, статен и не ведает страха. Он не может быть его сыном». С этих пор он стал изъяслять Чулани свое благоволение. Няньки имели обычай приносить царевне еду в зал для игр, и она угощала там сверстников, а те при этом становились перед ней на колени. Один Чулани лишь протягивал за едой руку, не прекращая игры. И это тоже заметил царь.

Однажды мяч Чулани подкатился под царское ложе. Мальчик из гордости не стал склоняться перед ложем чужого царя и достал мячик палкой. Когда царь такое увидел, он уверился окончательно, что перед ним не сын повара. Он послал за поваром и спросил: «Чьи это сыновья?» — «Мои, государь». — «Я сам знаю, кто из зимних — твой сын, а кто нет. Скажи правду, иначе расстанешься с жизнью!» — вскричал царь и обнажил меч. Повар, испуганный до смерти, взмолился: «Государь, я отвечаю тебе, только сохрани это в тайне!» Царь обещал ему это, и он, выговорив себе прощение, рассказал, как все было, по правде. И царь торжественно отдал дочь в жены царевичу Чулани.

А в городе Уттарпанчале в день их бегства разнеслась весть: «Повар сгорел в своем доме вместе с сыном и царевичем Чулани!» Царица Талата, услышав это, сказала брахману, что его желание исполнилось — все трое сгорели на кухне. Тот был очень доволен, когда царица Талата показала ему обгоревшие бараньи кости и сказала, что это кости царевича Чулани. Потом она их сожгла.

Теперь же царь Чулани так ответил отшельнице: «Госпожа, у моей матери много достоинств, и я признаю, что она много для меня сделала, но у меня все же достоинств больше». И он поведал о пороках своей матери:

«В годы юные, бывало,
наряжалась слишком пышно,
И бывало, что дразнила
и привратников, и стражей,
К государям, нам враждебным,
письма слала своевольно —
Вот за эти-то пороки
мать отдам я Дакарракхе».

«Пусть у матери своей, махараджа, ты находишь такие пороки, но жена-то твоя — достойная женщина», — молвила отшельница и так продолжала:

«Из женщин лучшая, сладкоречивая, она добра
И предана тебе она безмерно, льнет к тебе, как тень,
Безгневна, добродетельна, поистине умна —
За что жену свою ты Водяному Демону отдашь?»

Он же поведал о ее пороках:

«Красотой своей прельстив,
она ко злу меня склонила,
Сыновьям своим подарки
свыше меры вымогала.
Ей несметные богатства
я уже отдал, влюбленный,
И раскаялся жестоко
в необдуманных дареньях.
Вот жену за те пороки
и отдам я Дакарракхе».

Отшельница тогда сказала: «Ну пусть жена твоя так порочна, но младший брат твой, царевич Тикхинамантин, сделал тебе много доброго. Его-то ты за что отдашь?»

Немало доброго он сделал для страны и для тебя,
Корысти чужд остался и с чужбины он тебя вернул,
Тикхинамантин, лучник несравненный, доблестный герой.
За что ж ты брата в жертву Водяному Демону отдашь?»

А Тикхинамантин родился, когда его мать уже стала женой брахмана. Когда он возмужал, брахман вложил ему в руку меч и повелел служить себе. Считая брахмана своим отцом, царевич повиновался. Но кто-то из придворных раскрыл ему правду: что не сын он брахману и что мать его, когда он еще был у нее во чреве, убила его отца и возвела этого человека на трон. «Ты — сын царя Махачулани», — сказали ему. Гнев охватил царевича, и он решил найти средство убить брахмана.

Однажды, когда он направлялся во дворец, он дал свой меч слуге, а другому наказал затеять с первым ссору из-за этого меча у ворот дворца. Услышав крики у ворот, царевич послал узнать, что там за шум, посланный вернулся и сообщил, что двое слуг оспаривают друг у друга меч. Брахман услышал об этом и спросил, о каком мече идет речь. «О том, что ты мне дал, — отвечал царевич. — Разве он чужой?» — «Да что ты говоришь, сын мой!» — «Если я пошлю за ним, ты его узнаешь?» — и царевич велел подать меч. Когда меч принесли, царевич вытащил его из ножен, подошел вплотную к брахману, словно для того, чтобы показать

ему меч, и, молвив: «Взгляни!» — одним ударом снес ему голову, и она упала к его ногам.

Тикхинамантин освятил дворец, украсил город, и его помазали на царство. Тогда мать рассказала ему, что его брат Чулани живет в изгнании в царстве Мадра. Он отправился туда с войском, привел брата домой и отдал ему царство.

Но царь далее поведал о пороках:

«Он теперь и возгордился:

сколько, мол, добра я сделал,

И на власть я не польстился,

брата, мол, вернул с чужбины,

Я-де — лучник несравненный,

я — герой Тикхинамантин!

Госпожа, служить, как раньше,

мне уже он не желает!

За пороки эти брата

и отдам я Дакарракхе».

«Ну, пусть у брата твоего такие пороки, — сказала отшельница. — Но Дханусекха Кумара тебе так предан и так много сделал для тебя», — и она молвила так:

«Ты с Дханусекхой, государь, в один родился день,

Панчалы оба родом вы, соратники, друзья.

И в радости, и в горе он тебя не покидал,

Служить тебе готовый неустанно день и ночь.

За что ж ты друга Водяному Демону отдашь?»

Царь же рассказал о его пороках:

«Госпожа, всю жизнь терплю я

от его насмешек дерзких.

И не дале, как сегодня,

он посмел шутить со мною.

Стоит мне уединиться,

чтоб поговорить, с женою —

Он является незванный

и вторгается в беседу.

Дай ему потачку только —

изведет своим бесстыдством.

За пороки эти друга

и отдам я Дакарракхе».

«Хорошо, пусть у этого такие пороки, — сказала отшельница, — но жрец твой сделал тебе немало доброго.

Ученый, все приметы и знаменья знает хорошо,

Определяет время путешествий и толкует сны,

И ведает расположение звезд и знаки на земле —
За что же брахмана ты Водяному Демону отдашь?»
Царь нашел и у него пороки:

«Госпожа, он при народе
на меня глаза тарашит —

Потому глупца-кривляку
и отдам я Дакарракхе».

Тогда сказала ему отшельница: «Махараджа, ты готов отдать Водяному Демону всех пятерых, начиная с матери. Но как при своей славе и могуществе готов ты отдать и собственную жизнь за пандита Махосадху? Какие ты видишь в нем достоинства?

Царишь ты гордо на земле,
морями опоясанной,

Оградой служит океан
земным твоим владениям.

Обширную империей
ты правишь твердою рукой,

Овеян громкой славою,
единый властелин земли.

Твои — шестнадцать тысяч жен
в шелках и драгоценностях;

Красавицы из разных стран,
небесным девам равные.

Все воплотив желания,
ни в чем не ведая нужды,

Счастливую и долгую
прожил ты жизнь, о государь.

Так в чем же дело, объясни,
что может быть причиною

Тому, что ради мудреца
собой ты рад пожертвовать?»

Выслушав ее речь, он поведал о достоинствах мудреца:

«Госпожа, с тех пор как служит
мне Махосадха почтенный,

Я не знаю, чтобы мудрый
в чем-либо хоть раз ошибся.

Если раньше я скончаюсь,
прочно завоюет счастье

Друг Махосадха премудрый
сыновьям моим и внукам.

Что минуло и что будет —
все он знает, все он видит, —

Нет, такого человека

не отдам я Дакараккхе!»

Так подошла к подобающему концу эта повесть о прошлом рождении. Отшельница подумала: «Этого еще недостаточно, чтобы прославить достоинства мудреца. Я объявлю о них жителям города, и молва о них распространится, как растекается благовонное масло по поверхности моря, когда его проливают на волны». И вместе с царем она сошла с террасы и вышла во двор. Она велела поставить там для царя сиденье и, когда он сел, собрала вокруг народ. И снова она задала царю Вопрос о Водяном Демоне. Он повторил все, что сказал раньше, и она обратилась к горожанам с такими словами:

«Панчалы, слушайте же все,

что Чулани поведал нам —

Что ради мудреца готов

собою он пожертвовать.

Мать и жену, и брата он,

и друга он, и брахмана,

И даже самого себя

скорее в жертву принесет!

Так мудрость всемогущая

дарует и величие,

И в этом мире благодать,

и благо в мире будущем».

Так превознесла она достоинства Великого, словно увенчала великолепной островерхой башнею кровлю драгоценного дворца».

Учитель, закончив это наставление в дхарме, молвил: «Итак, монахи, не только теперь, но и в прошлом был мудр Татхагата». И в заключение он так связал перерождения: «Бхери была Уппалавάνна, отцом был Шуддхóдана, матерью — Махамая, Амарою была красавица Бимба. Попугаем был Ананда, Шарипутра был царем Чóлани, Махосадхой был властелин мира — так это и запомните. Кеваттою был Девадатта, Талатой — Чулланандика, Панчалачанди — то была Сóндари, царицей была Ясáссика, Амбаттха был Кавиндой, Поттхапада — Пуккусой, Пилотика — Девиндой, Сенакой же — Саччака. Царицей Удумбарой была Диттхамáнгалика, майною — Кóндали, Ведехой был Лалудайи». ⁹²

⁹² Здесь персонажи джатаки отождествлены с современниками Будды. Некоторые из последних малоизвестны. Заслуживают разъяснения Шуддхóдана — отец Будды и Махамая — его мать. Лалудайи — горе-монах, совершивший много смешных и постыдных проступков под влиянием плотских страстей.

ПАЛИЙСКИЕ НАЗВАНИЯ ДЖАТАК
(в порядке расположения в данном издании)

Дхаммадевапутта-джатака 457	Какма-джатака 467
Кхантывади-джатака 313	Махаканха-джатака 469
Четия-джатака 422	Махападума-джатака 472
Бхаддасала-джатака 465	Амба-джатака 474
Сила-вимамса-джатака 330	Махамора-джатака 491
Урага-джатака 354	Матанга-джатака 497
Видджадхара-джатака 391	Сиви-джатака 499
Парантапа-джатака 416	Бхаллатия-джатака 504
Суласа-джатака 419	Чхаддантаджатака 514
Падакусаламанава-джатака 432	Махакапи-джатака 516
Ломасакасспа-джатака 433	Гандхатиндука-джатака 520
Самугга-джатака 436	Куса-джатака 531
Нигродха-джатака 445	Махасутасома-джатака 537
Таккала-джатака 446	Ними-джатака 541
Маттхакундали-джатака 449	Маханарадакассапа-джатака 544
Самвара-джатака 462	Махауммагга-джатака 546
Бхаддасала-джатака 465	

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания к сборнику двойки: 1) алфавитный глоссарий, куда вошли постоянно упоминаемые в джатаках специфически буддийские и общеиндийские понятия, непередаваемые термины, собственные имена исторических лиц и мифических персонажей и топонимы, и 2) постраничные пояснения к отдельным частным эпизодам, требующим историко-культурного или реального толкования. Особой оговорки заслуживает используемый в книге способ транскрипции непередаваемых слов, имен и названий, для которых существуют две манеры передачи. Согласно одной, принятой, в частности, в английской буддологической литературе, транскрипция таких слов точно воспроизводит их *палийское* звучание. В России ей следует Б. А. Захарьин (см. Джатаки. М.: ИХЛ, 1979; имеется позднейшее переиздание).

В данной книге предпочтение было отдано другой манере: все сколько-нибудь распространенные слова, имена и названия давать в транскрипции, отражающей *санскритское* произношение, в ряде случаев заметно отличное от палийского. Такая транскрипция господствует в современной Индии, поскольку именно санскритские формы большинства древних слов и названий возрождаются в государственном языке страны — хинди. Эти формы помогают вписать излагаемые в сборнике сюжеты в общеиндийский культурный и литературный контекст, совместив их с реальным историческим либо мифологическим фоном, и именно они использовались в советских и российских антологиях, совмещающих палийские и санскритские памятники. Эта транскрипция помогает и соотносению сюжетов джатак с аналогичными сюжетами индийской мифологии или древнего эпоса, ставшими доступными нашему читателю благодаря таким популярным изданиям, как «Три великих сказания древней Индии» (М., Наука, 1978 и позднейшие переиздания), «Мифы древней Индии» (М. Наука, 1975, и ряд позднейших переизданий) и энциклопедии «Мифы народов мира» (В 2-х т. М.: СЭ, 1980–1982), которые можно рекомендовать в качестве источников информации, дополняющих предлагаемые ниже примечания.

Палийское звучание было сохранено лишь для имен и топонимов, неизвестных за пределами джатак. В палийской же форме даны и те весьма немногочисленные слова, которые приобрели в пали новые оттенки смысла, чуждые санскриту или редкие в нем (например, тхера, яккха, яккхيني).

АЛФАВИТНЫЙ ГЛОССАРИЙ

Аджаташатру (пали *Аджатасатту*) — царь государства Магадхи, младший современник Шакьямуни. По наущению злокозненного Девадатты, двоюродного брата Будды, убил своего отца Бимбисару, чтобы прийти к власти. Назван так потому, что еще до его рождения (*аджата*) выяснилось, что он станет врагом (*шатру*) своему отцу.

Адживик — представитель древнеиндийской духовной традиции адживика, исповедовавшей крайний детерминизм и проповедовавшей аскетизм. Это учение в свое время являлось идеологическим конкурентом буддизма и критиковалось им.

Ады — Представление об адах в буддизме отличается от западного прежде всего тем, что пребывание в аду невечно, как и любое иное существование, хотя и длится по земным меркам неимоверно долго. Длительность адских мук зависит от того, в каком из многочисленных адов очутился грешник. Насчитывают восемь знойных адов, до десяти студёных и ряд дополнительных. Низший и страшнейший из знойных — ад Неzybь (пали *Авичи*), само название которого намекает на неизбывность, незыблемость претерпеваемых там мук. В одном из студёных адов, Лотосовом, родился из-за своего злоречия монах Кокалика (см. «Джатаку о дурном языке»). Живописание древними индийцами терзаний в аду существенно не отличается от западных визионерских картин.

Алавака — *яккха* (см.), живший в урочище Алави. После беседы с Шакьямуни принял его учение и отправился в странствие, дабы повсюду прославить Учителя.

Анаватапта, буквально «Приснохладное» — озеро в Тибете, из которого берет начало река Сатледж; совр. Манасаровар.

Ананда — двоюродный брат Шакьямуни, принявший буддийское монашество. Постоянно находясь рядом с Буддой и обладая феноменальной памятью, запомнил множество бесед Будды с учениками и любопытствующими; поскольку в этих беседах излагается буддийское учение, то есть главное богатство общины, Ананда метафорически именует-

ся «казначеем». В рассказах о прошлом Ананде в былых существованиях приписывается обычно роль человека благонравного, но отнюдь не лидера по натуре, а потому склонного поддаваться чужим влияниям, хотя при необходимости быстро исправляющегося.

Анатхапіндада (почетное прозвание, букв. «податель милостыни сиротам») — прославленный богатый купец в Шравастии, покровитель буддийской общины и современник Будды Шакьямуни.

Анируддха — видный сподвижник Будды, один из восьмидесяти великих тхер. Выделялся своей проницательностью, «внутренним видением». Эта же способность подчеркивается в сопоставляемом с ним в рассказах о прошлом персонажем.

Анкола — дерево *Alangium Hexapetalum* с красивыми цветами.

Апсары — небесные девы, танцовщицы и куртизанки в свите Индры на горе Сумеру. С апсарами обычно сравнивают земных красавиц. По общеиндийским мифологическим представлениям, Индра нередко посылает апсар соблазнять слишком ревностных подвижников, если аскеза тех своею суровостью бросает вызов престолу богов.

Арий, арии — первоначально самоназвание группы пастушеских племен, говоривших на индоевропейском диалекте и вторгшихся в Индию во втором тыс. до н. э. Впоследствии, когда они стали ядром формирования древнеиндийского общества и цивилизации, это слово стало означать принадлежность к одной из трех «варн» (сословий), члены которых проходили посвящение и становились после него «дваждырожденными», а равно и «господами». По преимуществу, термин применялся для обозначения *брахманов* (см.) и *кшатриев* (см.); *вайшьи* (см.) же обозначались им реже. Наконец, Будда Шакьямуни переосмыслил слово еще раз. В его устах «арий», противопоставляемый теперь «обывателю», — это человек, изменивший себя в должном направлении, то есть находящийся на пути к тому, чтобы стать полным *господином самого себя* и тем самым окончательно избавиться от круговорота рождений и смертей.

Арийские положения — мировоззренческие ориентиры, предложенные Готамой Шакьямуни Буддой своим последователям в первой произнесенной им проповеди. Они таковы. Если принять в качестве высшей цели и ценности достижение принципиального иного и высшего состояния сознания, то есть пробуждения, то в видах такой цели уместно будет 1) считать всякое обычное существование неудовлетворительным: тягостное — своей тягостью, счастливое — тем, что оно не навечно; 2) причину этого положения дел усматривать в ненасытных эгоцентрических желаниях; 3) иметь в виду, что эти желания могут быть навсегда погашены, а с ними исчезнет и неудовлетворительность; 4) осваивать метод погашения их, именуемый арийским восьмичленным

путем. Человек, понявший эти «положения» не абстрактно, а как свои личные ориентиры существования, становится арием, делает первый существенный шаг по предложенному Буддой пути.

Ариштан́ра — столица племенного объединения Шиби на территории современного Непала.

Арха́т — человек, успешно и полностью освоивший «арийский путь» и просветливший, т. е. преодолевший, все инстинктивные программы (например, алчность, половую страсть, агрессивность и пр.) и стремление к дальнейшему существованию; святой. Архат пребывает в прижизненной нирване (этих программ), а после смерти обретает «окончательную нирвану», т. е. нирвану тела.

Асуры — аналогичные титанам греческой мифологии извечные соперники богов.

Ачиравати — река, на которой стоит город Шравасты, столица Кошалы.

Ашока (пали *асока*) — вечнозелёное дерево, цветущее оранжево-красными цветами,

Безвозвратность. — См. *Плод*.

Безмерные добродетели — обращаемые на все существа мира (в чем и заключается безмерность) четыре благих чувства: 1) любовь как дружелюбие, т. е. искреннее и действенное пожелание всем счастья; 2) милосердие, или деятельное сочувствие чужому несчастью; 3) сорадование — радость от чужого счастья и преуспевания и 4) неколебимое беспристрастие. Упражнение в этих добродетелях, называемых еще «брахманскими состояниями», позволяет после смерти возродиться на небесах Брахмы. В махаянском буддизме эта четверка благих чувств культивируется для зарождения духовной устремленности к высшему пробуждению.

Бетель — растение, листья которого употребляются в Индии для жевания и освежения рта.

Бильва — напоминающее яблоню дикое плодовое дерево.

Бимбиса́ра — современник и мирской последователь Будды, царь Магадхи, злодейски убитый по приказу своего сына Аджаташатру.

Благого Закона божественный чертог (Судхарма) — дворец Индры и «Тридцати Трех богов» на вершине горы Сумеру.

Блаженный (санскр. *Бхагаван*) — эпитет Будды, чаще других употребляемый его последователями. Он означает, что Будда обрел благо сам и помогает обрести его другим. В индуизме же это слово означает «Господь» и употребляется как эпитет бога Вишну.

Боги (небожители) — долговечные, могущественные и счастливые, хотя и смертные существа, обитающие на небесах, а иногда и на

земле (земные боги, т. е. собственно духи низшей мифологии). В буддийских традиционных представлениях различается более двух десятков божественных чинов, сопоставимых с небесной иерархией христианского богословия. Ближе всего к земле людей обитают «боги-властители сторон света». Они населяют горные хребты, окружающие вселенскую гору Сумеру, и делятся на четыре группы, каждая со своим царем, властвующим над одной из сторон света. Выше их, на вершине Сумеры, расположена обитель «Тридцати Трех богов» по главе с Шакрой (Индрой). Над горой Сумеру находятся еще четыре уровня небес, среди которых выделяется уровень богов, «использующих плоды чужих творений». На нем обитает Мара, великий искушитель, подобный Люциферу Запада. Обитатели этих горных миров имеют те же органы чувств, что и люди. Выше располагаются семнадцать уровней небес мира «чистого образа». Населяющие их боги имеют тело видимое и слышимое, но неосознаваемое, и подобны образу, отделенному от материального носителя. Боги этого мира близко напоминают ангельские чины западной мифологии. Из них чаще других употребляются в джатаках «Великие Брахмы». Так, «Великим Брахмой» стал после смерти бывший учитель монаха Кокалики (см. «Джатаку о дурном языке»). В небесной иерархии заметно отражение земной: если боги мира желаний — цари, то есть как бы небесные кшатрии, то выше их, в сфере чистого образа, находятся небесные жрецы, брахманы. Завершают небесную иерархию уровни «безобразных богов», которые, будучи вполне нематериальными, не имеют и определенного местопребывания. Буддийское учение в целом принимало общеиндийскую мифологическую картину, однако боги в буддизме оказываются уже не особыми существами, не богами по природе; они превращаются в должности. Скажем, для древней ведийской религии Индра — это индивидуальное божество, а Шакра для буддиста — чин предводителя богов, который доступен любому и обретается за определенные земные заслуги.

Бодхисаттва (пали *Бодхисатта*) — индивидуум (человек, небожитель или животное), давший в одном из своих прежних существований искренний обет стать Буддой ради всех живых, то есть не только достичь высшей духовной зрелости самому, но и обрести также способность давать любому, кто бы к нему ни обратился, те знания и методы саморазвития, которые тому по его задаткам более всего подходят. Путь Бодхисаттвы к пробуждению длится несчислимые века (по некоторым выкладкам, $3 \cdot 10^{140}$ лет) и заключается в развитии десяти великих заповедных добродетелей (парамит): щедрости, нравственности, терпения, энергичности, мудрости и др. Бодхисаттва — неизменный персонаж джатак.

Брахма — небесный обитатель одного из уровней «мира чистого образа». *Небеса Брахмы* — три низших уровня этого мира.

Брахмадатта — имя царя города Варанаси (букв. *данный богом Брахмой*). Такое имя имеет черты титула, что связано с особой ролью Варанаси как общендийского религиозного центра.

Брáхман — представитель высшего жреческого сословия в древней Индии. Прямым занятием брахманов было изучению *вед* (см.) и отправле- ние обрядов. Но материалы джатак показывают, что такой образ жизни, считавшийся самым почетным, был все же отнюдь не единственным. Среди брахманов встречались, и торговцы, и земледельцы, и даже раз- бойники. Буддийская традиция не признавала брахманских претензий на исключительность, ср. «Джатаку о мудреце-чандале».

Бхáдраджит — монах, один из видных сподвижников Будды.

Бхарадвáджа — именитый брахманский род древности; выходец из этого рода.

Бхенáката — область в древней Индии; с современными топо- нимами не отождествляется.

Бхуридатта — Бодхисаттва, главный герой джатаки № 543.

Вриджи — древнеиндийское племенное объединение, образовавшее аристократическую республику.

Ваджапéя — в ведийском ритуале сложное и дорогостоящее жерт- воприношение. Совершается царем, стремящимся к верховной власти над всею Индией. Для обряда ваджапея требуется заклание многих жи- вотных.

Вайджáянта — колесница Шакры.

Вайрóчана (букв. *Сияющий во все стороны*) — атрибут Индры, принадлежащий ему драгоценный самоцвет.

Вайтáрани — в индийской мифологии река мертвых, подобная ан- тичному Стиксу. Вода в ней разъедает тело, а берега и дно усеяны же- лезными шипами, стрелами, колючками и пр.

Вайшáли — крупный город древней Индии на реке Гандаке.

Вайшрáвана, или Кубера, — бог богатства и покровитель яккхов — леших, демонов-людоедов и пр.

Вайшья — древнеиндийское сословие купцов и земледельцев; выхо- дец из этого сословия.

Варáнаси — столица древнего царства Каши, религиозный центр Индии, поныне существующий под тем же названием.

Вáсава — одно из имен Шакры.

Ватса — область, населенная одноименным народом, со столицей в Каушамби.

Вая — бог ветра.

Веданги (букв. члены тела вед) — предметы традиционной брахманской образованности, необходимые для понимания вед и правильного отправления ритуалов. Насчитывают шесть веданг: фонетика, просодика, грамматика, астрология, этимология, ритуалистика.

Ведеха — государь страны Видехи.

Веды — древнеиндийские священные тексты, знание которых веками передавалось изустно в среде брахманов. Буддизм относится к ведам без всякого пиетета, ибо освоению «арийского восьмичленного пути» они не помогают.

Великий — как эпитет Бодхисаттвы употребляется преимущественно в случаях, когда есть основания подчеркнуть возвышенность поступков или помыслов его.

Великий Кашьяпа — один из ближайших учеников Будды. Постоянный эпитет «великий», данный за его почтенный возраст, отличает его от других учеников, также носивших это распространенное имя. Великого Кашьяпу отличала крайняя непритязательность и небрезгливость. Эти черты заметны и в историях о прошлых его существованиях.

Ветра — вид высокого тростника, *Calamus fasciculatus*.

Ветравати (букв. поросшая тростником ветра) — река, современная Бетва.

Видеха — государство в древней Индии на территории совр. северного Бихара.

Видьядхари (букв. ведуны) — человекоподобные существа, населяющие воздушное пространство. Связаны с богом ветра.

Вина — струнный музыкальный инструмент с двумя резонаторами.

Вишакха — знаменитая мирская последовательница Будды.

Вишвакарман (букв. Вседелатель) — божественный ремесленник и зодчий.

Вишвамитра — легендарный подвижник древности. Родом кшатрий, смог аскезой добиться звания «провидца-брахмана».

Возвращение единожды. — См. *Плод*.

Вритра — демон, убитый Шакрой (Индрой). Победа над Вритрой — главный подвиг Индры согласно ведам, но в джатаках об этом едва помнится.

Вселенная — по буддийским представлениям, ограничена в размерах. В центре ее находится гора Сумеру (Меру). Ее окружают семь горных поясов, за которыми начинается океан. В океане четыре материка и множество островов. На южном материке, Джамбудвипе, расположена Индия и сопредельные страны. Остальные материки с реальной географией соотносимы с натяжками или вовсе не соотносимы. Под уровнем земли находится обитель змиев — нагов, а еще ниже — ады. На вершине

Меру живут боги сонма Тридцати Трех, над нею — следующие уровни богов мира желаний и чистого образа. Обитатели вселенной весьма многообразны, но главные разряды их — боги, люди, несчастные голодные духи (преты), животные и адские мученики.

Всепробужденный. — См. *Истинновсепробужденный*.

Гавьюта — мера длины, $\frac{1}{4}$ йоджаны, то есть 3–4 км.

Гандхамáдана — гора в области Гархвал в Гималаях.

Гандхарвы — полубоги, музыканты богов. Изображаются иногда антропоморфными, с удлинёнными пропорциями существами в полете, порой с крыльями и птичьими лицами. Иногда слово означает просто «музыкант».

Гая — гора недалеко от города Гая в современном Бихаре, место паломничества.

Гвоздичное дерево — дерево *Eugenia jambolana* со съедобными плодами.

Готама — родовое имя Будды Шакьямуни; после Пробуждения Будду называют Готамой лишь небуддисты.

Дарбха — вид камыша, *Saccharum cylindricum*.

Дашарна — одна из областей в центральной части северной Индии.

Девадатта — родственник Будды, сначала принявший буддийское монашество, но затем из гордости и властолюбия изменивший Учителю. Девадатта занимал видное место в буддийской общине. Он не выдержал искушения успехом и дерзнул сам сделаться главой сангхи. В джатаках Девадатта неизменно выступает соперником и противоборцем Бодхисаттвы, иногда терпя поражение, а порой добиваясь своей цели (ср. «*Джатаку о бодхисаттве- великомученике*»).

Десятисильный — эпитет Будды. К числу десяти сил принадлежат, например: мастерское владение всеми методами йоги; знание душевного склада и наклонностей существ, с коими он имеет дело; знание своих и чужих прошлых рождений; знание того, кто в каком мире родится после смерти, и т. д.

Джамадагни — легендарный провидец древности.

Джамбудвипа (букв. *материк гвоздичного дерева*) — южный из четырех материков в традиционной буддийской географии. На нем находится Индия. В тексте джатак фактически — круг земель, близко известных древним индийцам, Индия и сопредельные страны.

Джеты роца — роца в Шравастии, купленная *Анатхапиндадой* (см.) у царевича Джеты и преподнесенная им в дар буддийской общине. В ней был основан первый крупный буддийский монастырь, в котором Будда прожил 18 лет.

Добродетели (их насчитывают десять), или следование заповедям. — См. в тексте «Джатаки о споре Правды с Кривдой».

Домохозяин — глава семьи, принадлежащий к сословию *вайшьев* (см.).

Драгоценности, семь драгоценностей — золото, серебро, жемчуг, драгоценные самоцветы, камень берилл, алмаз, коралл.

Дхава — куст *Grislea tomentosa*.

Дхаммапада — одно из популярнейших произведений буддийской литературы, дошедшее в многочисленных изводах на разных языках. Палийская редакция Дхаммапады включает более 400 приписываемых Будде стихотворных строф.

Дхарма (пали *дхамма*) — то, на чем стоит жизнь человека или общества, то есть мораль, долг, религия, учение о смысле жизни, благо, правда и пр. В более узком смысле — учение Будды и содержание его.

Дхритараштра — имя знаменитого царя древности, одного из героев «Махабхараты».

Заповеди — 1. Пять заповедей — отказ от убийства, воровства, прелюбодеяния, опьянения и лжи. 2. Десять заповедей. — См. *Добродетели*.

Индра — царь обитающего на вершине горы Сумеру сообщества «Трицати Трех богов», он же *Шакра*.

Индрапаттана — столица царства Куру. Возможно, тождественна с Индрапрастхой древнеиндийского эпоса.

Истинновсепробуждённый — титул Будды, означающий, что он навсегда обрел способность понимать всё, устранил бессознательное и умеет в общении и проповеди соотносываться с душевным складом любого существа во вселенной.

Йоджана — мера расстояния, по разным источникам от 10 до 16 км.

Кайласа — одна из высочайших гор Каракорума, покрытая снегами. Почитается индийскими и тибетскими буддистами.

Кальпа — эпоха от возникновения до разрушения Вселенной, длящаяся многие миллионы лет.

Кампилья — город на берегу Ганги, к востоку от Матхуры, центр одноименной области.

Канавера — олеандр. Гирлянду из красных цветов канаверы надевали на шею смертнику, когда вели его к лобному месту.

Капилавасту — город в древней Индии, столица аристократической республики клана шакьев в верховьях реки Рапти.

Капйттха — тропическое дерево *Feronia elephantum* с крупными съедобными плодами.

Карттика — месяц индийского календаря, соответствующий концу октября и началу ноября.

Каршáпана — основная денежная единица древней Индии.

Каушамби — древний город на реке Ямуне несколько выше современного Аллахабада.

Каша — вид высокого тростника, *Saccharum spontaneum*.

Каши — страна в среднем течении Ганги со столицей в Варанаси.

Кашьяпа (пали *Кассапа*) *десятисильный* — Будда, непосредственно предшествовавший историческому Будде Шакьямуни. В буддийской традиции признаётся, что Будда Шакьямуни — не единственный, а лишь очередной в преемственности будд, появляющихся в мире людей очень редко, спустя целые эпохи; каждому из будд приходится переоткрывать законы жизни существ во вселенной и способ избавления от тягостного существования. Все это было некогда известно, но впало в забвение, поскольку бренный мир — это место, где всё портится, в том числе и учение Будды.

Кашьяпа из Урубильвы — древний подвижник, имевший большую свиту последователей. Вскоре после Пробуждения Будда Шакьямуни обратил его вместе с его окружением в своих учеников.

Кимпурushi (пали *кимпуриса*), или *кйннары* (букв. *что за человек?*), — полуантропоморфные, полузооморфные существа, персонажи низшей мифологии. Изображаются по-разному, чаще в виде людей с конскими головами. В джатаках кимпуруши — идилически-кроткие и хрупкие создания, живущие в Гималаях. Они хорошо поют и танцуют, и охотники иногда отлавливают их и приносят к царским дворам.

Кимшука — дерево с красными цветами, *Butea frondosa*.

Клятва правдой (истиной) — В древней Индии было распространено поверье, будто клятва честного и добродетельного человека чем-то имеющим для него жизненно важное, великое значение может произвести сверхъестественное действие — остановить лесной пожар, залечить рану, исцелить от укуса кобры и пр.

Кошала — страна в среднем течении Ганги, расположенная вдоль реки Сáraю, одно из могущественных государств во времена Будды.

Царь Кошалы — Прасэнаджит, современник Будды.

Кубджоттара — ученийшая из мирских последовательниц Будды.

Кунáла — Бодхисаттва, птичий царь, главный герой Джатаки 536.

Куравака — растение с красными цветами, *Amaranthus*.

Кúру — область в районе нынешнего Дели и название жившего там племени.

Кúша — трава *Poa cynosuroides* с острыми листьями, считавшаяся в древней Индии священной и употреблявшаяся в религиозных обрядах.

Кушáвати — столица страны маллов в верховьях реки Гандака.

Кшатрий — воинское сословие древнеиндийского общества. Не считая сословные различия чем-то существенным, ранние буддисты склонялись все-таки к мнению о мирском превосходстве кшатриев над брахманами, поскольку выходцем из кшатриев был Шакьямуни.

Кшема — умнейшая монахиня, современница Будды.

Личчхавы — влиятельный кшатрийский клан, живший на территории нынешнего Бихара.

Магадха — сильное государство в древней Индии времен Будды; занимало территорию современного Бихара.

Магхаван (букв. щедрый) — одно из имен *Шакры*.

Мадра — народ и страна на территории современного Пенджаба, в междуречье Рави и Чхенаба.

Макушка бытия — иерархически наивысшая из непространственных областей «мира безобразных богов».

Малла — страна в среднем течении Гандака, близ границ современных Индии и Непала.

Мантра — ведийский гимн; магический заговор.

Мара — главный бог высшей из небесных обитателей «мира желаний», то есть «наслаждающихся чужими творениями». Он выступает искусителем подвижников, стремящихся к высшим небесным мирам «чистого образа» и «безобразного», а равно и тех, кто поставил целью обрести нирвану и навсегда выйти за пределы изменчивого бытия. Мара — олицетворение и высшее воплощение мирских наслаждений и власти. Именно он пытался помешать будущему Будде достичь Пробуждения, но не преуспел в этом.

Мартулы — группа богов ветра, связанных с Индрой.

Матали — божественный колесничий *Шакры*.

Маудгальяна, также *Великий Маудгальяна* — один из двух главных, наряду с Шарипутрой, учеников Будды. Традиционно считается лучшим мастером йоги. Друг Шарипутры — первого ученика Будды; дружбой Маудгальяны и Шарипутры символизируется необходимый для успеха на «восьмеричном пути» союз йоги и философского разума.

Машака — мера веса драгоценных металлов, примерно равна 4.5 грамам.

Меру — вселенская гора, то же, что Сумеру.

Митхила — столица государства Видеха; современный Тирхут.

Мригачира — парк в Варанаси.

Мриданг — барабан в виде бочонка, по которому ударяют с обеих сторон.

Наги — разновидность персонажей низшей мифологии, драконы (или змии) — оборотни, не всегда отчетливо отличающиеся от обычных змей. Живут на дне рек и озер, под землею, но выше области адов. Обитель их — Патала. Наги гневливы и в ярости могут сжечь или насмерть отравить своим ядовитым дыханием. Но они же великодушны и гостеприимны. Извечные соперники нагов — чудесные птицы супарны, постоянно их преследующие.

Нала — вид камыша *Amphidonax karka*, достигающего трех метров в высоту.

На́ндана (букв. *Отрадная*) — увеселительная роща Шакры на вершине горы Сумеру, где растут божественное гвоздичное дерево, коралловое дерево, исполняющее желания дерево и иные диковины растительного мира.

Небесные девы — См. *Апсары*.

Небожители. — См. *Боги*.

Незыбь (пали *Авичи*) — лютейший из буддийских знойных адов.

Нирвана (пали *ниббана*) — окончательный итог духовного развития в древнем буддизме, понимаемый как вечное освобождение от рождения, смерти и убожества благодаря отбрасыванию приводящих к этому причин.

Нишадец — представитель полудикого лесного народа охотников и рыболовов, не индоарий.

Обеты — пять обетов добронравия, или пять заповедей: отказ от убийства, воровства, прелюбодеяния, лжи и употребления опьяняющих напитков.

Обитель Тридцати Трех богов — второй снизу уровень «небес мира желаний», расположенный на вершине горы Сумеру.

Обязанности царя — таковых десять: быть щедрым, нравственным, готовым к жертвам ради чужого блага, безгневным, никому не вредить, быть терпимым, прямодушным, кротким, самообузданным, уступчивым.

Пáндит — умный, ученый человек.

Панча́лы — племенное объединение и царство в междуречье Ганги и Ямуны, южнее нынешнего Дели.

Панчаши́ккха — царь гандхарвов (см.).

Плод (в необыденном смысле): 1. Последствия человеческих деяний, переживаемые после смерти. Так, плодом убийства может быть попадание в ад или же смерть от руки убийцы в одном из будущих существований. 2. Результаты прохождения буддийским «восьмеричным путем», то есть устойчивые позитивные изменения духа в сторону успокоения инстинктивных поведенческих программ. Насчитывается четыре таких плода; каждый последующий означает большее духовное достижение по сравнению с предыдущими: а) плод прорезавшегося слуха. Его человек обретает, если в нем появляется стойкое понимание «арийских положений», благодаря чему все мирские начинания и ценности в огромной степени утрачивают свою привлекательность. «Обретший слух» индивид никогда более не рождается в тягостной форме — ни в аду, ни животным, ни несчастным голодным духом. В джатаках многократно упоминается о достижении слушателями Будды этого уровня; б) плод возвращения

единожды и в) плод безвозвратности. Взошедшим на эти ступени людям требуется лишь одна человеческая жизнь (соответственно, ни одной) для обретения святости. Такие индивидуумы они характеризуются весьма малой подверженностью гневу и страстям, возрастающей стойкостью, невозмутимостью, свежестью восприятия и непосредственностью; г) плод святости (архатства) — окончательный итог духовной практики в древнем буддизме. Святые навсегда справились со своими инстинктивными программами, в том числе освободились от жажды жизни.

Правāрана — церемония возвращения монахов к обычному странническому образу жизни после периода муссонных дождей, во время которого странствия поневоле прекращались. Совершалась в полнолуние или новолуние.

Праведные деяния, или *благие деяния*, — десять аспектов нравственного поведения и отношения к миру: отказ от убийства живого, от воровства, от прелюбодеяний (триада благих телесных действий); воздержание от лжи, клеветы, грубости и пустословия (тетрада благих речевых действий); неподверженность жадности, враждебности и вредным воззрениям (триада благих мысленных действий).

Прасēнаджит — современный Будде царь Кошалы.

Приянгу — растение, служившее сырьем для изготовления дешевых благовоний.

Пробужденный, точнее *Пробудившийся* — буквальный перевод слова «Будда» (санскр. и пали buddha).

Пробуждение — преобразование человека, характеризующееся устранением всего инстинктивного, бессознательного, эгоцентрического, а также обретением ряда сверхобычных способностей и знаний. Пробуждение кладет конец обычному мирскому существованию в череде рождений и смертей.

Пробуждение-для-себя — *Пробуждение*, достигаемое своими силами, без помощи Будды или его последователя, т. е. «своим умом». Это понятие введено в буддизме из теоретической добросовестности, чтобы признать за человеком возможность избавиться от круговорота рождений помимо буддийской традиции. Однако пробужденный-для-себя не обладает ни умениями, ни силами, чтобы научить этому других. Считается, что до появления в мире Будды Шакьямуни древние провидцы, т. е. индуистские святые, в лучшем случае достигали пробуждения-для-себя. Это состояние противопоставляется, с одной стороны, святости, то есть конечному результату совершенствования под руководством учителя (Будды или ученика Будды), а с другой — истинному всепробуждению, которого достиг исторический основатель буддизма.

Прорезывание слуха. — См. *Плод*.

Путь — метод духовного преображения. Буддийский путь имеет восемь аспектов: 1) правильное воззрение, то есть понимание арийских положений и принятие их в качестве жизненных ориентиров; 2) правильное намерение — стремление освоить путь; 3) правильная речь — отказ от лжи, клеветы, грубости, пустословия; 4) правильные поступки — отказ от убийства, воровства и похотных проступков; 5) правильный образ жизни; 6) правильные усилия — непрестанное старание совершенствоваться; 7) правильное памятование — бдительное, непрерывное и ненавязчивое самонаблюдение и 8) правильная собранность — тренировка в буддийском созерцании.

Пушья — одно из созвездий лунного зодиака; соответствует части созвездия Рака.

Раджагриха (пали *Раджагаха*) — столица государства Магадхи.

Раху — демон солнечных и лунных затмений. Согласно мифу, когда во время пахтанья океана из него выступила амрита (нектар бессмертия), боги отняли ее у демонов. Однако Раху, приняв личину бога, смог пригубить амриту; в этот миг солнце и луна ярко засияли, и боги обнаружили обман. Вишну отсек голову Раху, но амрита уже успела проникнуть в глотку, и голова осталась бессмертной. С тех пор отрубленная голова гоняется по небу за солнцем и луной и порой глотает их.

Рāхула — сын Сиддхартхи Готамы, родившийся незадолго до того, как тот покинул дворец и ушел упражняться в йоге и размышлять, дабы обрести пробуждение. Впоследствии принял монашество под началом отца и стал святым. *Мать Рахулы* — бывшая жена Сиддхартхи Готамы в миру.

Савитри — священнойшая из всех строф вед, также именуемая мантрой *гаятри*. В трех своих строках содержит обращение к солнцу. Правверный индуист должен читать Савитри на восходе каждого дня.

Сāкала — столица царства мадров на территории современного Панджаба, отождествляемая с Сиялкотом.

Сакéта — крупный город на территории нынешнего штата Уттар-Прадеш.

Сал, саловое дерево (санскр. *шала*) — дерево *Vatica robusta*, дающее ценную строевую древесину.

Сангха — буддийская община монахов.

Сансара — в индийских философиях тягостная череда существований, унылое и в принципе неудачное воспроизводство все одного и того же. Положить сансаре конец — цель почти всех духовных традиций Индии, в том числе и буддийской.

Сантāна — сказочное дерево, растущее в роще Нандане на вершине горы Сумеру.

Сверхзнания — пять сверхобычных способностей, иногда обретаемых йогой: ясновидение, яснослышание, память о своих прошлых рождениях, чтение чужих помыслов и видение, куда попадают умершие после смерти.

Сверхобычные способности — способность летать по воздуху, проходить сквозь стены и скалы, ходить по воде, умножать свои облики, принимать иной облик и т. п.

Святой. — См. *Архат*.

Сиденье дхармы — сиденье проповедника в помещении зала для слушания дхармы, имеющегося в буддийских монастырях.

Симбали — адский лес, где растут мечи и копья.

Ступа — буддийское культовое сооружение пирамидальной либо куполообразной формы над мощами Будды, святого, над какими-либо реликвиями и пр.

Суджа — супруга Шакры.

Судхарма. — См. *Благого Закона божественный чертог*.

Сумэру — высочайшая гора, являющаяся, по традиционной буддийской космографии, осью Вселенной.

Сунакиштра — современник Будды, был монахом, но затем отрекся от Будды. Отличался упрямым, вздорным характером и не блистал умом.

Сутра (пали *сутта*) — важнейший из жанров буддийской канонической литературы. Содержание сутр весьма разнообразно, но обычно в них описываются беседы Будды с учениками и сторонниками и события, при которых беседы имели место. «Корзина сутр» — второй большой раздел буддийского канона (см. «Три корзины»).

Тáгара — растение *Tabaernamontana* *согопаг* и изготавливаемый из его древесины благовонный порошок.

Такшашíла (пали *Таккасила*) — знаменитый в древней Индии центр учености и образования, совр. Таксила в районе Исламабада (Пакистан).

Тамаринд — тропическое вечнозеленое дерево семейства бобовых с желтыми цветами и съедобными для слонов плодами.

Татхáгата — один из титулов Будды. Сам Шакьямуни пользовался этим словом для того, чтобы отличить себя как смертного человека и себя как основателя Учения, как предельно духовно-зрелого индивидуума и образец для подражания. Если ему требовалось сказать, что он устал, он выражался просто: «**Я** устал», но если нужно было передать ученикам, что он же имеет духовные достижения, то говорилось: «**Татхагата** (и ни в коем случае не «**Я**»!) полностью освоил сверхобычные силы». Позже комментаторы придумали множество хитроумных толкований его, например «пришедший так (как все будды)» или же «достигший

таковости», то есть состояния предельной естественности, в котором «всё так, как есть».

Телесные приметы. — В древней Индии считалось, что по внешнему облику человека можно многое узнать не только о его душевном складе и задатках, но и о его судьбе. Знание таких примет было особым предметом древней образованности.

Тимбару — чилибуха, дерево с ядовитыми плодами — орехами, содержащими стрихнин.

Тиндука — плодовое тропическое дерево *Diospyros embriopteris*, родственник хурмы.

Тиравачча — неотожествляемый вид кустарника.

Три вида существования, или три мира — мир желаний, мир чистого образа и мир безобразного. См. *Вселенная в Боги*.

«*Три корзины*» (пали *Типитака*) — одно из распространенных названий буддийского канона, объясняемое тем, что писанные на пальмовых листах тексты складывались на хранение в корзины. К «Первой корзине» относится «Устав» (Виная), где даны правила монашеской жизни, перечислены проступки и наказания за них. «Вторая корзина» — «Сутры» — содержит записи бесед Будды и его ближайших сподвижников с учениками, представителями соперничающих учений и пр. В жанровом отношении помещенные в этот раздел произведения наиболее разнообразны и литературно значимы. Переведенные в данном издании джатаки также взяты из «Корзины сутр». Наконец, в «Третьей корзине» собраны позже составленные систематические трактаты.

Тулси — кустарник базилик священный.

Тхера — заслуженный, старый буддийский монах со стажем в монашестве не менее 20 лет.

Тягостные существования. — с буддийских позиций тягостно любое существование, но вовсе не потому, что так «есть на самом деле». Иными словами, следует искать ответа не на вопрос, «почему тягостно», а на вопрос, «зачем нужно считать, что тягостно». Считать любое существование тягостным нужно *для* того, чтобы стать архатом или Буддой, иначе это просто не получится. В обыденном же смысле имеются в виду ады, животное состояние и бытие голодным духом.

Уддалака — растение *Cassia fistula*, цветущее красивыми цветами.

Упосатха — регулярный религиозный праздник древних буддистов. Справлялся по первым, восьмым, пятнадцатым и двадцать третьим дням лунного месяца. В монашеском общежитии к этим дням было приурочено совместное покаяние в совершенных проступках против Устава. Миряне, особенно ревностные, принимали в дни *упосатхи* обеты, приближавшие их на время к монашескому состоянию.

Урубильва — местечко, неподалеку от которого Шакьямуни стал Буддой. Впоследствии называлось Бодхгая.

Устав — «Первая корзина» буддийского канона.

Утпалаварна — монахиня, современница Будды. Выделялась своими сверхобычными йогическими способностями.

Уттаранпанчала — находящаяся в северной (*уттара*) Индии область племени панчалов.

Учитель (с заглавной буквы) — титул Будды как основателя учения буддизма.

Ушинара — народ на территории современного Непала и царь этого народа; также имя одного из царей Варанаси.

Ушира — благовонный корень растения *Andropogon muricatus*, используемый в косметике.

Халэхала — страшный яд, возникший, согласно мифу, во время пахтанья океана.

Хлебное дерево — тропическое дерево с крупными съедобными плодами, достигающими в весе 15 кг.

Чайтья — культовое сооружение над мощами, реликвиями или саженцем дерева Пробуждения.

Чандалы (ед. ч. *чандал*) — низкая, презренная группа населения в древней Индии, стоявшая первоначально вне кастовой системы. Согласно традиционным брахманским взглядам, это потомки детей от запрещенных браков между брахманками и шудрами; в действительности же — неиндоарийское по происхождению население. Чандалы говорили на особом языке; есть свидетельства, что они отличались от высших каст и телесным обликом. Слово употреблялось также как бранное.

Чандра — месяц; бог луны.

Четырехчастное войско — древнеиндийское войско четырех родов: боевые слоны, колесницы, конница и пехота. Довольно рано такое деление армии устарело, так как колесницы вышли из боевого употребления, сохранившись лишь для торжественных выездов.

Шакра (пали *Сакка*) — обычное имя Индры в буддийских сочинениях. Царь богов «обители Тридцати Трех», живущий на вершине горы Сумеру.

Шакьи — кшатрийский клан в древней Индии, живший в верховьях реки Рапти. Выходцем из него был основатель буддийской традиции Готама Сиддхартха.

Шара — вид тростника *Saccharum sara*.

Шарипутра (пали *Сарипутта*) — великий ученик Будды, в школе тхеравада слывет первым буддийским философом. Метафорически именуется «военачальником дхармы». В джатаках отождествляемому в нем

персонажу неизменно приписываются большое мужество, глубокий разум, решительность; уступает он лишь Бодхисаттве.

Шесть чувственных небес — шесть небесных уровней «мира желаний», обитатели которых имеют те же органы чувств, что и люди, в отличие от более высоких небесных уровней, где обоняние и вкус отсутствуют вместе с их объектами.

Шибхи — народ на территории современного Непала и его царь, вошедший своей щедростью и самоотверженностью в пословицу.

Шравастхи — расположенная на реке Рапти столица древнего государства Кошалы.

Шраман — оставивший мирскую жизнь искатель истины и спасения, преимущественно не принадлежащий к традиционному брахманству. Нередко — буддийский монах. Шраманом Готамой обычно называли Будду небуддисты.

Элагала — кустарник *Cassia tora*, листья которого обладают слабительным действием.

Яккха (жен. *яккхини*; санскр. *якша*, *якшини*) — в джатаках демон-людоед, леший или водяной, соответствующий не якшам классической санскритской литературы, а скорее ракшасам (поэтому слово оставлено в палийском звучании). Иногда яккхи принимают почти человеческий облик, но отличаются от людей немигающими красными глазами. В представлении о яккхах слились, вероятно, мифологические образы и преобразованные впечатления древних индийцев от соседства с дикими лесными племенами иного расового типа, среди которых бытовало людоедство.

Яма — посмертный судья, правитель царства мертвых.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Джатака О СПОРЕ ПРАВДЫ С КРИВДОЙ (457)	23
Джатака О БОДХИСАТТВЕ-ВЕЛИКОМУЧЕНИКЕ (313)	26
Джатака О СОТВОРЕНИИ ЛЖИ 5 (422)	30
Джатака О ПЛОТНИКАХ-МОРЕХОДАХ (466)	36
Джатака О ДОБРОНРАВИИ (330)	41
Джатака О ЗМЕИНОМ УКУСЕ (354)	45
Джатака О ЖЕНСКОЙ НЕВЕРНОСТИ (374)	49
Джатака О ПОЧТЕНИИ К ШРАМАНАМ (391)	52
Джатака О РАБЕ-ЦАРЕУБИЙЦЕ (416)	55
Джатака О РАЗБОЙНИКЕ И ГЕТЕРЕ (419)	60
Джатака О БРАХМАНЕ-СЛЕДОПЫТЕ И ЦАРЕ-ДУРАКЕ (432)	64
Джатака О КАШЬЯПЕ МОХНАТОМ (433)	74
Джатака О ЖЕНЕ В СУНДУКЕ (436)	78
Джатака О НЕБЛАГОДАРНОМ ВОЕНАЧАЛЬНИКЕ (445)	81
Джатака О ГРЯДКАХ В ЛЕСУ (446)	86
Джатака О ЧРЕЗМЕРНОМ ГОРЕ (449)	91
Джатака О БЛАГОНРАВНОМ ЦАРЕВИЧЕ (462)	94
Джатака О ЛЮБВИ К РОДИЧАМ (465)	99
Джатака О НЕНАСЫТНОЙ АЛЧНОСТИ (467)	109
Джатака О БОЛЬШОМ ЧЕРНОМ ПСЕ (469)	115
Джатака О КЛЕВЕТЕ (472)	120
Джатака ОБ ОТРЕКШЕМСЯ ОТ УЧИТЕЛЯ (474)	126
Джатака О ДУРНОМ ЯЗЫКЕ (481)	131
Джатака О ЗОЛОТОМ ПАВЛИНЕ (491)	139

Джатака О МУДРЕЦЕ-ЧАНДАЛЕ (497)	146
Джатака О ЦАРЕ ШИБИ (499)	155
Джатака О СУПРУЖЕСКОЙ ЛЮБВИ (504)	162
Джатака О СЛОНОВЬЕМ ЦАРЕ (514)	166
Джатака О ВЕЛИКОДУШНОЙ ОБЕЗЬЯНЕ И ПРЕДАТЕЛЕ (516)	176
Джатака О НЕРАДИВОМ ЦАРЕ (520)	182
Джатака О ПОДВИЖНИКЕ И НЕБЕСНОЙ ДЕВЕ (523)	188
Джатака О ВЛЮБЛЕННОМ ЦАРЕ (531)	195
Джатака О ЦАРЕ-ЛЮДОЕДЕ (537)	218
Джатака О СТРАНСТВИИ ПО АДАМ (541)	253
Джатака О ЛЖЕУЧЕНИИ И БОДХИСАТТВЕ НАРАДЕ (544)	270
Повесть О БОЛЬШОМ ПОДЗЕМНОМ ХОДЕ (546)	295
<i>Палийские названия джатак</i>	396
<i>Примечания</i>	397
<i>Алфавитный глоссарий</i>	398

ДЖАТАКИ:

ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ О ПРОШЛЫХ ЖИЗНЯХ БУДДЫ

Перевод с пали А. Парибка и В. Эрмана

Технический редактор К. Шилов. Корректор Г. Журба

Издание подготовлено при участии «Культурного центра “Уддияна”»
(<http://www.uddiyana.ru>, e-mail: uddiyana@mail.ru)

МЭОО «Возрождение». 188710, Ленинградская обл.,
г. Всеволожск, Колтушское шоссе, 138.

Подписано в печать 21.03.2003. Формат 60×90 1/16. Усл. п. л. 26.
Печать офсетная. Гарнитура Антиква. Тираж 5000 экз. Заказ № 2666.

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор» Министерства РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.